

Анна Ломтева

Чужой праздник

Унылая и мрачноватая история о том, что никакие чудеса не сделают тебя счастливой, если ты привыкла быть несчастной.

На долю главной героини выпало немного чудес, зато много нездоровых человеческих отношений, обмана и самообмана.

И, как в обычной жизни, на вопрос "а потом-то что?" не будет никакого внятного ответа. Что-то будет, конечно. Куда мы денемся.

В тексте есть мат, описание употребления спиртных напитков, курения и секса. Всё это не являлось самоцелью, не обслуживает ничьи предпочтения и не оценивается с точки зрения морали.

Все персонажи являются вымышленными, любое сходство с реальными лицами, местами или событиями — случайно.

2015

Я сижу на тёплом бетоне и думаю бессвязные, бестолковые мысли. Знаю, что можно сделать небольшое усилие, сосредоточиться, и все эти невнятные фрагменты выстроятся во вполне разумное рассуждение, образуют какую-никакую логическую цепочку. Но я не хочу делать усилия. Размышления никогда не были моим главным занятием, думать я в общем-то и не умею, и знаю об этом. Всё, что я смогу выстроить у себя в голове, уже кто-то когда-то думал. Уже кто-то чувствовал себя стоящим у двери, или у кромки воды, или что там ещё полагается представлять, когда тебе предстоит решиться и сотворить глупость. Значительную, отборную, опасную глупость, которая вполне может закончить твою бестолковую жизнь.

Я думаю: в конце часто вспоминают начало. Осенью весну, в старости — детство. Наверное, это естественная потребность нашего разума — охватить взглядом всю историю, придать ей цельность и законченность. С другой стороны, в реальном мире вокруг нас нет никаких начал и концов, если не считать отдельные жизни. И даже в них нет никакой законченности, если уж на то пошло.

Я отпиваю прямо из бутылки терпкий, сладкий сербский «Вранац» и не глядя передаю бутылку налево. Чувствую, как рука другого человека хватается чуть выше моей, ближе к горлышку. Море и берег такие красивые, что слезы наворачиваются (или это от вина я размякла?). Глаз не оторвать от огней на другой стороне бухты, где теснятся вдоль берега все эти закусовые и рестораны, и ещё фонари уходящего вверх по склону парка, и фонарики на яхтах, которых уйма в порту там, дальше. Я сижу на бетоне, бетон тёплый, в кроссовках песок, чуть обгоревшие плечи чешутся.

— Ты о чём думаешь? — спрашивает Тео.

— О том, что в конце всегда вспоминают начало.

Я чувствую движение воздуха слева от себя — Тео плотнула и протягивает бутылку назад. Беру её, тяжелую, литровую — какая удача, что есть «Вранац» в литровых бутылках! Огни уже заметно плывут у меня перед глазами. Я делаю глоток, и ещё один, а Тео говорит сквозь зубы:

— Какой ещё конец!

— Какой-то, — капля вина выбегает у меня изо рта и стремительно ускользает вниз, оставляя на подбородке и шее влажный след. Это приятно. — В любом случае сегодня что-то закончится.

— Хуже нет, когда дурак ударяется в философию. — Тео выхватывает, почти выдирает у меня из руки бутылку. Я поворачиваюсь и вижу, как её черный силуэт на синем фоне ночи опасно покачивается надо мной. Мы находимся на дальнем конце волнолома, точнее сказать, на одном из гигантских бетонных тетраподов, образующих полосу хаоса вокруг ровной аккуратной формы самого волнолома. Слезать на тетраподы нельзя вообще-то. Совсем недавно волны смыли пару местных парнишек: вот они дурачились, перелезая по торчащим в разные стороны «лапам», и вот вдруг их нет. Ударила волна, смыла обоих вниз, в чудовищный лабиринт бетонных выступов и пустот, из которых сложно выбраться даже днём, даже трезвым.

— Эй, — говорю, — Если ты бутылку навернёшь, я тебя вслед за ней отправлю. И кстати, я не дурак, а дура.

— Да ладно, — Тео снова садится. Бутылка в её руке дразнит бликами на горлышке, на округлом плечике, где видна неровная линия соединения половинок. Я смотрю на бутылку со смутным ощущением несоответствия. Наконец, мне удаётся облечь его в слова.

— А чего это мы в Болгарии пьём сербское вино?

Тео фыркает и вдруг хохочет, и это очень неожиданно. Даже немного пугает. Я жду, пока напавший на неё приступ смеха не пройдёт. Огоньки перед глазами дрожат и плывут, под ногами ропщет и восклицает море.

— Ты же сама сказала брать это, — говорит Тео, утирая глаза и шмыгая носом.

— Блин, — в том состоянии, в котором я сейчас нахожусь, я уже не могу вспомнить свой ход мыслей двухчасовой давности. Ощущение несоответствия, кривости, ложного пути становится ещё сильнее, расслабленному безразличию приходит конец. Я пытаюсь отбросить тревогу, вернуться к лёгкости последних минут. Не всё ли равно, что мы пьём, в конце концов. Машинально я тянусь к заднему карману джинсов, но с неожиданной ясностью вспоминаю — там ничего нет. Я убрала всё — и блокнот, и огрызок карандаша — в рюкзак.

— Пора на берег, — говорит Тео. Я её понимаю: закат кончился, луны нынче нет, и не будет, а нам надо допить вино и ложиться спать.

— Прямо как в детстве, да? — я поворачиваюсь и смотрю на сидящую рядом женщину. Она вся, кажется, состоит из теней и мягких едва заметных отсветов. — Только тыходишь во вкус с какой-нибудь игрой, как уже пора баиньки.

Я вижу, как ползут тени на лице: Тео кривится. Слово «баиньки» её корёжит, разумеется. Ей вообще не нравится моя речь, раздражают мои манеры и не слишком восхищает моя внешность. Она бы предпочла с кем-нибудь другим сейчас пить вино. Вот бедолага — столько лет не может перестать злиться. А мне, так уж вышло, давно безразлично.

Видимо, всё дело в том, что, в отличие от Тео, я не возлагаю надежд на наш эксперимент и не боюсь его последствий. Это очень забавно, если так посмотреть: обычная дикая пьянка на бережку, после которой подружки-курортницы пойдут в свою съемную квартиру и упадут спать, чтобы на другой день мрачно курить на кухне, пытаюсь влить в себя кофе и переждать самый мерзкий похмельный период.

Но мы не подружки. У нас нет съемной квартиры, мы ляжем спать прямо на траве в парке, завернувшись в оба имеющихся у нас спальника, обнявшись для верности.

И совершенно неизвестно, где каждая из нас проснётся завтра утром.

Часть 1. Светка: ничто не будет уж как прежде

Глава 1.
1997

Осенью, в середине октября тысяча девятьсот девяносто седьмого года в семь часов вечера шумная группа ребят и девушек шла по неприветливой и грязноватой набережной большой реки, разделяющей надвое крупный мрачный город в дне езды от столицы. Судя по всему, это были студенты-первокурсники из одной университетской группы. Все семнадцати-восемнадцати лет, мальчики в коротких, бесполезных куртках, девочки — почти все на каблуках и с длинными распущенными волосами. И те и другие светят россыпями прыщей на щеках, разве что у девочек прыщей меньше (или они старательно замазаны косметикой).

Со стороны могло показаться, что они двигаются без цели. Просто бредут вдоль бетонного парапета высотой по колено, перекидываясь глуповатыми шутками, курят, смеются и вступают в короткие полусерьезные стычки, кончающиеся шуточными замахами и безобидной полудетской руганью. На самом деле один из парней шёл впереди, чувствуя себя чуть ли не настоящим лидером, потому что при помощи громкого голоса и уверенных интонаций убедил остальных «идти пить на лестницу», и теперь вёл туда остальных. Получасом раньше эта компания ввалилась, толкаясь и смеясь, в минимаркет на автобусной остановке (там сразу стало тесно, и запотели стекла), и один из них, хотя это был и не наш новоиспеченный лидер, собрал у остальных мятые купюры для покупки трех бутылок сомнительного спиртного. Бутылки были пластиковые, «полторашки», спиртное было — местное дешевое пиво. Того, что собрали, хватило также на пачку не самых мерзких сигарет.

Из-за окраин, с раскинувшихся на том берегу мрачных лесистых равнин тянуло ветром, не слишком сильным, но настойчивым и холодным. Ветер грубо взьерошивал стриженные макушки, лез ледяными наглыми пальцами за воротники парней, задувал под мини-юбки девушек, заставляя тех и других ёжиться и сжиматься, то и дело издавая полупритворные вопли досады, жаловаться и восклицать «Да пошли уже быстрее!». Конечно, никто быстрее не шёл.

Две фигуры выделялись на этом фоне. Одна из девушек была постарше и получше одета, высокая, привлекательная и без прыщей. Она единственная была не в курточке, а в хорошем теплом осеннем пальто, шапочке из фетра и кожаных перчатках. Юбку она предусмотрительно надела твидовую и длиной ниже колена, а голени защищали от холода сапожки с пряжками.

Кроме того, была ещё одна девушка — на вид младше других, почти подросток. Она тоже определённо не мёрзла, потому что была в плотных неказистых джинсах и мешковатой спортивной куртке, над застёжкой которой виднелся высокий воротник шерстяного свитера. Хотя она шла со всеми, смеялась со всеми и так же, как другие, иногда произносила грубоватые словечки, внимательный наблюдатель заметил бы два обстоятельства: остальная компания не очень обращает на неё внимание, а сама она старается держаться подальше от хорошо одетой красотки.

Внимательный наблюдатель, конечно, сразу сделал бы очевидные выводы: человеком, который неформально руководил группой (и который покупал спиртное, если уж на то

пошло), была девушка постарше. А девочка в джинсах если ещё не заняла низшую ступеньку иерархии, то была на прямом пути к этому.

Лестница — местный памятник архитектуры и достопримечательность — уже показалась из-за ближайших зданий, стоящих фасадом на реку. Пафосная восьмерка из ступенек и площадок с фонарями поднималась от идущей по набережной дороги наверх, на почти двухсотметровую высоту откоса к вытянутой центральной площади города и башням не очень старой и не слишком красивой крепости. Летом в хорошую погоду вид на лестницу и крепость кажется довольно привлекательным, открыточно-привлекательным (определенный угол зрения, определенное время суток, и вот он — заветный кадр, имеющий мало отношения к реальности остальные триста шестьдесят четыре дня в году). Сейчас всё было серо. Солнце и днём было скрыто за тучами, а теперь быстро темнело, крепость наверху уже казалась невнятной мрачной массой. Лестница выглядела грязной и разрушающейся, хотя на самом деле это не так, но осенние дожди и плохое освещение сделали своё дело.

Несколькими годами позже на откосе и башнях поставят подсветку, лестницу отреставрируют и вычистят дорожки, так что всё это место станет приятной прогулочной зоной. Но осенью тысяча девятьсот девяносто седьмого года тут, откровенно говоря, было мерзко. Однако студенты народ простой (за исключением, возможно, девицы в пальто), поэтому наша компания без сомнений устремилась к грязноватым метровым стенкам и тумбам. Некоторые из парней тут же запрыгнули на парапет и уселись тощими задами в хлипких джинсах прямо на крашенный бетон.

Одна из девушек, одетая особенно легко, жалобно заныла:

— Ну блиин, тут тоже веетер!

— Да вроде бы тут уже не так холодно, — бодро ответила девочка в джинсах.

— Да, ты-то у нас практично одета, прямо как моя бабушка, — заметила красотка в пальто, доставая пачку сигарет. Она не претендовала на «общак» из мини-маркета, у неё была пачка «Парламента», который очень явно не вписывался в бюджет всех остальных.

Остальные с готовностью заржали, но девочка не готова была сдаваться без боя, раз уж до неё докопались. Она сказала вызывающе:

— Одежда должна быть удобной и по погоде, остальное неважно!

— Да, по тебе заметно, — ответила, щелкая зажигалкой, красотка. — Издалека и не сообразишь, девочка ты или мальчик.

— Зато задница в тепле, — сказала девочка и, упреждая пошлые шутки, с явным удовольствием выдала сама:

— А то, знаешь, цистит мешает нормальной половой жизни!

Кто-то из девиц в мини-юбках оскорблено фыркает, но эта дуэль не требует вмешательства со стороны. Красотка не обманывает ожиданий:

— Ты сначала найди чокнутого, который захочет от тебя половой жизни!

Все засмеялись ещё громче, девочка в джинсах пробормотала «да пошла ты...» — но её час ушёл, всем уже плевать. Они столпились вокруг паренька в джинсовой куртке, который откручивает крышечки с бутылок. Ребята и девушки тянутся за пластиковыми стаканчиками, толкаются, топают ногами, чтобы не мерзнуть. Кто-то открывает купленные в мини-маркете сигареты, пачка идёт по рукам («Эй, а мне!» — кричит девочка в джинсах, — «Да на, не ори» — сует ей пачку сутулый парень в трикотажной шапочке, какие непочтительно именуют гондонами).

Через несколько минут всё устаканилось, в том числе в буквальном смысле. Все получили по пластиковому стаканчику с пивом, были открыты большие упаковки чипсов с резким сырным запахом и сухариков, гордо сообщающих, что они «со вкусом копченых ребрышек», но на самом деле это обобщенный вкус чего-то жареного и соленого. И следующие полчаса эта компания мирно пила под холодным ветром холодное пиво, закусывая скудной закуской, обсуждая нормальные студенческие темы — лекции, конспекты, лабы и коллоквиум, который вот-вот грянет на днях, а также кто с кем, где, когда и почему. Девушка в пальто пьет мало, зато слушает внимательно. Она уже стала старостой группы, как до этого в школе несколько лет была старостой класса, и у неё есть дальнейшие планы. Девочка в джинсах её несколько беспокоит, потому что вопреки ожиданиям и прежнему опыту она не оказалась туповатой троечницей, чудом пролезшей в группу из-за низкого конкурса. Нет, эта девочка, самая младшая в группе и явно выросшая в бедной семье, неожиданно очень хорошо учится — и дружит... нет, не дружит, конечно. Спит с одним из аспирантов кафедры, на которой им всем предстоит специализироваться через пару лет. Девочка в джинсах явно считает, что остальные не в курсе. Она попросила своего любовника не приходить к ней в учебное время и вообще не афишировать их знакомство. Она явно хочет побыстрее освоиться среди сверстников (почти сверстников — она младше всех минимум на год и остро чует эту разницу, хотя остальным плевать). Наша красotka немного досадует, что девочка не попала на недавнюю подначку. Что ж, и она пока придержит эту информацию, но кто знает — может, пригодится. Аспирант кажется её перспективным, а девочка довольно слабой конкуренткой.

Когда пиво было допито, снеки доедены, а девочки в мини окончательно замёрзли, компания засобиралась идти.

— А мы щас куда? — спросил сутулый парень в «гондоне».

— Ну, наверх же, — ответил другой, спортивного вида блондин.

Тут же заголосили наперебой девочки — ооой, неет, ну вы чооо, мы на каблуках же!

— И чо теперь? — с вызовом сказал спортивный.

— Тихо, Ваня, не бузи, — произнесла красotka, в очередной раз закуривая свой «Парламент». — Сейчас мы вернемся на набережную, пройдем чуть назад и окажемся возле конечной первого трамвая. На котором поднимемся без страданий и сломанных каблуков, да, девочки?

Девочки радостно согласились, парни поворчали для вида, но вот уже закончены препирательства и вся компания зашагала по растрескавшемуся мокрому бетону набережной.

А девочка в джинсах осталась стоять на ступеньках, держа в руках пакет с мусором и опустевшими бутылками.

Не то чтобы ей хотелось идти с ними. Она понимала, что для налаживания контактов это было бы правильно — пойти со всеми, по пути закинуть мусор в ближайшую урну (и не особо париться, если не поместится), продолжая болтать, пикироваться, жаловаться на холод уже вполне искренне, потому что после долгого стояния на месте даже её теплая одежда перестала спасать. Но нет, не очень хотелось ей идти с ними. Причин было больше одной (очевидной, в красивом пальто и с дорогой сигаретой в руке). Во-первых, она выпила чуть больше, чем стоило, плохо соображала и боялась повести себя глупо. Во-вторых, ей зверски

хотелось писать.

Она дождалась, когда компания скрылась за ближайшими зданиями, и медленно пошла в противоположную сторону. Здесь набережная как улица заканчивалась, и дальше справа был только откос: крутые косогоры, покрытые травой, кое-где пересеченные наклонными дорожками и утыканные редкими деревьями. Её цель лежала чуть дальше, где стояли в небольшой рощице бесплатные общественные туалеты и несколько мусорных контейнеров.

Последние сто метров до туалетов она пробежала чуть шаткой рысцой, закинула с разбегу пакет в контейнер (промахнулась, но не заметила этого) и забежала в общественный туалет. Ей здорово повезло, что там было не слишком нагажено, потому что в темноте и спьяну она совершенно не смотрела, куда встаёт. Всё, что её волновало — это переполненный мочевой пузырь. Когда тугая струя ударила в дырку в полу (а это был очень старый и примитивный туалет), у неё от облегчения едва не подогнулись колени.

(На следующий день, вспоминая произошедшее, она сказала самой себе, что неблагоразумным её поведение стало уже в этот момент, или даже чуть раньше — когда она летела в темный сортир, не глядя под ноги.)

Что ж, мало кому удалось прожить юность и ни разу не сотворить какую-нибудь ерунду. Особенно после обильной выпивки, особенно если до этого ты пила алкоголь только небольшими дозами.

Её ерунда как раз сейчас начиналась. Девочка вышла из общественного туалета поёживаясь, увидела пакет, который не долетел до мусорного ящика, и закинула его туда наконец. Потом сунула руки в карманы, посмотрела налево — туда, откуда пришла, и где несколько тусклых фонарей едва светили на фоне темной громады лестницы и силуэта башни над ней. Потом посмотрела направо — там было ещё темнее, зато там неподалёку начиналась одна из пологих асфальтовых дорожек, по которым можно было неторопливо и без значительной физической нагрузки подняться на площадь, к нормальному городскому освещению, автобусам и киоскам со всякой съедобной ерундой. Благоразумие советовало вернуться к лестнице и подняться по ней, под фонарями. Лень отвечала, что в знакомых с детства местах с ней никогда ничего не случится. И какой маньяк пойдёт обижать маленьких студенток в мешковатой одежде в такую погоду, в десятом часу вечера?

Ветер, гулявший вдоль реки, нашёл полоску кожи на затылке, между воротом свитера и аккуратной вязаной шапочкой с помпоном и бахромой (из-за этой шапочки девочка получила от одного из преподавателей прозвище «Балаган Лимитед», но оно, по счастью, не прижилось). Девочка дернулась, подняла плечи и снова посмотрела налево. Лестница была чертовски высокой, к ней надо было ещё возвращаться, к тому же там, на открытом месте, ветер дул сильнее, чем среди деревьев.

Решено. Девочка повернула направо и, не вынимая рук из карманов, зашагала вдоль откоса в поисках ближайшей дорожки наверх.

Дорожка нашлась быстро. На поверку она оказалась не такой уж пологой, но до следующей, как помнила девочка, идти было далековато. Тяжелый вздох, и она медленно пошла вверх, чуть клонясь вперед и стараясь не шататься. «Не так уж я много и выпила», — сказала она сама себе. Не так уж много, но достаточно. Навалилась усталость, стало жарко, в голове застучало. Еще пара десятков шагов, и она почувствовала, как волосы на висках стали влажными, а дыхание сбилось.

Девочка встала, выпрямившись, и посмотрела вверх. В нескольких шагах впереди

дорожка делала поворот на сто восемьдесят градусов и раздваивалась: одни ветвь продолжала подъем в гору, другая возвращалась назад параллельно склону. Эту возвратную часть от склона отделяла укрепляющая стенка из камня. Девочка подошла к ней и с некоторым трудом взгромоздилась на край, сказав себе, что отдохнет самую малость и пойдет дальше. Перед ней была небольшая прогалина, стволы и ветви расступались, открывая вид на тёмную реку, на которой не видно было ни огонька, и только очень далеко на противоположном берегу едва виднелись слабые моргающие искорки.

Наверное, она на мгновение закрыла глаза. Едва заметные искорки вдалеке дрогнули, расплываясь, и сильно зашумел ветер в облетающих кронах.

Собачник, любитель поздних прогулок, который спускался по этой дорожке через пару минут, не увидел никого, кто бы сидел на укрепляющей противоположной стене на повороте.

Глава 2.

Ощущение падения было как во сне. И как во время обычного пробуждения, стоило открыть глаза, как оказалось, что она очень неудобно лежит на спине и никуда не падает.

Есть старая студенческая шутка, что если моргнуть на первой паре, то потом можно сразу идти домой. Может быть, что-то подобное произошло и с ней?

Было сыро, жестко и очень холодно, вокруг едва светало, горло болело, а нос был заложен. «Вот я тупая, заснула на улице!» — подумала девочка, садясь. Тут же голова пошла кругом, а внутренности скрутило. Она была не на откосе, она не сидела на каменной стенке, вокруг не было ни дорожек, ни деревьев.

Под ней была сырая скамейка. Прямо впереди — незнакомая небольшая площадь, на которой под слабыми фонарями тускло блестели трамвайные рельсы. Ноги в промокших кроссовках стояли посреди большой лужи, и — о чудо! — рюкзак всё ещё был на спине, хотя тоже промок, кажется, насквозь.

— Япона мать, — прохрипела девочка, и тут же об этом пожалела. Горло заболело с удвоенной силой. Она подняла онемевшие от холода руки и принялась дуть на них, тереть и разминать, и через пару секунд зашипела от болезненных мурашек. В голове стоял туман. Она не очень понимала, где находится и ещё меньше — как могла туда попасть, и куда делись ночные часы. Могла она в беспамятстве подняться наверх и куда-то добрести? «Я вовсе не столько выпила, — подумала она, чувствуя нарастающую панику. — Я не могла забыть, если бы дошла до автобусной остановки!». Посмотрела на часы, увидела ошеломляющую половину восьмого и, побежденная паникой, вскочила со скамейки. Недоумение и страх требовали срочно куда-то бежать и что-то выяснить — ну, для начала, где она находится, например.

С этим оказалось просто. Остановка трамвая была в десятке метров. На столбе висела табличка с номерами трамваев и названием остановки — Парк Первого мая. Ей чуть полегчало. Она знала как минимум один из написанных на табличке номеров, двадцать седьмой, он проходил в том числе недалеко от её дома. Кажется, ситуация прояснялась: она поднялась на площадь, села на троллейбус, потом пересела на трамвай, но спутала направление и уехала в другую сторону. Вышла здесь, но было уже слишком поздно и

транспорт не ходил... Ей уже казалось, что она вспоминает, как стояла на пустой остановке, время от времени прыгая с ноги на ногу и потирая руки, потом ходила вокруг в тщетной надежде, что что-то приедет, а потом отчаялась и устала, и села на скамейку чуть-чуть отдохнуть.

— Вот же я дура, — сказала она шепотом, — Могла коньки отбросить от переохлаждения, — она вдруг услышала вдалеке характерный гулкий грохот идущего трамвая и несказанно обрадовалась. — Ну ладно, сейчас поеду домой. Ох.

Тут она представила, что ей скажет мать, и в лицо бросился невыносимый жар.

Трамвай подъезжал, громыхая и качаясь, а она стояла, даже не пытаясь смирить ужас и только моргала, чувствуя, как из глаз вытекают слёзы и бегут по щекам.

В трамвае оказалось тепло. Кондуктора не было, поэтому девочка помахала для вида проездным и плюхнулась на сиденье возле окна, прямо над работающей печкой. Минута — и её продрало крупной резкой дрожью от струящегося снизу теплого воздуха. Следующие полчаса она рисковала снова утратить из памяти: её мягко качало, от печки шло восхитительное тепло, колёса убаюкивающее стучали, поэтому она то и дело почти проваливалась в сон и с трудом выползала обратно, медленно моргая, жмурясь и поводя головой из стороны в сторону. Едва не проехала нужную остановку, но успела выскочить в последний момент, и пошла по своей улице, чувствуя себя очень странно. Как будто возвращалась откуда-то, откуда-то издалека, где была... долго. Между вчерашней студенческой пьянкой (или скорее жалким подобием пьянки) и сегодняшним тихим мрачным утром как будто пролегли дни.

«У меня болит горло и сопли, так что я простудилась, конечно. Может, температура. Я так себя чувствую из-за температуры.»

Она зашла в свой подъезд и ощутила секундное замешательство — какой этаж? Какая квартира? — тут же вспомнила всё необходимое и потащила наверх.

Её, конечно, с порога встретили неласково. Орать мать не стала (уже спасибо), просто смерила её с головы до ног ледяным презрительным взглядом и сказала:

— На учёбу сегодня не идёшь, я так понимаю.

— Я не могу, — покаянно сказала девочка, — Я, понимаешь, заблудилась. Не могла доехать домой. И простудилась, кажется.

Мать подняла брови в театральном, преувеличенном удивлении:

— Заблудилась ГДЕ?

— Ну, мам, — девочка кое-как вылезла из лямок рюкзака и принялась выпутываться из куртки, — Мы гуляли с группой на откосе. Ну, на Лестнице, ну знаешь.

— Вы *пили* на Лестнице, — тем же ледяным тоном уточнила мать.

— Ну немного совсем! — девочка справилась с курткой и теперь кое-как стаскивала с ног промокшие и грязные кроссовки. — Можно подумать, ты в семнадцать лет не пила вообще!

— Обо мне сейчас речь не идет! — мать повышает голос. Понятное дело, думает девочка неожиданно злобно, ты в семнадцать уже мной беременная ходила.

— Господи, да пива выпили немного, — говорит она, выпрямляясь. Горло болит уже совсем зверски.

— И ты так наакалась, что заблудилась в самом центре города.

— Ну нет же, — она вздыхает. — Я шла-шла до трамвая, устала, как собака. Потом

ждала долго. Ну и я просто забыла, что двадцать седьмой идёт не по кольцу, а дальше за реку. Ну перепутала, блин. И заснула в трамвае, ну просто от усталости. А вышла черт знает где, какое-то первое мая... уффф.

Она прислонилась к стене, чувствуя себя совсем больной и обессиленной. И жалобно сказала:

— Я там торчала на скамейке всю ночь, потому что ничего не ходит, а я боялась идти пешком, потому что я там ничего не знаю и не знаю, куда идти. И вот задремала. А потом проснулась, и сразу поехала назад. И теперь у меня температура и горло болит...

Взгляд матери как будто меняется. Она подходит и трогает лоб — и да, это сильный жар, следует команда «рот открой» — и да, горло всё красное, кошмар, быстро в постель.

Далее последовал обычный ритуал: большая чашка горячего чая с лимоном, и порошки антигриппина, и аскорутин, и шерстяные носки с насыпанной внутрь горчицей, и перцовый пластырь на нос, и горчичники на грудь и спину, и...

К полудню девочка уже крепко спала, и спала до вечера, потом встала на полчаса, чтобы съесть куриную лапшу и выслушать пару ласковых на этот раз уже от отчима, и снова залечь под процедуры, и снова спать.

Только на другой день, когда вызванный врач посмотрел-послушал-выписал больничный и ушёл, у неё нашлось время вспомнить всё, что она могла вспомнить, и обдумать — что же именно она вспомнить не могла. Она лежала на своей тахте, накрытая одеялом и покрывалом (клетчатым, любимым, подаренным бабушкой) и сквозь слабую головную боль пыталась думать.

Как минимум, её самую ужасно занимал тот факт, что версия, которую она сама себе проговорила, сидя на скамейке, и версия, которую она, не задумываясь, выдала матери, отличались в одной существенной детали.

Ехала она на троллейбусе, прежде чем сесть на трамвай, или шла пешком?

Она не помнила. Трамвай — да, она была почти уверена, что помнит трамвай, как и долгое безнадёжное стояние на остановке, но вот до этого...

Она лежала и раз за разом прокручивала события вечера: кончилась четвертая пара, они компанией вышли из корпуса, решали почти полчаса, куда идти и что пить. Потом покупали пиво и сигареты, снова спорили, начало смеркаться, они спустились на трамвае на набережную и пошли к Лестнице. Вот эта дура Настя до неё докопалась. Вот они с жаром ругают препода по прозвищу Лысый, изощряясь в нелестных эпитетах в адрес его внешности. Вот всё допито и они уходят, даже не заметив, что девочка осталась стоять одна.

Было не позже десяти, нет, честно говоря — было едва девять с четвертью, когда она протрусилась, набирая скорость, в сторону грязного темного уличного сортира, промахнулась пакетом мимо мусорки и спасла свой мочевого пузырь от повреждений.

Не позже половины десятого она присела на противоположную стенку и на секундочку — на мгновение! — прикрыла глаза.

Чтобы открыть их на скамейке, на незнакомой трамвайной остановке в чужой части города почти десятью часами позже. Потому что, говоря честно, если уж ты взялась честно говорить, не помнила она никакого чёртова трамвая, не говоря уже о том, что могло ему предшествовать после подъема на гору. Это не была долгая прогулка пешком, и это не был поздний троллейбус, этого, черт возьми, ничего не было вообще. Как будто она действительно перенеслась из одной части города в другую неведомой силой.

Голова болела, нос наполнялся мерзкими вязкими соплями, она с отвращением сморкалась, жмурясь от болезненной пульсации в голове — и начинала думать по новой.

В следующие несколько дней у девочки было очень много времени на обдумывание произошедшего. Она так и сяк крутила то, что помнила, но это ничего не меняло. Черная дыра размером в несколько часов и несколько километров не давалась ни с какого края.

Однако по мере выздоровления эта проблема словно бы теряла значимость, стиралась. Черное пятно не стало меньше, но как будто посерело с краёв, поблекло, стало всё больше выцветать, точно выгорать на солнце.

Девочка начала думать о насущном: коллоквиум, лабы, у кого взять списать лекции. Ей ежедневно звонил любовник, которому она не стала ничего рассказывать, ограничившись констатацией фактов: простудилась, лужу, больничный до выходных, нет, приезжать не надо — вдруг оно заразное. Ей звонила старая школьная подруга, которой она рассказала (додумав и присочинив) случившуюся с ней нелепую историю. Рассказанное как будто потеснило воспоминания. Такое с людьми случается сплошь и рядом, потому что история выгодно отличается от просто событий стройностью, логикой и законченностью (тогда как в самом произошедшем никакой логики и законченности не было).

Черное пятно как будто растворилось, оставив разве что легкую неприятную тень воспоминания. А что мы делаем с такими тенями? Мы говорим им — пошла к черту. Мы их вытесняем, старательно делая вид, что ничего такого не было, и со временем действительно забываем.

Через неделю девочку выписали с больничного, и она вернулась к учёбе. С настоящей радостью встретила любовника, с энтузиазмом взялась писать лекции и вперёд всей группы летела делать задания у доски. И на отлично прошла коллоквиум к досаде старосты Насти, которая всю неделю метко и очень смешно шутила по поводу «самой тепло одетой девочки».

В общем, наверное, эту часть истории следовало рассказывать от первого лица, потому что это моя часть. Но дело в том, что тогда за короткий срок произошло слишком много всего, и я даже не поняла, в какой момент перестала быть той, прежней. Свои первые города и первые любви сначала несёшь на вытянутых руках, как нечто хрупкое и волшебное, но потом городов стало пять, десять... много. А любви перестали случаться, остались в прошлом, и вместо них стали «отношения». Между вчера и сегодня ещё одна и та же ты, но в своём первом городе была уже совсем иная «она», чем я сегодня.

Я не помню, какая была. У меня были дневники, которые я вела с девятого класса и до двадцати с лишним лет. Потом появились соцсети и блоги, и бумажные тетрадки отправились в костёр — я забрала из них в свой блог только короткие текстовые зарисовки, которые единственно и казались мне ценными тогда. Я всё ещё помню факты: события, разговоры, отношения. Но уже совершенно утратила эмоции по поводу этого всего и не смогу сейчас ответить, почему говорила так или поступала этак. Спроси меня сейчас, и я честно отвечу, что эта девочка была очень наивной, хотя и интеллектуально развитой; очень асоциальной, хотя любила общение; очень погружённой в себя, хотя себя совсем не понимала. Забавным образом в юности наше Я так велико, и мы так близко держим его перед своим внутренним взглядом, что не можем толком его разглядеть. Некоторые проживают всю жизнь, упершись носом в своё огромное Я, глядя на жизнь сквозь его мутное

кривое стекло и даже делая это своей сильной стороной. Мне не очень повезло, моё Я в детстве и юности было слишком уж разбито и покорёжено. Эти кривые обломки как-то держались вместе, но увидеть сквозь них что-то похожее на реальность было сложно. Я жила в мире вражды, выживания, вечного поиска помощи и понимания, и однажды ко всему этому добавилось... Нечто.

И вот так вышло, что мне тогдашней, девочке Свете в мешковатой одежде, умной, но странной девочке, мама которой не знала (а только подозревала), что девочка спит со взрослым парнем, пришлось учиться жить, скрывая секрет посерьезнее. Куда серьезнее.

Кроме того, рядом с моей историей развивались другие. Иногда близко и одновременно, иногда где-то там, появляясь, пересекая или ненадолго пристраиваясь рядом. Одну из историй я слышала целиком, в обмен на мою, другие видела или читала обрывками, как это всегда бывает со знакомыми разной степени близости, с которыми встречаешься пару раз в неделю и следишь в соцсетях. С тех пор, как у нас появились соцсети, конечно. В общем, честно говоря, о себе семнадцатилетней я теперь знаю немногим больше, чем о женщине с дневникового сайта, чьи записи читаю ежедневно на протяжении многих лет — куда бы меня ни занесло. Ведь теперь везде есть интернет.

Сегодняшняя я, та, кем я себя ощущаю, появилась на несколько лет позже и совсем при других обстоятельствах. Поэтому я буду рассказывать о своей прежней жизни как о чужой, ведь меня уже почти ничего с ней не связывает.

Почти ничего.

Глава 3.

Это случилось и во второй раз, и в третий. Светка пила алкоголь, больше или меньше, в какой-то момент закрывала глаза, сморённая усталостью, и открывала их в другом месте. Во второй раз это случилось днём, и, проморгавшись, она обнаружила, что лежит на спине на скамейке в хорошо знакомом парке — только вот этот парк был в соседнем районе от того двора, где Светка вот только что пила джин-тоник с однокурсницами. Выпивали втроём, одна сказала, что хочет писать, вторая решила сходить в кустики с ней, и Светка осталась на скамейке возле дома, сказав себе, что пока их нет, я могу...

Подремать. Отдохнуть. Глаза слипались больше от недосыпа, чем от алкоголя. Девочки праздновали успешно сданный экзамен, которому традиционно предшествовали три или четыре бессонных ночи адской зубрёжки. Светка могла бы так и не надсаживаться, она была вполне готова на тройку и со скрипом на четверку, но ей нужна была стипендия. Желательно — повышенная.

И она получила свою пятерку, но в тот момент (момент, когда она увидела, где находится) ей было с высокой колокольни плевать на результат экзамена и даже на стипендию. «Опять», — подумала она. Села. Протёрла глаза. Помотала головой. Голова была тяжелая, за глазами болело, точно с похмелья. Она подняла руку с часами, с трудом сфокусировалась на стрелках и обнаружила, что на этот раз перемещение заняло не более получаса. Да и то, она не помнила точно, когда смотрела на часы в предыдущий раз.

В надежде на объяснение она огляделась вокруг, и ужаснее всего для неё стал вид чистого, ровного свежего снега вокруг скамейки. Ни следа, ни изъяна.

Очумевшая, потерянная, подавленная и одновременно возбуждённая, она почти бегом понеслась на ближайшую остановку общественного транспорта. Её раздирало желание поговорить с кем-то и страх, что за такие разговоры сдадут в психушку.

Первое, что она сделала, добравшись домой — позвонила бойфренду. И сразу спросила: — Ты когда-нибудь слышал про такое, что человек, скажем, выпил, а потом проснулся в незнакомом месте?

— Это ж сколько надо выпить, — ответил он. — А ты вообще где? Обещала зайти после экзамена.

— А, ну, мы тут... неважно. Я заходила, тебя не было. В общем, я уже дома. Вечером могу приехать...

Удачно сданная сессия давала ей право сказать «я ночую у Саши» и проигнорировать возможные вопли по поводу. Потому что мать не далее как месяц назад заявила — сдашь экзамены и хоть вообще дома не ночуй! Вуаля, подумала Светка, никто тебя за язык не тянул.

(И она опять стала думать о насущном, повседневном и привычном, вытесняя произошедшее. Или не произошедшее, а показавшееся, или там... приснилось. Чистый нетронутый снег вокруг скамейки был визуальным выражением невозможного, и Светка как могла отворачивалась от заснеженных палисадников. Впрочем, в городе очень быстро везде появляются следы)

Через две недели студенты вернулись на лекции. Выпивавшие со Светкой девочки смотрели странно. Она сказала, что ей внезапно стало плохо, и она ушла тошнить в кусты, а когда вернулась, их уже не было. Может быть, они поверили, но явно не до конца, и их едва наладившееся сближение остановилось. Староста Настя как будто что-то узнала (или правда узнала?) и снова начала зажигательно шутить в Светкин адрес. Но если в первый раз Светка реагировала — отвечала на колкость колкостью, а то и прямо посылала старосту на три буквы, то в этот раз она словно оглохла. Настины детсадовские приёмчики просто ничего не значили на фоне произошедшего. Оно было так велико, так необъяснимо, так чудовищно, что требовало что-то с собой сделать немедленно. И она сделала.

А именно — успешно заставила себя забыть. Ни разу не пыталась даже одним глазком глянуть в себя и спросить «а что было-то?». Наоборот, стоило ей вспомнить нетронутый снег вокруг скамейки, как она хваталась за что угодно материальное и несомненное, и изо всех сил *вживалась* в реальность. Именно тогда она начала таскать с собой всюду копеечный блокнотик и короткий, умещающийся в задний карман джинсов карандаш. Откуда-то ей запомнилась смешная картинка, на которой под лохматым человечком с огромным карандашом было написано «В любом непонятном случае рисуй», и она взяла этот принцип на вооружение. Просто открыть чистую страничку и начать рисовать что угодно. Препода, который поверх очков, задрав брови, разглядывает им самим написанное на доске. Руки соседа по парте — правая, усердно покрывающая тетрадный лист интегралами, и левая, теребящая колпачок от ручки... Она рисовала на автобусной остановке силуэты покрытых снегом деревьев, чувствуя, как немеют пальцы в дрянных перчатках. Рисовала чайник на плите, дожидаясь, пока тот закипит. Каждый рисунок связывал её с жизнью и заслонял то, небывалое.

Поэтому эпизод номер три обрушился на неё как волна цунами.

Если предыдущие случаи можно было сравнить с безобидным падением на попу, когда

поскользнешься на первом ледке, то этот... Можно сказать, она поскользнулась на краю крыши.

В общем, её подвело богатое воображение. Светка с раннего детства была начитанная, мечтательная и склонная к фантазиям девочка. Она почти одновременно с беглым чтением освоила нехитрое искусство рассказывать самой себе истории. Когда книга была по тем или иным причинам недоступна — в темноте, в транспорте, на скучном уроке (когда она ещё не наловчилась читать из-под парты или рисовать, положив лист бумаги на тетрадку), Светка говорила сама себе «а потом...» — и потом случалось всякое. Понятное дело, сюжеты своих историй она брала из того, что недавно читала, из любимых фильмов или мультиков. Иногда ей удавалось особенно ловко переиначить сюжет или сплести историю из книги и свою жизнь. Она играла героями, обстоятельствами и идеями, выстраивая вокруг себя — вокруг «неё» — окружение и заворачивая события как можно ярче и запутаннее. Рассказывая себе истории, она никогда не называла главную героиню «я». Это всегда была «она», которая, конечно, была лучшая версия её самой, что вполне логично и понятно. «Она» думала быстро, действовала смело, говорила красиво и справлялась со всем. «Она» попадала в самые невероятные переделки. Иногда ради сюжета «она» огорчалась, плакала и даже по-настоящему страдала, но недолго, потому что страдания — это скучно. Интуитивно Светка чувствовала границу, за которой сладкое чувство покинутости и понарошкового горя приобретало привкус вины и безнадежности, и избегала туда ходить. Этого и в жизни было навалом, а Светка именно от жизни и бегала туда, в своё прекрасное «а потом...».

Так вот, её подвела привычка к этим историям и небольшой, но привязчивый страх однажды попутать берега. Родители не знали о её фантазиях (или делали вид, что не знали. В их семье было принято игнорировать неудобные вещи). Она держала их в секрете и никогда не повторяла сделанной один раз по малолетству ошибки, когда играла историю вслух и её подслушала соседская девочка, ровесница. Это стоило Светке многих часов унижения и горького опыта: соседка три года шантажировала её, угрожая рассказать всем «что ты сумасшедшая», тем самым заставляя делать разные вещи — в основном, делиться всем, что ты интересуется, и гулять с ней во дворе, чего она бы в жизни не дождалась без такого мощного рычага. От шантажа Светка избавилась только с переездом. Соседка пыталась протянуть цепкую грязную лапку в будущее — шепотом пообещала, что если Светка не напишет ей письмо, она расскажет её бабушке, и тогда... Но тут уж Светка собралась с силами и сказала — да рассказывай, мне всё равно! Я скажу, что ты врешь! — и удивительно, как моментально сдулась нахалка. А Светка безрадостно размышляла потом, почему не сделала так раньше.

(Потому что в глубине души знала — стоит этой девочке *«рассказать правду»*, и ей поверят. Чужая девочка будет важнее и значительнее своей дочери, потому что в этот момент она станет, конечно же, гласом *общества*. Станет теми самыми людьми, которые *«а что люди подумают»*, перед которыми *стыдно*, которые мерило правильности всего. Светкина мать в ситуации выбора всегда выбирала чужих, потому что свои безопасны и бесполезны.)

Одним словом, она решила, что ничего не было. Если что-то непонятно, опасно или стыдно, об этом просто надо не думать, говорил ей коллективный опыт её семьи.

Сначала не думать было нелегко. Она то и дело хваталась за свой блокнот, а когда рисовать было нельзя — изо всех сил рассказывала себе какую-нибудь очень жизненную и

драматическую историю. Но после первой сессии её жизнь довольно сильно изменилась: Светка как бы ушла из дома. Формально она всё ещё жила с родителями. Её вещи лежали в том же шкафу, её книги занимали те же полки на гигантском общем стеллаже в коридоре, её стол стоял в маленькой комнате, как и её тахта. Но фактически то, в чём она ходила сейчас, зимой, и её учебные тетради, и её кассеты с музыкой, и всякая канцелярка, и расческа, и зубная щетка — всё тихо и незаметно переехало в неудобную, не очень чистую и довольно захламленную однокомнатную квартиру, в которой проживал её... ну, скажем так, её парень.

Они уже прошли этап самой сильной влюблённости, успели потрахаться в разных странных местах (в том числе, в одной из башен крепости зачем-то), посмотреть вместе какие-то типа важные фильмы и послушать какую-то типа любимую музыку, поговорить о каких-то типа важных вещах и даже — о боже, обсудить какое-то типа совместное будущее.

Светку моментами пугала серьёзность, с которой Сашка относился к этому всему. Та часть её личности, которая была старше её самой и выросла из чужого (по большей части, книжного) опыта уже понимала, что эти отношения не вечны. Говоря честно, даже едва ли продержатся ещё пару лет, и в самом оптимистичном варианте — до конца её учёбы в вузе. Она не проговаривала это даже самой себе, но чувствовала, что эти отношения несимметричны. Потому что Сашка с такой серьёзностью относился вообще ко всему: к своей работе и науке, например. К отношениям с вышестоящими, всеми этими кандидатами и докторами наук, доцентами и профессорами. Он серьёзно относился даже к юмору, и это пугало сильнее всего. Основное «я» Светки, которому было семнадцать лет, и которое нашло в Сашке почти всё, чего ей должны были, но не давали родители, старательно отворачивалось от этого страха. Но та, другая, часть в тринадцать прочитала собрание сочинений Мопассана и несколько вещей Моэма, а в четырнадцать — «Сто лет одиночества» (что повлияло на её взгляды самым странным образом), и эта часть теперь сильно напрягалась. Она знала, что вовсе не хочет прожить с этим человеком всю свою жизнь, вырастить детей и мирно выгуливать шпица в старости.

(В выпускном классе Светка выбрала сдавать обязательный экзамен по литературе не сочинением, а докладом-исследованием. Классуха, мир её праху, предложила исследовать Алексиевич. Светка прочитала «У войны не женское лицо» два раза — просто так и с закладками, сдала доклад на пять, помучилась кошмарами пару недель и сделала для себя ещё несколько печальных выводов относительно природы человека. Это не касалось напрямую отношений с мужчинами, но... как-то всё равно касалось.)

Сашка был *хороший парень*. В общепринятом смысле, поскольку с красным дипломом закончил вуз, поступил в аспирантуру и теперь очень увлечённо ковырял себе личную нору в обширном граните экспериментальной науки. Ему нравилось придумывать механизмы, устройства и приспособления для разнообразных издевательств над материей, и он готов был сидеть у себя в лаборатории с утра до ночи. Он не курил, умеренно выпивал и своей сдержанностью в общении производил впечатление воспитанного.

Знакомство со Светкой несколько сбilo его с пути истинного, но только временно. Как только их отношения определились и наладились, он тут же впрягся в привычные постромки. Лаба, ассистентские обязанности и рытьё толстых англоязычных журналов занимали большую часть его дня.

И Светку в целом это устраивало.

Для неё это был шанс получить, что называется, две горошки на ложку. У неё был парень, который, тем не менее, не маячил вокруг постоянно и не мешал её попыткам

социализироваться.

Конечно, такими словами она не думала. Она вообще в то время не обдумывала происходящие с ней процессы, зато очень много думала о своём положении в жизни. К сожалению, вместо того, чтобы подумать действительно о себе, то есть, о своих потребностях и перспективах, она думала о себе в глазах других. Если бы её спросили, она бы честно ответила, что не стремится сливаться с толпой, что ей хорошо одной и она, слава зайцам, самодостаточный взрослый человек. Про ровесников она привыкла думать пренебрежительно. В основном её высокомерие базировалось на осознании своей эрудиции и начитанности (и правда, начитанна она была даже чересчур), а также на хорошем, как она считала, воспитании (хотя это было совсем не так). Довольно долго ей было легко ощущать превосходство, потому что родители не слишком заботились о её будущем и пристраивали её, если можно так выразиться, туда, где она им не мешала, но находилась на глазах. Её школы, которых она поменяла несколько, были плохими во всех смыслах. Последняя (с чокнутой классухой) была на общем фоне ничего, но именно там Светку долго и со вкусом травили местные гопницы. Это было скверно, но в качестве вторичной выгоды поселило в ней необоримую уверенность в своём уме и интеллигентности. К тому времени доверия к родителям у неё не было даже на то, чтобы попросить купить прокладки. Она их или воровала у матери (а та, будучи трусливой ханжой, делала вид, что не замечает), или покупала на нерегулярные и скудные «карманные» деньги. Время от времени её искушала мысль о зачистке родительских кошельков (зачем таскать вещи, если можно стащить деньги), но она так ни разу и не украла у них ни рубля. И не из страха, а из брезгливости. По её представлениям воровство было уделом очень, очень жалких людей без капли чести. А она (думала Светка гордо) для себя хорошо понимает, что такое честь.

Собственно, эта самая честь очень сильно мешала ей в отношениях с Сашкой. Потому что он действительно был хороший парень, интеллектуально взрослый и с вполне определившимся характером. При этом эмоционально он был примерно младшеклассником, и даже не делал попыток осмыслить тот факт, что с ним живёт не взрослая и настроенная на семью женщина, а... Светка. Иногда она ловила себя на мысли, что он как будто игнорирует то, чем она реально является. Как будто упорно видит на её месте кого-то совсем другого. И что самое неприятное, она сама иногда начинала видеть на своём месте кого-то совсем другого. От этого делалось даже не страшно, а тошно.

Довольно сложно продолжать видеть в себе кристально чистую натуру, если в один прекрасный момент понимаешь, что, в общем и целом, в отношениях с парнем тебя держит только возможность жить в его жилые.

В середине весеннего семестра Светка уже так устала от Сашки и от себя рядом с ним, что почти готова была вернуться в родительскую квартиру.

Вот как раз тогда-то её и нашёл третий раз.

Глава 4.

С Сашкой вдвоём они выпивали редко и совсем немного. Он относился к алкоголю опасливо, потому что ничего в нём не понимал. Как и многие специалисты в области естественных наук, он был потрясающе образован в своей области и потрясающе же несведущ во всём остальном. В темной бездне его гуманитарного и общежизненного невежества высились острова классической музыки (мама-пианистка) и советского

кинематографа (дедушка-телемастер). Вина в их семье не пили. Женщины употребляли «сладенькое», ликеры или наливки, а мужчины — ну, мужчины пили водку или коньяк. В загородных поездках летом считалось нормальным выпить пива. Сашке крепкий алкоголь не нравился. Кроме того, покупать любой заметный объем и пить его в одиночку — рискованная идея, а Светка всю эту горючую гадость не любила тем более. Вино, особенно хорошее, стоило дорого, да и попробуй найди его ещё в те славные годы. Подростки и молодёжь наливались многочисленными сортами дешевого пива, а те, что побогаче, покупали алкогольные коктейли в алюминиевых банках. О, «Джин-тоник», ты навсегда в наших сердцах. После пива хотелось писать, после «джин-тоника» — блевать, зато между открытием банки и прогулкой в кустики тебе какое-то время было тепло и хорошо.

Сашка обычно покупал пару полулитровых бутылок светлого пива и чипсы. Иногда они выпивали прямо на улице, на откосе за университетским городком, но чаще шли домой, готовили какую-то еду и пили пиво за ужином, разлив его в странноватые граненые бокалы с ножками из цветного стекла.

Забавно, но это дарило непривычное ощущение значительности. Не просто еда, а трапеза. Приём пищи становился почти ритуалом. Смущаясь этих чувств, Светка всякий раз шутливо восклицала «Как в лучших домах Лондона и Парижа!», и каждый раз сама на себя злилась. Ей и правда нравилось, что у Сашки старые, с чуть потертой позолотой и ручной росписью тарелки, потемневшие от времени мельхиоровые вилки и ножи, эти вот мутноватые красивые бокалы. Чай они пили из тонких, «костяного» фарфора, чашечек с блюдцами, а варенье было налито в хрустальную вазочку с гравировкой в виде сложных лучистых звёзд. Всё это было старым, каким-то нежным и усталым, каждая вещь как будто смотрела на тебя искоса, бормоча про себя — ой, сколько я вас таких перевидала.

В Светкиной семье почти не было старых вещей. По причинам, тогда ей неизвестным и неинтересным, её старшие родственники всю жизнь носились, как сорванные листья, оставляя позади города, квартиры и вещи. Бабушка её была хорошей женщиной, но, по Светкиному мнению, бессердечной и равнодушной к комфорту. Она запросто тратила деньги на красивые ненужные вещи и так же запросто раздаривала, отдавала, оставляла при переезде, при том, что у неё могло годами не быть вещей совершенно необходимых. Единственное, что она таскала с собой везде, были книги. Быт во всей его сложности был для бабушки скучным источником беспокойства, и даже там, где можно было порадовать себя удобством и добротностью, она предпочитала «так как-нибудь», лишь бы не тратить время и силы.

Мать Светкина по этой причине с самого детства держала себя за пострадавшую сторону. Это ведь ей не додали комфорта, красоты и чистоты. Когда она получила возможность определять семейные траты и бытовые стратегии, она, что называется, оторвалась. Светка получала должное трудовое воспитание едва ли не с детского сада (во всяком случае, именно в детском саду она впервые оказалась перед тазом с мыльной водой и требованием отстирывать заляпанное краской платье с бабочками: умела напакостить — умей исправить, орала мать, и пока не ототрешь — из ванной не выйдешь). Бабушкина безалаберная жизнь, её принципы и правила были торжествующе задвинуты в маленькую дальнюю комнату, которую она делила теперь со Светкой. Светка, разумеется, имела большую обиду на то, что приходится вот так тесниться на головах друг у друга — родители-то шиковали в большой комнате с балконом. Только много лет спустя она впервые подумала о том, каково было бабушке до их разъезда.

Вот эти красивые бокалы и послужили причиной всему. Как-то вечером в апреле Светка и Сашка шли по вечерней улице. Тепло прошедшего дня ещё не ушло из воздуха, ветра не было, солнце оранжевым светом заливало улицу в просвет между домами. И была пятница. Это означало, что им не нужно было завтра рано вставать и тащиться в универ.

— Саш, а давай чего-нито вкусного купим, а?

— Смотря что, — Сашка усмехнулся своей фирменной хитрой усмешкой. — Мало ли, чего ты там захочешь. Кусочек жареной луны! — и он засмеялся своей шутке. Своей дежурной шутке, заметим.

— Хочу красиво выпить, как благородная дама! — заявила Светка. — А то чего мы всё время пиво да пиво, надоело уже. Давай вина купим, а? Красного. У нас и бокалы красивые есть ведь. Можно ещё сыр взять, я узнала, что надо сыр есть с мёдом, представляешь?

— Да ты что, он же солёный, — Сашка засмеялся, — Ты, милая моя, ерунду-то не неси!

— Иди в жопу, — обиделась Светка, — Я тебе говорю, я разговаривала с одной теткой... родственницей... Она в Европу ездит то и дело. Вот берут сыр, значит, режут кубиками, чтобы удобно было, на зубочистку накалывают и потом в мёд окунают. И так едят. Всё дело в том, что контраст образуется, и в этом весь смысл!

— Только тогда сама будешь выбирать, раз такая умная.

Светка была не против, хотя и не очень представляла, что её ждёт в магазине — в одном из первых крупных продуктовых универсамов, носившем гордое имя «Европа». Она там до этого не бывала, резонно полагая, что цены не на студенческий кошелек. Но Сашка решительно двинулся туда.

В вине она понимала немногим больше Сашки, но из книг знала про существование разных сортов, а также что белое вино пьют с рыбой и морепродуктами, а красное — с мясом, сырами и копченостями. Когда в магазине они остановились перед огромным стеллажом с бутылками, она зацепилась взглядом за знакомое слово — «мерло». Уверено взяла бутылку и прочитала:

— Вино красное сухое географического наименования... Вот. Нам надо такое.

— Это же кислятина, — сказал Сашка, — И я думал, что женщины пьют сладкое.

— Значит, я не женщина, — сказала Светка язвительно. — Ты сказал, что я выбираю. Вот я и выбираю!

Аналогичным способом она «выбрала» сыр. Придя в ужас перед прилавком, на котором были разложены куски, ломти, круги и нарезки невероятного множества сыров, едва не упав в обморок от цен, она сумела взять себя в руки и ткнула пальцем в самую маленькую нарезку пармезана.

— Он уже порезанный, — сказал Сашка, — А ты говорила — кубиками.

Подошла улыбчивая барышня в белом фартучке и чепце-наколке, спросила:

— Вам что-то подсказать?

— Да, пожалуйста, — от отчаяния Светка стала смелой и громкой, — Нам надо пармезан, вот такой, сто пятьдесят граммов, но одним куском, если можно.

Барышня в фартучке кивнула, вытащила из витрины большой кусок сыра и, не целясь, отмахнула узкий треугольничек. Кинула на весы: почти ровно. Завернула, потыкала в кнопки на весах и шлепнула на свёрток свеженький штрих-код. «Ничоси», подумала Светка. До этого она ни разу не видела весов, распечатывающих штрих-коды.

Оставив в магазине сумму, на которую они обычно полноценно питались пару дней,

Светка и Сашка пошли домой. Внезапная трата их не огорчила и не встревожила. Балансируя на грани нищеты и бедности, они привыкли к тому, что деньги появляются и исчезают. Сашкина мать то и дело подкидывала ему «материальную помощь» в виде солений, варений и консервов, поэтому, когда наличные кончались, они перебивались кое-как запасами крупы, консервов и чая, а в универ ходили пешком, благо жили близко.

Светкина мать иногда давала денег. Очень неохотно. Доступ к родительскому холодильнику ей пока не перекрыли, и формально она, всё ещё несовершеннолетняя, была на иждивении родителей, но... Рассчитывать на это было глупо.

Ещё глупее, наверное, было продолжать жить как попало, делая вид, что всё хорошо. Светкино совершеннолетие было всё ближе, и она то и дело вспоминала любимую угрозу матери: в восемнадцать лет выставить Светку с чемоданом за дверь. Но с другой стороны — что делать? Она ведь училась на очном отделении. На факультете, который считался хорошим и на специальности, которая считалась перспективной. Поэтому когда лучшая подруга советовала бросать вуз и искать работу, Светка сжималась от ужаса. Для неё, книжкой девочки, не иметь высшего образования было... невозможно. «Дворы будешь мести», — звучало в голове оглушающим, всепроникающим рёвом, — «На хлебзавод пойдёшь, на конвейер!». Позорно, чудовищно и невыносимо.

Вино оказалось странным напитком. Сашка, конечно, развел бурчание — я же говорил, кислятина, и запах кислый, фу, ну ты специалистка.

А ей скорее понравилось. Она долго качала бокал, принюхиваясь, разбирая на оттенки сильный, выразительный запах. Как будто чернослив. И малина. Как вино может пахнуть малиной? И одновременно как будто корица. И запах влажной земли, чуть ли не грибов — удивительно. От ленивой волны, облизывающей бокал, на стекле оставались маслянистые потеки. Светка осторожно наклонила бокал сильнее и вино коснулось губ. Жгучее, свежее, кисловатое, и сразу же как будто горячее. Светка поняла, что крошечный глоток весь разошелся по небу и языку, и потянула в рот чуть больше.

— Ну, как? — насмешливо спросил Сашка.

— А ты знаешь, — она облизнулась, прислушалась к ощущениям, — А мне нравится!

Никто не объяснял ей, что вино крепче пива. Они съели сыр с медом, остатки какой-то колбасы и хлеба, но этого явно было маловато. Когда Сашка вылил в бокалы последние капли, Светка вдруг осознала, что пьяна. Ей было очень хорошо: тепло, легко, весело. На столе ради романтики горели свечи, и в их теплом слабом свете юноша, сидящий напротив, казался очень красивым, очень добрым, почти рыцарем из сказки. Его покинул обычный сарказм, он тоже был доволен и расслаблен, и совершенно логично хотел продолжения вечера.

И она была не против.

После секса он сразу заснул, а ей спать пока не хотелось. Она повалялась, глядя на голую лампочку, призраком маячившую под потолком, прислушиваясь к ощущениям в теле. Тепло, мягко, лениво. Одновременно с этим ум её пребывал в беспокойном состоянии, заполненный какими-то невнятными образами и обрывками мыслей. Было ещё не очень поздно, в квартире было прохладно, поэтому, выбравшись из-под одеяла, Светка надела джинсы и рубашку, погасила свечи и ушла на кухню. На кухне она чаще всего занималась тем, что с натяжкой можно было обзвать хобби: рисовала Историю. Поскольку у неё не

было денег на более или менее приличные рисовальные принадлежности, она обходилась тем, что могла достать. Большую стопку писчей бумаги желтоватого цвета ей отдала бабушка. Предполагалось, что она будет использована для конспектов, но для конспектов у Светки всё-таки были дешёвые общие тетради. А желтая бумага и мягкий карандаш пошли на рисование Истории. Светка даже про себя мысленно никогда не решалась назвать своё творчество «комиксом». Она читала настоящие комиксы и понимала, что её кривоватые картинки на это название пока что не тянут. Но у неё был сюжет (сказочный, конечно), были персонажи (которых даже можно было отличить друг от друга) и кое-какое минимальное представление о раскадровке.

Она сняла с кухонного шкафа пачку изрисованных листов, разложила последние три, рядом положила чистый кусок бумаги и принялась намечать линии будущих кадров.

Как всегда, рисование затянуло с головой. Её совершенно не смущало, что линии получаются неровными, а пропорции персонажей нарушаются. Это всё равно были листы-наброски, приблизительная идея, которую потом предстояло перерисовать набело. Вино всё ещё горело внутри, удивительным образом придавая уверенности и свободы. Примерно через час Светка поняла, что у неё затекла спина и замерзли голые ноги. Всё ещё в сюжете с головой, она на автопилоте нашла и натянула потрепанные шерстяные носки и растоптанные тапки и снова села рисовать.

Она то замирала, уставившись в темное окно, пытаясь увидеть внутренним взором нужные линии, то бросалась рисовать, то терла ластиком, чтобы потом снова замереть с распахнутыми глазами в попытках поймать что-то неуловимое.

В какой-то момент ей показалось, что если она закроет глаза и сосредоточится, то сможет наконец поймать не дающийся чёртов кадр. И она закрыла глаза.

В темноте за веками плавали красные отсветы, вспухали и опадали серебристые волны. Светка посидела, безуспешно пытаясь собраться и выстроить картинку, потом опустила руки на бумагу, а голову на руки, вздохнула и задремала.

Глава 5.

Она летела во сне. Было очень холодно, под ней далеко внизу проносилась темная поверхность — вода? Земля? А впереди и наверху было ослепительное и одновременно темное небо. Как это бывает только во сне, ощущение тёмного менялось ослепительным сиянием там, куда падал её взгляд. Она летела, постепенно скорость становилась меньше, и наконец стало понятно, что внизу действительно вода, а впереди — рассвет, поэтому так ослепительны лучи, бьющие ей в лицо. Она захотела остановиться и остановилась. Вода простиралась, насколько было видно вокруг, и на мгновение ей стало страшно — она поняла, что потерялась и не знает, куда лететь дальше. Словно ощутив её страх, волшебная сила, державшая её в воздухе, начала истаявать, проседать, как паутина. Светка взмахнула беспомощно руками и провалилась вниз, вниз, вниз...

И с воплем села в сырое и холодное.

Пробуждение, обещавшее избавление от кошмара, мгновенно напугало едва ли не сильнее. Она сидела на мокрой лесной земле, раскинув ноги в домашних тапках, опершись руками в какой-то мелкий мусор. Вокруг из белесого утреннего тумана проступали

березовые стволы и голые серые ветки кустарников. Туман оставлял два-три метра видимости, за которыми всё сливалось в неразличимое марево, глухую белизну.

Светка дико оглянулась и завывала от ужаса. Это сон, это должен быть сон, надо проснуться. Она помнила, что если во сне упасть, то проснешься, это верный способ. Она кое-как поднялась, сделала пару шагов на спотыкающихся, затекших ногах и плашмя шлепнулась на землю.

Больно.

От удара из неё как будто вышибло дыхание, и она перестала выть. Несколько черных секунд она безуспешно пыталась вдохнуть или выдохнуть, потом ей кое-как удалось протащить в себя немного воздуха. Слушая хрип, с которым её легкие совершили вдох и выдох, она вдруг начала бояться иначе. Панический, абстрактный ужас ночного кошмара вдруг сменился вполне конкретным понятным страхом за свою жизнь. Следующие секунды она лежала, замерев, на холодной влажной земле, хрипло вдыхала и выдыхала, и думала только о том, чтобы продолжать дышать. Не орать, не дергаться, а просто делать вдохи и выдохи, обеспечивая своему замерзшему, местами ушибленному телу приток кислорода.

Наконец её слегка отпустило. Она подобрала под себя руки и ноги (земля была страшно холодной), встала на четвереньки. Тело тут же продрало крупной дрожью, ознобом, и одновременно заболела голова. Боль была смутно знакомая — за глазами, как от сильного зрительного утомления.

Светка зажмурилась как можно крепче и с усилием открыла глаза. Это должно было сработать, но не сработало: она всё ещё стояла на четвереньках где-то в лесу, среди тумана, в непонятном часу дня.

— Ладно, — сказала она вслух хрипло, — Ладно, ничего, сейчас я встану. — Она осторожно перенесла вес на колени, кое-как оттолкнулась руками и медленно выпрямилась. — Просто бывает такое явление, как потеря памяти. Мне надо к врачу. Я вышла из дома и куда-то пошла, но ничего не помню. — девушка кое-как встала на одну ступню, потом, медленно выпрямляя дрожащие колени, на вторую.

Посмотрела вниз. На ней всё ещё были домашние джинсы, старая фланелевая рубашка, рваные шерстяные носки и стоптанные тапки. Старые добрые клетчатые тапки на резиновой подошве. Её снова пробрала дрожь. Температура вокруг едва ли была выше десяти градусов, и Светка всё сильнее замерзала.

— Надо двигаться, — сообщила она сама себе и пошла... куда-то.

Позже она думала, что ей повезло. Места, где она оказалась, были в целом довольно обитаемыми. Но в частности из всех возможных направлений она выбрала то, которое буквально сразу вывело её к железнодорожной линии.

Она бы не пропала и пойдя в любом другом направлении. Крошечный лесок, в котором она пришла в себя, со всех сторон был окружен домами, тропинками и заборами, но выскочив к рельсам и оглянувшись, она моментально поняла, где находится. Взыв от облегчения, она бросилась направо, где в тумане маячило невзрачное зданье станции. Когда она уже подбегала к платформе, за спиной у неё длинно и тонко просипела подъезжающая электричка.

Надо себе вообразить, что могли подумать редкие утренние пассажиры, глядя на слишком легко одетую, грязную и запыхавшуюся девушку с дико взъерошенными длинными волосами, которая почти бегом проходила вагоны, пробираясь поближе к голове состава. Почему-то ей помнилось, что туда бегут безбилетники от контролеров.

Если бы она подумала получше, то сообразила бы, что электричка идет от далёкого районного центра уже больше часа, а до города осталось всего три станции, значит контролёры — если они были — как раз добрались до первых вагонов. Но думать она была не в состоянии. Она знала только, что её настигло необъяснимое, чудовищное нечто наподобие проклятия, забросившее её из теплой ночной квартиры на полупознакомую пригородную станцию. Наконец она обессилено плюхнулась на какое-то из сидений, прислонилась к окну вагона и зарыдала.

До города оставалось ехать примерно полчаса. В вагоне было относительно тепло, поэтому, прорывавшись и отогревшись, Светка поневоле начала думать.

Деваться было некуда, и она призналась себе — да, это опять случилось. Как в первый раз, после пьянки на Лестнице, и как во второй раз, после пьянки в чужом дворе.

«Но я же пила пиво с Сашкой столько раз, — думала она, пытаясь понять систему, выделить принцип, — Пиво и пиво. И ничего не случилось».

Слишком мало? Другое время суток? Но джин-тоник с однокурсницами был выпит среди бела дня. Никакой системы. Голова болела, снова трясло ознобом, и тоскливо сжималось всё тело при мысли о том, что из электрички надо будет вылезти в город, дожждаться автобуса и доехать...

Куда? От этой мысли стало совсем худо. Её любовник сейчас, очевидно, уже проснулся и обнаружил её отсутствие. Раскиданные по кухонному столу рисунки — он сначала разозлится, что она оставила бардак, а потом будет недоумевать, как она могла уйти рано утром, не разбудив его...

Был вариант поехать к родителям. Но что, бога ради, она будет врать, явившись субботним утром едва одетая, без ключей и в домашних тапках?

Оставалось только одно. Плохой выбор, но чуть менее плохой, чем все остальные.

Ехать к Таньке.

Выскочив из электрички, она сразу взяла резвый темп. Лавируя между хмурыми мужиками, тетками с сумками на колесах, какими-то угрюмыми малолетками и приезжающее-уезжающими гражданами с чемоданами, она проскакала козой подземный переход, не снижая скорости, вылетела наверх и рысцой понеслась к автобусной остановке. Тут снова повезло: подошёл большой рейсовый автобус, не по субботнему набитый людьми. Светка, отпыхиваясь, с разбегу нагло влезла в толпу и проскользнула на заднюю площадку. В толпе было тепло и почему-то сразу показалось, что всё нормально. Как будто и не было безумного пробуждения в лесу.

Она вдруг поняла, что неосознанно пытается повернуть то же самое, что в прошлый раз: отвернуться от произошедшего и сделать вид, что ничего не было. От ужаса её бросило в пот. Она стояла, прижатая к поручню телами других пассажиров, в икру ей вминался чей-то пакет, полный неизвестных твердых предметов, а из неплотно прикрытого окна поддувало. Утренний туман рассеялся, солнце просвечивало автобус насквозь, уличное движение шумело, слышался тадам-тадам едущего неподалёку трамвая. Всё было так обычно, как только может быть в утреннем рейсовом автобусе, идущем от вокзала куда-то в глубину спальных районов, а она стояла, между тем, в домашних тапках на шерстяной носок, фланелевой рубашке (кое-где мокрой и в пятнах) и драных легких джинсах.

Ничего было не нормально.

Светка закрыла глаза и стала думать, что она скажет Таньке.

Дело в том, что они поругались. Зимой, где-то между экзаменами, Танька позвонила почти ночью и принялась звать Светку «куда-нибудь выйти». Имелось в виду, что они наденут более или менее сексапильные шмотки и поедут в центр города, в один из небольших клубов с танцполом и дорогим бухлом, где тусуются студенты и не совсем нищая молодёжь. Там они пили по одному непомерно дорогому напитку, плясали и много-много болтали. Болтать под орущую музыку было странно, но почему-то сама атмосфера клуба (кто-то пьёт, кто-то танцует, кто-то пристаёт к другому кому-то) успокаивала, а темнота и шум помогали говорить.

Светка наотрез отказалась: до экзамена оставалось два дня, она проводила время, перемещаясь с пачкой конспектов и учебников из-за кухонного стола на диван и с дивана в сортир. Танька шепотом принялась орать (умеют же некоторые), что Светка эгоистка, думает только о себе, и вот когда в школе у неё были терки с матерью, она, Танька, Светку поддерживала изо всех сил.

То есть, шпаялась с ней по парку, скидывалась на пиво и делилась сигаретами. И выслушивала, ну да, чего там, выслушивала бесконечное Светкино нытьё насчет матери, отчима, несбыточной мечты стать художницей и прочего, что только может портить жизнь старшекласснице.

— А теперь мне нужна поддержка, и тут резко выясняется, что я тебе не нужна! Прямо у тебя эти экзамены решают вопрос жизни и смерти!

— Тань, ну мне стипуха нужна, ну чё ты не поймёшь! Я и так живу хер знает как, мать на меня орёт по любому поводу, Сашка всё время говорит, чтобы я к нему переезжала, а как? Я же несовершеннолетняя, вообще-то.

— Да, твои проблемы всегда важнее моих! — заорала Танька уже в полный голос, — Ну и нахер иди, без тебя справлюсь! — и трубку жажнула смачно, с дребезгом. О, эра стационарных телефонов, как с ними было весело ругаться.

Хрен его знает, что на неё нашло, думала Светка, покачиваясь вместе с другими пассажирами автобуса. Сто раз они мелко цапались, сто раз отказывали друг другу в помощи или сочувствии — по мелочи, но и тыщу раз помогали, служили одна другой жилеткой для соплей или голосом разума. Светка не могла вообразить, что такого срочного могло у Таньки случиться, что было важнее её сессии. Танька была совсем не такая, как Светка. Рано созревшая, уверенная в себе, полюбившая мужчин, тусовки, секс и алкоголь в том возрасте, когда Светка местами в ужасе прикрывала один глаз, читая «Жизнь» Мопассана, и мрачно спрашивала себя, как такое вообще имеет право на существование. Танька честно пыталась научить Светку тусоваться. Устраивала ей знакомства с парнями (эти встречи оставили у Светки только чувство неловкости и недоумения), водила с собой в эти самые клубы, учила краситься. Всё Светке было не впрок. Парни были тупые, косметика всё одно была недоступна, вот разве что в клубах можно было иногда попрыгать под быструю музыку. Если ещё выбирать те, где девушек пускали бесплатно.

Параллельно Светка ходила на подготовительные курсы, где краснела и бледнела на первой парте, умирая по молоденькому красавчику-ассистенту, который, конечно же, был недостижим, как луна.

В итоге после школы Светка поступила в университет (и заполучила ассистента ещё раньше, приложив удивительно мало усилий), а Танька пошла работать кладовщицей на

большой промтоварный склад — по знакомству устроили. У неё моментально появились деньги и бойфренд (охранник того же склада) и она съехала от родных, не дожидаясь официального совершеннолетия. С этого момента их пути стали всё сильнее расходиться, пока не случилась та самая ссора.

Автобус неуклюже вывернул на очередную мрачную улицу, на которой слева тянулись нескончаемые, как китайская стена, восьмиэтажные дома, а справа за линией гаражей был длинный пустырь. Светка кое-как выбралась на нужной остановке и пошла быстрым шагом, ища взглядом знакомую арку. Танька по счастью жила неподалеку от места, где два длиннющих здания сходились под углом, оставляя небольшой проход.

Домофона у них не было. Светка, уже снова дрожа от холода, протиснулась в темноватый подъезд, вызвала лифт и невольно судорожно вздохнула. Она так и не придумала, что сказать подруге, с которой не общалась три месяца.

«Просто поздороваюсь для начала, а там посмотрим».

Поздороваться у неё не получилось. Танька открыла дверь и Светка потеряла дар речи. Подруга была острижена почти под ноль, выкрашена в блонд и набрала, кажется, двадцать килограммов. На ней было красное трикотажное платье, а вокруг босых ног вился здоровенный рыжий кот.

Светка проморгалась. Танька подбоченилась и сказала:

— Ну, здорОво.

Светка сглотнула и ответила:

— Это... привет...

До неё дошло, что подруга вовсе не потолстела. Просто она была явно беременна.

— Заходи уж, — сказала Танька, ногой убирая кота в квартиру.

В квартире был бардак. На полу в прихожей валялась полуразметанная стопка газет и рекламных листовок. В дверь комнаты видно было разложенный диван, на котором смешались в кучу спальные принадлежности, одежда и книги. На кухне, куда Светка прошла вслед за подругой (не сняв своих тапок), стол был загромождён посудой и какими-то бумажками, на табуретке высилась стопка сложенных полотенец, а кот запрыгнул на подоконник и устроился среди цветов разной степени разрастания, засыхания и мумификации.

Танька взяла полотенца, переложила их на холодильник и кивнула — садись, мол.

Светка села. Потерла обеими руками лицо и сказала:

— Понимаешь, я, конечно, перед тобой виновата, наверное. То есть, я не знала...

— Угу, — Танька села на другую табуретку и к изумлению подруги взялась за пачку сигарет. — Я как раз тебе хотела рассказать, когда мы полаялись. Да забей. Я не в себе была вообще.

— Как же ты решилась... — Светке не хватило порошу закончить фразу. В её картине мира забеременеть в семнадцать лет означало крах всех надежд и конец света.

Танька закурила и спокойно сказала:

— А я всегда детей хотела, я тебе сто раз говорила.

— Нет, ну потом когда-нибудь, — слабо запротестовала Светка.

— А чего «потом»? — Танька толкнула пачку по столу к подруге. Светка, как зачарованная, взяла пачку. Она слушала подругу, а её руки как будто сами по себе вынимали сигарету, совали в рот, брали зажигалку и крутили колесико.

— Мужик есть. Нормальный пацан, ну ты видела его, работает, не бухает почти. Квартира тоже. Это вообще его мамыши квартира, но она теперь в деревне живет и возвращаться не планирует. А мне сейчас самое то в декрет идти, я как раз буду готовиться поступать, пока дома сижу.

— А куда? — Светка всё смотрела на свою едва тлеющую сигарету. После первой затяжки курить расхотелось, но и тыкать в пепельницу почти целую казалось расточительством.

— В высшую школу милиции. У них есть юридическое направление, я всё узнала.

Светка переварила информацию, но спросила невпопад:

— А ничего, что ты куришь? Не вредно для ребенка?

— Фигня, — сказала Танька, — Я прочитала, что плацента защищает. А чего ты приехала-то?

Светка снова посмотрела на сигарету. Подняла руку, затянулась, выпустила дым. Почувствовала знакомое легкое головокружение.

— Такое дело. — Она затянулась ещё раз. — Я, Тань, кажется, с ума сошла.

Как найти слова, чтобы рассказать о произошедшем? Она говорила, замолкала, повторялась и противоречила сама себе. Танька забыла про свою сигарету. С каждой минутой её взгляд менялся — насмешливый, раздраженный, настороженный, озадаченный. Испуганный.

— Свет, а вы чем закидывались? — спросила она наконец.

— В смысле? — Светка посмотрела подруге в глаза и увидела нехорошее. Взгляд этот был понимающим и недобрым.

— Кроме вина, — Танька наконец вспомнила про сигареты, потянулась за пачкой, — Курили что-то? — она подняла пачку, помахала для наглядности.

— Да нет же, блин!

Как найти слова? Подруга обдумала услышанное и сделала по-своему логичный вывод: что Светка с парнем что-то приняли и её нехорошо загнуло.

— Да не курили мы ничего такого. И не нюхали. И вообще. Я же тебе объясняю! Никаких там наркотиков. Да блин! — Светка почувствовала, как сжимается горло. Слёзы были близко, дай себе волю, и прольются потоки. Она сердито сжала кулак, треснула по столу и зло сказала:

— Не хочешь — не верь! Ты же меня сто лет знаешь. Я сама всегда была против... всякой гадости.

Танька неожиданно вздохнула, уронила пачку сигарет на стол и сказала примирительно:

— Ну ладно, допустим, чего делать-то будешь?

Светка тоже вздохнула. Если бы знать, что тут надо делать.

— Позвони своему, — Танька махнула рукой в сторону коридора, где стоял на полке телефон. — Наври, что у меня случилось... что-нибудь. Скажи, что приедешь через пару часов. Шмотки я тебе дам. И на такси.

Светка хотела сказать «спасибо», но вместо этого зажмурилась и стала пережидать мучительный спазм в горле.

2000

Ранним майским утром по набережной большой реки, делящей город пополам, со стуком и шорохом ехал старый прогулочный велосипед. Тощенькая девушка с усилием давила на педали, чуть пригибаясь к рулю. На ней были очень вытертые черные спортивные леггинсы, растянутая майка с абстрактным принтом из клякс и линий и кепка с рекламой местной телекомпании. Кеды на босу ногу и самодельный джинсовый рюкзак вполне вписывались в общую картину. Не вписывались только часы на руке девушки — если бы гипотетический наблюдатель успел заметить их за те мгновения, когда велосипедистка пролетала мимо. Часы были здоровенные, мужские, и по виду дорогие. Определенно слишком дорогие для того, кто едет на рассыпающемся реликте ушедшей советской эпохи и одевается в стиле «первое, что вывалилось из шкафа».

Часы Светка украла. Каждый раз, глядя на них, она мысленно говорила «я украла», и не испытывала по этому поводу ничего особенного. За прошедшие три года она сделала много разных вещей — глупых, опасных и аморальных, или смелых и правильных, призванных примирить её с тем, как повернулась жизнь. И ей удалось выйти из этой полосы в относительной целостности и сохранности. Всё, что она творила, то, как она себя вела и как поступала с людьми, было ей необходимо, чтобы удержаться в реальности. После того случая, когда она рыдала на кухне у подруги, а потом ехала в её одежде и в вызванном ею такси, после нервного и неприятного разговора с Сашкой, она приняла решение — одно из многих, которых ей не удалось долго придерживаться. Пусть она не смогла понять, что произошло и как, она точно знала, что всё дело в алкоголе, значит, с этого дня она не будет брать в рот ни капли. Она понимала, что это не может пройти незамеченным. Ей придётся избегать тусовок или выбирать те, где можно имитировать питиё. Ей придётся как-то объяснить своё решение Сашке. Слишком опасно даже пытаться пить чуть-чуть, потому что нет гарантии, что однажды этого чуть-чуть не окажется достаточно для очередного... «приступа».

Конечно, у неё ничего не вышло. Первые полгода она держалась негибато, как рельса. Она сказала Сашке, что у неё нашли аллергию. Она демонстративно покупала газировку для редких студенческих тусовок и не велась на подъёбки. Собственный день рождения она отпраздновала гранатовым соком, с очень серьёзным видом объясняя несколько удивленным родственникам, что её мозг слишком ценен для человечества, чтобы травить его спиртом.

Если бы проблема была только в этом, это была бы и не проблема вовсе. Отчасти Светку даже развлекала эта показуха, она радовалась возможности выделиться из массы и встать в позицию весёлого открытого противостояния.

Главный враг нашелся внутри неё.

Через пару месяцев после того случая, готовясь к очередному экзамену уже летней сессии, Светка вдруг поймала себя на том, что вспоминает. Она словно кино смотрела внутренним взглядом, проматывая вечер накануне, поздний час, рисунки, момент, когда её сморило от усталости за столом, и — то, что дальше.

Как она летела во сне. Как она проснулась в лесу, и паниковала, и бежала, и ехала в пустом вагоне электрички.

Она думала — я ведь оказалась не так далеко.

Она думала — если бы я была в нормальной одежде, было бы не так ужасно.

Она думала — если бы я была готова к тому, что произойдёт.

Она долго сидела в прострации, крутя в голове все эти мысли, когда в двери громко заворочался ключ, она подскочила от испуга и одновременно осознала, о чём всё это время думала, и главное — как. Она думала об этом с любопытством и без страха.

И она испугалась этого отсутствия страха.

С этого момента её жизнь, точно у запойного пьяницы, превратилась в мучительную борьбу с собой. Она то и дело ловила себя на обдумывании — как половчее подготовиться и проверить. А вдруг ничего не случится? А вдруг... случится? И ЧТО именно случится? Она продолжала отвлекаться рисованием, но с течением времени болезненное любопытство усиливалось, и никакие рисунки не могли его унять. Однажды подвернулось почти непреодолимое искушение. Сашка придумал ехать за город с палатками, договорился со своим приятелем, тот взял свою девушку — и вот они сидят ночью у костра, с одной стороны лес, с другой — гладь реки, все пьют глинтвейн, и она, махнув рукой на всё, тоже пьёт.

Она решила, что ляжет спать одетой, разложив по карманам паспорт, деньги и проездной. Но в результате просто не смогла уйти в палатку — и сидела у остывающих углей одна, а потом ходила туда-сюда, а потом пришел ранний летний рассвет и похмелье. Светка сложила костер заново и сидела возле него, глотая минералку и дожидаясь, когда проснутся остальные. Вернувшись домой, она проспала почти сутки, и с ней ровным счётом ничего не произошло.

Позже она пыталась решиться ещё несколько раз. Готовилась, надевала удобную одежду, раскладывала самое необходимое по карманам, и снова проводила бессонную ночь, чтобы под утро, трезвая, сонная и злая, тащиться на лекции или пытаться делать какие-то дела. После каждой такой попытки она творила какую-нибудь глупость.

Пошла с Танькой в клуб (Танька была на седьмом месяце, но ей это не помешало), а там совершенно трезвая и словно отстранившаяся сама от себя танцевала с мальчиком-стриптизёром. Мальчик деловито её лапал, сажал себе на бедро и изображал поцелуи. Её это ужасно развеселило, и в процессе очередного квази-засоса она взяла мальчика за уши и поцеловала по-настоящему. Публика радостно взвыла, а стриптизёр быстренько закруглил выступление, отвел её на место и скрылся за дверью в углу сцены к разочарованию пьяненьких студентов.

В другой раз она полезла на башню высоковольтной линии, поднялась почти на половину высоты и долго сидела там, коченея под ветром и провожая закат. В тот вечер она потеряла очередной блокнот, но заметила только через пару дней, прошедших в опустошении и внутренней тишине.

Очередной нарыв, приведший её в состояние безмерной злости на себя и весь мир, дозрел, когда она пришла в гости к однокурснице. В перерыве между выпивкой, курением на балконе и тупым смехом над плоскими шутками Светка зашла в соседнюю комнату и открыла первый попавшийся ящик стола. Там лежали часы, вот эти самые, которые пару лет спустя тикали у неё на запястье. Она сунула часы в карман и вернулась к остальным — никто ничего не заметил. Она ждала каких-то последствий, скандала, выяснений, но ничего не произошло.

Мысли о том, что могло бы случиться, что уже случалось, словно ели её изнутри. Светка училась, как никогда в жизни, чтобы отвлечься. Весь второй курс у неё были самые полные и аккуратные конспекты в группе. Она сдала очередную сессию на одни пятерки. Сашка сиял

от гордости за её успехи. Новый год они праздновали на главной площади, глотая розовое шампанское из горлышка бутылки, валялись в сугробах и катались с горок снежного городка, и всё время Светка чувствовала себя обманщицей, потому что могла думать только об одном — что случится, если сейчас она закроет глаза и позволит себе уснуть? Они вернулись домой под утро уже трезвые и легли спать, и опять ничего не произошло.

Можно сказать, что она как-то справлялась. Как-то держалась за постоянные рутины своей жизни, заполняя ими всё время и стараясь не думать вообще. Когда рутины кончались или кончались силы на них, она просто брала очередной лист бумаги и рисовала, что могла. Гору немытой посуды в раковине. Воображаемого персонажа. Вид из окна. Себя в зеркале. Узор из треугольников. На худой конец она просто заполняла весь лист спиральями, кружочками или волнистыми линиями, штриховками или точками. Пачки бумаги таяли, пачки изрисованных листов росли: на подоконнике, прижатая большим хрустальным салатником, на полке, втиснутая между конспектов, у ножки дивана в углу... Блокноты, заполненные уличными набросками, копились рядом. Светка почти закончила свою историю, свой графический роман, если можно было так сказать, но единственный читатель, Сашка, отреагировал скукой и советом не тратить время зря. Светка почти смирилась с тем, что рисование как бы шло по обочине её жизни, оттесняемое естественными науками и попытками приноровиться к совместному быту с мужчиной. Как курение, оно заставляло её чувствовать себя виноватой, и как курение, его невозможно было бросить.

Но в конце второго курса она случайно познакомилась с Горгоной. Горгона была из ролевой тусовки, училась в «худилище» и считала себя готкой. На концерте Башакова Горгона пыталась культурно поблевать в туалете, но потеряла контроль и упала на Светку, немного не дойдя до кабинки. Светка успела перенаправить Горгону в нужное место и подхватить мощный узел спутанных волос, норовивший упасть вперёд.

Это была, в сущности, любовь с первого взгляда. Горгона ещё никогда не встречала никого, кто был бы готов подержать ей волосы, пока она блюёт. Кроме того, Горгона как раз открыла для себя концепцию сестринства и идейной гомосоциальности. На ловца и зверь бежит: Светка, бледная от недосыпа и вконец озлобившаяся на себя, тощая и несчастная в целом и в частности, ей понравилась сразу и без сомнений. Отблевавшись, кое-как дойдя по стеночке до раковины и приведя себя в относительный порядок, она сказала:

— Я Горгона. Давай дружить?

— Я... Света, — сказала Светка, — Ты нормально? Ты как вообще?

— Я нормально, спасибо, — сказала Горгона. — Погоняло-то есть у тебя? Или ты из цивиллов?

— Я, наверное, да, — сказала Светка, — А ты?

Горгона поводила головой из стороны в сторону и ответила:

— А я в говно. Но это пофиг. Знаешь, что?

Светка не знала.

— Щас пойдём кофе выпьем. Тут варят в баре норм вообще. А потом пошли ко мне.

Светка кивнула.

Горгона попала в её реальность как камень в окно, мгновенно нарушив всякое подобие равновесия и вывернув наизнанку её представления о жизни. За пару недель она смогла сделать то, чего старая подруга Танька не добилась за несколько лет: убедила Светку, что

высшее образование нужно вовсе не Светке, а копии её мамы, которая сидит у неё в голове и мешает прямо посмотреть на свои желания и потребности.

— Кой черт ты вообще мать слушаешь? — спрашивала она. — Эта тетя хорошо устроилась, скинула тебя на шею твоему парню, да? И при этом ест тебе мозг, что ты ей по гроб обязана? А не охуела ли она, между нами говоря?

Горгона была страшная матерщинница, и Светка первое время заливалась краской стыда и не знала, куда девать глаза. Но признавалась себе, что даже это ей нравится в новой подруге. Горгона невероятно быстро заслужила её доверие тем, что была честна и открыта. Даже слишком, на Светкин вкус, но тут уж так: нельзя быть наполовину честным.

— Это всё равно, что быть слегка беременной, — со смехом сказала Горгона.

Поэтому Светка осмелилась показать ей свои рисунки и призналась в том, что мечтает быть художницей. И услышала, что нехуй время тратить на этот твой физический вуз, подруга. Я натурально отвечаю, говорила она, смоля Captain Black с вишневым ароматом, отвечаю, что тебе надо поступать к нам. Тебе надо с Юрьичем поговорить. Щас ещё вообще не поздно, хотя на курсы поздно, но нахера тебе курсы, ты и так поступишь.

К некоторому огорчению сидели они в этот момент на балконе в Сашкиной квартире. Сашка вышел к ним и сказал, что большей дури в жизни не слышал. Что одно дело рисовать какие-то закорючки на бумажках, другое — учиться на настоящего художника. И что она, Горгона — кстати, у тебя что, имени нормального нет? — так вот, она может заниматься любой фигней, но его девушка (он прямо придавил голосом эту «мою девушку») учится на «отлично» на сложной естественнонаучной специальности и вообще слишком умная, чтобы гробить жизнь на размазывание краски по картону.

Горгона смерила его взглядом и сказала, что он просто хочет власти, как все мужики.

Сашка набычился и сказал, что она просто чокнутая и не понимает, как живут нормальные люди.

Светка сказала, чтобы они перестали.

Потом она пошла провожать Горгону на трамвай и ни с того ни с сего рассказала ей про То Самое. Горгона выслушала молча. Потом довольно долго думала, глядя себе под ноги и вытянув нижнюю губу вперёд. Потом, услышав приближающийся трамвай, подняла взгляд и сказала:

— Завтра приходи к нам в училище, и картинки приноси. Натурально, надо тебя Юрьичу показать. А потом ещё всё обсудим.

Светка согласилась, просто потому что думала, что Горгона теперь не захочет общаться с ненормальной.

Она совсем не знала Горгону на тот момент.

Ранним майским утром двухтысячного года девушка на велосипеде подъехала к деревянной лестнице, спускавшейся к пляжу, и слезла с велосипеда. Вытерла запястьем влажный лоб, задевая козырек кепки, потом подхватила под раму свой дряхлый велосипед и медленно пошла по лесенке вниз, стараясь не задевать ступеньки колёсами. Внизу на пустом пляже виднелась одна-единственная человеческая фигурка.

Горгона сидела на расстеленном покрывале. Её велик, новый черный гибрид с амортизатором на передней вилке, валялся прямо в песке рядом. Тут же лежал рюкзак, на нём — альбом для набросков и весёленький пенал с «Хелло, Китти» на крышке.

Она приехала на берег на рассвете, чтобы набрать силы восходящего солнца. Горгона уже довольно давно (как ей казалось) сбросила с себя детскую шелуху увлечения готикой и романтикой смерти. В любом случае это было плохо совместимо с увлечением Толкином и эльфами. Одно время она пыталась затусить с Тёмными, но не зашло. К тому же в её жизни появилась... Да вот она, и правда появилась. Горгона помахала рукой. Девушка с велосипедом как раз спустилась на песок, скинула велосипед с плеча и помахала в ответ.

Горгона сидела и смотрела, как Эльявин тянет велосипед по песку. Ей хотелось встать и помочь, но она осталась сидеть.

Светка пыталась привыкнуть к своему новому имени. Имя было красивое и вполне в эльфийском духе, но совершенно чужое. Оно как будто не натягивалось на неё, а может, наоборот сваливалось, словно было на три размера больше. Она втихомолку завидовала другим девушкам из горгоновой тусовки — той, что звали Майра, и той, что звали Тиара, и той, которая решила, что она Тринити, и стала Тринити. Правда, её быстро обозначили Тринити Нагорной, потому что в другой части этого обширного пестрого сообщества обнаружилась Тринити Заречная, она же Подгорная. Светка-Эльявин ждала, что будет какая-то война за имя, но нет. Аналогично мирно сосуществовали несколько Воландов, парочка Арагорнов и так далее. Почти всегда у каждого из клонов было какое-то альтернативное (старое или параллельное) имя. Все они активно общались в интернете, на местном сайте-форуме, в аське, в каких-то чатах, о которых Светка имела очень смутное представление.

Её имя придумал Дракон. Этот длинный мрачный парень был лидером «арт-стаи». Арт-стаей себя гордо называли мальчики и девочки из художественного училища, которые тусовались более или менее вместе и держались чуть на отшибе от других группок. Не то чтобы очень. Не то чтобы это даже было сильно заметно невооруженным глазом.

Дракон ей не нравился, но она была ему обязана. Когда она забрала документы из универа и пошла поступать в художку, ей устроили два скандала: родители пообещали не дать больше ни копейки никогда. Сашка пообещал на порог не пустить и «видеть тебя не хочу». Она позвонила Горгоне, Горгона позвала Дракону. Дракон сказал:

— У меня есть пустая комната.

Светка сказала:

— У меня нет денег.

Дракон кивнул и сказал:

— У нас есть работа.

Она собрала вещи (Сашка молча, со скорбной мордой, наблюдал, но не пытался её остановить) и переехала к Дракону в почти пустую комнатку два на два метра. Из мебели там был матрас, занимавший две трети площади, книжная полка и пианино, отгораживавшее матрас от входной двери. Всего в квартире было пять комнат, и все чудовищно засранные. Дракон проживал там с матерью и сестрой, двумя котами и аквариумом. Аквариум и верстак Дракона были самыми чистыми местами в этом странном доме.

Несколько недель Светка ревела каждый вечер перед сном от горя и отчаяния, уверенная, что своими руками загубила всю свою жизнь, но потом её зачислили в художественное училище. Вечером они с Горгоной валялись на одеяле на остывающем песке городского пляжа, пили из горла вермут и болтали.

В какой-то момент Светка испугалась, что уснёт, но Горгона уже приготовила рецепт от этой беды. Она подтянула подругу поближе к себе, пристроила её лохматую голову себе на

плечо и поцеловала.

В этот момент Светка, слегка обалдевшая от такого поворота событий, невпопад вспомнила, что забыла у Сашки в квартире спизженные часы, и придётся идти их забирать.

Она не очень любила вспоминать ту ночь, но всё равно вспоминала всякий раз, когда они вдвоём оказывались на пляже. Сейчас она волокла велосипед по песку, тяжело дыша, и зачем-то врала сама себе, что её лицо горит исключительно от физической нагрузки.

Глава 7.

— Я тут нашла кое-что.

Солнце палило вовсю. Девушки давно ушли с открытого пляжа в тень под большие пирамидальные тополя. Пляж тем временем постепенно заполнялся горожанами, от утреннего покоя не осталось и следа. Сюда, в рощу, почти никто из взрослых не забредал, но иногда мимо проезжал какой-нибудь подросток на велике или пробегали дети помладше.

Горгона полезла в рюкзак и вынула чуть смятые листы бумаги.

— Распечатала несколько шпук, чтобы ты сразу прочитала, — она сунула листки Светке.

Светка присмотрелась: это были стихи.

— На нашем форуме есть раздел «Творчество». Там тысяч малолетние поэты, всякие духовидцы, энергеты и прочая шелупонь, ну, ты представляешь, — Светка кивнула, пробегая стихи по диагонали. Стихи были так себе — не совсем плохие, но скучные и заурядные.

— Я иногда хожу там, читаю, ищу странное, — Горгона протянула руку и ткнула пальцем в листки, — Вот такое.

— По-моему, это просто плохие стихи, — сказала Светка.

— Плохие, факт, — ответила подруга, — Но суть не в этом.

«А ссуть в песок» — подумала Светка, но вслух ограничилась хмыканьем.

— Понимаю скептицизм твой я, о мой юный падаван, — сказала Горгона, вытягивая листок у неё из пальцев, — Но вот послушай-ка внимательно!

Я как обычно прощаюсь, иду прочь.

Трамвай, дребезжа и качаясь, на гору лезет.

Закат переходит тихо в синюю ночь.

Никто не заметит, как именно я исчезну.

Трамвай дрожит и скрежещет на вираже,

Я лбом прислоняюсь к вибрирующему стеклу,

Почти не чувствую тряски и сплю уже,

И в этом сне я падаю в серую мглу.

Никто не заметил, как именно я исчез.

Ни шагу не сделав, ни слова не прошептав.

Когда я встану, вокруг будет сказочный лес,

И белый конь подойдет ко мне среди трав.

Я как обычно прощался и не сказал,

Что в эту ночь я ушел далеко, совсем.

Я сделал выбор и новый свой путь познал,

Теперь всё просто и нет никаких дилемм.

Читала Горгона хорошо. Даже слишком хорошо для такой ерунды.

— Ну и что, — сказала Светка, чувствуя, как в животе что-то скручивается. Точь-в-точь то ощущение, как когдаходишь в аудиторию и тянешь руку к разложенным веером билетам на столе экзаменатора, — Обычные фантазии про волшебное перемещение в другой мир.

— В других тоже есть тема внезапного исчезновения, — сказала Горгона, — Но тут самым явным образом. Автора этих гениальных строк на сайте кличут Тео Лог, я так понимаю, это у нас такой типа-интеллектуальный-юмор, — Горгона сунула листок обратно Светке. — Пол мужской, возраст двадцать два, локация НН-ск. Я ничерта не верю, что там реально парень, половина форумских парней на самом деле типа нас, — Горгона весело усмехнулась. Это была чистая правда. Очень многие девочки и девушки регистрировались на форуме под мужскими никнеймами и говорили о себе в мужском роде. Ничего удивительного, если учесть, как относились к тем, кто регистрировался под женскими.

Очень забавно (и жутковато) было читать злобные срачи, где друг на друга агрессивно нападали мачо-мэны, каждый из которых в реале — и Светка это знала точно — был старшеклассницей.

— И ты думаешь, что этот Тео пишет про свой реальный опыт? — спросила Светка.

— Я думаю, что есть такая вероятность.

Светка перебрала листки, прочитала ещё пару стихов. «Волшебство сработает в темноте». «Надо только пригубить бокал вина». «Проснусь в незнакомом месте навстречу дню». Это можно было понять определенным образом, если хотеть так понимать.

Горгона очень хотела ей помочь. Она ни на минуту не заподозрила, что Светка выдумывает, мистифицирует или сходит с ума. Она сразу решила, что попробовать ещё раз может быть слишком опасно, и она же моментально поняла очевидное: алкоголь срабатывает, если Светка засыпает. А раз нечто произошло и может произойти снова, значит, самый простой способ, не рискуя, узнать что-то об этом явлении — найти тех, кто с ним уже сталкивался. «Никто не признается», сказала Светка. «Мы найдём по косвенным признакам и прижмём к стенке», сказала Горгона.

Получалось так, что вот, она нашла по косвенным признакам, и теперь ей, Светке, придётся идти и прижимать к стенке.

— Для начала просто напиши, что стихи заинтересовали, — сказала Горгона. — Они на лесть падкие, эти творцы нетленки, стоит польстить — пиздец, прилепится как банный лист, и не отвадишь. Я просто зуб даю.

— Ладно, — сказала Светка нейтрально.

— Сейчас, — сказала Горгона и встала, — Ко мне поедем и напишешь.

Порой Светке делалось жутко от того, насколько сильную власть над ней имела Горгона. Природа этой власти была непонятна. Ни разу Горгона не сделала ничего, что бы причинило Светке не то, что боль, а даже значительную обиду. Всегда, когда они не сходились во взглядах и спорили чуть не до криков, Горгона умела остановиться и четко определить: вот тут у нас разница во мнениях, а вот тут мы сами, и нечего срачься из-за какой-то фигни. Она никогда не насмеялась, даже если обнаруживала Светкину младенческую невинность в каких-то областях знания или жизненного опыта, просто рассказывала или давала книжку. Книжек в доме у Горгоны было столько, что тот самый внушительный стеллаж Светкиных родителей как-то померк и съезжился, потеряв значимость. Светка осознала, что, хотя она очень много уже прочитала, важнее было то, как

много она ещё не прочитала. И о скольких авторах и книгах даже не имела представления. Горгона приглашала Светку на чай и просто в гости, и Светка, глядя на тот дом и тех родителей, сокрушающее быстро и отчетливо осознала, что такое настоящие «манеры», «воспитание» и «культура». Если бы речь шла о другом человеке, ей было бы очень стыдно. Но это была Горгона, поэтому Светка просто брала всё, что ей давали, и старалась не быть неблагодарной скотиной.

Короче говоря, будучи всего годом старше Светки, Горгона была неизмеримо круче по всем вычислимым показателям, но совершенно не делала из этого повод для самоутверждения. Она просто была рядом. Но иногда, в некоторые странные моменты, она брала Светку за виртуальную шкурку и бросала в воображаемую воду, и потом с удовольствием наблюдала, как Светка, отплевываясь и суча лапками, плывёт. Каждый раз Светка понимала, что вполне может отказаться и не делать то, что советует Горгона, но каждый раз делала. Так она поступила в худ-училище, ушла жить к Дракону и начала работать в Артели. И не пожалела... почти не пожалела. Почти ни разу. Вот разве что эльфийское имя...

— Ну что ты боишься, — сказала Горгона неожиданно мягко, глядя на неё сверху вниз. За ней сияло безжалостное майское солнце, обливая жесткими лучами её выразительную фигуру. — Переписка на форуме ни к чему тебя не обязывает. Если договоришься о встрече, я пойду с тобой. Даже если это внезапно окажется реальный мужик, в чём я сомневаюсь, я помогу тебе отболтаться.

— Да, — Светка встала, — Я так-то понимаю, но...

Горгона насупилась, подняла плед и принялась вытряхивать из него песок. Вытряхнула, сложила, кое-как упихала в рюкзачок.

— Если ты считаешь, что я слишком на тебя наседаю... — начала она.

— Да нет, нет! — Светка стремительно покраснела, — Ты права, чего тут такого. Просто, ну, наверное это странно, у человека же может быть просто фантазия и художественные образы, а тут я со своей безумной историей...

— Поверь мне, — сказала Горгона, поправляя лямки рюкзака, — Если автор этих стишков не совсем дурак, он будет прыгать от радости, услышав твою безумную историю. Даже если он просто обычный хреновый поэт с художественными образами.

Светка не видела причин верить, конечно же, но перестала спорить.

Горгона оказалась права насчет лесты. Вдвоём они написали осторожный, в меру присыпанный сахаром комментарий к стихотворению про трамвай. Светка придумала формулировку «что-то отзывается в глубине неосознанного». Горгона, умирая со смеху, дополнила намёком на родство душ. Немного попрепившись на предмет того, стоит ли «признаться» в своей склонности к писательству, они пришли к выводу, что это будет преждевременно.

— И потом, если я скажу, что я тоже поэт, мне придётся писать стихи, а я не умею.

— Стихи такого качества можно писать, не приходя в сознание, километрами, — ответила Горгона, нажимая на «отправить». Страница перезагрузилась и комментарий повис под текстом стиха.

— Ты, может, и можешь — сказала Светка, — а я больше по части закорючек. Для стихов у меня ума маловато.

Горгона издала губами звучный «пфффф», откинулась на спинку кресла и возвела очи горе (Светка подумала, что Горгона перепутала училища, ей определенно нужно было в

театральное), а потом повернулась к подруге и сказала:

— Ты иногда бесишь, сил нет.

Светка моментально начала краснеть. И чтобы перестать испытывать эти мерзкие чувства — вину, страх, обиду — бросилась в бой:

— Да, не все такие самоуверенные, как ты! Тебе, может, всю жизнь говорили, что ты лучше всех и всё можешь, а мне всю жизнь говорили, что у меня руки из жопы и пакля в голове!

— Ты же хорошо училась всегда, — удивилась Горгона, — И сейчас нормас.

— Ага! — воскликнула Светка и изобразила голос своей матери:

— «Не думай, что всю жизнь будешь на хорошей памяти выезжать! Надо учить и соображать, а не просто наизусть пересказывать!». — Она вдруг поняла, что вскочила с пуфика, на котором сидела возле Горгоного кресла и стоит, сжав кулаки, как будто драться собралась. «Блин, выгляжу как дура», — подумала она, плюхаясь обратно. Мрачно добавила:

— И вообще, я ленивая жопа и это... как его... халтурщица.

— Да мы все ленивые жопы, ты чо, — Горгона встала, потянулась, подошла к окну. Там всё ещё был жаркий майский день.

— Знаешь что, а поехали обратно, искупаемся?

— Да ну, вода ещё холодная, и народу толпа. Если купаться, так это надо ехать вечером, когда вся эта толпа с детьми рассосётся.

— Бедному Ванюшке всюду камушки, — рассеянно сказала Горгона. Постояла ещё немного, почесывая одним пальцем пробор на слегка взлохмаченной голове.

— Тогда... — Светка поняла, что в этой голове пошел творческий процесс. Горгона обернулась. — Тогда поедем рисовать. Поборем в себе ленивую жопу, сделаем по полсотни листов набросками.

— Ты с дуба рухнула, по полсотни! — засмеялась Светка.

— Я серьёзен как никогда, мой маленький друг, — ответила Горгона, и Светка поняла, что сейчас они и правда сядут на велики, поедут куда-то и будут делать наброски, пока не наберут по пятьдесят листов каждая.

— По двадцать, — быстро сказала она, вставая с пуфика.

— Договорились, по тридцать, — откликнулась Горгона, ковыряясь в нижнем ящике стола.

— Смотрю я вот на твою прекрасную задницу, — начала Светка, — и хочется мне...

— ...дать пинка, — подхватила Горгона, не оборачиваясь, — Но ты никогда этого не сделаешь, потому что я твоя милая котенька и любимая булочка.

— Да иди ты! — Светка топнула ногой почти всерьёз, — Любимая булочка у меня майская с обсыпкой!

Горгона выпрямилась и повернулась со стопкой блокнотов в руках. Серьёзно посмотрела на Светку и спросила:

— Тебя смущают разговоры о чувствах?

Светка мгновенно впала в панику:

— О каких ещё чувствах!

Горгона пожала плечами, сбросила в ящик все блокноты, кроме двух, пяткой задвинула ящик на место и сказала медленно, как будто выкладывая слова аккуратной стопочкой перед собой:

— Я понимаю, что тебе сложно обсуждать наши отношения, потому что они местами не вписываются в стандартные рамки привычной дружбы или любви.

Светка открыла рот. Закрыла.

— Ты не особо рассказываешь про своих родителей, но я сделала вывод, что у вас в семье не очень принято говорить о добрых чувствах и хорошем отношении, — продолжила Горгона.

— Не то чтобы, — слабо возразила Светка. Её мать очень часто бурно признавалась в любви и обожании практически всем. Чаще всего это была часть какой-то манипуляции или спектакля, рассчитанного на внешнего наблюдателя. С такой же легкостью она кричала и слова ненависти, когда посторонних не было рядом.

— Не то чтобы, — повторила Горгона, подошла, вручила Светке один из двух блокнотов. Постояла, снова почесывая пробор и подёргивая себя за волнистые пряди.

— Я просто подумала, что это вообще довольно странно. Мы ведь можем считаться довольно близкими людьми, так? — она снова смотрела на Светку серьёзно, и Светка нашла в себе силы не убежать.

— Типа того, — сказала она, — Вроде как... лучшие подруги. Живём рядом, тусим вместе, учимся тоже почти вместе. И всё такое.

— И при этом у меня всё время стойкое ощущение, что ты больше всего на свете мечтаешь уползти в ракушку и не вылезать никогда. А я прихожу и вроде как вытаскиваю тебя раз за разом.

Светка опустила взгляд на блокнот в своих руках. Она опять чувствовала стыд, страх, растерянность. Она обожала Горгону, как никого в своей жизни. Это было сравнимо только с тем, как она относилась к бабушке лет до десяти, пока квартиру не разменяли и не разъехались по разным концам города. Светка тогда испытала огромное разочарование: бабушка не пожелала, чтобы Светка жила с ней, не заинтересовалась её новой школой и не слишком старалась поддерживать с ними со всеми связь. Это было как предательство.

Требовалось что-то сделать. Как-то выбраться из этой невыносимой трясины, когда сказать так, как чувствуешь, невозможно, а всё остальное получается враньём.

— Ты да, — сказала она, не поднимая глаз, — ты приходишь и вытаскиваешь. Кто-то же должен вытаскивать. Дело в том... — она опять завязла. Сколько всего невозможно сказать, даже если очень нужно! Светка поглубже вдохнула, потом от души выдохнула и решительно сказала:

— Моя мать всегда говорила, что я эгоистка и всегда лезу на табуретку. И что «я» последняя буква в алфавите. И что всем наплевать, что я там себе хочу-не хочу, потому что есть «надо» и «как положено». И хотя я от души считаю, что всё это бред и гадость, я всё равно... как бы это сказать...

— Живёшь по этим правилам, — закончила за неё Горгона.

Светка кивнула. Потом сделала усилие и подняла взгляд на подругу.

— У меня никогда не было никого, к кому бы я относилась так, как к тебе, — сказала она.

Горгона выпучила глаза и надула щеки. Потом с неприличным звуком выпустила воздух и сказала:

— Вот это формулировка не для тупых!

Светка поняла, что улыбается.

Переписка в комментариях под стихами шла несколько дней с перерывами. Неведомый Тео отвечал не сразу и иногда даже не на другой день. Видимо, доступ к интернету у него был непостоянным, или не было денег на покупку карточек доступа.

У Горгоны был диал-ап модем, и родители выдавали ей фиксированную сумму денег на месяц на покупку карточек. Для переписки на форумах этого было более чем достаточно, но, к несчастью, Горгона открыла для себя несколько больших американских сайтов с цифровым искусством. Поэтому довольно часто она уже к середине месяца успевала просадить всё, выкачивая здоровенные красивые картинки.

— Сорян, майн херц, — говорила она Светке, разводя руками, — Не могла я не. Зато погоди, я тебе сейчас покажу, я такого художника надыбала, это просто отрыв башки. Он, собака, пишет прямо в фотошопе, как бы акрилом на вид, но не вот пластилин, а живописно, шопипец. Иди сюда, это просто янимагуууу, — и Горгона вываливала на Светку очередные мегабайты цифровой живописи, болтая без остановки про то, что автор хитрая жопа, прёт приёмы прямо у мастеров Возрождения, и вот эта картинка прямо цитата с Караваджо, прямо вот взял и срисовал, гандон амерский, и какого чёрта, отличная же идея. Как он вообще такое делает на компе, это уму непостижимо...

Но тут Горгона наступила на горло своей песне, как говорится. Всю неделю она держалась, проверяя только почту и форум. Когда Тео отвечал, она звонила Светке, и они вдвоём сочиняли следующую реплику. Писать приходилось намёками. Светка было совершенно уверена, что Тео намёков не поймёт, но после легкого обмена полужащущими недофразами Тео вдруг написал: «О таком лучше лично. Напиши свою почту» — и Горгона, завопила — агааа! Я тебе что говорила! Он наш!

А Светка ответила, сдерживая волнение, что это ещё только обмен электронками и ничего не значит.

И однако, ещё через неделю она стояла на условленном месте, на углу возле книжного магазина «Цеппелин», и держала в руках книжку яркого красно-оранжевого цвета. Это был один из томов полного собрания Мопассана. «Оранжевая книга в руках», написала она, договариваясь о встрече. Какая разница, подумала она, глядя на полку, лишь бы оранжевая. Горгона сделала сложные брови, потом вздохнула и пообещала: «Проебёшь — закопаю».

Это была неделя, полная внезапных и сложных событий, даже не считая учёбы. Светкина мать, которая весь прошлый год знать не желала о её существовании, внезапно явилась прямо в училище и устроила довольно жалобную сцену «на кого ж ты меня покинула, доченька». Ларчик открылся просто: в их с отчимом семейной жизни накопился некоторый разлад, слово за слово — и вдруг оказалось, что когда под рукой нет мерзкого подростка, на котором можно вымещать злость, на эту роль годится кто угодно. Прекрасные интеллигентные люди наконец устроили мерзкий скандал, в кульминации которого муж зарядил жене в скулу и ушёл страдать к другу в гараж.

— И чего ты от меня хочешь? — спросила Светка, когда ей удалось увести мать на улицу.

— Я не знаю, что делать, просто не знаю, — ноющим, стонущим голосом повторяла та.

— Разведись с ним, и всё, — сказала Светка с жестоким цинизмом юного невротика.

— Да квартира-то всё равно общая, — возразила мать, мигом меняя плаксивый тон на агрессивно-деловой.

— Ну. А. От. Меня... — начала было Светка раздельно, и мать тут же поджала губы и снова заныла:

— Я просто не знаю, не знаю... Я даже боюсь теперь дома остаться... Может, ты вернёшься домой, а? — она быстро взглянула на дочь вороватым, каким-то хитрым взглядом, — Ты взрослая уже, при тебе он постесняется так себя вести... К тому же ты там живешь неизвестно где, с чужими людьми, а мы тебе родные ведь!

— Неа, — легко ответила Светка, чувствуя, как внутри словно что-то отсохло и отвалилось, — Мне и так хорошо. Квартплата маленькая, работа терпимая, стипендию платят.

— Что это за работа у тебя такая, интересно, — сказала мать ядовито.

— Квартиры богатым ублюдкам пидорашу, — сказала Светка обдуманно и с наслаждением, наблюдая, как у матери изумлённо-гневной скобой кривится рот, задираются брови, лезут из орбит глаза.

— Ты что, правда... уборщицей? Чужие унитаза моешь?

Светка улыбнулась до ушей и даже шире:

— Ага. Платят, кстати, больше, чем в твоей газетке.

Несколько секунд мать в ошеломлении молчала — она не понимала, как реагировать, не могла нащупать верную стратегию, не знала, как повернуть разговор к выгоде для себя. Наконец, она сделала выбор и с треском провалилась:

— Бедненькая, — сказала она, конструируя на лице скорбно-сочувственный вид, — Тяжело, конечно, так пахать и учиться ещё. Наверное, не надо было тебе из вуза уходить и Сашу бросать. С ним бы у тебя хоть нормальная семья была бы со временем. Такой парнишка хороший... — и она, додавливая, вздохнула и покачала головой.

Светка не выдержала и заржала.

Квартиру она убирала, это правда. Только всего одну, ту, в которой жила. Дракон предложил ей натуральный обмен — уборка вместо квартплаты, и она согласилась мгновенно. Живые деньги на еду она зарабатывала другими путями, в частности, подмастерничала в драконовой «мастерской» и бесконечно рисовала чёрт знает что кому угодно в ролевой тусовке. За копейки, естественно. Горгона говорила (подкармливая её в очередной неурожайный месяц), что это нормальный путь молодого гения и потом всё будет заебись. Светка временами впадала в отчаяние, устраивала себе лежачий книжный запой, забив на учёбу и набрав в библиотеке максимум, сколько давали взять, но потом вставала и шла дальше. Мыть посуду, простёгивать подшлемник, выжигать очередную кельятину на очередном типа-эльфийском кожаном ремне или рисовать очередной фанарт по цене бутылки пива.

(Кстати, и бутылки она собирала — пока было куда сдать. Приходилось всё время менять локации, чтобы не заметили и не побиили местные сборщики, но ей везло.)

Позже, вспоминая этот день, она думала — а могло пойти по-другому? Могла она не врать и не ржать жестоким лёгким смехом? Могла вернуться домой, попытаться восстановить отношения, понадеяться на то, что мать тоже даст задний ход, сделает уступку?

И раз за разом, крутя ситуацию так и сяк, приходила к выводу, что нет, не могла. Некоторые люди меняются, а некоторые — нет. Её мать не могла поменяться. Под пинками жизни она принимала самые причудливые позы, сжималась, ныла, жалела себя и обвиняла весь мир, но не сдавала ни сантиметра своей картины мира. В этой картине, в частности,

были неизменны неблагодарная дочь и плохая мать, и эти константы невозможно было расшатать никакими фактами и доводами. Светкина бабушка осознала это в процессе размена квартиры и сочла разумным спастись бегством. Теперь настала и Светкина очередь.

Светка смеялась, махала рукой и мотала головой, пока из глаз не потекли слёзы, а потом сказала, вытирая лицо и отпыхиваясь:

— Мам, ну ладно тебе, ты же мне сама, помнишь, что сказала? Что ты мне ничем помочь не можешь, потому что я предала твоё доверие своими выходками. Выходкой больше, выходкой меньше, какая разница теперь. Ты уж занимайся собой теперь, а я как-нибудь справлюсь. *With a little help from my friends*, — добавила она, красуясь, гордясь недавно обретенным самоучителем английского языка и регулярными (хотя и довольно беспорядочными) совместными уроками с Горгоной.

— Ну-ну, — мать явно не знала, что сказать. Светка быстро попрощалась и ушла на следующее занятие.

А на другой день к училищу пришёл Сашка.

Они не виделись полгода. Последняя их встреча случилась по причине того, что Горгону родители взяли с собой на новогодние праздники в Париж. Светка не то чтобы завидовала... Да ну, завидовала адски. Обижалась, завидовала, стыдилась и того, и другого, от этого впала в сильную меланхолию и продолбала сроки одного заказа. Не то чтобы совсем, конечно, но спешно под дедлайн дорисованная работа была встречена заказчиком не слишком радостно, и заплатили ей не всё. Светка предлагала переделать, но дорога ложка к обеду, а картинки к празднику.

Светка сперва пошла ходить по городу и думать Про Своё, потом купила бутылку пива, выпила, стоя на обрыве над рекой в самой дикой части Нагорного парка. И поняла, что если сейчас останется одна — то сдастся, ляжет на скамейку прямо вот тут (ну, не тут, а метрах в пятистах, у остановки автобуса, где ещё сохранились остатки лавочки) и вырубится. И пусть Это Самое случается опять.

Светка не хотела Это Самое. Она быстро-быстро пошла на остановку, вскочила в первый попавшийся автобус, благо, они тут почти все шли в её сторону, а потом рысцой добежала до квартиры. Дракон, открыв ей дверь, в кои-то веки проявил некое подобие эмоций. Поднял и опустил брови и спросил:

— Ты здорова? У тебя лицо красное.

— Пила пиво, бежала, — коротко объяснила она, — Мне надо позвонить.

— Угу, — Дракон махнул рукой в сторону кухни и ушёл к себе.

Светка кое-как стащила верхнюю одежду и прямо в зимних говнодавах прошла на кухню, к телефону. Плевать, сама ж потом и вымою, пронеслось у неё на заднем плане, когда она уже набирала номер.

Сашка ответил сразу и сразу согласился встретиться.

На следующий день оба, кажется, были очень рады попрощаться.

Ну и вот, снова-здорово, Светка вышла на крыльцо училища и увидела своего бывшего стоящим на углу в ожидании. Увидев её, он поднял руку ладонью вперед коротким, как будто смущенным, жестом и тут же опустил, сунул в карман брюк. Хороших, на минуточку, брюк, новых. Не чета тем лысым и тонким от старости штанцам, которые были на нём в прошлую их встречу. Светка постояла, спрашивая себя, что делать, не нашла ответа, но пошла всё-таки к Сашке, а не от него. Подошла, поздоровалась первая.

— Да, привет, привет, — он улыбался странно. Вроде, старался выглядеть уверенно и насмешливо, но сквозь эту привычную маску сквозила какая-то опаска. Или просьба. Или... Светка собрала себя всю в кулак и посмотрела Сашке в лицо. Спросила:

— Ты чего пришёл?

— Захотел тебя увидеть, — сказал он неожиданно просто, без подтекста. Без стандартного своего делового юморка.

Светка помимо воли подумала, что это не просто так, но удержалась от высказывания своих подозрений вслух. А он, пользуясь её замешательством, добавил:

— Просто погуляем, например.

И они пошли просто погулять. Погода стояла самая подходящая. Отменная эталонная майская погода, самая любимая Светкина пора. Солнце, ветер, деревья шумят свеженькими, ещё не запылёнными листьями. Газоны и клумбы прут травой и цветами, птицы орут (или поют, как кому).

Они погуляли, потом ещё погуляли. Сашка без умолку болтал о своих успехах — о статьях, которые вышли или вот-вот выйдут, о лаборатории, которую оснащали чуть ли не специально для его темы, о командировках в столицу. В какой-то момент Светка устала от необходимости слушать и задавать наводящие вопросы, поэтому стала выдавать рандомные «ага», «угу» и «ого», про себя добавляя всякий раз «пыщ-пыщ-ололо!». Она была достаточно великодушной, чтобы порадоваться за хорошего человека, но этот хороший человек слишком уж разительно был успешнее и удачливее её во всём. И слишком уж усиленно это демонстрировал.

Причина оказалась простая. Они сидели на откосе, куда пришли смотреть закат. Закат был прекрасен как всегда, что-что, а закаты в их городе никогда не разочаровывали, в отличие от всего остального. Сашка как-то подувял с саморекламой, а потом, сделав приличную паузу минут в десять, внезапно сказал:

— А может, нам попробовать ещё раз, а?

Светка почувствовала, как начинают гореть щёки. Страх, стыд, вина, досада... Надежда. Растерянность.

— Саша... — начала она, но Сашка поднял руки, словно защищаясь:

— Ладно, ладно, так сразу ты не решишь. Не надо. Я просто хочу, чтобы ты знала... Я встречался тут с одной... девушкой. И это всё не то. Я просто подожду ещё. Тебя. Я же знаю, что ты сама жалеешь, но из гордости не признаешь.

— Из гордости, — повторила она, чувствуя, как нехорошо поджимает горло.

— Естественно, — сказал он и словно булавку воткнул, — После того, как мы расстались, я очень изменился. Добился успеха. А ты как вляпалась, так и сидишь.

— Ну и зачем тебе... — прошептала она через сжатое горло, — Раз я это... сижу...

— Потому что я тебя люблю, — сказал он угрюмым тяжелым голосом.

«Обалдеть как любишь», — подумала Светка, судорожно сглатывая.

— И готов подождать.

Светка встала. Последние лучи солнца едва сочились из-за неровной линии горизонта.

— И на этой оптимистичной ноте давай-ка пока что прощаемся, — сказала она преувеличенно бодро и громко, — созвонимся, короче. Спасибо за прогулку, пока.

— Погоди, до автобуса уж дойдём! — воскликнул Сашка ей в спину.

До автобуса дошли.

В автобусе Светка рыдала с той же силой, что и два года назад. Горгоне она ничего не рассказала. Кажется, это был первый раз, когда подруга осталась не в курсе её душевных терзаний, так что к самим терзаниям добавилось ещё и чувство вины.

Стоя в субботу напротив книжного магазина, сжимая книжку в потной руке, Светка по кругу думала, точно брела в лабиринте: Сашка... Горгона... А вдруг неизвестный Тео (он будет весь в белом, в шляпе) не придёт...

Словно её окликнули — она вздрогнула и подняла взгляд. Напротив неё стояла Настя. Прошло больше двух лет с их последней встречи, но её невозможно было не узнать. Она стала ещё эффектнее: фигуристая, ухоженная, невозможно красивая в белом брючном костюме, в соломенной шляпе... Светка, не веря своим глазам, подняла руку с книгой. Настя увидела — и у неё на лице проступила гримаса ужаса, отвращения и гнева. Она сделала пару быстрых шагов к Светке, сжала кулаки и сказала тихим, низким голосом:

— Ты какого чёрта тут делаешь?

— Т-тебя... жду, — ответила Светка, чувствуя себя героиней какой-то тупой комедии.

— Ах ты гнида, — сказала Настя, спокойно, делая ещё шаг к ней, — Я из тебя сейчас...

— погоди! — крикнула Светка чуть ли не на всю улицу, — погоди, я поговорить! Серьёзно!

— поговорить, — Настя подошла вплотную, — О чём поговорить, говно ты на палочке? Поиграться со мной захотела? Поглумиться?

— Нет, погоди, — Светка, словно проваливаясь в бред, сделала шагок назад, — Я не глумиться! Настя, ну правда, есть разговор!

— Не выйдет, — сказала Настя, пиля её взглядом, — Я не отступлюсь. Я в курсе, что он с тобой опять встречался. Но это всё фигня. Я тебе клянусь, полезешь под руку — инвалидом сделаю.

— Да ты о чём вообще! — воскликнула Светка, поражённая до глубин души, — Я не про это! Да блядь, ты о чём-то, кроме мужика, можешь говорить вообще?!

Настя скривилась:

— С тобой? Ты пустое место, о чём с тобой говорить вообще? Просто руки убери от моего парня, и все разговоры!

— Про Это, — сказала Светка в отчаянии, — Ну про исчезание. Да блин. Про то, что в стихах. Ну!

— В стихах, — повторила Настя, — Ну ты и дура. Это вообще не мои стихи. Ты что веришь в такую херню?

— Ты же пришла!

— Мало ли что, — Настя отвернулась и сделала шаг прочь.

— А чьи стихи? — спросила Светка, не рассчитывая на ответ.

— Не твоё дело, — Настя уходила, и Светка бросилась за ней.

— Ну пожалуйста! Настя! Я тебе клянусь, я к Сашке больше не подойду, делай с ним что хочешь, хоть жри его с маслом! — она словно с ума сошла. На этих бездарных стихах, на том, что в них было (или не было) свет клином сошёлся. Она была готова выменять имя автора на что угодно. Может даже на свою жизнь... или хоть полжизни.

Настя остановилась.

— Обещаешь?

— Обещаю, — Светка сложила руки с книжкой перед собой, — Ну честно. Господи, ты

не понимаешь... это очень важно. Мне надо поговорить с автором, просто очень надо!

Настя снова скривила лицо, как от гадости, и сказала, явно наслаждаясь:

— Это моего брата стихи. Только ты с ним поговорить не можешь. Он без вести пропал пять лет назад.

Светка обняла несчастный томик Мопассана, опустила голову. Твёрдый край переплёта вдавился в губу. Всё вставало с ног на голову и приобретало новый смысл.

— Так ты... — она хотела сказать — так ты думала, что придёт твой брат? — но Настя уже уходила, терялась за спинами пешеходов, заполонивших улицу.

Подбежала Горгона, схватила Светку за локоть:

— Ну, что? Ты как? Что-то узнала?

— Ага, — Светка снова опустила голову и уперлась в книгу на этот раз подбородком.

— Кто-то кроме меня пропадал и пропал совсем.

Глава 9.

— Честно говоря, я не знаю, как ищут людей, — призналась Горгона.

— А... Ты у родителей можешь спросить? — Светка понимала, что надеяться не на что. Но...

— Теоретически, — Горгона вздохнула. — На самом деле, это крайний вариант. Потому что папа спросит — кого ты хочешь найти и зачем, и что я, врать ему буду? Нет же.

Светка в стотысячный раз поразились отношениям в этой семье. Она бы, конечно, соврала, потому что сказать правду её матери — это подарить ей хорошее сапожное шило, которое она воткнёт тебе в печень при первом же удобном случае. При этом будучи уверенной, что делает это для твоего же блага.

— Блин. Сраная Настя, — Светка уронила голову на руки и забубнила в упавшие на глаза волосы: — Коза тупая, она меня ещё в универе терпеть не могла, ни за что ни про что возненавидела с первого взгляда. Кто бы мог подумать, что она к Сашке лыжи мажет.

— Это твой бывший? — спросила Горгона, и Светка снова почувствовала, как наливаются горячим уши, щёки, шея. Стыд, горечь, утрата. Она вздохнула и буркнула:

— Он.

Горгона помолчала. Светка слышала тихие лёгкие хлопки — её подруга в задумчивости шлёпала ладонью по покрывалу. Она, зайдя в комнату, сразу упала на кровать и позвала с собой Светку, но та села за стол. Ей ужасно хотелось плюхнуться на шелковистое голубое покрывало и прислониться к плечу подруги, но она не могла. «Поганый я человечешко, — думала она теперь, упираясь лбом в запястье, — Как меня земля носит».

— Свет, — позвала Горгона, скрипнул матрас. Светка подняла голову. Не Эльявин. Она повернулась, встретилась взглядами с Горгоной, которая уже сидела по-турецки, ухватившись обеими руками за скрещенные лодыжки.

— Похуй на неё, а? — Горгона смотрела настойчиво, исподлобья, чуть сведя брови и сжав губы, вся напряженная и красивая как героиня манги.

— В смысле «по...»...

— Да в прямом смысле. Во-первых, если у тебя с этим перцем чего было или будет, то это только твоё дело, а не её или ещё кого-то. Во-вторых, кто сказал, что она такая первая и последняя? Ну или её брат. Зато теперь у нас есть зацепка! Другие точно должны быть.

Светка опустила взгляд в пол. Вот тут и надо было, во-первых, рассказать про встречу с Сашкой, во-вторых, послушаться Горгону и искать дальше.

Но она не сделала ни того, ни другого.

В общем, это могло бы и не иметь особого значения, потому что до сего момента у Светки в любом случае не было доступа в интернет иначе, чем через комп Горгоны. Но она знала, что у Сашки тоже есть комп... И теперь, после последней встречи, знала, что этот комп подключен к совершенно новому доступу в интернет. Она ни черта не поняла из технических объяснений (честнее сказать — пропустила мимо ушей), но слышала слово «безлимит».

Вот тут она и сделала ошибку. Истинная дочь своей матери, она увидела, как использовать человека в своих целях. Получить доступ к сети, отомстить Насте и сбежать из дурдомной семейки Дракона, от которой она довольно сильно устала. Перестать выживать на копейки. И, наконец, перестать спать в одиночестве.

Как и мать, в этот момент она думала только о своих целях — но не о последствиях.

Через пару недель она вернулась к Сашке. Горгоне она рассказала об этом постфактум, ещё через неделю. Извиняясь и объясняясь, призналась, что боялась её реакции и не знала, что делать. Горгона, конечно, обиделась здорово, но обманчиво быстро простила. Светка дала себе честное слово, что будет самой хорошей подругой, какой только возможно, но в глубине души понимала, что что-то сильно испортила.

Тем временем начиналось лето. Прошлые года лето было странным временем. Летом у Светки всегда было очень много времени и совсем не было денег. Она какими-то правдами и неправдами находила деньги для выездов на ролевки, осиливая две или три игры за сезон. Точнее было бы сказать, что осиливала Горгона: они ездили вместе, из её материалов шили прикиды, спали в её палатке, ели её запасы. Светка от души старалась компенсировать подруге затраты, по максимуму вкладываясь рукоделием и хозяйственными работами, но иллюзий особых не питала. Понимала, что, если бы не Горгона, она бы не выехала на добрых две трети игр.

Так и получилось в этом году. Они уже всю готовились к июньскому «Ледяному походу», внесли в список июльские «Сказки под холмом» и августовскую «Великую степь», но однажды утром, когда они спускались на набережную с полотенцами на плечах, Горгона сказала:

— Слушай, неприятно об этом сообщать, но ближайшая игра у меня, похоже, накрывается.

— А чего? — огорчилась Светка.

— Да мои собрались в отпуск как раз с пятнадцатого, — Горгона стянула полотенце с плеча и хлестнула склонившиеся к ступенькам одуванчики, — Мать зовёт с ними.

Светка вздохнула.

— Слушай, я понимаю, мы давно хотели съездить нолдорами, — быстро заговорила Горгона, — И заявки нам одобрили, но...

— Да ладно, ты чего, — Светка изобразила улыбку, — Я твоих предков вполне понимаю. Ты уже взрослая, год-два — ты того гляди замуж выйдешь, — она засмеялась, — Ну ладно, ладно! — Светка подняла руки, защищаясь от тяжелого как чугун взгляда, — Просто найдёшь офигенскую работу за стопицот тыщ и съедешь от них. А они хотят ещё немножко побыть типа семьёй.

Горгона остановилась на предпоследней ступеньке, прислонилась к металлическим перилам. Сказала:

— Вот удобно с тобой — всё ты правильно понимаешь! — и в её голосе Светка вдруг услышала такой ядовитый сарказм, что с неё всё показное веселье как холодной водой смыло.

— Ну... извини, — сказала она, привычно упирая взгляд вниз, в потёртую и засыпанную песком нижнюю площадку. Горгона немного помолчала — видимо, разглядывая Светкину покаянную макушку — и ответила спокойно:

— Нечего тебе извиняться. Я просто злюсь, что нельзя всё хорошее сразу, ты же не виновата, — она наконец шагнула с лестницы, и подруги пошли по кривенькой и разбитой асфальтовой дорожке через чахлую кленовую аллею.

— Я хочу с тобой на игру, — говорила Горгона тихо, снова и снова хлеща полотенцем редкую траву у края дорожки, — Но я не могу отказаться от такой поездки. Ты понимаешь, это ж не Турция какая ол инклюзив. Это Испания, это Мадрид. Ты знаешь, что такое мадридский музей Прадо?

— Ну, знаю, — сказала Светка. Она снова чувствовала зависть, досаду и стыд — за то, что завидует.

— В июле точно поедем зато! — Горгона вдруг повернулась и вместо травы хлестнула Светку по попе, — Нам заявки одобрили потому что!

— Ай, да ладно! — заорала Светка.

— Зуб даю! — в ответ заорала Горгона. Светка взвизгнула, схватила Горгону в охапку и стала трепать, как щенка игрушку. Горгона счастливо ржала конём и в ответ трепала Светке распущенные недавно остриженные до плеч волосы.

Но на «Сказки под холмом» они тоже не поехали. Когда вернулась из своего Мадрида Горгона, когда они наобнимались, вывалили друг на друга свои новости, пересмотрели тонны Горгоновых фоток и немного снова привыкли друг к другу, оказалось, что в июле уезжает уже Светка.

Это выяснилось внезапно. В тот вечер они пошли купаться втроём: Сашка поклялся, что будет держать дружелюбный нейтралитет, а Горгоне было в целом всё равно. Они купались, по очереди сторожа вещи (потому что хорошо помнили феерический случай, когда у одного их тусовочного приятеля увели на пляже обувь, и он шёл босиком домой — по асфальту, а потом и в автобусе так ехал). Пили тепловатый квас, грызли фисташки, болтали о неважном. Потом Горгона вспомнила, что не дописала свиток на подхолмы, Сашка спросил — что за подхолмы, Светка объяснила...

— Значит, у тебя планы на июль, — сказал он, мрачней, — А я хотел тебя позвать со мной в отпуск поехать.

— В отпуск? Конечно, надо ехать, — сказала Горгона, — А куда?

— В Крым, — сказал Сашка, — Очень хочу именно туда, никогда не был.

— Крым — это красиво, — задумчиво протянула Горгона, повернулась к Светке: — Я б и сама не против туда. И тебе надо съездить.

— А как же... — начала Светка, но Горгона перебила:

— Иначе нечестно выйдет: я-то уехала, хотя у нас тоже игра была.

Светка не знала, что сказать. Она очень хотела на эту игру, но Крым... И верно ведь, почему это у неё не может быть поездки? Не всё Горгоне радости и приключения! У этой

мысли был нехороший какой-то оттенок, но Светка просто засунула это ощущение глубоко в себя и положила сверху метафорический камень. И сказала:

— Да я и сама ни за что не откажусь.

Они ещё немного поболтали про Крым, обсудили, куда обязательно надо попасть на экскурсию, где остановиться жить и как снять комнату, что пробовать из еды и вина, в общем, обычные такие разговоры. У Светки от этой обычности едва зубы не ныли. Её разрывало на части. Она хотела спровадить Сашку и поговорить с Горгоной наедине, но это было технически неосуществимо. Даже когда она прямым текстом сказала:

— Саш, ты езжай домой, а я провожу подругу и вернусь, — он ответил:

— Вместе проводим.

Горгона неопределенно улыбалась, а Светка просто не знала, что делать. У неё были новости из интернета, она нашла местный форум, где делились мистическим опытом и странными историями. Там была и тема, которую завела Настя. Теперь Светка знала, как звали её брата, как он пропал, и как его искали. Это, как ей казалось, было шагом вперёд.

И она решилась:

— Саш, ну нам же надо между нами, девочками, какие-то вещи обсудить!

Сашка скривился, но ответил на удивление спокойно:

— Если не терпится, можете по аське связаться. Поздно уже, одиннадцатый час, пока то-сё — ты как домой будешь добираться?

— А вдвоём вы как будете? — спросила Горгона.

— Машину поймаем, — небрежно бросил Сашка, — Вдвоём безопасно.

— Логично, — сказала Горгона и побрела прочь с пляжа, увязая в остывающем песке. Светка вздохнула и поспешила за ней, предоставив Сашке заталкивать в свой рюкзак подстилку и полотенца.

— Не бери в голову, — сказала Горгона, когда Светка её догнала. — И правда, ты ж с интернетом теперь. Номер мой знаешь, в аське всё обсудим.

— Это не то же самое, — вздохнула Светка.

— Увы, увy, — Горгона похлопала её по спине чуть ниже рюкзака, — Ничто не будет уж как прежде, тра-ля-ля.

— Ты на меня всё обижаешься, — тихо сказала Светка.

— Неа, — ответила подруга, — Обижаются когда близкий человек поступает не так, как ты рассчитывала.

У Светки аж горло перехватило. Она сглотнула и спросила, стараясь не выдать чувств:

— А я не близкий?

Горгона снова похлопала её по спине и ответила всё тем же странным, каким-то далёким и рассеянным голосом:

— А я не рассчитывала.

Она не стала писать в аське про форум. Сама не знала толком, почему. Отчасти подозревала, что Сашка может захотеть распотрошить историю их переписки, и сможет сделать это незаметно, потому что технически куда грамотнее неё. Отчасти ещё потому, что лично было бы проще убедить Горгону, что это важно, что это не пустышка и не ложный след, иначе не было бы такого совпадения — стихи и пропавший человек, и Настя бы не скрывала, что и как, даже учитывая её явную неподдельную ненависть. Настя явно что-то знала, что-то большее, чем просто факт исчезновения брата.

К тому же её останавливало всё то же слабое, но неотвязное ощущение, что что-то совсем испорчено и восстановлению не подлежит. В её голове раз за разом рассеянная, усталая подруга произносила: ничто не будет уж как прежде, тра-ля-ля. Ничто не будет...

Светка зажмурилась, тёрла уставшие глаза, потом снова открывала окошко мессенджера и писала что-нибудь, что угодно, только не важное.

Ничто не будет так, как прежде.

Тра-ля-ля.

Глава 10.

Ночью поезд несколько раз останавливался, Светка чувствовала это сквозь сон, но не просыпалась до конца, проваливалась обратно в глубину.

А рано утром, на рассвете, поезд неожиданно набрал ход. Вагон стало сильно качать, и Светка таки проснулась полностью. Скоростной бросок оказался коротким, поезд замедлился, пошёл совсем тихо, да и окончательно остановился. Светка приподнялась на локтях и выглянула в окно. За окном было странно. В белом стелющемся тумане смутно виднелись какие-то решетчатые конструкции, видимые только на пару метров от земли. Выше они растворялись в молочном сиянии тумана. Дальше по ходу поезда маячили небольшие строения. Гулко чихнул громкоговоритель, из него полились неразборчивые квакающие звуки, обрастающие в тумане реверберацией и обертонами. Потом тонко и резко загудело, а ещё через полминуты издалека застучало, завывало низко и мрачно, словно к ним приближалось чудовище. Светка невольно отодвинулась от окна, и в этот момент мимо полетел скорый поезд. Секунды — и вот стук и завывание удаляются, стихают. Следом за этим завозились, завздохали пассажиры.

Стукнула дверь купе проводников, сонная женщина пошла по проходу, сквозь зевки говоря:

— Белгород через двадцать минут! Граждане пассажиры, кому в Белгороде сходить, просыпаемся...

Светка сползла обратно на полку и закрыла глаза.

Горгона не пришла их провожать. Накануне они до половины второго трещали в аське, условились, что она подъедет на вокзал в полдень (поезд уходил в четверть второго) и они посидят в полуподвальной кафешке в квартале от вокзала. Но утром она снова написала — так, мол, и так, не могу, извини, чувствую себя херовато — месячные пришли, живот болит.

Светка особо не удивилась. Про эту особенность подруги она знала, Горгона всегда в первый день цикла валялась, закинувшись но-шпой и свернувшись криветочкой вокруг полторашки с горячей водой. Написала Горгоне положенные слова сочувствия и пошла собирать сумку.

Сашке она сказала, что подруга простудилась. Про себя при этом думала, что вот, сейчас она почему-то говорит неправду, хотя и не слишком важную, но тем не менее. Почему нельзя сказать, как есть? А почему вообще что-то надо объяснять, не пришла и не пришла? Светка мрачно хмурилась, сворачивая в аккуратные рулончики футболки и носки и раскладывая их в пакеты, а пакеты, слоями, в сумку. Когда она начала упаковывать альбомы и прочее художественное, Сашка искренне изумился:

— Да ты чего, собираешься всю эту хрень с собой тащить?

— Ну мне же надо рисовать, — ответила она, — Нам вообще полагается летом не вылезать с пленеров. Масло я не потащу, конечно, но всё остальное надо брать. Там же такие виды!

— Да некогда тебе будет, — уверенно сказал Сашка, — Ты сама подумай, там же купаться надо, загорать, фрукты есть, гулять!

— Вот пока ты загораешь — я буду рисовать, — ответила Светка, не очень, впрочем, уверенно. Она подозревала, что выкроить время будет непросто.

— Ну и глупая, — сказал Сашка усмехаясь, — Кто же тратит время отпуска на фигню. Светка напряглась. Вот сейчас можно промолчать... или ответить. Она уже открыла рот, чтобы сказать, что она не глупая, а её учёба не фигня, но её бойфренд уже отвернулся и копался в своём ящике комода, разбирая залежи непарных носков.

Светка посмотрела ему в спину и не ответила. Она до конца не верила, что они таки куда-то поедут.

И теперь утро в поезде было какое-то слегка сюрреалистичное по ощущениям. Невыспавшиеся пассажиры плыли по проходу как подмороженные минтаи, скапливаясь в тамбуре в очередь перед туалетами. Свисали простыни с верхних полок, кто-то уже заварил кофе из пакетика, а кто-то — лапшу быстрого приготовления, и сочетание этих запахов и простыней тоже было дикое. Навевало мысли о свисающих с веток часах и летающих яичницах.

Светка полежала, укрывшись до носа, заложив руки за голову и особо ни о чём не думая. Поезд снова небыстро шёл, покачиваясь и постукивая. Поскольку Светкина полка была боковая, её эта качка размеренно бултыхала вправо-влево, так что возникал соблазн закрыть глаза и позволить себя усыпить. Но тут на полке сверху завозились, потом с края свесились длинные ноги в трениках — Сашка решил встать.

Светка быстро села, откинув одеяло.

— О! А ты чего так рано? — Сашка спросонья был похож на сову: круглые глаза под приподнятыми бровями, вихор на затылке.

— Ходят все туда-сюда. Дошик кто-то жрёт ещё, чуешь? — Светка сморщилась и невольно передернула плечами.

— Ну, дошик, — Сашка сел на её койку, — У нас тоже есть, кстати.

— Оййй, нет! — Светка замахала руками, — К чёрту. Я бы начала с кофе.

— Ладно, — Сашка снова встал, — давай тогда постель свернём.

После неизбежной суеты с постельными принадлежностями они сидели каждый со своим стаканом растворимого кофе, грызли слегка поломанное шоколадное печенье и глазели, как собираются и готовятся к выходу одни пассажиры, потом — как садятся и располагаются другие.

Солнце встало, туман давно сгинул, и теперь за окнами поезда проносились бескрайние жёлто-зелёные поля. Поезд постепенно нагревался, в столбах солнечного света реяли пылинки, где-то пытались открыть окна и ругались с проводницами. Светка и Сашка съели по бутерброду, поиграли в «жизнь» на клетчатых листочках, потом поиграли в «морской бой» (Сашка выиграл, как всегда), по очереди сходили в тамбур — подышать в окошко и посмотреть вперед, высунув голову вопреки запретам и здравому смыслу. Поезд летел как птица; поля остались позади, теперь с одной стороны вдруг возникла широкая синяя вода, а с другой — странные запруды, сложенные как бы из извести, вода в которых была местами

покрыта коркой. Сашка заявил, что это солевые ванны. Светка пыталась сделать наброски, но вскоре забыла про карандаш и просто смотрела в лёгком очумении на совершенно инопланетные ландшафты.

Наконец перешеек, по которому они ехали, кончился, вода потерялась из виду, как и странный вид с другой стороны. Потянулись холмы, непривычные на вид разлапистые деревья, маленькие домики в окружении мелко нарезанных участков, на которых росло много всякого — непонятного издалека, но очень зелёного.

— Через полчаса прибываем, — сообщила проводница, проходя мимо, и они бросились немного суетливо в туалет (переодеться из дорожного полупижамного в нормальное), проверять вещи, вытаскивать с багажной полки сумки. Светка липла к окну, чувствуя необыкновенный подъем и волнение — вот он, Крым! Приехали! Даже Сашка выглядел оживлённым.

Симферопольский вокзал мельком показался симпатичным, но они его особенно не разглядывали. Сашка скомандовал не теряться и уверенно пошёл куда-то, поглядывая на карту в руке. Светке, которая честно пыталась со своей немаленькой сумкой, он на ходу объяснял, что им надо ехать на побережье, а в Алушту и Ялту тут ходит троллейбус. Светка для экономии дыхания не отвечала, только глаза пучила от удивления.

Невероятно, но факт — троллейбус. Им повезло, они успели найти менялку, поменять свои рубли на гривны, купили билет и тут же сели на ближайший рейс. Они были чуть ли не последними, кто грузился в старый, забавно округлый троллейбус с дерматиновыми сиденьями и блестящими металлическими поручнями, поэтому их места оказались почти в самом конце, да ещё «на колесе». Светка едва успела отдышаться — а они уже ехали прочь из города по пыльным улицам, затенённым каштанами и грецкими орехами. Все окна были открыты настежь, троллейбус громыхал на плохом асфальте и покачивался на поворотах, и Светку опять охватило чувство нереальности и почти волшебства. Оно всё усиливалось, пока их транспорт двигался по цветущим пригородам, потом полз вверх по холмам в сухие рыжие предгорья, а потом и вовсе поехал в горы, и с обеих сторон встали настоящие удивительные скалы — бурые, рыжие, серые, прошитые полосами желтого и красно-охристого цветов, расколотые трещинами, невероятные.

Светка словно раздвоилась. Часть её страдала от жары, от липнущего к телу раскалённого сиденья, от безжалостного солнца, которое выедало глаза и ложилось на голову кирпичом. Ей хотелось пить, прилечь, и чтобы стало темно.

Другая её часть отодвинула от себя все эти презренные трепыхания плоти и наслаждалась. Троллейбус преодолел перевал и начал спускаться к морю, то и дело подергиваясь, притормаживая и чуть набирая скорость. Светка забыла дышать, когда дорога сделала очередной поворот, и вдалеке открылся просвет к горизонту, а там... У каждого сухопутного, кто любит море, однажды случилось это мгновение. Первый взгляд, первый сбившийся вздох, первое произвольное восклицание. Тут уж одно из двух. Либо ты почувствовал это сразу, либо... не обратил внимания.

Пока Светка сидела, вцепившись в горячий поручень и пытаясь заглотить немного воздуха, Сашка деловито просматривал свои записи и бубнил:

— Сразу у вокзала не надо смотреть, там будет дорого, мне сказали, что нормальные хозяева чуть подальше стоят, на соседней улице... Так, я буду разговаривать, а ты молчи, ясно? — Сашка поднял на неё взгляд, потом посмотрел в окно, снова не неё. — Ты чего?

— Там — море, — сказала Светка.

— Ну да, море, — ответил он, снова листая свой блокнот, — Погоди, сейчас поселимся и хоть сразу купаться.

— Ага, — ответила она шёпотом. Горизонт пропал, его заслонил город, троллейбус спустился в извивы улиц, бегущих по прибрежным холмам. Теперь он останавливался то тут, то там, тормозил на светофорах, крутился в переплетениях тесных улиц как муравей в переходах своего муравейника. Наконец показалась автостанция. На улице было пыльно и шумно, зато Сашка моментально нашёл киоск, купил бутылку газировки из холодильника, которую они и выглотали с рекордной скоростью, плюхнувшись на бордюр большой клумбы с розами. Розы пахли так, что Светку даже чуть повело.

Сашка подвинул к её ногам свою сумку, велел сидеть и ждать, а сам пошёл налегке искать ту самую «соседнюю улицу», где ждут диких туристов местные в надежде сдать комнатку или койку. Вернулся быстро в сопровождении деловитой плотной тётки, которая повела их по ведущей куда-то вверх улице, потом через небольшой сквер, потом по лестнице под огромными деревьями — в тупичок, застроенный частными домами и одной стороной выходящий на немаленький обрыв. Под обрывом тоже был тупичок, и ниже тоже виднелись ступеньки и террасы улочек и переулков.

Тётка привела их в небольшой хаотично спланированный дом с пристройками и террасой, показала комнатку с отдельным входом, кухню в полуподвальном этаже, душ и туалет. Светка, что называется, не вдавалась. Раз её кавалер изъявил желание всё решать сам — пусть и решает. Когда Сашка удалился с хозяйкой на кухню, чтобы обсудить цену и расплатиться авансом, она вернулась в выделенную им комнатку, легла поверх покрывала на одну из кроватей и закрыла глаза. У неё было ощущение, что всё происходящее это какой-то сон, не на самом деле, не всерьёз. Сейчас вот глаза закрою, потом открою — а мы снова дома. Она уже начинала уплывать, когда шумно явился Сашка, растолкал её и вручил бутылку холодного пива:

— Держи, давай, тут у хозяйки погреб как в ресторане, чего хошь на выбор.

— Дорого же? — сонно спросила Светка, прикладывая запотевшую бутылку ко лбу.

— Да не, как в киоске, — Сашка уже ковырялся в сумке в поисках плавков, — У неё сын на пивзаводе работает, ему это пиво по себестоимости продают... Блин, да где же...

— Твои плавки вместе с моим купальником у меня в боковом кармане сумки, — Светка медленно отпивала пиво, потом снова гладила бутылкой лоб и щёки, чувствуя, как постепенно сходит сонная одурь, — В правом.

Сашка полез в её сумку, достал пакет, потом принялся искать полотенца, и окружающая действительность вроде бы вернулась в норму. Они приехали к морю, они сняли жильё и идут на пляж. Светка отпила ещё пива. Пиво было вкусное, свежее, яркое и шипучее, как сама радость.

Светка пила, в первый раз за несколько лет не вспоминая о Том Самом.

Разумеется, они тут же пошли на пляж. От их тупичка до городского пляжа можно было пройти почти по прямой (не считая того, что эта прямая вела сверху вниз) минут за двадцать. Не ближний свет — зато дорога простая и понятная, а жильё недорогое. Они шли не спеша, примечая по дороге продуктовые магазины, киоски и прочие полезные объекты. Купили по мороженому, и как раз доели, когда в конце улицы замаячил выход к пляжу.

Светка думала, там будет песок. Вместо этого она с изумлением увидела полосу крупной тёмной гальки — и невероятное количество людей на ней. Тут бы ей прыгать от

радости, потому что она наконец видела море вблизи, видела плещущую воду, близкую пену слабого прибоя и сияющие блики на волнах, но ей стало не по себе от заполненного человеческими телами прибрежного пространства.

— Ого, — сказал Сашка, — Ну ладно, на первый раз сойдёт, а завтра пораньше утром придём, чтобы народу поменьше.

Они кое-как пробрались между людьми, отыскивали небольшой пяточок, чтобы кинуть сумки и полотенца. Сашка сказал:

— Давай ты первая, — и приглашающее махнул рукой в сторону воды, — только кепку снять не забудь.

А она бы и в кепке ушла плавать, и в одежде, к этому моменту её снова охватило ощущение нереальности. Жара, усталость, алкоголь — Светка раздевалась и немного со стороны думала сама о себе, что как-то не очень разумно она пила пиво перед пляжем, но, вроде, немного же? Немного... Она стащила кепку, мельком пожалев, что забыла резинку для волос, и пошла к воде. Непривычные ступни колело и обжигало горячей галькой, и Светка невольно ойкала на каждом шагу, и хотела, и не могла идти быстрее. Наконец она ступила в воду, ахнула — вода показалась прохладной, зато под ней галька уже не обжигала. Небольшие волны прокатывались мягко и тихо шипели у неё за спиной. Светка сделала шаг, ещё шаг, чувствуя, как мельчают камушки под ногами, как рывками ползёт вверх по ногам прохладная граница воды. Она дошла до середины бёдер, а потом Светка пригнулась и ухнула в набегающую волночку. Дыхание на секунду сбилось, но она поплыла, толкая себя вперед изо всех сил, вдыхая и выдыхая с фырканьем, щурясь от брызг и от солнца, и была в этот момент абсолютно, совершенно счастлива.

Глава 11.

В двадцать лет куча вещей кажется ерундой. Не всем, конечно, не всем — кто-то с колыбели балован, не привычен к бытовым неудобствам, не склонен терпеть или приспособливаться. Светка была не балованная. Хлипкие кровати в съемной комнате скрипели; на тесной кухне газовая плита была замызганная и газ горел неровно, слабыми синими венчиками. Чайник закипал целую вечность. В окно летели стаями комары. По проходящему недалеко серпантину всю ночь проезжали с дребезгом машины или с ревом — мотоциклы. Воду выключали то и дело, и как-то раз хозяйка сказала, мрачно хмурясь:

— Ребятки, вы бы уж приняли душ на пляже. Воды не будет сегодня, а в бочке мало осталось.

На пляже душ был, понятное дело, платный.

Сашку всё это возмущало, уязвляло и озадачивало, в зависимости от того, чего касалось неудобство — напрямую тушки, денег или морального, так сказать, ущерба.

А Светка пропускала всё это мимо себя. То и дело с ними происходили какие-то нелепые вещи, но и тут она не напрягалась, а ждала с некоторым даже любопытством — а дальше что? И дальше каждый раз им забавно везло, так что из очередной вселенской жопы они выбирались слегка помятые, но целые и не особо потратившиеся. Впервые за несколько лет она на целые дни забывала про блокнот в заднем кармане шорт, и даже, что удивительно, почти перестала рассказывать сама себе истории. Жизнь и так превратилась в череду

происшествий.

Первая засада была невеликого калибра. Они пошли искать, где бы взять напрокат лошадей, нашли какого-то древнего коричневого дядьку с татуировками в виде портретов Сталина и Ленина на груди, который оседлал им двух тощих злобных мерингов и несколько часов водил по окрестным предгорьям. Всё бы прекрасно, но по возвращении дядька напоил их свежим кобыльим молоком — и следующую ночь они провели, сменяя друг друга в туалете. Впрочем, к утру их отпустило.

В один из дней они поехали по побережью, чтобы подняться на Ай-Петри. Поехали в обед. К фуникулёру была ожидаемо большая очередь, кабинки шли набитые, но всё равно пришлось ждать почти два часа. Наверх они поднялись уже на закате, было чертовски красиво, но едва они прошлись вокруг и сделали пару снимков, как гид начал торопить всех обратно. Пока тянулась очередь уже вниз, Светка успела сделать кучу набросков, написать страницу походных записок и послушаться разных странных разговоров. Наконец они забрались в кабинку, оказалось — последняя группа, после них наверху никого не осталось. Кабинка очень медленно шла вниз, в неё через самый край горы светило оранжевое солнце, потом кабинка опустилась ниже и её мгновенно проглотила холодная синяя тень. И тут же кабинка встала. Туристы заохали, бросились к передней стороне смотреть вниз — гид напрасно уговаривал не метаться — и вдобавок кабинка закачалась. Светка невольно вжалась в стенку, и Сашка тут же обнял её, придвинул к себе, сказал нарочито весело:

— Что, страшно?

— Неа, — Светка, впрочем, довольно прислонилась к нему. Он был тёплый, крупный, одним своим спокойным телом внушал уверенность. К тому же она устала и сейчас вообще хотела «на ручки».

В окнах кабинки ничего не было видно, гид увещевал, что всё хорошо, сейчас снова двинемся, кто-то ныл, что темно и какого чёрта нет света — и тут включилась лампочка под потолком, кабинка дернулась и поехала вниз. Светка вздохнула. Она только начала привычными глазами видеть в темноте контур горы, деревья, чуть сияющее неярким графитовым отсветом море...

Внизу выяснилось, что они упустили последнюю маршрутку.

— Едрёна вошь, — Сашка явно не готов был к такому развитию событий, — А другие как? — другие, как они моментально выяснили, были из организованных групп. Один за другим разъезжались большие белые автобусы с тонированными стёклами. Светку вдруг осенило.

— Саш, пошли попросим, может, нас подберут.

— Да шас, — буркнул он.

— Ну не тут же ночевать! — она беспомощно развела руки в стороны. «Тут» было негде, потому что кроме станции фуникулёра и какой-то уже закрывающейся кафешки ничего поблизости и не было.

— Ну, сама проси, — сказал он, кривясь в очень неприятной гримасе. То ли отвращения, то ли крайнего скепсиса.

Светка собрала себя всю в кулак и быстрым шагом двинулась к одному из оставшихся двух автобусов. Возле него курил пожилой толстый мужик, отмахиваясь кепкой от комаров.

— Здравствуйте, — сказала Светка, — Извините... мы на автобус опоздали... вы бы не могли нас подвезти... ну хоть сколько-то? — она умоляюще уставилась мужику в лицо, чувствуя, как внутри всё сворачивается уже даже не узлом, а плотным жгутом, как отжимаемое бельё.

— Где живёте-то? — спросил мужик, отшвыривая окурок.

— В Алуште...

— Садитесь, — мужик махнул в сторону открытой двери, а сам пошел обходить своё здоровенное транспортное средство — к водительской двери с другого борта.

— Саш! — заорала Светка радостно, а он, оказалось, уже подошёл и стоял рядом.

— Да тут я, — он пропустил её в автобус первую, зашел, и дверь за ним сразу закрылась.

Автобус оказался полупустой, внутри не горел свет, и только над водителем светила еле-еле небольшая лампочка. В темноте, хватаясь за кресла, они пробрались мимо усталых экскурсантов и с облегчением упали на свободные места.

— Вот повезло, — сказал Сашка.

— Ага, — ответила Светка. Подумала — ведь это я попросила! Но промолчала, хотя ей хотелось, чтобы он признал её роль в этом везении.

В Алуште их высадили на набережной, и они долго топали наверх, отчаянно зевая и расчёсывая обкусанные комарами плечи.

В другой раз они поехали на электричке в Бахчисарай. Большая часть дня у них ушла на осмотр дворца, обед в кафе и поиск сувениров. Светка нашла себе совершенно обалденный кустарный браслет из меди, ужасный кич, с вырезанными по толстому металлу кривыми примитивными рисунками — солнышко, глаз, ладонь, спиралька, зигзаги разной длины. Сашка долго ходил вдоль рядов с крымскими розовыми духами и чеканными досками и, в конце концов, купил этих самых духов россыпью целую кучу — всей родне — и неожиданно маленькую стальную турку с медным дном и чеканным узором лентой вокруг горла. Светка, услышав цену, аж икнула, но Сашка сказал:

— Ну красивая же! И полезная. Сколько можно растворимое говно пить.

Потом они вдруг вспомнили, что кроме собственно Бахчисарайского дворца есть ещё пещерный город. До него был час ходьбы, и они пошли, конечно. По пути им встретилась толпа туристов, и никого, кто бы шёл туда, наверх. Когда они добрались до подъема в город, их попыталась остановить пожилая тётушка, вокруг которой носился мелкий шебутной внук.

— Ребятки, поздновато идёте, — сказала она, — Через час стемнеет!

— Ничего, мы быстренько, — сказал Сашка, продолжая подниматься по тропе. Светка остановилась, сказала:

— Да, спасибо за предупреждение. Мы и правда постараемся недолго.

— Всё бы ничего, лето, — сказала тётушка, — Да уж больно темно тут. Ни единого фонаря, и тропинка толком не отмечена. Вы уж спускайтесь до темноты, а то там внутри кое-где опасно.

— Спасибо, — снова сказала Светка, кивнула и пошла дальше, на ходу расстёгивая футляр фотоаппарата. Перед поездкой она виделась с бабушкой, и та внезапно вытащила из закромов старенький, но вполне рабочий фотоаппарат «Смена-8». Сашка моментально его осмотрел, признал годным и проверил на паре двенадцатикадровых плёнок — одну отщёлкал в универе, другую на прогулке со Светкой. Подбивал её сняться без одежды, но она сказала — ты упал? Ты как это в проявку будешь отдавать? — и этот аргумент подействовал.

Теперь у них была заряжена плёнка кодак на тридцать шесть кадров, и ещё пара запасных лежала в сумке. На вопрос «Куда нам столько» Сашка сказал, что это на самом деле вообще ерунда, он бы купил штук десять, но лучше оставить деньги на развлечения.

В общем, если бы не фотоаппарат, они бы и правда уложились в полчаса. Пещерные жилища, церковь, сложенная из больших глыб, обломки стен и арок, мощёные дороги, в

камне которых телеги пробили глубокие колеи — всего древностей. Между арок бродил табунчик лохматых тощих лошадок, щипля подсыхающую скудную траву. Светка воодушевилась рыжим сиянием лошадиных шкур в свете заходящего солнца, бросилась снимать, Сашка вытерпел пару кадров, да и отнял аппарат. Загнал её на большой камень и велел делать мечтательный вид на фоне неба. Потом она ему отомстила, сняв, как он из-под руки оглядывает просторы предгорий. Потом они попытались снять сами себя на фоне пещеры. Потом... оказалось, что солнце почти скрылось за соседним горным кряжем, и всё вокруг быстро погружается в темноту.

— Саш, давай-ка выбираться, — Светка застегнула футляр фотика, подёргала Сашку за короткий рукав рубашки. Сашка всё разглядывал какие-то камни с любопытством геолога, коим не являлся.

Когда они спустились на тропу, было ещё не совсем темно. Небо чуть светилось мягким серебристым сиянием, в долинке собирался туман, но дорожку было видно хорошо. Они бодрым шагом добрались до пригорода, небо темнело, на нём проклевывались звёзды.

Сашка уверенно сказал:

— Сейчас немного пройдем — а там город, фонари.

Но фонарей не было. Весь Бахчисарай словно накрыло светомаскировкой. Чем глубже в город они заходили, тем гуще и выше были деревья над головой, глуше заборы, заслоняющие свет из окон. В какой-то момент они оказались на знакомом вроде бы месте — слева был вход во дворец-музей, справа — торговые ряды, но и то, и другое было глухо закрыто и темно, и только вдалеке в просвете улицы едва сочился бледный свет фонаря. Вдобавок поднялся ветер, и кроны огромных ореховых деревьев наверху принялись оглушительно шелестеть и потрескивать.

Вцепившись друг в друга, откровенно трясясь, спотыкаясь и нервно хихикая, они кое-как преодолели этот глухой кусок пути. Слабый свет впереди оказался плафоном на здании вокзала. Они бросились к расписанию и предсказуемо увидели, что в Симферополь ничего не идёт до завтра, до восьми утра.

— Смотри, — Сашка ткнул пальцем в соседний столбец, — На Севастополь электричка через полчаса.

— Блин, и чё мы там делать будем ночью? — Светка проголодалась, хотела спать и едва стояла — так устали ноги.

— А здесь что делать? — Сашка повернулся и пошёл к кассам. Впрочем, тут же вернулся озадаченный: кассы уже закрылись.

— Может, при посадке продадут, — предположила Светка.

Но нет, никто не поинтересовался их билетами ни при посадке, ни в пути, ни в конечном пункте. Они прибыли в Севастополь почти в полночь. Гостиница при вокзале оказалась переполнена, а соседняя, напротив — закрыта. Ближайший гостевой дом, куда их не очень вежливо послали на вокзале, оказался довольно далеко, и там им тоже сказали «мест нет».

— Я больше не могу, — сказала Светка, — Ты как хочешь, а я вот прямо лавку сейчас найду...

Лавки они нашли и даже поспали на них... пару часов. Под утро вдруг стало холодать. С моря пошёл влажный воздух, и скверик, где они устроились, заволкло туманом. Чертыхаясь и трясясь в ознобе, они кое-как добрались до многоэтажного дома, поднялись на второй этаж и устроились там под почтовыми ящиками. В подъезде было тепло.

— Ничего, — бурчал Сашка, обнимая Светку и пристраивая её голову себе на грудь, — Сейчас через пару часов солнце взойдёт, пойдем к морю, искупаемся. Потом найдём, где пожрать, и всё будет отлично.

Светка не спорила. Она всё время проваливалась в сон, но тут же просыпалась из-за жесткого пола под задницей, из-за влажной, пропотевший и пропитанной ночной сыростью одежды, из-за голода и зуда в обкусанных комарами ногах. В полудрёме она в какой-то момент пожалела, что не может сейчас выпить алкоголя и перенестись куда угодно в другое место.

А потом вдруг оказалось, что уже утро, в высокое окно подъезда светит горячее солнце и Сашка осторожно расталкивает её, наконец заснувшую по-настоящему.

Одуревшие, сонные, щурясь и зевая, они добрались обратно к вокзалу, нашли карту города. На вокзале, о чудо, в семь утра открылся буфет, и они выпили отвратительного кофе со вчерашними пирожками, а потом, чуть повеселев, отправились к морю.

Весь этот день прошёл как в тумане: они купались, бродили по развалинам Херсонеса и кидали камешки в колокол, потом снова купались, потом ели арбуз, потом искали и нашли какую-то замшелого вида столовку с пластиковыми подносами и алюминиевыми ложками — и добротной, нажористой казённой едой. Как настоящие туристы, купили открыток и магнитиков. Ближе к вечеру нашли автостанцию и уже без всяких приключений вернулись в Алушту на автобусе. Вроде бы, целый день впечатлений, а Светка бы не смогла описать ничего, кроме оттиснувшегося, как на воске печать, старого колокола, висящего между двух колонн. Стоило ей закрыть глаза, и она видела его: серый, пятнистый кусок металла на фоне ярко-голубого неба.

Это был предпоследний их вечер в Крыму. Светка вдруг осознала, что скоро домой, а ещё — что ей несмотря ни на что удивительно хорошо и совершенно бестревожно.

Вроде бы на такой-то ноте и должно было случиться что-нибудь ещё, но нет. До обратного поезда они успели ещё попытаться сфотографировать ночной город, ковыряясь в настройках фотоаппарата и держа «ручной спуск» две минуты, по секундной стрелке на Сашкиных часах. Они сходили купаться на рассвете, и Сашка вытащил со дна большую, чистенькую и целёхонькую раковину рапана. Они нашли огромную старую шелковицу и обожрались ягодами до треска в животе (Светка обречённо ждала повторения недавнего дрища, но обошлось).

Зато перед поездом они едва не разругались насмерть.

Светка и раньше просила Сашку не делать некоторые вещи. В частности, её очень подбешивала его манера чуть что говорить «ты глупая».

— Нет, я не глупая! — резко отвечала она, а он смеялся и отмахивался, что говорит так «ласково».

— Да не надо мне такой ласки! — Светка начинала повышать голос, а Сашка тут же начинал морщить лицо и бубнить, что она из ерунды делает проблему и скандалит на пустом месте. В итоге он всякий раз говорил:

— Ну ладно, ладно, не буду! — и через час снова говорил. По любому поводу, от её желания съесть мороженое до возражения на предложенный вариант обеда.

В тот день всё, что называется, сошлось. У Светки началась менструация, она едва тащила по жаре сперва на троллейбус, потом до вокзала в Симферополе. На этот раз времени рассмотреть его было много, потому что они приехали почти на три часа раньше поезда. Сашка заявил, что сядет в зале ожидания и с места не сойдёт, а Светка сунула в

карман кошелёк и отправилась искать аптеку, а потом, закинувшись но-шпой и анальгином — рынок. Потому что забыла ещё в Алуште купить сушеной лаванды и рассчитывала сделать это сейчас.

Лаванду она нашла, но задолбалась окончательно, а тут ещё протекла смявшаяся прокладка, и шорты снизу украсились пятном. Светка кое-как отмыла что могла в общественном туалете, но когда вернулась в зал ожидания, Сашка естественно сразу сказал:

— У тебя пятно на заднице.

— Я в курсе, — отмахнулась она, на что он тут же автоматически ответил:

— Ну и глупая!

Светку прорвало. Она орала, наплевав на людей вокруг. Она припомнила ему всё: как пожалел денег на хорошее вино и настоял на пиве. Как потерял на берегу плавки и заставил её тащиться с ним искать, хотя мог бы и сам. Как не дал ей снимать сколько она хотела, и куда теперь девать неиспользованные полплёнки? Как вечно на пляже дёргал, мешая рисовать. Ну и наконец — что сто тысяч раз она просила не унижать её этими тупыми, гребаными, сраными словами, потому что она НЕ ГЛУПАЯ!

Сашка сразу окаменел и сидел неподвижно как идолище поганое, только глаза шурил злобно. Когда Светка выдохлась, он встал и прошипел:

— Посадку на наш поезд объявили.

И пошёл прочь, не оборачиваясь. Светка постояла, размазывая по лицу слёзы, потом допила из бутылки остатки тёплой минералки и очень аккуратно опустила бутылку в урну. Хотя хотелось запустить со всей дури. Впрочем, что толку — пластик даже не кокнешь от души.

Пробираясь по душному проходу плацкартного вагона, она думала, что в общем, почему бы и не поплакать, если уж на то пошло. Уезжать из Крыма было жалко; ещё жальче было то, что с Сашкой, похоже, снова придётся порвать.

Ночью, качаясь на своей полке точно в колыбели, она подумала, что вот сейчас ей бы точно очень пригодился алкоголь. Но его не было, а значит, её ждал привычный город и проблемы, от которых она один раз уже пыталась сбежать.

Глава 11.

За все двадцать лет жизни в родном городе Светка едва ли пару раз сталкивалась со знакомыми случайно. Этому были объективные причины: город был миллионник, при этом не свернувшийся уютной кошкой в долине, не лежащий квадратной заплаткой среди полей и даже не вытянутый кишкой вдоль реки или железной дороги. Город Светкин напоминал невнятного, нескладного паука, распластанного возле слияния двух рек и раскинувшего ломкие, кривые конечности по сторонам. Между конечностями всегда было плохо с транспортом, а хуже всего было между «головой», лежащей на горе и считавшейся историческим центром, и «брюхом», которое свалилось за реку и постоянно пухло, прирастая новыми одинаковыми спальными районами.

Если с кем-то специально не договориться, то ваши маршруты едва ли пересекутся.

Единственное место, где наткнуться на знакомых было чуть более вероятно, был железнодорожный вокзал, точнее, площадь перед ним и большой крытый рынок чуть поодаль. Рынок этот в школьные Светкины годы был олицетворением нищобродства:

одевается на Москварике, говорили про малоимущих. Светка «одеваться на Москварике» почитала за удачу, потому что сама все подростковые годы проходила в одежде из американской «гуманитарной помощи» и в обносках более удачливых родственников.

На другой день после возвращения из Крыма у Светки почти пополам порвался спортивный сандаля. Этой паре обуви было уже года четыре, покупалась она ещё на родительские деньги, ношена была в хвост и гриву и вот — сдалась под натиском времени и обстоятельств. Сашка посмотрел на масштаб разрушений и сказал:

— Поехали на рынок, купим новые.

Светка посопротивлялась для вида и согласилась. Залезла печально в такие же старые кеды, благо, они пока держались, и поплелась за Сашкой на остановку.

Отношения у них словно замерли выжидательно. С поезда они сошли молча, молча доехали до дома и, общаясь короткими предельно информативными фразами, провели остаток дня в разборе и стирке отпускной одежды. Никаких выяснений Светке устраивать не хотелось, а Сашка и никогда не был склонен что-то выяснять. И теперь вот — сандалии.

Пока они бродили туда-сюда по тесным рядам, пахнущим резиной и кожзамом, Светка скучнела всё сильнее. То, что предлагалось рынком в качестве женской обуви, выглядело на Светкин вкус отвратно и качество имело гаденькое. В какой-то момент Светка увидела отличные крепкие сандалии из простых кожаных ремешков, синего цвета, с простой же металлической пряжкой и схватилась за них, как утопающий за бревно. Не успела она спросить цену, как на неё с двух сторон набежали продавщица и Сашка.

— Девушка, это на мальчика, подростковые!

— Свет, ты чего, они же страшные!

Светка сжала губы, чувствуя, как привычно кидает в жар лицо, как поднимаются плечи, сжимается спина. Сглотнула, спросила:

— Сколько стоят?

— Шестьсот, — бросила продавщица, всем своим голосом и лицом показывая отношение к Светке.

— Тридцать седьмой размер?

— Да вот у вас в руках.

Сашка тут же подошел ближе, выхватил босоножку, повертел:

— Да ну тебя, ты чего! Какие-то страшные сандалии, подошва толстая, ремни какие-то грубые. Да за эти деньги вон нормальные женские туфли стоят! — он ткнул обувкой в соседний стеллаж, на котором гордо сияли стразиками белые и красные босоножки с бантиками, бабочками, каблучками и вставками из кружева.

— Это нормальный практичный вариант, — сказала Светка, забирая сандаля обратно, — Мне в них ходить, а не сидеть красиво в кафе. На пленер, например. По ебням и говнам, например.

— Как знаешь, — Сашка сделал шаг назад, — Да у тебя и юбок нет нормальных, одни штаны, так что бери что хочешь, хоть сланцы резиновые.

— Сланцы вредные для ног, — Светка вытащила правую стопу из кеды и теперь прилаживала пряжку на синем сандалике. Обувка села удобно и по размеру, ничего не тёрло и не жало.

— Ну вот, — сказала она, — отлично же!

— Берёте? — торговка смотрела на Сашку.

— Да-да, давайте, — он вытащил кошелёк, отсчитал купюры, пока Светка

переобувалась обратно.

Ей вручили пакет с коробкой, в которую довольно небрежно были засунуты босоножки, и она пошла вслед за Сашкой, который уже быстрым шагом двигался к выходу из рынка.

— Свет! — услышала она уже почти у самых ворот. Обернулась и увидела Таньку. И мгновенно напряглась, ища взглядом Танькиного мужа. Но нет, Танька подошла одна.

— Привет, — сказала Светка неловко, быстро взглядывая на бывшую подругу и отводя глаза. Танька, напротив, смотрела на неё в упор, жестко и внимательно. — Вот, за обувью приехали... — она покачала пакетом.

— А я за штанами, — Танька кивнула в сторону вещевых рядов, — Жопа как отросла, так после родов и не уменьшилась, ни в одни джинсы не влезаю.

— Мы тут... это... на проходе стоим, — вокруг них завихрялся людской поток, их то и дело толкали, обходили, отодвигали, — Отойдём, может?

Они сделали несколько шагов вперёд и вбок, за ворота рынка. Там стоял мрачный и недовольный Сашка. От Таньки он демонстративно отвернулся, упёр руки в боки и стал подчёркнуто ждать.

— Ты и не звонишь вообще, — сказала Танька.

— Извини, — Светка смотрела в асфальт, — Я... не могу. Твой муж...

— Он что, тебя лапал что ли? — удивилась Танька, — Я вроде его предупреждала...

— Нет, не из-за этого, — Светка чувствовала, что снова краснеет и сжимается. Что за день, господи, за что ей всё это.

— А чего тогда? — Танька вытащила из сумки пачку сигарет, сунула Светке под нос — та покачала головой — и закурила сама, с третьего раза добившись от потёртой зажигалки слабого синего огонька.

— Твой муж ворует в магазинах, — сказала Светка.

— Да? — Танька затаилась, — Ну, да, таскает по мелочи, и чё?

— Может, тебе ничего, а я... мне..., - Светка потерялась от необходимости объяснять очевидное.

— И ты поэтому меня нахер посылаешь, — Танька снова затаилась, почти злобно вдыхая дым.

— Я не хочу общаться с твоим мужем, — сказала Светка, — Если ты можешь встретаться без него — я буду рада, но ты же от него не отлипаешь вообще.

— Ничо что у нас ребёнок мелкий вообще-то? — Танька последний раз затаилась и швырнула окурок под бетонный забор, где асфальт уже был усыпан окурками и бумажками.

— Тань, ну ты чего, вон урна же...

— Да иди в жопу, — Танька поддёрнула на плече сумку, — Правильная типа вся, да? Бумажку в мусорку, воровать плохо? Детский сад, блядь. Живёшь как на облаке, а у людей семья, дети и работа. Я столько раз тебе звонила, а у тебя то экзамен, то ты где-то хер знает где с такими же ебанутыми по лесам бегаешь. И ни разу не поинтересовалась, как твоя подруга выживает.

— Знаешь что, — начала Светка, но Танька перебила:

— Да пошла ты. Я считаю, Лёха мой молодец, что в магазинах пиздит, потому что этих пидоров с их ценами наказывать надо. И он о семье думает, а не о каких-то там правилах.

Светка, не поднимая глаз, повернулась и пошла прочь. Она в этот момент забыла даже про то, что тут у соседнего дерева стоит Сашка и мрачно взирает на неприятную сцену.

Догнав её, Сашка начал:

— Чего это ты свою подружку...

Светка резко встала, обернулась и нацелила на него указательный палец. Сказала, чувствуя, как вместо злобной стервы звучит жалко и бессильно:

— Не твоё дело, ясно? И не подружка она мне. Было и сплыло. И всё. И эту тему мы закрыли, понятно?

У неё сорвался голос. Она вдохнула сквозь зубы, выдохнула, опустила руку и, не оборачиваясь, пошла в сторону автобусной остановки.

Сашка снова её догнал, поймал её руку, позвал неожиданно мягко:

— Ну, Светик!

Светка не стала убирать руку. Сашка сжал её пальцы и сказал:

— Ну, бывает, что люди меняются, сама знаешь. Тем более, у тебя другая лучшая подруга теперь.

Светка шла, сжав губы в линию, глядя под ноги и стараясь не думать.

Другая лучшая подруга вчера не ответила на её сообщение в аське. На телефонный звонок ответил отец Горгоны, доброжелательно рассказавший, что «Ирки дома нет, она опять уехала на свою игру... А ты что же, не поехала? Я отчего-то думал, что вы вместе».

Светка поблагодарила и попрощалась, и пошла дальше разбирать вещи, а на следующий день даже не прыгнула из кровати сразу к компу, как обычно.

Не думать не получалось. На остановке она рассматривала свои старые кеды, невольно прикидывая, сколько они ещё продержатся. Новые босоножки как бы решали эту проблему, но у Светки было смутное предчувствие, что кеды ей ещё пригодятся. «В дороге лучше...» подумала она мимоходом.

Подошёл автобус, Сашка потащил её к задней двери, ворча, что она спит на ходу, а она шла, как коза на верёвочке, и продолжала думать свои нехорошие опасные мысли. Паспорт всегда лежит во внутреннем кармане рюкзака. Деньги — её личные, её гонорары — лежат в тумбочке, в Сашкиной квартире, но забрать их несложно в любой момент. Там немного, но ей, может, много-то и не нужно. Впереди был ещё полный месяц лета, и она вдруг поняла, что не хочет провести его в этом городе, с этим человеком, на этих улицах.

Не дойдя до дома, она смогла собраться и изобразить оживление. Сказала, дернув Сашку за рукав футболки:

— Давай пива возьмём. Полагается обмыть покупку, и вообще.

— Я хотел арбуз, — ответил он, но Светка, исполненная решимости, замахала руками:

— Да ты чего, какие арбузы в июле! Нитраты одни.

— Фосфаты, — хмыкнул Сашка, — Ладно, давай пива. И раз уж так, берём леща, я сто лет вяленую рыбу не ел.

Они свернули на соседнюю улочку, где всегда была небольшая «толкучка». Мужики с железками и электрикой, старички с вещевым хламом и безделушками, бабушки с зеленью, семечками и вяленой рыбой. Неспеша выбрали крупного, хорошо просушенного леща с круглым «икряным» пузом, завернули к киоскам за пивом и тогда уж отправились домой, через заросший тенистый двор, в двухэтажный дом народной стройки, в угловую квартиру на втором этаже. Поднимаясь по лестнице, Светка словно впервые смотрела на царапины и надписи на стенах, на вытертые бетонные ступеньки лестницы и думала — больше никогда. Всё, никогда больше.

Она и ошибалась — и нет.

В младшей школе её как-то пригласила на день рождения одноклассница. Светка тогда не была ни особо популярной, ни изгоем, так — середнячок, тихая девочка, с которой дружили по остаточному принципу, не выделяли и не притесняли. Она ужасно обрадовалась приглашению. Неделью перед «гостями» она придумывала подарок, рисовала открытку, донимала мать нытьём «что надеть, нечего надеть», так что та не выдержала и потащила её внепланово в соседнюю комиссионку, где купила платице-матроску с красным лаковым пояском и якорем на груди, где сходились полотна широкого воротника с полосками. Накануне намочила волосы и заплела их в два десятка мелких косичек — «завивка».

В день икс она пришла по нужному адресу в новом платье, с облаком мелко завитых волос на голове и с красиво завязанным лентой пакетом подарка. И попала во двор частного дома, где вокруг расставленных столов уже носилась толпа детей — одноклассники, соседи, двоюродные братья и сестры именинницы. Сама она с визгом пускала огромные мыльные пузыри из красивой «заграничной» баночки. Пацаны — её братья — с воплями прыгали, лопаля эти пузыри. Всем было не до Светки. Она попыталась вручить подарок, но повелительница пузырей отмахнулась как-то вроде — а, отдай маме, и Светка пошла искать взрослых. Её перехватила какая-то пожилая родственница, потащила к столу, на котором были только сладости и стаканчики с лимонадом.

Через полчаса, выпив под присмотром тётки стакан тархуна и съев какое-то пирожное, Светка слиняла. Подарок она оставила на столе.

На другой день большая часть класса обсуждала праздник, упоминая офигенский торт, фейерверки и конкурсы, какую-то иностранную музыку — после игр и фейерверков была «дискотека». Светка сделала вид, что её там вообще не было. Впрочем, остальным было всё равно, её почти никто и не заметил. Тогда она всё пыталась понять, что это за чувство. Почему ей захотелось уйти, почему потом так жгуче обидно было слышать со стороны эти обсуждения. Она всю жизнь привычно чувствовала отчуждение, отделенность от других людей (от других детей, конечно же, взрослые по определению были где-то там, в другом мире). До определенного момента она просто знала, что она «ненормальная», не то, что другие дети — ей об этом регулярно напоминала мать. Но в тот день она задалась вопросом — ну почему? Что я сделала, за что? Почему я ушла?

Не лезь вперед, говорила мать. Хватит привлекать к себе внимание. Не звезды. Уймись, закрой рот, помолчи, хватит лезть в центр внимания, хватит выпендриваться. Это как-то было связано, всё, что говорила мать, и её уход с праздника.

«Я правда всегда хочу быть в центре?» — думала она, — «Я завидую? Я не умею радоваться за других?»

В один тяжелый, тёмный ком слиплось её ощущение одиночества, страх быть плохой, обида, вина, стыд. Всё это словно превращалось внутри в единое чувство «меня никто не любит». В ужасе она начинала перебирать всех, кого знала — мать, бабушку, учителей, каких-то дружественных взрослых, появлявшихся в её жизни время от времени, и каждая новая фигура подкрепляла это чувство покинутости.

«Но должен же быть кто-то ещё», — думала она. Нет, никого не было.

В три часа пополудни, в последних числах июля последнего года века и тысячелетия Светка сидела на балконе Сашкиной квартиры, неспешно допивая нагревшееся пиво. Её любовник только что ушёл в комнату, чтобы ответить на телефонных звонок, и теперь что-то

там бубнил в трубку. Светка сидела, щёлкая ногтем правого указательного пальца по бокалу, и смотрела на крышу сарая, стоящего рядом с домом. По крыше шёл крупный серый кот, останавливался, обнюхивал прелые листья, скопившиеся в ложбинках волнистого шифера, двигал толстым хвостом. Светка смотрела на кота и перебирала всех, кто был вокруг, участвовал в её жизни — Сашку, Горгону, Таньку, Дракона (и его сестёр) и отбрасывала каждого с тем же странным болезненно-приятным чувством, с которым раньше смеялась матери в лицо. Никого не было. Можно было уходить с праздника.

Она допила пиво и пошла вынимать деньги из заначки.

Часть 2. Елена: всё впереди

Глава 12.

2009

Блимм!

Звук смс-ки был таким громким и звонким, что у Елены резкой болью кольнуло в затылок. Она протянула руку, не открывая глаз, пошарила вокруг, нащупала телефон. Приоткрыла один глаз ровно настолько, чтобы попасть по кнопкам для разблокировки.

«Привет, я в городе на пару дней, увидимся?»

Елена ткнула кнопку блокировки, закрыла глаза и опустила голову обратно на подушку. Мельком успела заметить время — половина первого. Дня, конечно. «Не отвечу — Эта начнёт звонить ведь», — подумала она злобно. И тут же упрекнула себя в несправедливости. Не будет она звонить, конечно же, никогда не звонит первая. Смс кинуть, в аську стукнуться (или в скайп с некоторых пор), может даже комментарий написать в блоге. Звонила считанные разы.

Елена полежала ещё, надеясь задремать и доспать хоть полчаса, но нет: в комнате было жарко и душно, простынь смялась и собралась мерзкими складками, да ещё была чуть влажной от пота. Подушка слежалась комом и тоже была влажной. Привет, октябрь: ночью натягиваешь на себя покрывало поверх одеяла, днём потеешь и прячешься в тень.

Елена откинула одеяло, медленно села, держа голову как мыльный пузырь, готовый вот-вот лопнуть. Комнату по диагонали пересекала полоса горячего солнечного света. Едва заметно колыхались большие листья монстеры под сквознячком из приоткрытого окна. На плитках пола валялось розовое платье с бахромой по подолу, сетчатые колготки лежали кучкой на журнальном столике рядом с ниткой искусственного жемчуга и горстью шпилек со стразами. Мешочек с танцевальными туфлями лежал тут же у ножки столика. Елена медленно пошевелила стопами — их перетянуло слабой колкой болью, подъём чуть ныл, пальцы саднили. Вечер удался, ох.

Она по-прежнему очень медленно и плавно поднялась и пошла на кухню как есть — в одних трусах, босиком. Пол в коридоре был приятно прохладным и чуть лип к потным подошвам. На кухне, куда Елена свернула через несколько шагов, наоборот было жарко, как в сауне, солнце светило прямо в незашторенное окно, и Елена моментально зажмурилась, ощущая новый наплыв головной боли и знакомое скручивающее чувство в животе.

— Отставить тошнить, — сказала она себе строго, шагнула к разделочному столу и на ощупь нашла кувшин с водой. Рядом стояла керамическая затейливая кружка под стать кувшину. Елена немного постояла, держа кувшин за ручку, а кружку обхватив своими длинными худыми пальцами. Наливать воду вслепую было рискованно. Она чуть приподняла ресницы и, глядя через марево и муть, кое-как наполнила кружку. Принялась пить медленно, равномерно вдыхая и выдыхая между небольшими глотками. Потом поставила кружку и ощупью нашла табуретку, села.

Немного полегчало. Через пару минут она смогла нормально открыть глаза и вытащить из кухонного шкафчика аптечку. Аспирин, но-шпа, янтарная кислота. Кинуть в рот, проглотить, запить. Повторить.

В комнате телефон снова издал пронзительное блякканье. Елена встала с невнятным

звук — что-то между рычанием и стоном — и побрела смотреть, что ещё на неё свалилось.

На этот раз ничего важного. Ну или ничего срочного, во всяком случае. Чувствуя, как медленно ослабевает головная боль, Елена подняла с пола платье, а с журнального столика колготки, отнесла в корзину с грязным. Потом убрала в шкатулку бусы, сунула пучок шпилек в стакан возле зеркала. Встряхнула одеяло, расправила, накрыла кровать покрывалом. От всех этих усилий тело заново покрылось испариной, которая не хотела сохнуть, а липла к пленке вчерашнего пота. Елена закрутила волосы в лохматый узел, сунула в него пару шпилек и пошла принимать душ.

Под прохладной струёй она тёрла плечи и бока своей любимой натуральной мочалкой, чувствовала запах своего любимого вишнёво-коричного геля для душа и размышляла, хочет ли она встречаться с Этой.

(У Этой есть имя, сказала она себе, но)

Душ на время дал ощущение свежести, словно смысл даже похмелье. Елена знала, что это чувство обманчивое и мимолётное. Стоит коже нагреться, и вернётся весь прелестный букет, кроме разве что головной боли, сурово заглушенной таблетками.

Елена вытащила из комода бюстгальтер, трусы и белые носочки. Неторопливо пересмотрела стопку блузок в шкафу. Наконец, оделась: голубая рубашка с перламутровыми пуговками, полотняные штаны на широкой резинке, безрукавка крупной «дырчатой» вязки. Подошла к зеркалу, вынимая шпильки из волос.

Ну-с, могло быть хуже. Из зеркала смотрела высокая статная женщина с крупным бюстом и крупно вьющимися каштановыми волосами. Сейчас её смуглая кожа была бледной в прозелень, под глазами лежали роскошные коричневатые круги, а сами глаза были красными и слезились, но в целом — немного тональника, консиллер, румяна, и никто через полчаса не скажет, что эта красавица недавно едва не побежала пугать фаянс после весёлой ночи.

Елена села к зеркалу и принялась наносить, подмешивать, растирать и растушёвывать, думая с досадой, что после тридцати танцевать до утра становится сложно. С другой стороны, до тридцати она и не танцевала вообще.

Наконец, соорудив на лице иллюзию прекрасного самочувствия и хорошего настроения, она взялась за телефон и набрала номер Этой.

Эта взяла трубку сразу, словно ждала звонка.

— Привет! А я боялась, что ты моё сообщение не увидела.

— Привет. Нет, я прочитала. Не могла сразу ответить, видишь ли.

— А... — Эта словно споткнулась, вся радость в голосе ушла дымком в это печальное «а...». — Занята?

— Да нет, — Елена встала, подошла к окну. Ничего достопримечательного не было видно из её окон, только крыши, крыши, черепица почти до горизонта, а там — высотные дома в солнечном мареве, серо-синие против солнца, на фоне бледно-голубого неба.

— Так... — Эта опять мямлила, выдавливая слова, — Мы встретимся? Ты... как?

— Я тут, если честно, прихожу в себя с дикого похмелья, — сказала Елена, — Когда твоя смс-ка пришла, меня чуть не вывернуло.

— А... что так?

— Ну что, ну как обычно, — Елена вдруг развеселилась. Объясни-ка человеку внешнему реалии танго-жизни. — Вчера у нас была милонга деньрожденная, поздравляли моего

близкого друга. Налопались, как поросята, плясали до пяти утра. Оно бы и ничего, но зачем-то я догонялась шампанским после куантро. Это была большая ошибка. Местные вообще мало пьют, но как дорвутся...

— Я думала, тут вообще не принято пить алкоголь, — удивилась Эта.

— Ну, у цивилон не принято, конечно, — Елена вздохнула, — Но в танцевальной тусовке люди другие. Ладно. Слушай-ка, а ты на этот раз как — нормально, или... — она как обычно смешалась, так и не найдя верного слова. Вот тоже тема. Казалось бы, они *тут* в одной тусовке, если это можно назвать тусовкой, но говорить об этом всё равно сложно.

— Или, — ответила Эта. Повисла пауза. Елена собралась с мыслями.

— Так, ладно. Ты где?

— На Таксим. В «Симит-сарая» сижу.

— Ну вот сиди, я подъеду минут через десять.

— Тебе взять что-нибудь?

Елена подумала.

— Ну... двойной эспрессо. А лучше не надо, остынет, я сама.

Эта как обычно устроилась за столиком напротив входа и рисовала. Перед ней стояла большая чашка американо и тарелка с какими-то «туристическими радостями». Фисташковые рулетики, слойки в сиропе, лукум. Убойные дозы сахара по неоправданно высокой цене. Елена, идя к столику, не без раздражения думала, что Этой невероятно повезло с метаболизмом: ела она всегда всё, что не приколочено, и в любых количествах, оставаясь всё такой же доской.

Едва она подошла и поставила свой эспрессо на столик, женщина за столиком вздрогнула, оторвала взгляд от скетчбука и уставилась на неё.

— А! — слегка испуганное выражение сменилось искренней радостью, — Лен, привет!

Елена отодвинула себе стул, села, положила рядом с чашкой портмоне и сдержанно ответила:

— Здравствуй.

Указала легким кивком головы на книжку в руках собеседницы:

— Для дела или так?

Та закрыла книжку, оставив между страниц маркер, положила у своего локтя, всё так же радостно улыбаясь. Ответила с энтузиазмом:

— Личный проект. То есть, пока это больше для удовольствия, но потом, кто знает...

— А что стало с предыдущим проектом? — поинтересовалась Елена, берясь за чашечку с кофе.

— А, — собеседница махнула рукой, — Сделала тонну набросков, потом пришёл большой заказ, стало некогда. Потом я как-то остыла. Но, — она обхватила обеими ладонями свою большую чашку и подалась вперед, к Елене, — Немного пользы от этого было! Несколько набросков я продала. Удачно получилось, знаешь, одной барышне понадобились картинки для книжки. Я ей сразу сказала, что полноценно иллюстрировать мне некогда сейчас, а она неожиданно решила, что вот ей как раз такие наброски отлично подойдут. — она хихикнула, — Представляю, как меня материл её дизайнер. Ну или кто там ей всё оформлял.

Елена отпила глоток, ещё один. Она каждый раз словно попадалась в какую-то ловушку. Пока Этой не было поблизости, она жила своей прекрасной раз навсегда налаженной

жизнью: днём работала в турфирме, вечером танцевала или ставила музыку для других танцующих, встречалась в необязательных отношениях с местным «маэстро», державшим свою танго-студию, и раз в несколько месяцев летала в родной город, в очередной раз сделать вид, что когда-нибудь вернётся «домой». Дом её между тем давно уже был тут, в Стамбуле.

Но вот появлялась Эта, и на Елену точно холодным ветром дуло из угла. Каждый раз Елена произносила одни и те же слова, так или этак пытаясь утвердить своё желание оставаться в рамках нормальной жизни, в декорациях здравого рассудка и размеренной повседневности. Но за Этой как будто тащился шлейф из опавших листьев, сигаретного дыма и выброшенных автобусных билетов, из дырявого кармана сыпались истраченные стержни от авторучки и мятые бумажки, на ботинки налипла глина, а на рукаве висел репейник. За её спиной сейчас была яркая оранжевая стенка кафе с синим постером, на котором замер в бесконечном кружении белый силуэт дервиша, но Елена поверх стены и постера (или параллельно с ними) словно видела приоткрытую дверь с серыми сумерками в проёме. Из этой двери всегда тянуло, Елена словно чувствовала движение возможностей и шевеление невероятного. Она зажмурилась, отпила ещё кофе и посмотрела прямо в глаза Этой.

— Давай сразу уточним кое-что, — начала она.

— Да-да, я понимаю! — женщина напротив снова сжала чашку, отпустила, сжала теперь одной ладонью другую. Её плечи, укрытые серой толстовкой, приподнялись, словно она хотела втянуть голову, защищаясь. — На этот раз совершенно не жду от тебя ничего... Да и не должно быть никаких... — она сжала пальцы ещё сильнее, и суставы защёлкали.

Елена скривилась — ненавистный звук! — и сказала, стараясь, чтобы слова не прозвучали резко:

— Я ведь тебе говорила, помнишь? Всегда готова быть другом. Как раньше. Но не более того. Сама понимаешь, как в прошлый раз...

— Нет, конечно! На этот раз ничего такого, — та подняла взгляд, снова улыбнувшись. Елена добавила, пытаясь придать голосу шуточные интонации:

— Только, бога ради, не хрусти пальцами! Я только-только в себя пришла, а от этого звука у меня опять желудок к горлу.

— Да, — Эта разняла пальцы и смирно положила руки по сторонам от чашки, — Прости.

Елена снова встретилась с ней взглядом и с тревогой призналась себе, что совсем не так уверена в своей позиции, как только что обозначила. Чтобы развеять морок, она встряхнула волосами, облокотилась о стол, упершись пальцами в висок и небрежно спросила:

— Так что, какие планы у тебя?

Женщина напротив, улыбаясь, сказала:

— Я, ты знаешь, через пару недель должна быть в Москве. Хочу отдохнуть немного, пару дней тут, потом... двинусь дальше.

— Тем же манером? — тихо спросила Елена.

— Ну а как ещё, — Эта всё улыбалась, — У меня, к сожалению, нет выездного штампа. Был один прошлогодний, но я потратила уже, надо было легально домой лететь.

— Ты не рассказывала, — недовольно сказала Елена, выпрямляясь.

— А, ну, — улыбка увяла, — Там семейные дела. Родственница... болела. И... они были в курсе, что я за границей.

Елена уставилась на собеседницу, словно она внезапно перекинулась чудовищем. Они?

Родственница? У Этой? Родственница болела, так что она срочно купила билет на регулярный рейс и потратила возможность легально въехать на родину?

— Я бы не хотела об этом, — сказала та.

Елена снова подперла свою идеальную щеку своими длинными пальцами с идеальным маникюром и ответила:

— Как скажешь.

Глава 13.

1999

Пара тянулась бесконечно. Елена сначала пыталась записывать, потом положила ручку и стала слушать, стараясь не уплыть в сон. Переписать потом можно, подумала она, сжимая челюсти, чтобы сдержать адскую зевоту. Большую часть ночи Елена провела за барной стойкой клуба «Тыщавольт», наливая пиво, водку, виски и газировку и насыпая фисташки в стеклянные блюдечки. Коктейли готовил её напарник Стас, высокомерный кудрявый блондин, всегда идеально одетый и свежий на вид. Свежий, как последняя сволочь, думала Елена, глядя, как этот хлыщ трясет шейкером, улыбается, поворачивает запястье, наливая напиток, сжимает щипцы для льда. Она очень хотела бы его трахнуть, но этот засранец, похоже, был голубой.

(Иначе никак не могла себе объяснить Елена тот факт, что Стас мог равнодушно ходить мимо высокой девушки с шикарной грудью и роскошными волосами, которая сногшибательно выглядела даже в предписанных дресскодом простой белой рубашке и темных брюках).

Елена, думая про Стаса, на секунду потеряла самоконтроль и тут же её челюсть предательски поползла вниз в медленном, невыносимо длинном, бесконечно широком сладострастном зевке. В тот же момент что-то хлестнуло её по лицу и она услышала возмущённый голос препода:

— Да прикройся хотя бы!

Оказывается, он шлепнул её по губам своей бумажкой с формулами. Вся немаленькая аудитории задрожала от хохота. Елена схватилась за лицо, чувствуя, как краснеет. Препад дождался, когда смех пойдёт на убыль и желчно сказал:

— Не моё дело, чем вы по ночам занимаетесь, но здесь будьте добры учиться, а не спать с открытыми глазами!

Студенты снова заржали. Хихикала даже Ольга, с которой они вроде как дружили. Елена сжала зубы так, что мышцы в щеках заныли и взялась за шариковую ручку. «Чтоб ты сдох, сморчок гнилой», — думала она про препода, который уже вернулся к доске и тыкал меловой палочкой в последнее преобразование, поясняя свои обозначения.

После окончания занятий она вышла из аудитории и быстро пошла в гардероб, а потом — прочь из корпуса, сквозь февральскую метель, к остановке автобуса. Она шла, представляя как бы со стороны, что снежинки забиваются в её распущенные волосы, оттеняя их глубокий цвет и блеск, ложатся трогательно на ресницы (подкрашенные водостойкой тушью) и на брови, а на щеках расцветает тёмный, южный матовый румянец. Она замедлила

шаг, представляя себя в кадре. Наезд, нежная округлая щека, щётка ресниц, тёмно-серая радужка чуть прищуренного блестящего глаза. Общий план, гибкая спина, стройные ноги в новых сапожках изящно ступают по одной линии, бедра, облитые чёрным пальто, мягко покачиваются.

Налетел ветер, швырнул снегом, поднял волосы облаком над головой. Елена ойкнула, рукой в перчатке прижала взбунтовавшиеся пряди и бегом вбежала под крышу остановки. Без толку: ветер дул сбоку, снег летел почти горизонтально. В крошечном павильончике и вокруг толпились такие же, как она, студенты: последние пары заканчивались одновременно у трёх факультетов. Елена попыталась пробраться глубже, спрятаться за спинами от ветра.

Протискиваясь между людьми, подошла Ольга.

— Ну ты чего убежала! — воскликнула она в своей обычной манере, — Я тебя еле догнала!

— Ты надо мной ржала, — сказала Елена.

— Чего? — Ольга уставилась на неё круглыми светлыми глазами в окружении рыжеватых ресниц, — Лен, ты чего вообще! — у неё был такой искренне удивленный вид, что Елена вздохнула, махнула рукой: — Ладно, проехали.

— Сегодня как обычно! — Ольга даже вопросы задавала словно вбивая гвозди.

— Сегодня не моя смена, — ответила Елена, — Можно, в принципе.

— Пойдём в «Милю»! — сказала Ольга, — Там будет Саня с биофака. И его там друзья ещё.

Не очень Елене хотелось тусить в «Миле». Это был небольшой клубчик с двумя танцполами и десятком столиков, там всегда болтались студенты младших курсов и другая подобная публика — безденежная, довольно унылая и бесперспективная.

— А что за Саня? — спросила она, чтобы только занять время.

— Да ну! Ты забыла что ли? Саня, который нам те самые сигаретки носил, помнишь, в «Парусе»?

Ах, «Парус». Елена вспомнила месяц, проведённый в профсоюзном доме отдыха после первого курса. Нда, ничего так было. Правда, пили они там многовато, да ещё вот курили всякую дрянь, после чего она навеки зареклась пробовать что-то наркотическое. Побочные эффекты были такие, что получаемый мелкий кайф того не стоил. Саню она помнила хорошо. Саня был тип наподобие Стаса. Тоже очень ухоженный, упакованный мальчик при деньгах. Бес его знает, чего он при таких родителях вообще пошёл на биофак. Такие мальчики обычно околачивались на юридическом или в инязе.

— Саня — в «Миле»? — спросила она, — чего он там забыл? Такие парни обычно тусуются в нормальных точках.

— А ты подумай, — хихикнула Ольга. — Знаешь, что про «Милю» говорят? — она улыбнулась какой-то нехорошей, ускользящей улыбкой и добавила:

— Что это место для особых мальчиков и девочек.

— Осо... — Елена вытаращила глаза — Для этих... Для...

— Ага, — Ольга с удовольствием кивнула, наблюдая реакцию подруги.

— Саня?.. — произнесла она растерянно.

— Совершенно точно, — кивнула Ольга, — Он мне сам сказал.

Вау, подумала Елена. Ничего себе ты с ним близко задружилась.

— Ну тогда мы ему на что, — сказала она, пытаясь говорить небрежно, — Раз он не по девочкам.

— А он любит тусовку. Чтобы вокруг весело было, чтобы друзья радовались. Друзья у него, кстати, многие вполне «по девочкам», — объяснила Ольга, — Он там типа такой душа компании. И у его компании это теперь типа база. Они там каждый вечер почти. Я его случайно встретила в главном корпусе, он за стипендией приходил, он меня узнал и позвал к ним.

— В смысле за стипендией? — удивилась Елена.

— А, ну, он староста группы, — объяснила Ольга.

Елена снова подумала — и зачем ему это? Она бы ни за что не стала старостой, начерта эта морока.

На светофоре остановился автобус, люди на остановке задвигались, теснясь к проезжей части.

— Наш, — сказала Ольга. Елена молча ждала, когда автобус подойдёт и самые ретивые пролезут вперёд. Ей и ехать-то было три остановки, и чуть подальше — Ольге.

Дома она плюхнулась на кровать, обняла большого плюшевого леопарда и закрыла глаза. Ей нужно было поспать хоть пару часов, иначе чёрта с два она сможет провести в клубе полночи. Как назло, сон не шёл. Она лежала, прислонившись щекой к мягкому искусственному меху леопарда, и вспоминала отдых в «Парусе».

— Только не затягивайся, — сказал Саня, — тут не в этом смысл.

— А в чём? — она с сомнением смотрела на тлеющую в руке папиросу.

— Надо набрать дым в рот и подержать. Всасывается через слизистую, — объяснил Саня. — Опытные курильщики могут и затягиваться, но на первые разы это будет пиздец жёстко.

Елена осторожно потянула в себя воздух через папироску, наполняя рот дымом. Немного дыма просочилось внутрь, и она тут же ощутила жжение внутри и закашлялась. Дым вырвался у неё изо рта, щипало глаза. Вокруг захихиками, зафыркали над ней другие участники вечеринки.

— Норм! — сказал Саня, отбирая у неё папироску, — Первый раз всегда так, — Он потянул немного дыма в рот, задержал, выдохнул, снова сунул папироску Елене в пальцы:

— Давай, не бойся. Набери в рот, как воду.

Она набрала, подержала немного, потом ещё немного, выдохнула. Во рту слегка кололо, словно по языку и щекам изнутри пошли мурашки. Она вдруг почувствовала какую-то лень и желание расслабиться. Откинулась на диванчик, вздохнула полной грудью. В глазах как будто помутилось, но это не было нарушением зрения, скорее, мир вокруг стал каким-то мягким. Она улыбнулась, спросила:

— Саня, а в чём эффект выражается?

Саня посмотрел ей в глаза, улыбаясь:

— Тебе просто делается хорошо. Ещё будешь?

— Сейчас, — она подняла руку ко рту, набрала дым, подержала, выпустила аккуратной струйкой. Саня нагнулся к ней, осторожно вынул остатки папироски из её пальцев со словами «Вот и хватит пока» и передал ещё кому-то.

Елена прикрыла глаза. Ей, и правда, постепенно делалось хорошо. Сложно было сказать, что именно было хорошо, но в целом она чувствовала себя как после длинного летнего дня (а так и было), наполненного чем-то приятным и весёлым — но вместо

усталости была лёгкость, словно тело стало воздушным. Как дым. Она почувствовала, что на диванчик рядом кто-то сел, прислонившись к ней горячим, плотным телом. Она была не против. Её обнимали, она обняла в ответ. Руки двигались по её груди и животу, потом она почувствовала губы на своих губах и ответила на поцелуй.

— Эй-эй! — откуда-то издалека донёлся голос Сани, — Не тут же, а?

— Уммм, — поцелуй прервался, Елена открыла глаза — Саня стоял рядом и трепал за плечо Олега, с которым она, оказывается, обнималась. Это было странно, она знала, что у Олега есть девушка, но Елене сейчас было в общем всё равно.

— Валите в нашу комнату, если невтерпёж, — Саня совал Олегу ключ.

— Да мы просто целовались, — сказала Елена, хихикая.

— Да я уж вижу, — сказал Саня, — давай, Олег, бери свою зазнобу за задницу и тащи в отдельный кабинет, нехер тут катулловы оргии устраивать.

Какие оргии? — подумала Елена. Олег уже поднял её на ноги и вёл по коридору прочь, в дальний конец, в комнату, где жили Саня и... (другой мальчик, Елена не помнила его имени).

Она, конечно, давно не была девственницей. Класса с десятого примерно. И к сексу относилась с умеренным энтузиазмом, помня о необходимости контрацепции и о возможных неприятностях, если партнёр окажется агрессивным или неумелым.

Олег таким не был. Он без напоминаний надел резинку, он знал, где трогать и как ласкать, и уже к середине процесса Елена поняла, что, пожалуй, это самый удачный секс в её жизни. Она легко двигалась в ритме его тела, чувствуя, как нарастает наслаждение, неравномерными волнами накатывая и спадая, каждый раз лишь чуть-чуть не дотягивая до разрядки. Елена была готова к тому, что разрядки и не будет — раньше ей удавалось кончить только при мастурбации. Но на этот раз было действительно хорошо. Олег чуть снизил темп движения, но при этом изогнулся, ловя губами и языком её соски — один, другой, потом освободил одну руку, чуть приподнялся и скользнул пальцами в промежность. Возбуждение взорвалось, как фейерверк. Елена взвизгнула, по её телу прошла волна судорог и несколько бесконечных секунд она плыла в потоке чистого кайфа, потеряв чувство себя. Точнее, она словно сама стала этим кайфом с головы до ног.

Потом она поняла, что лежит, тяжело дыша — со всхлипом, точно после спринта, а по всему телу выступил пот. Олег висел над ней, опершись руками, и тоже дышал тяжело, так что качались длинные волосы, упавшие на глаза. Она шевельнулась, пытаясь отстраниться, парень, придерживая презерватив, осторожно отодвинулся и перекатился на спину. Они молча лежали ещё несколько минут, слушая, как успокаивается дыхание, чувствуя, как развеивается туман в голове и подсыхает пот на теле.

Наконец Олег сел, завозился — Елена отвернулась на другую сторону кровати, не желая смотреть, как он будет снимать и убирать резинку. Нашла на полу свои джинсы, поискала взглядом остальное — трусы и лифчик висели на спинке кровати, футболка, скомканная, валялась на подушке. Елена медленно оделась, стараясь не смотреть на Олега, потом просто вышла из комнаты и побрела к выходу из корпуса.

Она пришла в себя, тяжело дыша. Правая рука зажата между ног, сердце колотится, на спине влажно. Она медленно вдохнула поглубже, выдохнула, вытащила руку из трусов. «Чёрт, опять», подумала она с тревогой. На этот раз пронесло... Она бы предпочла нормальный секс, но парня у неё сейчас не было. Она перевернулась на спину, заложила

руки за голову, подумала, что, может, в этот раз в клубе...

«Для особенных мальчиков и девочек», вспомнила она, и её тревога почти сменилась досадой.

Глава 14.

В клубе было как в клубе: темнота, стробоскоп над одним танцполом, большие малиновые и фиолетовые прожекторы над вторым, тяжелая пульсирующая музыка с какой-то свистящей многократно повторяющейся темой на фоне гулких басов и завываний. Елена давно привыкла музыку не замечать, потому что полюбить этот жанр ей не удалось, но на этот раз мерзкие звуки буквально ввинчивались в голову. Уии-виии-виууууиии-виу-виу-виии! И снова, снова по кругу — уии-виии... Она почти пожалела, что в своё время выбрала для тусовок дискотеки, а не неформальские рок-концерты. Рок-музыка ей почти нравилась (она даже была на концерте «Арии» один раз). Но нефоры были по большей части грязными, нищими и уродливыми. А Елена была умной, ухоженной девочкой из нормальной семьи.

Ольга тащила её по краю танцпола к бару, уже размахивая рукой в чей-то адрес, её заметили, тоже замахали руками какие-то девицы и парни с высоких барных табуреток. Визжащая композиция пошла на убыль, пульсация басов перекрыла свист, с танцпола кто-то что-то выкрикнул, музыка стихла и тут же зазвучала снова — на этот раз привычная танцевальная унца-унца, под которую мрачно ныл на английском солист.

У бара Ольга тут же бросилась обниматься с какой-то девушкой в экстракоротких шортиках, сетчатых колготках и майке «на одно плечо», которая под клубной подсветкой бликовала пугающими фиолетово-белыми отсветами. Елена приготовилась пережить всеобщее братание, но Ольга тут же вытащила её поближе и принялась знакомить со всеми. Елена, улыбаясь, кивая и пытаясь запомнить хотя бы половину имён, изумлялась — когда Ольга успела назаводить столько знакомств! Из присутствующих Елене были знакомы двое: Саня (который отсалютовал ей бокалом с джин-тоником от дальнего конца стойки) и сидящий рядом с ним как-его-там-мальчик. Санин сосед по комнате. Елена вдруг сложила два и два и от внезапной неловкости сказала «да» на вопрос «ты виски пьёшь?». Вопрос задал один из новых приятелей Ольги, чьё имя Елена благополучно прослушала.

— Эй-ей! Какой ещё виски! — завопила Ольга, — Это ты тут мальчик-мажор, а мы бедные студентки, вообще-то!

«Мальчик-мажор» засмеялся и уверил Ольгу, что угощает. Девушка в шортиках, назвавшаяся Дианой, обнимала Ольгу, наклонившись ей на плечо со своего «наседа». Она повернулась к «мажору» и сказала, чуть потягивая гласные:

— Диим, ну ты мееесто девочке уступи!

— Которой? — спросил «мажор», спрыгивая со своего места.

— Моей, — лукаво улыбнулась Диана, подталкивая Ольгу к освободившемуся табурету.

Дима-мажор обернулся к Елене:

— Вот нахалка, а? Ты смотри, она у тебя подружку уведёт.

— В смысле! — завопила Ольга, — Мы просто подружки, а не такие подружки!

Вся компания у бара заржала так, что почти перекрыла музыку. С танцпола заорали в ответ. Подошёл бармен, Дима-мажор озвучил «две белых лошади со льдом» и повернулся к Елене.

— Хочешь, пойдём за столик. Эти жлобы тут всё обсели, как голуби (кто-то из «жлобов» что-то воскликнул неодобрительное, кто-то засмеялся).

— Ваши напитки, — сказал над их головами бармен. Дима обернулся, забрал оба толстых стакана, в которых поблескивали кубики льда, и пошёл к дальней стене, возле которой стояли столики и мягкие диванчики. Елена пошла за ним.

— Лен, я щас подойду! — крикнула ей в спину Ольга. «Не пушууу», тянула капризно Диана. Елена, не оборачиваясь, отмахнулась.

Дима поставил стаканы, сел, повёл рукой приглашающе, и Елена, моментально приняв решение, устроилась на том же диванчике.

— Раньше тебя тут не видел, — сказал он.

— Да я обычно в «Тыщевольт» зависаю, — ответила она, не уточняя.

— А, — Дима отпил из своего стакана, потом закинул голову назад, прикрыл глаза, замер — и тут же вернулся в нормальное положение, заулыбался:

— Слушай, я тебя вспомнил. Ты там работаешь.

«Бля», подумала Елена. Дима её досады не заметил, он вполне дружелюбно продолжал:

— Тебе, кстати, форма идёт. Идёт к твоим формам, — он отпил ещё из стакана. Елена сидела молча, поджав губы.

Дима повернулся к Елене всем телом:

— Не обидел? Нормас? Я в хорошем смысле.

— Нормас, — ответила она, тоже взяла стакан (скорее ощутила, чем услышала, как толкнутся в нём кубики льда). Отпила небольшой глоток. Постаралась сохранить невозмутимое выражение лица, но, видно, получилось так себе. Дима снова разулыбался, сказал:

— Льда мало.

— Н-нет, норм, — Елена задержала дыхание, сделала ещё глоток и аккуратно выдохнула. По груди плеснуло теплом, разошлось в глубину.

Дима откинулся на спинку дивана, сказал, глядя на танцпол:

— Бесят такие места, если бы не Саня — я бы сюда не ходил.

— Чем бесят?

— Музло тупое. Сорри, но я как-то больше по гранжу.

Елена опять постаралась совладать с лицом, и опять не очень удалось, но Дима на неё не смотрел в тот момент. Спросил, не отрывая взгляда от дергающихся под вспышками света людей:

— Ну а ты?

— А я вообще не меломанка, — честно ответила Елена, — Мне в целом пофиг.

— Тоже вариант, — согласился Дима. Поболтал содержимое стакана, отпил. Елена почувствовала, как возникает напряжение — пауза чуть затянулась, надо бы что-то сказать, но ей казалось, что обычное легкомысленное с этим чуваком не прокатит. Вдруг он повернулся к ней и сказал:

— Даже не знаю, о чём болтать с такой барышней, как ты. Серьёзная такая.

От барной стойки раздался очередной взрыв хохота, они посмотрели туда — Саня что-то рассказывал, размахивая руками, молодые люди вокруг ржали, хватаясь друг за друга и шлепая ладонями по стойке.

— Санёк звезда, — мягко сказал Дима, поднял стакан, — Давай выпьем за нашего Саню.

Серьёзно? — пронеслось у Елены в голове, но она спорить не стала, подняла свой и легонько тюкнула краешком о Димин. Потом от души глотнула.

Дима, как оказалось, допил свою порцию, побренчал остатками льда:

— Пойду ещё возьму. Ты как?

— Пока не надо, — она показала свой стакан, в котором ещё на треть темнела жидкость. Дима кивнул, поднялся с диванчика и ушёл к стойке. Елена вздохнула, перевела взгляд на танцпол. Под очередную унцацу в центре зажигала высокая худая девушка в обтягивающем блестящем платье и лаковых полуботинках на шпильке. У неё были короткие осветленные волосы, которые вспыхивали в лучах стробоскопа. Девушка быстро делала легкие, резкие изломанные движения, сводила и разводила колени, поднимала руки пугающими змеистыми жестами, потом вдруг замедлялась, перегибаясь в пояснице, поводила бедрами и размашисто, плавно перекачивала голову от плеча к плечу. Елена залипла, не в силах оторвать от этой змеищи взгляд. Круг танцующих заметно расступился, освободив ей весь центр танцпола, и все они, те, что были вокруг, практически перестали танцевать — только механически переступали под музыку, плясь на девушку, как замороженные. Музыка к финалу ускорялась, змея-блондинка вертелась и извивалась, а в конце вскинула руки и вдруг упала на одно колено — с последней нотой композиции. Люди вокруг взвыли, запрыгали, а она поднялась и как ни в чём ни бывало пошла, расталкивая их, к бару.

— Лёлька охуенная, — сказал кто-то у Елены над ухом. Елена вздрогнула, отрывая взгляд от охуенной змеищи — это Дима вернулся с ещё одним виски, сел рядом. — Обалдеть, да? Она инструктором по танцевальной гимнастике работает. Профи.

Вроде, это должно было её разочаровать, но нет. Мысль, что кто-то может вот так зарабатывать деньги, Елену скорее восхитила.

— Но я тебе от души не советую.

Елена изумилась:

— Танцевать?

Дима засмеялся:

— Да не! Лёльку клеить. Она, во-первых, универсальный солдат и ебёт всё, что не приколочено. Но чаще всего только один раз. А во-вторых, у неё сейчас вроде как сложный период, так что внезапно можно попасть на чувства. А это ещё хуже, потому что она ревнивая собственница, хуже какого «нового русского».

Елена допила всё, что оставалось в её стакане, поставила его на стол и не стала спрашивать, откуда информация. Вместо этого она сказала, произнося слова ровно и мягко:

— Я придерживаюсь гетеросексуальной ориентации. Так что предпочла бы склеить тебя, например.

— У! — Дима тоже поставил стакан и начал было уже что-то говорить, как из колонок внезапно полилась новая музыка — тоже унцаца, но медленная, приправленная эротическими стонами и вздохами, и грубым речитативом.

— О, медляк, — Дима похлопал себя по бедрам, словно завис в сомнениях, — Слушай, это дико тупо и пошло, но пошли, что ли, потопчемся?

— Ну пошли, что ли, — ответила Елена.

Стробоскоп погас, остался только подсвеченный неярким лучом зеркальный шар. На танцполе уже топтались несколько пар в заунывном кружении — с ноги на ногу, обнявшись, по часовой стрелке или против, как кому подсказывало воображение. Дима предложил

Елене руку, потом придвинул к себе — она с готовностью прислонилась к его груди, положила вторую руку ему на плечо. Он был худой, но не чересчур; от его рубашки приятно пахло каким-то хвойным ароматом. На щеке, до которой она дотянулась виском, была чуть отросшая щетина по мимолётной моде последних месяцев ходить с аккуратной трёхдневной «небритостью». Шаг, шаг, с ноги на ногу, мягко покачиваясь под глухие, точно ватные, басы. Солист надрывно бормотал, ему в контрапункт нежно пел бэк-вокал. Рука Димы поглаживала Елене спину. Она подняла лицо, их губы оказались рядом, но против ожидания он не стал тут же лезть с поцелуем. Сперва немного наклонился (шаг-шаг, с ноги на ногу, шаг-шаг), коснулся кончиком носа её щеки. Потом поцеловал — осторожно — скулу, повёл губами вниз, к уголку рта. Она согласно повернула голову, чтобы ему было удобнее.

От его дыхания пахло алкоголем, но пока не противно, а даже отчасти приятно. Он умело брал её губы своими, чуть сжимал, поводил языком. Она отвечала, поцелуй становился плотнее, потом она сама скользнула языком ему в рот. Почувствовала, как его рука сползает по её спине ниже, гладит ягодицы, чуть сжимает.

Они целовались, пока не начала стихать музыка. Потом оторвались друг от друга — оба с негромкими неловкими смешками, которые тут же заглушила следующая танцевальная унца-ца. Дима взял Елену за руку и отвёл назад, за столик. Она чувствовала легкое возбуждение, словно делала что-то немного нехорошее, но чертовски увлекательное. У неё уже почти год не было постоянного парня, а на какие-то мелкие шашни ей в последнее время катастрофически не хватало времени. Работа доедала все силы, которые оставались от учёбы — и вот ещё эти дурацкие клубные тусовки, на которых она, по ощущениям, бездарно тратила время.

Пока она устраивалась на диванчике, Дима успел сходить в бар и принёс ещё стакан.

— Хорош, — сказала Елена, чуть повышая голос, чтобы перекрыть очередную музыку, — Иначе я сейчас быстро уберусь в дрова. Что ты будешь делать с пьяной девушкой?

Дима сел, снова довольно улыбаясь, сказал:

— Увезу к себе и буду ублажать до утра всеми возможными способами.

— Ой, батюшки, — Елена вдруг ощутила раздражение и как бы не разочарование, — Для этого напиваться необязательно.

— Серьёзно? — он придвинулся к ней, заглянул в глаза.

— Серьёзно, — Елена тоже придвинулась, так что снова услышала запах его дыхания. — Если хочешь — поехали к тебе, у меня только одно условие.

— Какое?

— Презерватив, — быстро сказала она. Дима склонил голову к плечу, слегка прикусил нижнюю губу, потом снова улыбнулся широко, на все тридцать два зуба:

— Да, детка.

Встал, протянул ей руку, а когда она вложила в его ладонь пальцы — подхватил и легко поднял её с диванчика.

Глава 15.

Когда-то давно, тысячу лет назад, а точнее — в девятом классе, Елена приехала на каникулы в бабушке, в огромный дом на краю районного центра. Ей было тринадцать, а её двоюродному брату — восемнадцать. Она в теории уже довольно много знала про секс,

умела доставить себе удовольствие, но с противоположным полом дел ещё не имела. Брат, с которым она не виделась года три, внезапно оказался спортивным, весёлым и доброжелательным к «малявке». Она две недели ездила позади него на мотоцикле на сборища местной шпаны, где её приняли равнодушно-благосклонно и не трогали. Потом однажды они пошли купаться, и Елена увидела брата выходящим из воды в мокрых плавках — там явно что-то бугрилось, даже торчало. Он подошёл, шлёпнул её мокрой рукой по нагретым солнцем лопаткам, но она не завизжала, не убежала к воде, а словно впервые стала рассматривать его тело. Он убрал руку, но в его глазах тоже что-то поменялось.

Пару дней спустя он лишил её невинности прямо в своей комнате, довольно торопливо и не слишком бережно, пока взрослых не было рядом. Ей не очень понравилось, хотя сначала она довольно сильно возбудилась.

Родственничек не подумал про контрацепцию, и следующие пару недель она провела в довольно неприятном ожидании. Брат попытался сунуться к ней ещё раз, на усаде за домом, но она молча отпинала его по голням и убежала. Больше он попыток не делал.

С возможной беременностью обошлось, но она дала себе зарок раз и навсегда — никакого, нахрен, незащищенного секса. Когда долгожданная менструация пришла, Елена спряталась в спальне, где спала она и родители, и торопливо, надеясь, что никто не войдёт, стала мастурбировать. Ей это всегда помогало от неприятных ощущений. В этот раз как будто что-то изменилось. Возбуждение было сильнее и нарастало быстро, Елена даже хотела чуть приостановиться, чтобы продлить удовольствие, но не успела — оргазм пришёл как шквал. Она забилась в короткой судороге, потом на мгновение замерла, а потом последняя сильная волна тряхнула её. Елена полежала, постепенно расслабляясь, чувствуя, как немного плывёт сознание, вздохнула и на несколько секунд как будто отрубилась.

Почти сразу очнулась. Что-то было не так. Почему-то кололась подушка под щекой. Елена подняла к лицу ладонь, потёрла глаза, повернулась на спину. Над ней было чистое вечернее небо, перечеркнутое качающимися стеблями какой-то травы. Она издала невнятный хриплый звук и села. Вокруг было поле. Плотными стенами стояли колосья (Елена понятия не имела — чего), под задницей была сухая земля — верно, дождя не было уже неделю. Елена отняла руку от лица — на пальцах была размазанная засохшая кровь. В лицо бросилась краска от ужаса и стыда. Она вскочила, в панике огляделась по сторонам, не сразу поняв, что видит. Справа вдалеке высилась одиноким перстом колокольня. Слева были видны деревья и крыши. Вот там, в стороне от крыш, поднялось облако пыли — это была машина, едущая по грунтовке. Елена медленно пошла в сторону дороги, оставляя за собой примятый след на поле.

— Эй, о чём задумалась? — Елена открыла глаза, повернулась от окна к водителю. Дима поглядывал на неё со сложным выражением на лице. Должно быть, прикидывал, не передумала ли она.

— Ты не поверишь, — сказала она, усмехаясь.

— А всё-таки.

— Я вспоминала свой первый секс.

Он было открыл рот — но предполагавшаяся легкая пошлая шуточка не прозвучала. Машина повернула с улицы во двор, покрутилась по придомовой территории. Наконец, Дима остановил её, дернул ручник и повернул ключ. Мотор замолчал. Они посидели в тишине, как будто собирались что-то обсудить, да не решались начать.

— Должен предупредить, — Дима завозился, отстёгивая ремень безопасности, — Я живу не один. В смысле, мы квартиру на двоих снимаем с чуваком.

Елена тоже отстегнула ремень, открыла дверцу, осторожно выставила ногу на покрытый снегом тротуар, убедилась, что каблук не соскользнёт, оттолкнулась от кресла. Кто бы знал, как она ненавидела вылезать из машины на каблуках! Это мерзкое чувство, что ты напрягаешь все силы, чтобы не поехать, не потерять равновесие, не шлёпнуться задницей на асфальт. Кажется, что и суставы ноют от напряжения, и каблуки эти проклятые трещат и вот-вот сломаются. Да ещё не удариться о верх. Наконец она выпрямилась, одёрнула свою мини-юбку из пушистого трикотажа и повернулась к подъезду. Дима ждал её, стоя в двух шагах, не делая попыток подать руку или как-то иначе помочь. Сама виновата, подумала она с досадой, надо было сидеть и ждать, пока он мне дверцу откроет.

— Так что там твой чувак? — спросила она, убирая волосы назад.

— Должен был сегодня уйти, но не факт. — Дима вежливым жестом указал на дверь подъезда, но на этот раз таки решил поджентльменить — обогнал и взялся за ручку сам.

— Неважно, — сказала она, шагая в подъезд. Её охватило нетерпение. Ей необходимо было заняться сексом с мужчиной, черт возьми. Ещё месяц-другой — и очередная мастурбация может закончиться... Елена тряхнула головой, прикусила губу и быстро спросила:

— Какой этаж?

— Первый. Сразу направо.

В подъезде было светло, довольно чисто. Оно и понятно, дом был «хороший», в центральном районе, старой удобной планировки квартиры. Тут жили люди обеспеченные, или снимали вот такие мажоры, как Дима. Она свернула направо, потом посторонилась, давая спутнику пройти к двери — массивной, железной двери с двумя серьёзными замками. Он позвенел ключами, замки тихо клацнули, дверь открылась, пропуская их в коридор квартиры. Внутри было тихо и темно, видимо, сосед и правда ушёл. Дима протянул руку куда-то вправо, щелкнул выключателем, загорелся одинокий плафон с тускловатой лампочкой. Дима обернулся, чуть нагнулся и прикрыл дверь за спиной Елены. И остался так стоять, нависая над ней.

— Только не говори, что у тебя нет кровати, и мы прямо здесь начнём, — сказала она резковато, поднимая к нему лицо и выпячивая подбородок.

— Не-е-а, — протянул он, наклонился ещё и неожиданно провёл языком по её подбородку. Елена вздрогнула, засмеялась, а он выпрямился, убрал руку и принялся неспешно снимать верхнюю одежду. Кинул кашне на полочку, повесил дублёнку, сбросил небрежно черные замшевые кроссовки. Обернулся.

— Тебе помочь?

— А... нет, — она тоже скинула своё пальто, повесила, нагнулась, чтобы расстегнуть молнии на сапогах.

— Позволь мне, — Дима опустил на одно колено, взялся за собачку на правом сапоге, медленно потянул вниз. На лице у него опять сияла эта безмятежная улыбка, которая вдруг начала не то, чтобы пугать, но немного напрягать. Вот он расстегнул молнию до конца, взялся за задник. Елена приподняла ногу, и ей тут же пришлось схватиться за его плечо, чтобы не потерять равновесие.

— Теперь другую, — сказал Дима, когда она поставила освобожденную от каблука ногу на прохладный ребристый коврик.

Всё это было довольно странно. Она в общем ожидала чего-то чуть более делового и при этом неловкого, как случилось у неё раньше с такими встречами на раз. Они бы быстренько прошли на кухню, выпили ещё немного спиртного — просто чтобы поддержать контакт, потом пошли бы в постель и занялись сексом. Но у её нынешнего партнёра явно был какой-то другой взгляд на эти вещи.

Он не повёл её на кухню. Он отодвинул под вешалку её сапоги, поднялся с колен и протянул ей руку ладонью вверх. «Ну ладно», подумала она, подавая руку. Дима улыбнулся и повёл её по слабо освещённому коридору в самый конец, а там, не включая свет — в просторную комнату, которую скудно освещал фонарь, горевший за окном как раз напротив. У стены стояла широкая кровать, аккуратно застеленная покрывалом. Дима отпустил её руку, взялся за покрывало и скинул его на пол.

— Располагайся.

Елена пожалала плечами и начала стаскивать с себя кофточку со стразами. Кинула на пол. Подцепила резинку юбки, медленно потянула её вниз, по бёдрам, до колен, потом вышагнула из неё, тоже оставив на полу.

Когда она расстегивала бюстгалтер, Дима уже полулежал, опершись на локоть, и ждал её.

Обещания, которые давало его тело во время танца и потом, когда они целовались в постели, оказались лживыми. Он был из тех ленивых самодовольных мальчиков, которые сразу рвутся залезть членом внутрь, а потом однообразно долбят, быстро кончая. Елена сразу поняла, что от него толку мало, и попыталась сама себя дополнительно возбудить. И всё равно не успела — он кончил с шумным фырканьем, вцепившись одной рукой ей в ягодицу. Елена почти сразу отодвинулась, но он прижал её к простыне:

— погоди, я могу тебе сделать хорошо по-другому...

— Не нужно, — она поймала его за плечо.

— Я умею, — он уже лез жадными пальцами к её лобку, наклонял голову. Елена схватила его за волосы и сказала чуть жёстче:

— Молодец, но не надо. Я так не люблю.

Он сперва замер, потом неловко задвигался, отползая в сторону, бормоча «Да ладно, как хочешь, дело твоё». Потом встал, ушёл куда-то — видимо, в душ. Елена зевнула, натянула на себя одеяло и свернулась комочком на боку. Она зверски устала и хотела спать. Ей повезло, её бездарный любовник не стал её будить и выпроваживать. Они оба проснулись от заунывно-въедливого пиканья будильника в семь утра.

— Давай проясним кое-что, — сказал он, аккуратно ставя перед Еленой чашку с кофе. — Было хорошо, но продолжения я не планирую.

Елена подняла на него взгляд (она не выспалась, резкое освещение кухни заставляло её щуриться):

— С чего ты взял, что мне надо продолжение?

Дима поставил свою чашку так же аккуратно, сел, сказал всё с той же улыбкой:

— Твоя подруга сказала, что ты хочешь найти парня. Но в нашей тусовке это тебе не светит.

Елена поставила чашку, из которой уже собиралась отпить, и спросила:

— Неужели?

— Без обид, — Дима отпил кофе, посидел пару секунд с прикрытыми глазами. — Но я тебя действительно вспомнил. Все в курсе, что ты спала с Олегом. А также с каким-то парнем с эконома, а также с чуваком из твоего бара. Ты шлюха. Тебя поэтому и позвали вчера.

Елена чуть подалась назад, но потом расслабилась и отпила кофе.

— А ты, значит, спишь с разными девицами регулярно, но не шлюха.

— Я мужчина, — Дима довольно улыбнулся.

— Пффф, — Елена снова поставила чашку на стол, — Какая разница? Ты любишь секс. Я люблю секс.

— На таких, как ты, не женятся, — сказал Дима, продолжая улыбаться, — А за таких, как я, охотно выходят замуж.

Елена покачала головой, встала.

— Если ты правда хочешь хоть на ком-то жениться, тебе надо научиться пасть вовремя захлопывать. Потому что трахаешься ты так себе, да ещё и тупой.

Елена отвернулась и пошла в прихожую. Дима сказал ей в спину «Шлюха, дешёвка» или что-то вроде этого, но она уже застегивала замочки на сапогах. Всё, что она чувствовала — это досаду за напрасно потраченное время.

Глава 16.

Автобус медленно плёлся по забитой машинами улице. Пробка была зачётная — через весь мост и на несколько кварталов с обеих сторон от него. Пятница, вечер, внезапный февральский снегопад, сокративший видимость до десятка метров. Елена сидела, прислонившись головой к стеклу окна и пытаясь подремать. Как только она начинала соскальзывать в сон, пробка приходила в движение, автобус дергало и трясло, вытягивая девушку из сна. В очередной раз проснувшись, она тяжело, длинно зевнула и потёрла пальцами веки. В глаза точно песку насыпали. Полноценный учебный день после смены на работе после учебного дня, того, когда она не выпалась в постели жалкого ублюдка.

Иногда ей казалось, что она не выспится уже никогда. Смены, учёба, тусня в клубах, снова учёба, потом приходили выходные, и она честно собиралась прийти домой часов в восемь и лечь спать, но всё время что-то случалось — и она опять притаскивалась за полночь или ночевала нетрезвая где-то ещё, где было чаще всего не очень удобно и не всегда безопасно. Год назад родители ещё пытались что-то говорить насчёт её образа жизни. Но потом она нашла работу и четко обозначила границы. В общем, это было уже даже и необязательно. Родители пережили её совершеннолетие, признали её взрослой и почти смирились с тем, что она прожигает свою молодость и здоровье не самым разумным образом.

В целом её всё устраивало. Ну, не выпалась, вот дела. «На том свете выплюсь», — говорила она себе, прикладывая охлаждающие полоски к красным векам, замазывая тональником сероватое лицо и нанося поверх румяна. Иной раз ей удавалось поспать шесть-семь часов в сутки, и она почти приходила в норму. Но иногда несколько дней слипались в один тяжелый липкий ком, который ей приходилось как бы тащить на спине, с трудом переставляя ноги. Она дремала в транспорте, перехватывала полчаса между вузом и работой, но ноша бессонного времени от этого словно только тяжелела.

«Зато точно ничего уже не хочется», — подумала она, усмехаясь. Снова прикрыла глаза, прислонилась к холодному окну. Автобус резко встал, Елену мотнуло вперед, и она едва успела подставить руки, иначе треснулась бы головой о подголовник кресла впереди. Некоторые пассажиры не успели среагировать, и теперь ругались и охали упавшие и ушибленные.

— Всё, приехали, — заорал со своего места водила.

— Чего такое? Что случилось? Почему встали? — заголосили пассажиры, привставая с сидений, вытягивая шеи, пытаясь протолкаться вперед.

— Авария там, — сказала кондукторша, молодая худая девчонка в спортивном костюме и овчинной безрукавке, — Не проехать.

— Ну, выпускай тогда, — заявил кто-то у передней двери. Двери открылись, люди начали с ворчанием и руганью вываливаться наружу, кондукторша закричала «Ой, да погодите, куда вы на проезжую часть» — её не слушали.

Елена дождалась, когда в салоне станет свободно, встала, прошла вперед. Спросила:

— Совсем глухо, или поедете ещё?

— А пёс его знает, — отозвался резким прокуренным голосом водила, — Пока гаишники подъедут. И ещё не факт, что растащат быстро, они вона как смялись.

Елена медленно спустилась вон из автобуса, отошла, поглядывая по сторонам, на тротуар. Люди не спешили расходиться, стояли кучками, тянули руки, указывая на смятые, перевёрнутые машины дальше по дороге. Елена отвернулась и пошла прочь, во дворы, рассчитывая срезать путь до соседней улицы Горького. Усилился ветер, снег летел в лицо, дома почти скрылись за волнующейся и вихрящейся белой пеленой.

Она уже почти вышла к нужной ей арке между домами, когда сзади засигналила машина. Елена вздрогнула, отошла от края тротуара. С ней поравнялся нос незнакомой серой машины, и снова раздался короткий прерывистый «би. ип». Она остановилась, машина встала тоже. Дверца хлопнула, из машины выскочил незнакомый человек.

— Извините, я не хотел вас пугать, — он обошёл бампер и остановился напротив.

— Я не напугана, — ответила она, разглядывая незнакомца. Высокий (даже по сравнению с ней), плотный, кожаная куртка, черная футболка, черные джинсы. Она вернулась взглядом к его лицу. Короткая стрижка, очки, крупный нос, тонкие бледные губы. Постарше её лет на десять, пожалуй.

— Вы меня, наверное, не помните, — он смотрел открыто, спокойно, — Я бываю в клубе, где вы работаете.

— А, — она покивала, — Так себе клубешник.

— Вот и я подумал, что вы могли бы больше, чем пиво разливать, — он слегка улыбнулся.

— Если вы про девочек по вызову... — начала она, засовывая руки в карманы пальто, но мужчина нетерпеливо махнул рукой, поморщился, перебил:

— Да нет.

— А что тогда?

Он снова улыбнулся. Сказал:

— Мне нужна девочка на ресепшен. Я перетёр со Стасом, он посоветовал тебя. — Елена так удивилась, что даже не заметила перехода на ты.

— Стас?!

— Он сказал, что ты аккуратная, спокойная и ответственная девочка. Хотя и

совершенно не в его вкусе, — собеседник сделал шаг, оказался близко, — Я обычно ищу себе людей по рекомендациям. Не доверяю этой фигне с объявлениями.

— А... — Елена собрала мысли в кучу, — Так, а ресепшен у вас чего?

— Ага, ближе к делу. Удачно я тебя заметил, и до следующей смены ждать не пришлось, — он кивнул в сторону машины, — Поедем, покажу, объясню всё. — и, заметив, что она колеблется, добавил: — Пойми меня правильно. Девочку найти не сложно. Но ты высокая, внешность что надо, видимо, не дура, раз студентка. И для тебя это очевидное изменение к лучшему. Во всяком случае, платить я тебе буду больше, и ночных смен много не будет. Ну?

— Окей, — она шагнула к машине.

Выезжая из двора, новый знакомец говорил.

— Я Илья, у меня небольшая гостиница и сауна. Да, ты всё правильно сейчас подумала, но тебя это не коснётся. У меня всё чётко, штат — это штат, бляди — это бляди, — он дал по газам, проскакивая на желтый в поворот, — И от штата мне нужна четкая профессиональная работа. Взамен я даю нормальный оклад, приличный график работы и защиту от хуйни. — Он вполголоса выругался, когда какая-то машина притёрлась перед ним, поднимая пробуксовавшими колёсами фонтаны грязного снега.

— Официальное оформление? — спросила Елена.

— А у тебя трудовая книжка есть? — поинтересовался он, не отрывая взгляда от дороги.

— Ну... нет.

— Будет, — пообещал он, — Но учти, если проебёшься по-крупному — я тебя и уволю официально, по статье.

В машине было тепло, Илья вёл быстро и совсем чуть-чуть лишку агрессивно. Елена расслабилась, чуть съехав на сиденье. Глаза слипались, ей пришлось зажмуриться на секунду. Очень не хотелось вырубиться через пять минут знакомства с потенциальным работодателем. «А может, и не только», — подумала она, пытаясь взбодриться.

Машина свернула под арку старого кирпичного дома, резко остановилась. Илья заглушил мотор и повернулся к Елене:

— Приехали.

Десять метров до высокого крыльца с коваными перилами и навесом показались бесконечными. Ветер всё усиливался, снег теперь шёл мелкими твёрдыми крупинками, которые секли лицо. Елена кое-как поднялась по обледеневшим ступенькам, но на верхней каблук её таки подвёл, и она скользнула левой ногой. Напрягла икру изо всех сил, но уже чувствовала, как ползёт каблук, сгибается голеностоп, а колено устремляется к краю ступеньки.

Илья обернулся и взял её за оба локтя. Она ещё успела ойкнуть, но тут же поняла, что не падает, а почти висит в его руках. Потом он осторожно ослабил хватку, убедился, что она стоит нормально и сказал:

— Надо бы песку, что ли, накидать. Ещё навернётся кто-нибудь. — и взялся за ручку двери.

— С...спасибо, — сказала она ему в спину, но он уже открывал дверь, заходил, не особо интересуясь, как она там, уверенный, что она войдёт следом.

Внутри была баня. То есть, разумеется, там был небольшой холл с двумя окнами, стойка с часами и полка с ключами, лимонное дерево в кадке и двери куда-то ещё, но выглядело это обшитое золотистой вагонкой помещение натурально как баня какого-нибудь

состоятельного милицейского пенсионера из знакомых её дедушки. Стойка, правда, была из карельской берёзы, из неё же — ободок больших часов на стене, но делу это не помогало. Интерьер был очень смешной. На стойке в качестве украшения стояла кустарная композиция из двух глиняных фигурок — мужик и баба в бане, с вениками и шайками, розовые, толстые, с улыбающимися круглыми лицами. На стене между двух окон висело тележное колесо, на его спицы были навязаны яркие разноцветные атласные ленты. В других простенках помещались тканые панно с белотелыми голыми женщинами на голубом фоне. Над панно висели светильники-шары с бронзовыми листьями на витых креплениях. На полу чуть в сторону от входа были расстелены типичные деревенские «дорожки», тканые из нарезанных лентой остатков ткани. А-ля рюс. Деревенская романтика. «Интересно, у них и в номерах вагонка?» — подумала Елена, оглядываясь.

За стойкой обозначилась коротко стриженная темноволосая женщина лет тридцати в сером свитере, весело сказала:

— Привет, Илюш. Рыбаки твои приехали, заселились и сейчас бухают.

— Окейно, — ответил он, обернувшись, показывая на Елену:

— Я тебе сменщицу привёл.

— Ой ты бааатюшки, — протянула она, облакачиваясь на стойку и раскладывая перед собой свой немаленький бюст, едва удерживаемый тонким трикотажем, — И года не прошло. — Она мгновенно обежала Елену взглядом, коротко улыбнулась и спросила:

— Как тебя звать, дева-красота?

— Елена, — ответила она, внезапно проникаясь неприязнью к этой вроде-как-простушке.

— Ишь ты, тёзка, — грудастая заулыбалась на все тридцать два зуба, — Илюшка, у тебя чутьё на Елен с хорошими сиськами? — она прищурилась и посмотрела Елене прямо в глаза:

— Смотри, я ревнивая!

— Алён, ну хорош, — Илья положил на стойку руки, чуть похлопал по гладкой медовой поверхности с коричневыми завитками, — Не пугай девочку, она студентка и воспитанная.

— Да я чего, — Алёна-Елена отодвинулась от стойки, — К тебе в кабинет пойдёте?

— Да, пойдём, побеседовать же надо. — Илья провёл ладонью по волосам, стряхивая растаявший снег, потом вытер руку о джинсы и добавил:

— Полчаса максимум, ты пока позвони Васе, пусть подскочит бумажки сделать.

— Для тебя всё, что угодно, — она села на своё вертящееся кресло, придвинула телефон, а Илья уже шёл прочь, в ближайшую дверь, за которой оказалась мрачноватая лестница с тусклыми лампочками на площадках.

Елена плелась следом, размышляя, не стоит ли извиниться и свалить. Крошечная гостиничка с интерьером генеральской бани, зубастая тетка (русалка, блин, хоть и стриженная), лестница эта чёрт знает, куда ведущая... Илья обернулся, сказал, не замедлив шагов:

— Мы тут ещё не всё здание в порядок привели. С той стороны, где клиенты ходят, уже чистенько и свет нормальный, а тут я пока оставил как есть. Не главное. — он остановился на площадке третьего — верхнего — этажа, толкнул дверь во внутренние помещения, пропуская Елену, — А Алёнку ты не бойся. У неё чувство юмора специфическое, но она тебе поможет разобраться и в работу войти. — Теперь они шли по типичному офисному коридору: серые стены, серый промышленный линолеум на полу, лампы дневного света под унылым пыльным потолком. Кабинет Ильи оказался дальним, и когда дверь открылась,

Елена аж глазам не поверила.

После кичово-убогого нижнего холла она ждала тут увидеть новорусскую роскошь: «предбанник» с секретаршей, а дальше интерьер с кожаной мебелью, ковром и огромным столом на полкомнаты. Может даже стояла бы хохломская дура — ваза в виде лебедя, или фигурка из бронзы вроде копии какой-нибудь конной статуи. Елена видела такое у некоторых своих наиболее продвинувшихся в бизнесе родственников.

А там была картинка из какого-нибудь журнала по дизайну. Светлые стены, высокие белые стеллажи на одной стороне, угловой компьютерный стол с удобным рабочим креслом (Елена сразу заметила, что вокруг гнездится какая-то ещё техника). У окна — переговорный уголок, два больших серых дивана и столик со стеклянной столешницей. В углу кофемашина и стойка со всем необходимым. И здоровенный телевизор у дальней стены. На ближнем подоконнике топорщилась листьями довольная, здоровая монстера.

— Давай, садись, — Илья кивнул на диваны, — Кофе сделаю. А, вешалка слева.

Елена кое-как стащила с себя промокшее от талого снега пальто, пристроила на вешалку, прошла к диванам. Увидела, что на столике лежат несколько глянцевого журналов, потянулась к верхнему — но они все были посвящены машинам, яхтам и дорогому оружию. Ясненько, понятненько, подумала она, усаживаясь спиной к стеллажу. Илья подошёл, поставил на стол две простых белых чашки. Спросил:

— Сахар надо?

— Нет, — она торопливо потянула одну из чашек к себе, вдохнула запах, пригелась ладонями к горячим бочкам. Хороший кофе. Она понюхала ещё, потом отпила. Очень хороший кофе. От любимого запаха нехотя отступила сонливость, Елена сделала ещё плоток, расправила плечи, вздыхая. Подняла взгляд на Илью. Он сидел, наклонившись вперёд, уперев локти в колени. Ждал с таким видом, как будто у него никаких планов больше нет на этот февральский день с отвратной погодой. Елена поставила чашку и сказала:

— Значит, вы меня проинструктировать должны.

Он выпрямился, повёл плечами, как будто сбрасывая что-то со спины. Положил на стол ладони, похлопал легонько по стеклу, ответил:

— Давай на «ты» лучше, мне так удобнее.

— Ясно, — кивнула она.

— Инструкции тут простые. Обязанности твои будут — находиться за стойкой, регистрировать въезжающих, выдавать ключи, отвечать на звонки. Записывать бронь, если кто-то по телефону бронирует, потом старшей горничной передавать информацию. Ну, это редко у нас, люди больше по знакомству обращаются. Отвечать на вопросы гостей, вызывать при необходимости ментов и скорую. Что ещё... — он задумался, взялся за подбородок, потом снова опустил ладони на столешницу и похлопал-побарабанил. — А, ну да, рассчитывать гостей тебе не придётся, заселение у нас в час, к часу приходит бухгалтер, Вера Васильевна, она принимает оплату и всё такое. Если кто-то появляется внезапно незаписанный — будешь ей звонить, она недалеко живёт. Но это вряд ли. Теперь про график. Могу тебе поставить смены через два дня, с учёбой уж сама реши, что пропускать. Смена двенадцать часов, с шести до шести. По вечерам тут моя родственница дежурит в любом случае. В выходные тут всегда Алёна, работы много. С оплатой проблем не будет, — и он назвал цифру, которую готов был платить ей в месяц. Она одновременно возликовала и встревожилась. Это было ровно в два раза больше, чем в клубе. С чего бы ему быть таким щедрым? Смены по двенадцать часов, но тут тебе не бар, сиди себе за стойкой. Хочешь —

книжку читай, хочешь — варезки вяжи.

Она начала было открывать рот, чтобы что-то сказать, но тут застучали в дверь и чей-то прокуренный голос спросил из коридора:

— Илья, ты на месте?

— Да, Василь-Петрович, заходи, — громко ответил Илья, поднялся и унёс чашки — ополовиненную Елены и свою нетронутую — к кофе-машине.

Елена подняла взгляд и увидела свою главную проблему на ближайшие полгода.

Глава 17.

В шесть часов ясного майского вечера было ещё почти жарко. Елена потела в своей белой блузке с застегнутыми доверху пуговицами и «приличных» брючках со стрелками. Пару часов назад в курилке она почти с ненавистью сверлила взглядом уборщиц Машу и Варю, которые сидели на нижней ступеньке лестницы, тыкая пальцами в журнал «Бурда моден» и советуясь по поводу какой-то выкройки. На них были футболки, шорты из обрезанных джинсов и косынки, завязанные по-пиратски на коротко стриженных головах. И сланцы на ногах, конечно.

Елена вздохнула, поёрзала в туфлях влажными пальцами, чувствуя, как липнет и трёт шероховатый материал пропотевших «следков». К концу смены она всегда не столько уставала, сколько преисполнялась отвращением к себе. Потная кожа, косметика, забившаяся в микроскладочки и поры на лице, грязные от бумажек и ключей пальцы, или в качестве альтернативы — чистые, но ужасно сохнувшие от постоянного мытья. И вот эти затекшие, влажные ноги в узких туфлях вдобавок. «Я человек-сосиска», — думала она с отвращением. — «Распухшая, тепленькая и вонючая».

Сменщица запаздывала. Сегодня на ночную должна была прийти какая-то новая тётка, спешно найденная Ильёй через знакомых — его собственная двоюродная сестра, которая обычно дежурила по ночам, валялась с сорванной спиной.

Елена посмотрела на часы — восемнадцать пятнадцать, — мысленно выругалась и потянула к себе телефон. Начала даже набирать номер, но тут с улицы послышались оживленные, громкие голоса, открылась резко дверь, и в холл ввалился Василий Петрович Бахарев, специалист по всему и липкая гнида в одном лице. Он сипловато хохотал и повторял «Эх-ай-яй, мать, эх-ай-яй!». За ним шла высокая, худая и изумительно носатая женщина в мужском пиджаке поверх серой блузки «с люрексом», длинной темной юбке и кроссовках на босу ногу. Она тоже хихикала.

Бахарев сразу подскочил к стойке и влип в Елену взглядом:

— Ну, привет, Ленуся! Ждёшь-не дождёшься тут, да? Вот смотри, Наденька пришла. — его жесткие рыжеватые усишки встали дыбом над довольной улыбкой, бровки поднялись кустиками, маленькие мутно-серые глазки заблестели.

— Здравствуйте, — Елена улыбнулась вежливой «протокольной» улыбкой, чуть отодвигаясь с креслом от стойки.

— Так, эээ... Надежда? — она посмотрела на женщину в пиджаке. — Давайте, я вам покажу, где что?

— А не надо, — Надежда обошла стойку, быстро окинула взглядом журнал регистрации, телефон, ключи на стене, — Была я тут уже. Ты, значит, Лена.

— Елена, — сказала Елена, — Приятно познакомиться. — Она встала с кресла и взялась за сумочку.

— Ну, свободна, Елена, — Надежда тут же плюхнулась на освободившееся место, — Вася вон видишь, специально со мной приехал, чтобы тебя со смены перехватить, — и она нехорошо, понимающе и сально ухмыльнулась. Елену едва не передернуло, но она сумела, выходя из-за стойки, спокойно сказать:

— Зачем же вам, Василий Петрович, так утруждать.

— Ничё-ничё, — Бахарев, точно колобок, подкатился к ней, и у неё моментально возникло неприятное чувство, что он как будто окружил, обежал, отстранил её в отдельную какую-то емкость, завернул, как паук муху. Она много раз от него ускользала разными способами, но сейчас ей деваться было некуда: Ильи в офисе нет, кастелянша, Оксана, тоже уехала, а тут ещё эта вот... Надежда. Сидит и наслаждается спектаклем.

— Я, Ленуся, домой тебя подвезу, если ты не против, — сладко излагал Бахарев, едва заметно подталкивая Елену к выходу, — Я знаю, ты далеко вато живешь, а? А мы сейчас на машинке раз-раз, и докатим.

Елена почувствовала, как по спине между лопаток начинает натурально течь. Она сделала шаг-другой к выходу, потом остановилась и сказала:

— Вы меня простите, Василий Петрович, но мне бы в дамскую комнату. Перед выходом. Совсем я забыла сходить, — и она решительно развернулась в коридор, к туалетам для персонала. За её спиной Надежда, не скрываясь, сказала:

— Да погоди, куда она из сортира-то денется! Задний выход Илюха ещё на прошлой неделе закрыл.

Конечно, Елена добежала до задней двери и подёргала её. Конечно, дверь была заперта на ключ. Елена бросилась в туалет, торопливо защелкнула ключ-вертушку на двери, плюхнулась на унитаз и согнулась лицом в колени, чувствуя наконец весь груз дневной усталости. А к нему — отвращение, отчаяние и досаду. Это ж надо так проебаться. Но кто мог знать, что эта срань господня приползёт под конец смены! Он же ленивый, как свинья, кто мог подумать, что он жопу от дивана оторвёт только чтобы её, Елену, поймать на выходе. «Знал, что никого не будет», — подумала она с ненавистью и отчаянием.

В общем, можно было, конечно, убежать. Выскочить мимо него в дверь, выбежать из арки на улицу, а там он её преследовать уже не будет. Но до сего дня их отношения всё ещё напоминали что-то в меру ритуально-приличное: он увивался и приставал, она избегала и отбалтывалась. На людях (то есть, при Алёне или Илье) он вёл себя осторожно, в их отсутствие — наглел и распускал руки, но пока она сидела на рабочем месте, далеко не заходил. А теперь... Сбежать вот так, да ещё на глазах другой женщины, будет прямым оскорблением и объявлением войны. А Елена только-только освоилась с работой и начала даже видеть в ней некоторые перспективы.

Конечно, её первые мысли (тогда, в машине) насчёт Ильи были совершенно бестолковыми. Илья был делец, прямой, жесткий и ограниченный тип, но у него были свои принципы. Один из них относился к семье и браку: Илья был однолюб и жене не изменял. Жена его, зубастая русалка Алёна, была им не только любима, но и весьма уважаема, потому что с самого начала ворочала делами и разгребала говны с ним рядом, в четыре руки. У них была одна очень забалованная дочь, две очень больших собаки и полная гармония в чудовищно безвкусном и странно уютном (Алёниными стараниями) доме в ближнем престижном пригороде.

Если её это разочаровало, то не слишком сильно. Илья был хорошим шефом. Он никогда не орал, не устраивал разборок, не гонял персонал попусту, ради демонстрации власти. За ошибки и опоздания он просто и чувствительно штрафовал — со второго раза. Если ошибка была не от лени или небрежности, а от незнания, то штраф был символический, а разбор полётов дотошный и занудный. За март Елена получила ровно половину своего оклада. При этом Илья выложил перед ней список её прегрешений с указанием вычета за каждое. Обидно ей было до соплей, и она почти готова была действительно заплакать, но удержалась на самолюбии. А Илья, дождавшись, чтобы она ознакомилась и прониклась, положил поверх списка ещё часть суммы. Сказал:

— Это вот для облегчения страданий. Считай как бы премией. Алёнка сказала, что ты стараешься. Клиентам ты нравишься, опять же. Так что давай, делай выводы и больше не лажай.

Елена поблагодарила, сгрэбла деньги вместе со злополучным списком («Опоздание 15 мин. Вычет 200р. Ошибочно сказала расписание бара клиенту. Вычет 100 р...») и выкатилась в коридор, уже всё-таки хлюпая носом. У неё были планы на эту зарплату. Ох, планы... Она подумала, что, видимо, кто-то там наверху не дремлет, указывая ей на то, что скоро сессия, и вместо тусни по барам надо бы поучиться.

За апрель она получила всё — и чаевые. Это для неё было почти потрясением. Она совершенно не ждала, что в этом крохотном отельчике и с её обязанностями может вообще возникнуть ситуация, в которой ей дадут денег. Но вот звонит клиент, у которого раскалывается голова, и она несёт ему пенталгин и воду, напряжённо прикидывая, чем отбиваться на случай, если это только предлог заманить её в номер. В другой раз на ресепшен спускается заплаканная и измазанная собственной косметикой девица, захавшая с крепкошеим немолодым мужичком, и Елена вызванивает по знакомым девчонкам «ту самую таблетку». Или задерживается у её стойки выдавший виды командировочный мужчина, которого непонятным ветром занесло сюда вместо одной из больших городских гостиниц, долго треплется с ней обо всякой ерунде (например, советует посмотреть кино «Четыре комнаты»), а потом оставляет на стойке крупную купюру и уходит в номер, повеселевший и довольный жизнью.

И если бы не Бахарев, всё было бы отлично.

Елена разогнулась, встала, оглядела небольшую комнатку. Окно было, но... Не пролезу, честно подумала она. Даже и не из-за внушительного бюста, а просто потому, что попасть в окно можно было только встав на унитаз и подтянувшись. Подтянуться она бы не смогла. Значит, убегать. Унизительно, глупо и с неизвестными последствиями. Она вздохнула и принялась расстегивать брюки — раз уж она в туалете, глупо будет не пописать.

И пока струя тихо шуршала о фаянс, Елена вдруг отчётливо осознала, что у неё есть другой выход. Осознание это было жуткое и одновременно захватывающее. Она закрыла глаза и вспомнила: лето, вечер. Смятая подушка под щекой. Пик оргазма — и вдруг жесткая сухая земля вместо постели под боком.

Был ведь и ещё один раз. Тот, который вспоминать было ещё неприятнее. Тот, когда она бродила по территории дома отдыха, всё ещё не отойдя от очередного выкуренного косячка. Тоже лето, тоже вечер...

...Елена шла, чуть пошатываясь, от одной оранжевой сосны к другой. Вечернее солнце светило из-за спины, сосны и дорожки между ними были золотыми и огненными, сияли

травинки у корней, отсвечивали медом даже опавшие шишки. Елена подошла к очередной сосне, прислонилась. Вся кожа у неё словно трепетала, обострённо отзываясь на любое прикосновение. Елена опустила руку вниз, положила между ног. Слабый импульс возбуждения был как струйка тёплой воды, плеснувшая в живот. Елена повернулась к дереву лицом и прижалась грудью к шершавой коре. Теплая вода рванула волной, Елена торопливо расстегнула пуговицу на джинсах и толкнула пальцы туда, отводя тонкую тряпочку трусиков и накрывая горячий, пульсирующий бугорок клитора.

Ей понадобилось всего несколько секунд, чтобы достичь оргазма. Он был такой силы, что у неё подогнулись колени. Она как будто на секунду потеряла связь с реальностью, повисла в пустоте, в пространстве, пронизанном сиянием удовольствия.

А потом сияние погасло, и она рухнула на колени на чертовски твёрдый асфальт в темноте.

Елена посидела ещё немного, потом нехотя поднялась, воспользовалась туалетной бумагой и натянула трусы. Смыла воду, постояла немного, положив руку на ручку крана.

— Может, ничего не получится, — прошептала она, пустила воду, медленно, словно во сне, вымыла руки. Закрыла кран, снова замерла, чувствуя под пальцами прохладный металл. Если ничего не получится, не беда. Если что-то получится... Елена сглотнула, чувствуя, как в животе словно что-то проваливается в неведомые глубины. «Вот поди-ка возбудишься с таким страхом», — подумала она, пытаясь взбодриться. Надо просто повернуться, открыть дверь и выйти. И решать проблему обычным путём. Может, и бегать не придётся. Ну, хочет он её подвезти, чего там, пока он за рулём, лапоть не будет, а если совсем охамеет — можно у ближайшего светофора выскочить...

Она ни разу не разрешала себе вспоминать тот второй раз. Темная дорога, неизвестно куда неизвестно откуда. Километры пешком через лес, пока короткая летняя ночь светлеет и выцветает в утро. Озноб, слёзы, головная боль, жажда, разбитые колени, которые сперва жгло, а потом стало выкручивать ровной болью на каждом шаге. Когда встало солнце, она вышла на перекрёсток с большим междугородним шоссе. Неподалёку стоял павильон автобусной остановки, а рядом толпились бабки в платках и невзрачных робах, все точно горошины из стручка — старые, серые, малорослые, с сумками на колёсиках. Елена подошла к ним, робко поздоровалась и спросила, где находится.

— В лесу, штоль, заплутала? — спросила одна из бабок.

— Заблудилась, ага, — Елена понимала, что выглядит жалко, ободранная и заплаканная.

— От дурьи бошки, — сказала из-за спины другая бабка, — На шашлыки чей выехали?

— Я... нет, — Елена пыталась улыбаться и быть вежливой, — Из дома отдыха я... мы гуляли...

— Из «Морского», что ли?

— Н-нет... Из «Паруса»...

Кто-то из бабок сказал «у-у-ти, бааатюшки», а та, что стояла перед Еленой, перекрестилась:

— Дак почитай что двадцать килОметров! Вот так погуляла, девушка.

— Куда же мне теперь... — беспомощно сказала Елена, оглядываясь.

— Да ладно уж, — старушка перед ней протянула темную, сухую руку, похлопала Елену

по плечу, — Автобус сейчас приедет, поедешь с нами. Тебе вон Лида скажет, где выйти.

— Скажу, скажу, — подошла плотная, щекастая Лида в вязаной серой кофте, покачала головой, — Угораздило! Ничего, до Перегона со мной доедешь, там от трассы полчаса пешком. За билет уж скинемся тебе.

— Спасибо, — Елена шмыгала носом.

«Почитай что двадцать километров». Елена расстегнула снова пуговицу на джинсах и села на унитаз. Потом вспомнила разбитые колени и опустилась на пол, прислонившись к двери.

На этот раз она даже ничего себе не расшибла. Впрочем, если бы у неё был выбор, она бы предпочла снова разбить колени, потому что, придя в себя, едва не утонула. Водоём, в котором она оказалась, был чертовски холодный и довольно большой. Окажись она парой метров левее, там, где начиналась глубина, ей бы и конец. А так она хлебнула совсем немного воды, но тут же уперлась ногами в твердое дно, выдернула себя на поверхность и встала по пояс, кашляя и фыркая, размахивая руками и пытаясь не упасть на скользком иле.

Наконец она смогла дышать и откинула с лица мокрые спутанные волосы. Перед ней был пустой пляж, чуть выше — дорога и деревья, и совершенно незнакомые на вид дома. И хотя несколько мгновений назад ещё был вечер, Елена моментально поняла, что сейчас раннее утро. Она медленно вышла из воды, добрела по песку до асфальта и села прямо на край дороги.

И вместо того, чтобы ужаснуться или восхититься произошедшему, с досадой осознала, что её сумочка осталась стоять возле унитаза в закрытом изнутри туалете гостиницы.

Глава 18.

На ресепшене с утра сидела Алёна. Подняв голову от регистрационной книги и увидев Елену, она в первый момент заметно удивилась и даже как будто испугалась. Потом брови её приняли привычное «ну-ка, ну-ка» положение, накрашенные ресницы чуть опустились и улыбка стала обычной — ленивой, чуть насмешливой.

— Что это ты, красавица, забыла на работе? Вроде, выходная сегодня?

— Привет, — Елена подошла, прислонилась к стойке. — Слушай, а Илья здесь?

— А на что тебе Илья? — Алёна прищурилась чуть сильнее, улыбка стала напряжённой, даже кончик носа словно загнулся вниз, как у хищной птицы.

Елена несколько мучительных секунд словно висела в невесомости, но потом — решилась.

— Алён, у меня проблема. Может... — она вздохнула. — Может, мне и не с Ильёй надо поговорить, а с тобой...

Алёна словно по-новому на неё посмотрела. Увидела растрёпанные волосы, вчерашний недосмывшийся макияж, мятую блузку с пятнами. Повернулась, кинула взгляд на часы, и сказала уже другим голосом:

— Давай, заползай сюда.

Елена обошла стойку, протиснулась мимо кресла и села в угол на небольшую табуретку, которую дежурные использовали по необходимости вроде замены лампочки.

— Ну, — сказала Алёна.

Елена попробовала собраться с мыслями, а потом словно по наитию спросила:

— А сортир-то смогли открыть?

— Какой сортир? — Алёна теперь смотрела на неё с тревогой и подозрением.

— Да захлопнулся же туалет вчера, — Елена подняла взгляд на начальницу и попыталась вложить в него всю силу убеждения, какую могла, — Понимаешь, как получилось. Я от Бахарева убежала в сортир прятаться, а он стал в дверь стучать. Никого нету, у девчонок перерыв, даже уборщицы ушли, а он, ты знаешь... — она запнулась.

— Попалась, значит, — Алёна хохотнула, но скорее мрачно, чем насмешливо, — А дверь что?

— Ой, ну что! — Елена вошла в режим «ври, как сивый мерин», и не собиралась тормозить, — Я испугалась, что он дверь сломает и открыла, а он от неожиданности отлетел, понимаешь? И я бегом. А он, значит, дверью хлопнул, и за мной, но меня не догнал. Я тут недалеко отсиделась, а когда вернулась, тут уже эта сидела... как её...

— Надя.

— Ну да. А я же в сортире сумку оставила! Ну и вернулась забрать, а дверь того. Не открывается. А я даже домой не могла попасть, потому что мои на даче у деда! — Елена шмыгнула носом и скривила нижнюю губу, нагоняя настроение.

— Нда, — Алёна смотрела на неё сочувственно, — И как же ты?

— Да тут подружка рядом живёт, перекантовалась у неё. Как встала — сразу сюда.

— Ладно, — Алёна повернулась к стойке, взяла из нижней ячейки ключ, — Пойдём, если там защёлка сработала, мы сейчас снаружи ключом отопрём. Если не заело.

— Ой, только бы не заело, — взмолилась Елена, подпуская в голос близкие слёзы, — Как я без ключей, без денег...

— Да погоди ты, — Алёна прошла через холл, заперла изнутри входную дверь и направилась в коридор. Елена, шмыгая носом уже по-настоящему (холодная была водичка, черт возьми), побрела за ней.

Дверь открылась сразу. Елена схватила свою сумку, которая так и стояла мирно на полу возле унитаза.

— Ну вот, всё путём, — сказала Алёна, когда они вернулись на ресепшен, — Чего Надька-то не открыла? — она покачала головой. — А насчёт Бахарева я тебе ничем помочь не могу. — Она прошла за стойку, села на кресло и подняла спокойный, честный взгляд на Елену. — И Илюха ничего делать не будет.

— Он же обещал, — пролепетала Елена, — Он же говорил — защиту от фигни... От... Это что, не оно самое?

— Да брось, — на лице Алёны снова проросла, поползла ленивой змейкой насмешливая улыбка. — Он тебя за жопу хватал? Нет. К сиськам лез? Нет. Если бы он тебя изнасиловать попытался, то да. А так — чего ему предъявишь? Девочка понравилась, он за девочкой вежливо ухаживает. Не нравится — отшей.

— Но... но... — Елена не находила слов.

— Боишься, — с удовольствием констатировала Алёна, — Правильно боишься, нагадить он тебе может много.

— И как?

— А так, — Алёна откинулась на своё кресло, сделала «эть» ручкой, — Знаешь, как в том старом советском анекдоте — между струйками. Всё, хватит, — она потянула к себе

журнал, — Мне работать надо. Гуляй!

И Елена отправилась гулять.

На лекции она всё равно бы уже не пошла. Домой тоже не хотелось. Она как будто выпала из привычной паутины, которая держала её в жизни, из всех этих крепких нитей, соединяющих дом, вуз, работу, клубы и другие обычные места. Соскочила, как шестерёнка, покатила и канула в неведомую щель. Словно его величество Расписание, державшее её холодной цепкой рукой, отвлеклось и упустило.

Прохладное утро разогревалось, обещая жаркий день. Деревья уж неделю как оделись листьями, небольшой ветерок шевелил эти свежие, роскошные гривы, которые пока что были такими яркими, такими нежными, словно вынутые из упаковки новенькие шелковые платки. Елена шла по знакомым улицам, пошмыгивая насморочно (простудилась, стопудово простудилась!), смотрела на голубые тени на асфальте, на яркую зелень. На неё словно морок напал, она сама была не своя и не в себе. «Как будто кино про себя смотрю», думала она, останавливаясь на перекрёстке, чтобы дождаться зелёного на светофоре. У неё внезапно образовался впереди пустой день, который она должна была теперь потратить. Не по назначению, без плана, незаконно и неправильно. Ей бы вспомнить о близких экзаменах, или о домашних делах (которые никогда не кончаются, как известно), или о подружках-однокурсницах. Ольга, небось, обижается — она никуда не выходила потусить уже больше недели...

Вспомнить, перейти на свой обычный деловой шаг-бег, направиться к остановке трамвая — вон он из-за поворота ползёт, погромыхая — и поехать скорее туда, к делам, к нормальной жизни. А она дождалась зелёного, перешла улицу и свернула на перекрёстке налево. Туда, где небольшой переулок уходил в путаницу старой застройки и дальше, к откосам над рекой.

Здесь сохранялись одноэтажные и двухэтажные деревянные и кирпичные частные дома. Дома с эркерами, угловыми окнами и мансардами. Дома-избы с резными наличниками. Дома-лабазы с мрачными кирпичными надбровьями над прихмуренными подслеповатыми окнами. Перед одними тротуар лежал вплотную, перед другими торчали хилые палисаднички, дружно проросшие по весне тюльпанами. В проходах между домами густо росли черёмуха, сирень и американский клён.

Елена шла, бездумно разглядывая всё это, такое непривычное её взгляду горожанки, пересекавшей относительно аккуратный центр на транспорте, живущей в многоэтажном муравейнике на продуваемом ветрами недавно застроенном косогоре.

Один домик был просто поразительно хорош. Одноэтажный, бревенчатый, очень дачный на вид, он имел по торцам два крыльца с точёными перилами, невероятной красоты наличники и доску над фронтоном с буквами «К» и «Д» и цифрой 1899. Елена, зацепившись глазами за цифру, невольно остановилась. Домику было почти сто лет. Перед ним тоже стояла легкая речная ограда палисадника. На удивление целая, хотя и потерявшая под дождями почти всю краску, изначально, очевидно, светло-голубая. За оградой росли две яблони-китайки, на вид такие же старые, как сам дом (хотя, конечно, это было невозможно). На яблонях уже налились, зарозовели многочисленные бутоны. День-два, и деревья обольёт бело-розовой пеной цветов. Под деревьями зеленел мелколистственный ковёр. Елена подошла ближе и рассмотрела — среди листьев проглядывали маленькие фиолетовые цветочки.

— Фиалки, ну надо же, — сказала она вслух, — Фиалки прямо в городе, а?

Эти фиалки её добила. Ощущение сна, или бреда, или параллельного мира накрыло её с

головой. Несколько секунд она была уверена, что сейчас может просто оттолкнуться ногами от земли и полететь. Она подняла руку и потрогала бутоны на низко нависшей ветке яблони. Никогда в жизни ни прежде, ни после её чердак не был так близок к полному сползанию в овраг.

Сбоку, у калитки, что-то двинулось. Елена, всё ещё во власти чар, медленно опустила руку и повернулась. У калитки стояла женщина раза в два старше неё, одетая в «варёные» турецкие джинсы и футболку с Микки Маусом. Её лицо как будто не давалось взгляду, или это Елена потеряла способность смотреть в лицо.

Елена подошла к женщине и сказала:

— Знаете, сегодня всё как-то очень странно.

Женщина внимательно посмотрела ей в лицо, подняла руку, тронула лоб, потом зачем-то — ухо. Сказала спокойно:

— Пойдём, тебе бы присесть.

— Я отлично себя чувствую! — сказала Елена, радостно улыбаясь.

— Я вижу, — сдержанно ответила женщина, — Не переживай, это ненадолго.

— Я поняла, что это сон, — сказала Елена, — или у меня крыша едет. Вас тут нет, наверное.

— Пойдём, пойдём, — женщина осторожно взяла её за плечо и повела сперва в калитку, потом на крыльцо, по чуть прогибающимся ступеням, потом через облезлую дверь в темноватый коридор, где пахло кошками, и наконец — в светлую, большую комнату, про которую Елена в первый момент только поняла, что окон три, и в каждое льётся поток солнечного света. Её подвели к столу и усадили на деревянный стул. Она огляделась, замечая заставленные горшками с растениями подоконники, диван, на котором дрыхнут сразу два крупных кота, рыжий и черный, какие-то шкафы со стеклянными дверцами, за которыми через солнечные блики едва различается вроде бы хрусталь и фарфор...

Перед ней появилась чашка с кофе. Хозяйка села напротив и вторую чашку поставила перед собой. Сказала:

— Пей.

Елена подумала, что запах кофе какой-то бледный, словно выцвел на фоне кошачьей вони, но потом взяла в руки чашку и пар облизал ей нос. От этого её мозги как будто промыли. Она осознала, что сидит в чужом доме напротив незнакомой женщины и собирается пить сомнительный напиток из чашки неизвестной чистоты.

Хозяйка дома словно следила за её взглядом. Стоило ей подумать вот это всё — про место, кофе и чашку — как она усмехнулась и спросила:

— Начинаешь в себя приходить? Хорошо. Не бойся, пей. Чашки я мою как следует, кофе свежесмолотый, варила я его себе. Просто совпало удачно.

Елена отпила небольшой глоток. Кофе как кофе. Она поставила чашку, подняла взгляд на хозяйку и спросила:

— Вы кто?

Хозяйка покачала в пальцах свою чашку и несколько театрально ответила:

— Я твоя большая удача. — Заметила, как у собеседницы подозрительно прищурились глаза и добавила:

— С тобой произошло нечто необычное.

Елена опустила взгляд и стала смотреть на свои руки, лежащие кольцом вокруг чашки. Со мной произошло нечто? Она сейчас была совершенно нормальной, абсолютно обычной, в

неё мгновенно вцепилась досада за напрасно потраченное время, тревога за пропущенные лекции и гнев — на дурацкую, нелепую ситуацию, в которую она влипла.

— Пей, — снова сказала женщина, — Кстати, меня Соня зовут.

— Елена, — машинально отозвалась она.

— Очень приятно, Елена, — не без язвительности сказала Соня, — А поговорит придётся.

Елена отодвинулась вместе со стулом от стола, встала. Сказала, стараясь не смотреть женщине в лицо:

— Извините, Соня. Мне надо идти. Спасибо... за... гостеприимство. Я в порядке правда, мне надо идти.

Соня громко, нарочито вздохнула, потом хлопнула раздраженно ладонью по столу:

— Какие ж вы, девки, все дуры одинаковые. Ты хотя бы триггер свой поняла?

Елена ошалело уставилась на неё.

— Ну, запускающий механизм. Ну? — Соня сжала губы, её лицо напряглось, глубоко пролегли носогубные складки, обозначилась морщина между бровями.

— Из... ви... ните... — Елена сделала шаг назад и встала на кота. Откуда он там взялся, черт побери, ведь оба спали на диване — кот коротко взревел и швырнулся из-под её ноги в сторону, она потеряла равновесие и едва успела ухватиться за край стола.

— Сядь уже, — Соня нагнулась под стол, позвала там то ли «Муся», то ли «Пуся», повозилась и достала крупную белую кошку с серыми пятнами. Елена глазам не поверила.

— У вас их три?!

— Пять, — невозмутимо сказала Соня, — поэтому под ноги смотри на всякий случай. Но лучше сядь.

И Елена сдалась. Придвинула стул, села, взялась за чашку и одним глотком прикончила остывающий кофе. Сказала:

— Вы не поверите.

— Да ну, шас, — усмехнулась Соня, — Не бойсь, я если чему и не верю, то обещаниям правительства. Всё остальное в той или иной степени может оказаться правдой.

В этот момент Елена вдруг поняла, что, наконец, может смотреть на Соню. Смотреть и видеть её всю, а не только раздраженно сжатые мышцы челюстей или застиранного Микки Мауса на груди. Соня оказалась кудрявой, темноволосой, с чуть кругловатым лицом и большими глазами, у которых внешние уголки были опущены вниз. Нос Сони основательно выдавался вперёд, брови были широкие и густые, с небольшим заломом, в ушах болтались жемчужинки — может и настоящие. Фигура у Сони была крепкая, чуть грушевидная, плечи слегка опускались вперёд, а на округлых, мягких запястьях слева были аккуратные серебристые часики, а справа — странный браслет вроде пушистой верёвочки. Соня перехватила её взгляд, чертыхнулась, сняла «браслет» — это оказалась резинка для волос.

— Ну так что же? — спросила она.

— Ну, дело в том... — Елена подумала, что не сможет об этом рассказать. Она считала себя современной. Продвинутой, крутой и свободно мыслящей. И вот ей надо рассказать какими-то словами, что она неизвестным образом перемещается в пространстве после оргазма, вызванного мастурбацией. Тётке, которая примерно ровесница её матери. — Я не знаю, какими словами... — она почувствовала, что краснеет. «Да чтоб тебя! Мне что, должно быть стыдно за моё тело?!» — подумала она сквозь мучительную смесь стыда и злости, и наконец выдавила:

— Я перемещаюсь. Куда-то.

— Это я уже поняла, — неожиданно терпеливо ответила Соня, — Ты у нас, значит, путешественница. Осталось понять, как у тебя с триггером. Бывают путешественницы регулярные, случайные и неопределённые. Регулярные бывают с управляемым триггером и неконтролируемые. У тебя что, ты поняла уже?

Елена глубоко вздохнула, медленно выдохнула, снова вдохнула — уже нормально и сказала:

— Это... ну, удовольствие.

— Какое «это»? — Соня подалась вперёд, кошка с её колен бесшумно стекла куда-то вниз.

— Ну, — Елена снова ощутила горящие щёки, — Оргазм. Когда... кончаю... одна.

Соня вытянула губы трубочкой, бесшумно произнесла протяжное «ууу» и откинулась на спинку стула. Посмотрела на Елену серьёзно, даже озабоченно. Сказала:

— С одной стороны, тебе явно повезло.

Елена почувствовала, как у неё буквально подводит живот, точно на экзамене. Она спросила:

— А с другой?

Соня покивала и начала объяснять.

Глава 19.

2000

Сложно представить себе что-то тягостнее и скучнее большого семейного сборища. Кто-то из современных юмористов сказал (а Елена услышала по радио), что родственники — это люди, которые обычно встречаются по поводу изменения их числа. Свадьбы-похороны-дни рождения детей и прочее.

Мать Елены всегда была хлебосольная хозяйка. Чего не отнять, того не отнять: она умела готовить много, разнообразно и вкусно, умела красиво накрыть стол, умела всех многочисленных двоюродных-троюродных и прочих встретить, приветить, помирить, рассадить и занять. В каком-то смысле это было её хобби. Полноценное такое, отнимающее кучу времени. Она знала все дни рождения, помнила имена детей, держала набитую телефонами записную книжку и покупала подарки на все праздники заранее. Коробки и пакеты, подписанные и сложенные аккуратно по размеру в нижнем ящике комода, Елена помнила с детства. Комод стоял в родительской спальне, но ей можно было открывать маленькие верхние ящички, чтобы достать свечку или новое мыло. Одно время электричество отключали так часто, что мамино бездонное хранилище, кажется, едва не опустело, но потом жизнь стала налаживаться, и свечи лежали без надобности. Перестала Елена и доставать из соседнего ящичка душистые куски мыла «Дуру». Её мать начиталась каких-то журналов и завела вместо мыльницы модный стеклянный дозатор, который заправляла из пятилитровой бутылки жидким мылом. За мылом (и прочими домашними расходниками) родители её ездили на машине регулярно раньше на привокзальный рынок, а потом стали наведываться в построенный неподалеку торговый центр. Поэтому сперва не

стало повода, а потом и желания выдвигать чуть-чуть нижний ящик комода и гадать, что и кому завернуто в тот синенький пакет, чья будущая радость просвечивает вон там или топорщится здесь.

Когда Елена поступила в универ, нашла работу и окунулась в тусовочную жизнь, родители на какое-то время отстали от неё со своими семейными традициями. Только на Новый Год они убедительно просили её уважить старших родственников и посидеть «как положено» за ломящимся от еды столом. Елена сидела, пила шампанское, улыбалась, старалась вежливо отвечать на вопросы тётъ, дядь и прочих бабушек и ждала полуночи, чтобы свалить спать. Это у нормальных людей первое января открывает неделю ленивого пожирания остатков еды, питья алкоголя и пинания балды. У работающего студента январь — это месяц конца света по субъективным ощущениям.

Впрочем, у неё годом конца света стал, кажется, весь пятый курс.

Она уже к концу четвёртого поняла, что диплом ей не нужен. Точнее, что корочки она, конечно, получит, но не пригодятся они ей в её дальнейшей карьере. Потому что карьера её, как она представляла, должна была продолжаться в отельном бизнесе, и корочки матмеха, даже красненькие, были там как собаке пятая нога.

Это было досадно и неловко осознавать. На матмех она поступала с мыслью, что учиться где-то всё равно надо, а тут она хотя бы точно знает, что сможет. И смогла, конечно, математика ей в школе отлично давалась. Мечты стать моделью — а она ходила на отборы, участвовала в пробах и копила деньги на фотосессии — так мечтами и остались. Работать в клуб она устроилась после одной такой фотосессии, просто фотограф сообщил, что его приятель ищет девочку в бар. Он же доверительно сказал, что на пробы и собеседования она ходит зря.

— Почему? — обиделась Елена, — Я высокая, у меня фигура хорошая, ухоженное лицо, что не так?

— Фигура у тебя огонь, но не для модели, — сказал фотограф, — Поверь мне просто. Сколько я снимал для портфолио и на пробах — всем нужны высокие худые девки со стоячей «двоечкой», а у тебя не меньше «четверки», и прямо скажем, не стоячая, — он ухмыльнулся, глядя, как унижение сводит гримасой лицо девушки. — Да не обижайся. Я же тебе помочь хочу. Чего время зря тратишь? Ищи нормального мужика лучше. С твоими данными это идеальный расклад.

Елена тогда собралась с силами и послала его прямо на мужской детородный орган. И ушла. Но ни одни пробы, ни одна фотосессия не принесли результата — ей ни разу не перезвонили. Ни в одном из модельных агентств не рассмотрели её настолько, чтобы предложить работу. Одна из рекрутёрок снизошла до объяснения:

— У тебя внешность, как бы это сказать... Слишком яркая. Глаза, губы, сиськи, — она хихикнула, — На подиум тебя не выпустишь, красить тебя будет сложно. Восточный типаж сейчас вообще не в моде, ты посмотри, какие сейчас актрисы на высоте — сплошные тощие блондинки. Для рекламы сниматься ты бы могла, и мы тебя в общую базу возьмём, конечно. Но база у нас здоровенная, сама понимаешь. И клиенты тоже ищут конкретные типажи.

И добавила, неожиданно пожалев её самолюбие:

— Мода меняется. Тебе просто не повезло, может, лет через пять снова будут любить фигуру «песочные часы» и яркость.

«Только мне уже будет не восемнадцать», подумала Елена. Рекрутёрка словно мысли её прочитала:

— Так что пока тебе восемнадцать, лучше ищи мужа нормального.

Елена встала и вышла, не прощаясь.

Однако, в клуб она наведальась — и получила работу.

Год, проведённый на ресепшене гостиницы «Подворье», немного вернул ей веру в себя. Она притормозила с клубами. Начала высыпаться хотя бы раз в неделю. В учёбе перешла от судорожных всепоглощающих рывков к регулярным занятиям (и долгие часы за стойкой действительно давали возможность неспешно заниматься, не оставляя всё на последний день перед экзаменом). И она окончательно поняла, что гостиница с её своеобразным распорядком, потоком постояльцев и всеми прочими внутренними процессами интересует её куда больше, чем теория графов и тензорное исчисление. Она сидела бы там и дальше, попутно тихо вникая в тонкости и детали, которые успевала ухватить, услышать, увидеть, но «Подворью» пришёл конец самым неожиданным образом. Девяностые кончались, уже не взрывались машины и не случалось разборок со стрельбой, но Илья тем не менее погиб каким-то мутным образом, в какой-то аварии-не-аварии, про которую обомлевшие от ужаса работники шептались, оглядываясь, нет ли рядом Алёны. То ли его машину столкнули с набережной КАМАЗом, то ли он сам въехал в этот КАМАЗ. Алёна ничего не рассказывала. За неделю она рассчитала всех работников и закрыла гостиницу. Самое странное, что тогда произошло — Алёна отдала Елене монстеру, стоящую в кабинете Ильи. Просто поставила на стойку со словами «унеси, бога ради».

Неделя эта случилась в середине весеннего семестра, и Елена как будто с разгона налетела на стенку. Въехала в КАМАЗ, мрачно думала она про себя. Она всегда тяжело переносила резкие перемены, ей было невыносимо жить вне распорядка и устойчивых планов, и теперь она снова, как в прошлом мае, повисла в неопределённости. Разница была в том, что теперь она хотя бы знала про себя и про *своё*, и у неё была Соня на крайний случай.

— На самый крайний, — сказала она тогда, прощаясь.

— Но точно ведь неизвестно ничего? — спросила Елена.

— А я и не собираюсь ничего точно узнавать, — чётко ответила Соня, — Мне одного раза хватило с этими уточнениями.

— Ну ладно, — вздохнула Елена, — спасибо... До свидания.

Соня предельно ясно выразилась насчёт попыток поискать кого-то ещё такого же. Точнее, *такую же*. Но Елена не собиралась следовать её указаниям в точности. В конце концов, времена менялись. За последний год у половины её однокурсников появились компьютеры, а теперь все лихорадочно покупали модемы и осваивали интернет. Елена понимала, что сама не осилит создание сайта, но это и не требовалось. На городском форуме новые разделы пёрли, как грибы после дождя. Модераторы в погоне за трафиком разрешали почти любые тематические «уголки» и «закутки». Форум романтиков. Форум циников. Форумы любителей кошек, собак, кактусов, спиртных напитков. Форумы велосипедистов, аквалангистов и йогов.

Елена просто пошла и подала запрос на создание форума любителей мистики и сверхъестественного.

В общем, она собиралась только подкидывать иногда провокационные ссылки или писать короткие загадочные темы, а потом, читая комментарии, фильтровать из основной массы шизиков и малограмотных очарованцев тех, кто ей, собственно, и был нужен. Тех, кто

могли быть другими путешественницами. Она вовсе не собиралась всерьёз увлекаться ни общением на форуме, ни тем более сидением в сети, а собиралась, наоборот, найти новую работу как можно быстрее.

Но тут случился мамин день рождения. И пропустить его было нельзя, потому что маме внезапно и поразительно исполнялось пятьдесят пять лет.

Елена привыкла к тому, что у матери как бы нет возраста. Конечно, она была «уже не девочка», но слово «пожилая» на неё было не натянуть ни с какого края. Крепкая бодрая брюнетка с круглой попой и всё ещё гибкой талией, живая и общительная, любительница джинсов с низкой посадкой, «казаков» с заклёпками и сумок «Шанель», её мать была — ну, моложавой. Женщиной среднего возраста. Женщиной оптимистичной, хозяйственной, шумной, прагматичной и жадной до жизненных впечатлений. В общем, цифра «пятьдесят пять» её саму не особо смущала, как и её мужа, а Елена внезапно осознала, что вот — её родители скоро станут старыми. Конечно, это было эмоциональное преувеличение, которое опять возникало из-за того, что Елена не хотела перемен. Она как будто решила (как-то неосознанно), что её взросление прошло и на этом можно всё оставить как есть. Наладить раз навсегда и не трогать, если работает.

Понятное дело, так как раз и не работает.

Одним словом, Елена выскребла потощавший кошелёк, пошла в торговый центр и, основательно пройдясь по этажу с ювелиркой и дорогими безделками, выбрала в подарок красивое коралловое ожерелье с серебром. И тем же вечером за ужином сказала как бы небрежно:

— Мам, а ты когда праздновать-то будешь?

Мать оторвалась от газеты со сканвордом, который она решала прямо параллельно с поеданием картошки, задрала брови и спросила:

— Как будто ты хочешь меня поздравить!

— Ну маааам, — Елена невольно сползла в свои двенадцать лет. Маму она любила, и мама любила её, но власть материнского сарказма была невероятной.

— «Ну маааам» — передразнила мать, — В субботу у нас зал арендован в «Птичке» на Звездинке. Я собиралась тебе сказать, но предполагала, что у тебя опять невероятно важные дела.

— Ну мам! — возмутилась Елена, — Я, во-первых, помню, что дата. Ну, то есть, — она смутилась, — В общем, я так и так собиралась быть, а потом, меня ж уволили.

— Чего? — Отец оторвался от обгрызания куриной ножки, — Это чего ещё такое?

— Да закрыли нашу гостиницу, — вздохнула Елена, вспомнила последние сплетни от кастелянши и передёрнулась, — Владелец наш... погиб. Разбился на машине.

— Ну, здорово живёшь, — отец кинул кость в тарелку, взялся за бумажную салфетку и принялся, хмурясь, тщательно вытирать пальцы, — Теперь новую работу будешь искать?

— Ну, вроде, надо, — Елена подперла щёку кулаком, вздохнула, — Но не хочется, если честно. Сама не знаю... Вроде как тут было интересно, платили нормально, где я такое место без рекомендаций найду? А к Алёне теперь шиш подъедешь за рекомендациями, она и трубку на звонки не берёт. То ли горюет, то ли боится чего-то.

Елена ещё посидела в задумчивости, а потом вдруг до неё дошло:

— погоди! Вы банкетный зал сняли?!

— Ага, — отец встал, щёлкнул кнопкой на электрочайнике, — Она вон решила, — он сунул большим пальцем куда-то в пространство, примерно в сторону жены.

— А-а-а... — Елена прийти в себя от удивления не могла, — Но как же! Ты же всегда! Лучшая хозяйка среди всей родни! Стол как на выставку! Увидеть и умереть, а если выжил — обожраться и не подняться!

— Надоело, — легко ответила мать, улыбаясь, — Сколько можно уже? Тридцать лет кормлю толпу балбесов и засранцев, можно уже и отдохнуть от этой чехарды. В кои-то веки я буду сидеть красивая, а не носиться, обвязанная полотенцем, и жонглировать кастрюлями.

— А я тебе ещё пять лет назад говорил, — отец снова сунул в её сторону пальцем, теперь указательным, — Но тебе ж было надо.

— Дааа, — мать тоже подперла щеку кулаком и сказала со странной тоскливо-мечтательной интонацией:

— Я ведь тогда так носилась с этой готовкой, что спину сорвала. На собственном полтиннике сидела, обвязанная собачьим поясом под шелковым платьем.

— А я не знала, — удивлённо сказала Елена.

— Да эта разве признается, — отец смотрел на жену с неопишуемой ласково-ехидной ухмылкой. Елена вдруг остро позавидовала их отношениям и на минуту пожелала себе таких же. Но тут мать скрутила сканворды в трубку и швырнула в отца через всю кухню:

— А тебе, ирод, лишь бы ржать, конь педальный!

Отец увернулся, заржал, и правда, как тот конь. У его локтя затрясся, забулькал, закипая, чайник, пыхнул пар, отец, чертыхнувшись, щелкнул по выключателю, не дожидаясь, когда сработает автоматика, и принялся разливать кипяток по чашкам. Елена вздохнула, кинула в свою чашку пакетик чая с мятой и стала очарованно наблюдать, как от пакетика расползаются янтарные завихрения.

Глава 20.

Поезд замедлялся. Вот он, мягко покачиваясь, начал входить в поворот, вагоны как будто чуть накренились, колеса слегка закрипели по рельсам. За окнами проплывали серые многоэтажки, тёмные в пасмурном утреннем свете деревья, кирпичные стены с кривыми простоватыми граффити.

Елена зевнула. Сама не поняла — нервно? Сонно? Зябко? В поезде было прохладно, хотя обычно эти проходящие дальние скорые раскалены, как баня. Елена и не хотела брать на него билеты, рассчитывая на ежедневную удобную «Ярмарку», фирменный поезд с отличным обслуживанием, который шёл быстро, делая всего три остановки. Но с билетами она прощёлкала клювом, и пришлось брать купе в проходящем уральском поезде. Этот скорый был так себе скорый: кланялся чуть ли не каждому столбу. Поэтому, хотя села на него Елена ранним вечером, в восьмом часу утра он всё ещё неторопливо полз по пригородам столицы.

Впрочем, она не спешила. Вылет у неё был в шесть вечера, до аэропорта добираться чуть больше двух часов, так что она успеет всё: пройтись, пообедать, отзвониться своим.

На этом пункте мать настаивала особенно.

— Ленусик, хочешь, злись, хочешь — смейся, но отнесись с пониманием, — говорила она, — Ты впервые летишь одна. Мы имеем право волноваться...

— Ты, ты! — заорал откуда-то из кухни отец, — Ты имеешь право волноваться, не

втягивай меня! Я за эту козу волноваться не собираюсь, чего с ней будет, она сама кого угодно уконтропупит!

— Отец, не смей! — в сердцах воскликнула мать, — У тебя лишняя дочь? Может, у тебя их где-то ещё десяток припрятан?

— Непременно! — снова заорал отец, послышался звук падения чего-то некрупного и тихие чертыхания. — Из-за вас печенье рассыпал!

— Тебе помочь? — спросила мать, не поднимаясь, однако, с кресла.

— Обойдусь, — ворчливо прозвучало в ответ. Отец появился в дверях со стаканом сока в одной руке и печеньем в другой.

— Но из Москвы ты позвони всё-таки, — сказал он, опираясь на косяк, — Чтобы эта, — он кивнул в сторону жены, — Не психовала.

— Да ладно, ладно, — Елена вздохнула. Диалог этот с разными вариациями звучал уже третий или четвёртый раз за последний месяц. Вот как она билеты купила, так и началось. Сначала мать пришла в ужас от идеи ехать на отдых в одиночестве. «Но как же!» — возмущалась она, — «Это же элементарно небезопасно! И потом, ты чем там будешь заниматься? В одиночку? Ни в бар не пойти, ни погулять спокойно».

Елена особо не спорила. Она не собиралась ходить по барам. Она сдала последние экзамены, защитила диплом, вежливо отбилась от аккуратного, но сильного нажима «а не пойти ли тебе в аспирантуру» и теперь считала, что имеет право на отдых. Сначала она собиралась тупо свалить на дачу и отдыхать там. Родители посоветовались и сообщили, что необыкновенно рады окончанию её учёбы и готовы оплатить ей отпуск где-нибудь на тёплом море.

Елена схватилась за их предложение, но с порога отказалась от идеи «идём в турфирму и бронируем турецкий олинклюзив в Анталье». Она была не против Антальи, она любила ленивый отдых на море, но сейчас она хотела кое-чего другого. Поэтому она таки пошла в турфирму — к бывшей уже однокурснице — и после некоторых обсуждений и советов купила билеты в Стамбул.

«Может, зря?» — подумала Елена вдруг, чувствуя, как поезд окончательно замедляется, подёргиваясь. Её совершенно отчётливо уже взяла нервячка, куда там экзаменационной. Пальцы сжались на ручке сумки, между лопатками побежали мурашки.

«Так, тихо тут, — внутренне прикрикнула она, — Я взрослая. Я умная. У меня всё в порядке с деньгами, билетами, паспортом и багажом. Я сейчас оставлю чемодан в камере хранения и поеду завтракать куда-нибудь... Куда-нибудь!»

Однокурсница Лиза, которая давно уже подрабатывала в турфирме, охотно выдала ей километровый примерно список едален и питейных столицы, проигнорировав замечание «куда мне столько на один день», поэтому у Елены был хороший выбор. Выйдя из поезда, она осторожно покатила чемодан по довольно разбитому асфальту перрона, сориентировалась во входах-выходах Ярославского вокзала и пошла по указателям искать камеру хранения. Со стороны глядя, никто бы не подумал, что эта высокая, спокойная девушка в льняном брючном костюме о чём-то волнуется или чего-то побаивается. Она шла легкими шагами уверенного в себе человека, её глаза защищали очки со стёклами-«хамелеонами», на её загорелом запястье болталась цепочка с милым, но женственным брелком в виде эмалевой бабочки. На секунду она вспомнила, как когда-то шла под февральским снегопадом, воображая себя моделью, и невольно улыбнулась, чувствуя, как потеплели щёки. Ну, не стала она моделью, не стала. Неважно. Она теперь

знала, что хочет чего-то более практичного и реального, и вместе с тем чего-то более подходящего именно ей.

Надо только сначала пристроить чемодан, позавтракать... и слетать на отдых, да. А там можно и карьерой заниматься. С новыми силами.

(Когда-нибудь я вспомню сегодняшний день, подумала она как-то мимолётно, и мне снова будет нежно и немного стыдно за свою наивность)

У камеры хранения была очередь. Елена вздохнула и мысленно списала из свободного времени следующие двадцать минут.

Конечно, она выкинула первую треть Лизиного списка сразу же. Лизон была умница и всегда готова помочь, но её представления о бюджетном ценнике явно отличались от Елениных. Посидев на скамейке с записной книжкой несколько минут, Елена разобралась с картой метро на карманном календарике, и решила, куда ехать. Дальше всё пошло как по маслу: метро, где она, почти не тормозя перед указателями, выбрала нужную ветку, пересадку и потом выход; незнакомая, но приятная улица, по которой Елена пошла наугад, и почти тут же нашла нужную вывеску. Зашла в заведение, которое было индийским ресторанчиком, села за первый попавшийся столик и взяла меню. Сказала себе: «Так, я наивная небогатая провинциалка, которая не часто бывает в Москве, и мне не надо изображать крутышку, мне надо поесть. Так что...»

— Здравствуйте! Что-то уже выбрали, или вам подсказать?

Елена подняла взгляд. Перед ней стоял пудель Артемон в человеческом облике. Она сперва даже не поняла, мальчик это или девочка — человек-пудель был в белой рубашке, брючках и чёрном фартуке, а голос у него удачно располагался ровно посередине между теми точками, в которых мы интуитивно можем угадать пол собеседника.

— Здравствуйте, — сказала Елена, — Я у вас впервые, и я бы хотела как следует поесть, потому что у меня вечером самолёт. Посоветуйте мне что-то вкусное, серьёзное и не запредельно острое?

Артемон улыбнулся (Елена едва не скосила взгляд, чтобы увидеть машущий хвост) и ответил:

— Я бы посоветовал вам карри с курицей, тушеную бамию и пшеничную лепёшку с набором соусов. Также для смелых духом у нас есть масала-чай и традиционные индийские сладости из кунжута, мёда и куркумы.

«Ничоси», — подумала Елена, сглотнула и спросила:

— А что такое «бамия»?

Артемон улыбнулся ещё шире и склонил набок голову со свисающими, как уши, кудряшками:

— Это овощ такой. Вы не волнуйтесь, он вкусный и полезный, и очень, очень серьёзный в смысле предстоящей дороги.

— Ну... ладно, — Елена сложила меню, протянула любезному Артемону, и тот ещё раз мило улыбнувшись, ускользнул между столиками, разочаровав её немного насчёт хвоста. «Зато я хоть знаю теперь, что это мальчик».

В ресторанчике было, оказывается, хорошо. Елена только сейчас вздохнула чуть поспокойнее и осознала — она ощущала и раньше, но теперь именно что осознала — какой насыщенный, тёплый и буквально ласковый воздух её окружает. Пахло пряностями. Елена

никогда не пыталась перенять у матери кулинарный опыт, поэтому все эти ароматы были для неё по большей части безымянными. Разве что отдельно и очень отчётливо пахло чесноком и имбирем, которые не спутаешь ни с чем.

Наверное, для завтрака она сделала странный выбор. Окна здесь были прикрыты от уличного света несколькими слоями рыжих драпировок разной степени прозрачности, а между окнами в простенках светились небольшие лампы со стеклянными мозаичными абажурами. Столики были простые, железные, с деревянными столешницами, а диванчики обтянуты темной чуть блестящей материей в сине-фиолетовых и мятно-бирюзовых полосках. На столике стоял держатель для салфеток в виде слона и стандартный «масло-соль-уксус» набор в простых бутылочках на стальном подносе. Странно, мило, уютно. Елена невольно вздохнула, но на этот раз вздох был расслабленный. Так вздыхаешь, придя с мороза в тёплый дом и отогреваясь постепенно с чашкой чая. «Странная мысль для лета», — подумала она, и тут же поймала себя на том, что уже в третий раз мысленно использует слово «странно».

И это вдруг наполнило её радостью. Вот и как это работает? Она всегда любила жить по плану и действовать обдуманно, но с самого утра, делая именно это, она ощущала только тревогу, а теперь, заказав в незнакомом месте неизвестную еду (бамия? *Бамия*, боже мой!?) вдруг ощутила чистый детский восторг приключения. Вот же, ну — отпуск! «Я путешествую», — подумала она, проговаривая эту простую фразу мысленно, — «Я в дороге». В груди словно надулся воздушный шарик, а на губы вылезла улыбка. «Детский сад, штаны на лямках, — попыталась она себя осадить, — Прямо как будто дикая доярка впервые из деревни выехала!». Нет, нет, не впервые, но воздушному шарик у внутри было всё равно. Он легко и нежно толкал её куда-то в диафрагму, а губы улыбались сами собой до боли в щеках. А мальчик-Артемон уже тащил полный поднос мисочек и чашечек, и вот выставил перед ней — мисочку с рыжей едой, мисочку с зелёной едой, круглый поднос с целым хороводом стальных плошек, наполненных разноцветными пастами и окруживших корявую румяную лепёшку, заботливо обернутую с одного края салфеткой. «Ой, мама, я отсюда без штанов уйду!» — в восторге подумала она, едва не повизгивая от нетерпения.

— Приятного аппетита, — сказал Артемон, ставя в качестве финального аккорда высокую глиняную чашку с чем-то дымящимся, вспененным, кремово-бежевого цвета, — Пожалуйста, будьте осторожны — всё горячее!

— С... спасибо! — выпалила она срывающимся от радости голосом и схватила за ложку.

Кончено, этот завтрак её не разорил. Она даже не слишком удивилась величине счёта. Да, в родном городе ей на такую сумму есть не доводилось, но в родном городе она ещё ни разу не ставила себе задачу наесться на полсутки вперёд. Наелась она качественно. Так, что, допив масала-чай, обнаружила, что тарелка со сладостями оказалась нетронутой. Пришедшего рассчитать её официанта она спросила:

— А можно печеньки как-то упаковать? А то я что-то... не готова их прямо сейчас, понимаете?

— Да, не волнуйтесь, дайте мне пару минут. — И через пару минут он принёс бумажный пакет, в который аккуратно сложил сладкие кусочки и заклеил фирменной наклейкой в виде слона. Елена расплатилась, пожелала Артемону удачного дня и вышла на дневной свет.

Воздушный шарик радости теперь не поднимал её от асфальта только потому, что вниз

надёжным якорем тянула индийская еда. Улица впереди была шумной, людной на тротуарах и набитой машинами по центру. Утренняя муть с неба разошлась, день сиял. Елена шла, сунув руки в карманы брюк, придерживая локтем сумку, и впервые за месяцы переживала абсолютное спокойствие и радость. «И всего-то надо было налопаться от пуза», — грубовато посмеивалась она сама над собой. — «Ещё ведь и в самолёт не села, а уже расслабилась».

Ей какой-то дальней частью рассудка ненадолго стало тревожно — а ну как сейчас она лишку отпустила вожжи, вот так и случается непредвиденное — но тревожиться было совершенно невозможно под этим горячим солнцем, на этой яркой шумной улице. Елена пошевелила плечом, поддергивая ремень сумки повыше, и пошла дальше, отмахнувшись от беспокойства.

И всё было хорошо. Она погуляла, потом спустилась в метро, доехала до Пушкинской и погуляла ещё. Вернулась на вокзал, чтобы забрать чемодан и позвонить родителям. Снова села на метро, вышла наугад где-то в центре, села на первой попавшейся кафе-веранде и выпила кофе с мороженым. Неторопливо добралась до конечной, с которой уходил раз в двадцать минут автобус до аэропорта, и ровно по своим расчетам в четыре была в Шереметьево-2.

Предыдущий её заграничный отдых случился почти за три года до этого. Тогда она с родителями летала чартером прямо из родного города, поэтому совершенно уже не помнила, как выглядит большой международный аэропорт. Не настолько большой, чтобы заблудиться, но достаточно большой, чтобы почувствовать себя неуверенно. Елена снова сказала себе: «А ну-ка, тихо там!» и, старательно держа спину прямо, а голову высоко, пошла искать стойки регистрации.

К моменту, когда на её животе застегнулась пряжка ремня безопасности, она успела прийти в совершенно очумевшее состояние. Эйфория новизны и недосыпа, державшая её на плаву весь день, сдулась примерно к паспортному контролю. К аэропортовому шаттлу и к своему месту в брюхе «боинга» Елена шла уже на автопилоте. Количество нового опыта было чрезмерным; она наполнилась, по ощущениям вся, аж возле ушей плескалось, и того гляди могло перехлестнуть через край.

Рядом с ней возилась, устраиваясь, ярко покрашенная женщина значительно старше. В какой-то момент она случайно зацепила Елену взглядом, отвернулась, но тут же снова заглянула в лицо. Сочувственно спросила:

— Летать боитесь, да?

— Да нет, — Елена потерла ладони друг о друга, пытаясь вспомнить, лежит ли в сумке, сунутой сейчас под кресло впереди, крем, — Это... не летать. Просто день был длинный. Я как-то устала, что ли, чувствую себя совершенно выбитой из колеи. — она коротко смущённо хихикнула, — Совершенно не в себе.

— А, это бывает, — соседка тоже хихикнула, — Я когда впервые одна летела, чуть не рыдала вообще. Но у меня выбора не было, знаешь, я ведь за вещами начала летать. Челночила с девяносто третьего несколько лет. А ты по работе или на отдых?

— На отдых, — призналась Елена, чувствуя себя одновременно обязанной и стесненной этим внезапным разговором, а ещё тем, что соседка сразу и не спрашивая перешла на «ты».

— В Стамбул редко отдыхать летят, больше по работе, — сказала женщина, потом шумно выдохнула, надувая щеки:

— Жарко что-то. Старое корыто, не повезло нам. Ой, да ты чего? — она увидела, как Елена несколько поблёлала лицом и со смехом добавила:

— Да шучу я. Кондеи небось сейчас включают уже.

Елена только глазами похлопала в ответ. Весь день она то и дело сталкивалась нос к носу с недостатком опыта и отрывочностью своих знаний, и сейчас одновременно с избытком новой информации почти физически ощущала недостаток её же. «Со временем», — пообещала она самой себе, но это слабо помогло. Поэтому, когда наконец заревели двигатели и самолёт ринулся по полосе вперёд, Елена с облегчением отдалась переживанию физических ощущений от взлёта, позволив происходящему в теле полностью отвлечь её от разброда и кипения в голове.

Она ждала, что её будет тошнить и сжимать, как раньше, но вместо этого пережила почти невыносимо прекрасные ощущения. От ускорения её тело кайфовало ни с чем не сравнимым кайфом, а потом, когда самолёт оторвался от полосы, её как будто омыло чистой искрящейся радостью. Она попыталась вспомнить, было ли такое раньше, и не смогла.

Самолёт входил в вираж, поднимаясь из теплого рыжего земного вечера в холодное лазурное небо, а Елена сидела, дрожа от пережитого и отказываясь думать о будущем и думать вообще.

Глава 21.

Первое впечатление от Стамбула было отвратительное.

Елена не была готова практически ни к чему. В теории она знала, что это очень большой город, в котором всегда толпы туристов. Что город стоит на холмах, и его улицы всё время идут вверх или вниз. Что его транспортная система довольно хаотичная и нелогичная. Что местная валюта — лира — имеет очень низкий курс, поэтому на банкнотах и монетах стоят абсурдно гигантские цифры.

И всё оказалось именно так. Елена просто не представляла себе насколько.

Ей повезло с попутчицей. Бывшая челночница Юля оборжала её идею менять деньги в аэропорту, решительно отвергла предложение о совместном найме такси и сразу после получения багажа потащила Елену куда-то переходами, коридорами и поворотами наружу, в ошеломляюще горячий вечер, на ходу объясняя, что за углом остановка маршрутки (она произнесла какое-то непривычно звучащее слово и добавила — запомни, на них удобнее всего ездить, но Елена моментально забыла). На разворотной площадке возле крошечного павильончика толпились люди. Казалось, хаотично, но Юля деловито пристроилась с одного края, и когда к павильончику подрулил битый жизнью микроавтобус, толпа зашевелилась и стала другим краем упорядоченно и мирно втягиваться внутрь: оказывается, тут была очередь. В первый автобус они не попали, остались стоять у края тротуара.

— Сейчас следующий будет, у них тут интервал десять минут, — успокоила Юля. — У тебя отель где?

Елена напрягла память и почти без запинки ответила:

— Район Лалели, отель «Гюль бешекер».

— Аааа, я его знаю, — улыбнулась Юля, — Ну, будешь всю ночь слушать, как наши тетки товар скотчуют.

— Товар — чего? — изумилась Елена.

— Скотчем клеивают. Сумки, чтобы в аэропорту не открыли и не повытаскивали чего, — объяснила Юля.

Елена только глазами хлопала.

— Да не падай духом, — Юля улыбалась, — Годный отель. Там, правда, по большей части русские останавливаются, кто за шмотом катается, но тебе какая разница? Там чисто, от центра недалеко, хозяева вменяемые, чего ещё. Щас до Эминёню вместе доедем, там сойдёшь, поменяешь бабло, на трамвай сядешь — и через полчаса будешь у отеля. Остановка там называется «Университет», только ты по-турецки всё одно не поймешь, так что лучше считай. Она шестая от места пересадки.

— Шестая, — повторила Елена, — Слушай, я же могла на такси поехать без этого вот всего!

— Дурочка, я тебе баксы экономлю, — укоризненно сказала Юля, — Ты просто не представляешь, как нашу сестру тут обдирают по глупости и незнанию. Для них одинокая баба натурально добыча.

— Ёлы-палы, — Елена почувствовала, что у неё голос начинает дрожать.

— Ничо-ничо, — Юля похлопала её по спине, — Вон, гляди, наш долмуш едет, — Елена наконец расслышала и запомнила странное слово, означающее маршрутное такси, — Щас пока едем — я тебе расскажу, как от остановки до отеля идти. Справишься, не пропадёшь. Чай, тебе не бизнес мутить, а отдыхать! — и она весело, чуть хрипловато рассмеялась. Подъехал микроавтобус, Юля умело откатила дверь и полезла внутрь, командуя: «Так. Давай мою сумку, потом твой чемодан запихнём. Тааак... норм, давай чемодан! Давай, пошли назад, вот сюда...» — Елена знай слушалась, мысленно благодаря доброго боженьку за такую огромную удачу.

Долмуш докатил от аэропорта Ататюрка до «исторической» части Стамбула часа за полтора. За это время Елена успела услышать массу несомненно полезной информации, но в голове у неё задержалось очень немного. Она перенервничала, проголодалась, устала и хотела спать. Левая туфля натерла ногу. Глаза чесались, в них точно песка насыпало, и голова тоже чесалась, под грудью вспотело и неприятно покалывало. Она вспомнила свои дежурства на ресепшене «Подворья», как тогда называла сама себя «человеком-сосиской». Сейчас она была даже не сосиской, а каким-то холодцом. Подтаявшим к тому же.

Невпопад и не к месту она вдруг вспомнила про свой «паранормальный» форум. Уезжая, она оставила на вахте двух модераторов, но пообещала на отдыхе хоть раз найти интернет-кафе и посмотреть, что-как, хозяйским взглядом. При этом у неё не было совершенно ни единой мысли насчёт того, как в Турции с интернетом. Она было собралась спросить об этом Юлю, но тут микроавтобус выехал с широкой улицы на круговое движение, и Юлия сказала:

— Ну вот, смотри, сейчас сойдёшь. Помнишь, что я сказала про трамвай?

— Шестая остановка... а номер? — Елена в панике осознала, что не помнит номер, но Юлия засмеялась:

— Да неважно! Тут одна ветка, у трех номеров общий кусок маршрута. Любой, короче. — И, потянувшись, нажала сигнал остановки:

— Давай, выбирайся.

Елена, не помня себя от волнения, кое-как вывалилась из долмуша, держа свой чемодан на колёсах охапкой, и так же, глупо выпучив глаза и пыхтя от тяжести, отковыляла к павильону остановки. Вокруг была какая-то площадь, прорезанная трамвайными путями, ярко освещённая фонарями, людная, шумная. «Перейти площадь в сторону мечети», — напомним она сама себе, опустила чемодан на тротуар и завертела головой. Мечеть была:

большая, тёмная, с торчащими по углам минаретами, с клубящейся под её стенами жизнью (там стояли какие-то лотки, ходили люди). Елена нашла взглядом ближайший светофор и пошла, повторяя про себя инструкции Юлии.

Ей было чертовски страшно. Она боялась каждого пункта списка: перехода широкой оживленной улицы, поиска обменника «на углу, за мечетью, не доходя до здорвенного такого здания»; она даже думать не хотела, что будет, если обменник закрыт. Чемодан с треском катил по брусчатке, Елена до боли сжимала ручку и повторяла, повторяла: за мечетью, не доходя до большого здания. За мечетью. За мечетью...

За мечетью стояло несколько небольших киосков: печать, какой-то фастфуд, сигареты и... обменник. Елена от облегчения рванула к нему едва не бегом, тут же попала колесиком чемодана в выбоину и от рывка только чудом не растянулась плашмя. Чемодан так захрустел, что у неё сердце оборвалось — но, отдышавшись и присев на корточки, она обнаружила, что оба колесика пока что целы, цел и низ самого чемодана. Видимо, хрустели осколки выбитой плитки, которой была замощена небольшая площадь вокруг мечети.

Елена посидела, опираясь на чемодан, ещё с минуту, потом медленно поднялась и пошла к киоску-обменнику. Ей не понадобилось даже знание английского, она просто молча протянула оператору пару двадцаток и получила в обмен несколько купюр разного достоинства. Сказала одними губами «спасибо», но оператор уже выжидательно смотрел на следующего клиента.

Елена сложила деньги в свой поясной кошель, удачно прикрытый льняным пиджаком, и пошла в сторону транспортной развязки на площади, поглядывая по сторонам и под ноги.

Если бы она прилетела днём, то сейчас впереди, за площадью, увидела бы залив Золотой Рог, знаменитый Галатский мост, с которого стамбульцы ловят рыбу, и другой берег залива, на котором вверх по холму ползут дома, ограды и деревья. Но сейчас было уже темно, и там, за площадью, была только темнота и огни — очень много огней. А Елена совершенно не хотела красот. Она хотела отель и поспать.

«Трамвай», — сказала она себе, — «Трамвай, потом отель и поспать».

Трамвай проехал мимо, остановился метрах в пятидесяти. Елена было дернулась вслед, но тут же поняла смехотворность даже мысли его догнать, и просто пошла в нужную сторону, стиснув зубы и не обращая внимания на крошечные капельки, выступившие в уголках глаз.

Эти несчастные пятьдесят метров были как огромное издевательство. Она шла, вспоминая, как парила воздушным шариком над московскими тротуарами ещё пять или шесть часов назад. Чемодан казался чугунной гирей, привязанной к руке, а рука как будто стала тонкой и длинной от усилий, и в локоть из запястья стреляло.

Наконец, она дошла до остановки, и тут же подъехал следующий трамвай. Она кое-как забралась в него, с трудом тягая чемодан, который в своей неподъемности уже приближался к небольшой планете. Прислонилась к какому-то поручню и принялась считать остановки.

На другой день она вспомнила, что даже не подумала оплатить проезд — и запоздало порадовалась, что ей повезло не нарваться на какой-нибудь местный контроль. Но ей просто было не до того. Вся оставшаяся концентрация у неё ушла на то, чтобы держаться, держать чемодан и считать остановки. На шестой она, чертыхаясь, вывалилась из вагона, едва не уложив чемодан плашмя и чудом не разложившись сама на тротуаре. Дождалась, когда уедет трамвай и, стискивая зубы и мрачно сведя брови, оглянулась.

Улица Коса Ragımprasa (и Елена даже не пыталась представить, как это читается)

оказалась ровно там, где и сказала Юлия — пересекала ту, по которой шли трамвайные пути, и бежала куда-то вниз, чуть изгибаясь влево. Елена перешла проезжую часть, в очередной несчётный раз прокляла чемодан и начала осторожно спускаться по узкому тротуару. Ей нужно было спуститься до самого низа, где улица делала поворот. Улица забирала вниз всё круче, фонари на ней стояли редко, Елена шла, почти молясь неведомому богу, и только старалась не думать, что будет, если она отпустит чемодан или неловко встанет на трещину в асфальте.

Наконец она дошла до поворота, немного выдохнула и с надеждой посмотрела вперёд и вверх. Пятиэтажное здание со светлым фасадом, над которым пафосно висели флаги разных европейских стран, сразу привлекло её внимание. До него был квартал. Она вздохнула и пошла, ориентируясь на освещенный фонарями и светящимся входом пятак.

Она ошиблась. Призывно светящийся фасад принадлежал отелю «Юксель». Немного постояв в отчаянии и досаде, Елена завертела головой, и через пару минут увидела нужную дверь. Её «Gul Beseker» оказался крошечной гостиничкой типа Bad and Breakfast, чей узкий фасад выходил на улицу наискосок от пафосного здания. Вывеска над входом была едва заметной, и едва-едва светилась дверь с застекленной верхней половиной. Елена вздохнула и поволокла чемодан к этой двери.

Звякнул дверной колокольчик, братец вездесущих «ветряных музык», Елена перетащила чемодан через порог и оказалась в крошечной прихожей, освещённой оранжевой лампой на стойке. Назвать этот пятак холлом язык не повернулся бы, там от двери до стойки ресепшена было метра три. А противоположных стен по бокам, кажется, можно было коснуться, всего лишь разведя руки. Елена сделала пару шагов и ей навстречу поднялась из-за стойки черноволосая девица в брючном костюме. Сказала

— Хелло! Кен ай хелп ю? — с таким акцентом, что у Елены скулы свело.

— Хелло, — ответила она, отпуская чемодан, словно признавая поражение. Чемодан подумал секунду и таки приземлился плашмя с треском.

— Сори, — сказала Елена, — Айм вери тайред. Айв букед э рум хир.

Девица выскочила из-за стойки, подняла Еленин чемодан, прислонила к стене, снова забежала за стойку и спросила:

— Сюрнейм?

— Мезенская, — ответила она и повторила ещё по слогам: — Ме-зен-ска-я! Елена.

— О, шюр! Вейт а минат, — девица шустро ковырялась в бумажках. «Могли бы и компьютер поставить», — неприязненно подумала Елена, но девица наконец выудила нужный лист и просияла:

— Елена! Ме-син-кай! Айв гат ит! — она помахала бумажкой, шлепнула её на стойку и сказала:

— Ёр паспорт, плиз!

Елена закатила глаза, но делать нечего — пришлось лезть в сумку.

Через бесконечных пятнадцать минут, после оплаты аванса и подписания документов (слава Аллаху, на английском! — думала Елена), девица, которая представилась Лейлой, вытащила из ящика стола ключ с ярлычком и повела её по крутой лестнице на второй этаж. Чемодан Лейла взяла на себя, глянув только на выражение лица, с которым клиентка устала на свой багаж.

Номер был в самом конце коридора. Лейла открыла замок, толкнула дверь и протянула руку, пропуская Елену — «Плиз!».

Елена прошла в номер, забрала у Лейлы чемодан и ключ и закрыла дверь, не слушая, что там девушка пытается донести про информационные буклеты на стойке и возможность заказать чего-то там по телефону.

Она даже не рассмотрела толком номер. Он был невелик, почти весь занят кроватью и шкафом, но Елена первым делом нашла санузел (наконец пописать после нескольких часов пути!), вторым делом нашла окно (и балконную дверь рядом), а потом просто разделась, покидав вещи на пол, выключила свет и заползла в чистую постель. Может быть, было жарко. Может быть, в открытое окно доносились звуки большого города — транспорт, голоса, шаги. Может быть даже, в соседних номерах кто-то и правда «скотчевал» тюки с барахлом — ей ничто из этого не помешало почти моментально провалиться в глубокий, крепкий, не тронутый даже сновидениями сон.

Глава 22.

Обычно говорят «утро вечера мудренее», подразумевая, что с утра легче соображать и решать вопросы. Елена была склонна интерпретировать эту поговорку иначе.

Ранним утром в конце июля двухтысячного года она стояла на балконе своего номера, завернувшись в гостиничное покрывало, и смотрела на нескончаемую череду крыш, сбегających вниз и вдаль.

Она отлично выспалась и здорово проголодалась. Ей надо было одеться и спуститься вниз, пройти по уже знакомой улице и попробовать найти в окрестностях какую-нибудь едальню, потому что она не стала оплачивать гостиничные завтраки.

И вот она смотрела на месиво улочек, крошево черепичных крыш, хаос домов, деревьев, столбов, заборов и тротуаров и думала, что если сейчас она покинет безопасный остров отеля, то, вероятно, сразу заблудится, потеряется в этих каменных кишках, и никогда не выйдет обратно.

«Каким местом я вообще думала», — спрашивала она себя, — «Когда решила ехать одна в какой-то чертов лабиринт. Это же не город, а монстр, небось, людьми питается!».

Где-то вдали, почти на горизонте, сияло голубое и жемчужное. Справа из-за соседнего здания медленно выбрались лучи солнца и неожиданно горячо скользнули по щеке девушки. Она вздохнула, повернулась и убралась с балкона.

В конце концов, она заставила себя одеться, причесаться, навести на лицо необходимый косметический минимум и спуститься на ресепшен. Давешней Лейлы там не было. Вместо неё за стойкой сидела сурового вида и плотного телосложения женщина в закрытом платье и платке на голове. Она подняла взгляд от потёртой тетради с записями и вдруг улыбнулась Елене изумительно тёплой, широкой улыбкой:

— Здравсти, русской девочка! Ты вчера заехал, русской девочка?

Елена, офигевая в край, ответила растеряно:

— Ага... здрасте...

— Красивый девочка какая, — женщина протянула руку, потрогала завиток Елениных волос, перекинутых через плечо. — На наш девочка похожа! — и она весело засмеялась, прищутив глаза.

Елена вдруг подумала, что куда бы она ни пошла, ей везде встречаются такие тётки — возраста её матери, и так же, как её мать, всегда весёлые и готовые к общению.

— Простите, — сказала она, пытаясь собрать в кучу разбегающиеся мысли, — А где бы мне найти карту города?

— Карту тебе, вот карта! — женщина вынула откуда-то из-под стойки брошюру, сложенную гармошкой, — Тут смотри — трамвай отмечено, мечеть отмечено, магазин отмечено! Музей пойдешь — тоже отмечено. Две тыщи лира для наших гостей!

Елена молча вынула из кошелька бумажку нужного достоинства, отдала женщине, забрала брошюру, а женщина вдруг подалась к ней, опершись на стойку и сказала доверительно, понизив голос:

— На Галата мост не ходи есть! Дорого очень. Рыба хочешь — иди Бюйук отель! Там ресторан хороший. Кёфте хочешь — иди за Юниверсите, туда на Фетхибей, там столови дешево, вкусно! Кёфте, искендер кебап, овощи, чай!

— Спасибо большое, — сказала Елена, понимая, что тут же забыла произнесённые названия. Турецкие слова звучали как куриное кудахтанье пополам с журчанием воды, и нипочём не держались в голове.

За её спиной зазвенел колокольчик, вошёл какой-то мужчина и «хозяйка» за стойкой переключила внимание на него. Он оказался местный, и эти двое тут же принялись с невероятной скоростью журчать и квохтать, сверкая улыбками и иногда взмахивая руками. Елена тихонько ретировалась на улицу.

Рыбы она не хотела, чаю и неведомого «кёфте» тоже. Она хотела кофе. Пройдя по улице до поворота наверх, она огляделась на перекрёстке. При свете дня вокруг было ещё бесприютнее, чем вечером. На одном углу прямо на тротуаре валялся здоровенный рыжий пёс. Здание напротив было почти похоронено под слоями бумажных объявлений, обклеивших фасад слоями на всю высоту первого этажа. С ближайшего фонарного столба свисали мотки проводов и какие-то жестяные ящики. Здание дальше глядело забелёнными окнами, поверх которых висела растяжка с турецкой надписью и цифрами — очевидно, это было объявление о сдаче внаём или продаже. Елена сказала себе, что с картой она далеко не заблудится, и пошла наверх, туда, где прошлым вечером сошла с трамвая.

С каждым десятком шагов по улицам она приходила во всё более мрачное и озабоченное настроение. В тот момент она не знала, что поселилась почти в центре торговых кварталов, неподалеку от большой промтоварной галереи и нескольких супермаркетов, куда с начала девяностых толпами наезжали «челноки» из России за одеждой и обувью, косметикой, парфюмерией и игрушками. Неудивительно, что хозяйка гостиницы изрядно насобачилась болтать по-русски — добрых две трети её клиентуры составляли деловитые тётки типа Юли, которые не первый год возили товары из Турции в Россию.

Район Лалели-Университета был очень суетным и шумным. «Очень» — значит, даже по меркам в целом неугомонно жужжащего круглые сутки города. Вокруг Университета сновали, казалось, во всех направлениях студенты. В небольшом скверике на скамейках сидели женщины, присматривающие за детьми, пожилые мужчины с газетами, монументальные закутанные в чёрное бабки, которые невозможно дымили сигаретами.

Елена шла, то и дело невольно округляя глаза: вот сидит на низкой скамеечке молодой парень, перед ним какая-то подставка с рядом непонятных торчащих шпенок, сбоку прямо на асфальте толпятся какие-то бутылочки и баночки. Вот старуха с огромной тележкой, с верхом набитой газетами и картонными ящиками. Вот в тени дерева стоит семья: мужик в майке и шортах, двое маленьких пацанов в штанишках и футболочках и похожая на тень

женщина, с головы до ног упрятанная в чёрную накидку, так что на видно даже глаз: отверстия в парандже забраны частой сеткой.

Кому-то другому эти же улицы показались бы экзотическими, манящими, обещающими приключения или хотя бы зрелища. Кто-то другой заметил бы балконы, уставленные горшками с растениями, многочисленных кошек, что вальяжно бродят, сидят, валяются, едят и играют на приступках домов, каменных оградах, полуподвальных окнах и в подворотнях. Увидел бы, как разнообразны закрытые платья-плащи мусульманок, какой на них яркий, непривычный нашему глазу макияж. Подивился бы бродящим там и сям мелким торговцам всем на свете — соковыжималками, прищепками, лотерейными билетами, салфетками, детскими игрушками, носками и сигаретами поштучно. Елена не видела этого всего, потому что не была настроена видеть. Она испытала потрясение, осознав масштабы города (всего-то и увидев с балкона небольшую его часть), и ещё одно — пройдясь парой не самых туристических улиц (но и не самых нехороших, уж точно). Ей нужен был кофе, передышка и подумать.

Она побыстрее прошла мимо череды киосков, мимо забитой людьми трамвайной остановки, углядела небольшую безлюдную улочку и свернула туда. Улочка с одной стороны отгораживалась невысокой, но длинной глухой стеной, на другую выходили двери маленьких магазинчиков. Елена прошла дальше, ещё дальше, и наконец увидела между двух магазинов веселенький голубой фасад с парой окон и приоткрытой белой дверью. На двери была нарисована «ладонь Фатимы», в центре которой приклеили здоровенную круглую стекляшку в виде голубого глаза. «От сглаза», вспомнила Елена из объяснений Юлии. Чуть выше двери висела вывеска Yildizcafe.

Елена обрадовалась, что хоть слово «кафе» на турецком выглядит знакомо, и уверенно зашла внутрь.

Кафе было славное. Очень простое: белые стены с парой-тройкой старинных сепийных видов в рамках, белые столики, темный плиточный пол, тёмные деревянные полки позади стойки. Над полками чуть слышно сипел старенький, с пожелтевшим корпусом кондиционер, но сурового офисного холода не было — кафе дышало в меру тёплым, самую малость пыльным воздухом.

Стоило Елене подойти к витрине и увидеть разложенные там сладости, сэндвичи, печенья, вдохнуть запах кофе, корицы и ванили, как она вдруг успокоилась. Там, снаружи, остался медленно нагревающийся на солнце монстр о тысячах крыш и миллионах глаз, а тут было тихо, чисто и совершенно безопасно. Елена встретила взглядом с тучным усатым мужчиной в белом, который выжидающе смотрел на неё, вытирая руки полотенцем, и сказала:

— Hello! Coffee please!

— Coffee turkish? — спросил он, показывая на стоящую перед ним медную джезву.

— Yes, — она кивнула.

— Some food? Sweeties? — мужчина кинул полотенце на плечо, достал из-под стойки банку, принялся отмерять в джезву молотый кофе.

Елена задумчиво уставилась в витрину. Чего там только не было. Вот чего не было точно: чего-то хотя бы отдалённо знакомого. Какие-то вермишельные золотистые гнёзда с торчащими орешками, поджаристые рулетики, залитые сиропом, полупрозрачные крошечные свёртки, шарики, обсыпанные зернышками, кубики, обсыпанные сверху сахарной пудрой... Елена наугад коснулась пальцем стекла:

— This one, please.

Мужчина кивнул, взял маленькое блюдо, расписанное синими дугами и алыми лепестками, и водрузил на него одно золотистое истекающее сиропом гнездо с орешками. Поставил на стойку и махнул рукой в сторону кассового аппарата, который притулился за небольшой пластиковой перегородкой в углу.

Пока она расплачивалась, сварился её кофе. Толстяк аккуратно поставил перед ней маленькую белую чашечку на маленьком белом блюдечке: слева ложечка, справа пакетик сахара. Склонил голову набок, скупо улыбнулся в усы и пробормотал что-то по-турецки.

— Thank you, — Елена забрала кофе, сладость и, осторожно ступая, направилась к окну, за залитый солнцем столик.

Турецкий кофе оказался дьявольски крепким и вязким, как смола. Половину чашечки, кажется, заполнял осадок. Золотистое гнездо с орехами и сиропом было чудовищно сладким и хрустящим. Елена сделала глоток, откусила кусочек и поняла, что просто не знает, что с этим всем теперь делать. У неё в душе поднимался вал разнообразных чувств, потому что ей вдруг всего стало чересчур. Слишком яркое солнце, слишком шумный город, слишком крепкий кофе и слишком сладкий десерт. Кафе, натянувшее личину тихого приличного местечка, оказалось коварным предателем, агентом горячего опасного города-монстра. Елена возмущённо выпрямилась на стуле, невольно бросив взгляд в окно.

И на неё словно вылили ведро холодной воды. Ну, нет, не ведро — но плеснули в лицо щедрую порцию. Там, на освещённой улочке, в двух шагах от окна, стояла девушка чуть младше её на вид, и смотрела на неё. Она выглядела так, словно не вполне понимала, где находится. Её русые волосы до плеч были взъерошены и «петухами» торчали на затылке. Голубая футболка была мятой и с большими пятнами пота под мышками, джинсы с размахренными штанинами испачканы на коленях. На обвязанной вокруг бёдер клетчатой рубашке с одного боку висели какие-то репы. Елена добралась до пыльных, когда-то зелёных кед и перевела взгляд на лицо.

Их взгляды встретились. Глаза той, за окном, расширились, рот собрался в «плаксивый комочек» (как выражался Еленин отец). Елена подняла руку и медленно махнула к себе длинным дугообразным движением, точно комара ловила. Глаза незнакомки, и так смотревшие плоскими, раскрылись ещё шире, и она чуть не бегом бросилась к двери кафе.

«Какого чёрта я, блин, делаю?» — успела подумать Елена.

А через минуту смотрела на свою главную проблему на ближайшие несколько лет.

Часть 3. Стамбул: замок и ключ

Глава 23.
2015

Ненавижу готовить.

Когда-то, помню, читала книжки вроде «Шоколада» Харрис и воображала себе, как у меня будет собственная кухня, а там — большой стол, мраморная разделочная доска, ножи всех возможных видов и размеров, склянки под специи и крупы, всё-всё-всё, что нужно, чтобы каждый день колдовать с едой.

Очарование готовкой и мечты о кухне держались ровно столько, сколько я жила в родительском доме и вынужденно терпела еду моей матери. Она, бедняга, всегда считала, что умеет готовить, и часто негодовала, что родные не в восторге от её опытов. Стоило мне начать жить отдельно, и все эти прекрасные картинки рецептов, баночек, красивых прихваток и прочих принадлежностей вытеснила плоская, как блин, правда жизни. Готовить скучно, долго и тяжело. Рецептам необходимо внимательно следовать, иначе получится ерунда. Красивые принадлежности стоят уйму денег, а если у тебя нет большой кухни с кучей шкафов и полок, их ещё и положить некуда.

С утра меня хватает только на то, чтобы сварить кофе. В общем, я давно сама себе хозяйка, и вставать в восемь-девять утра мне необязательно. Теоретически я могу встать в полдень, до вечера читать, гулять или сидеть в интернете, а ночью сесть за работу. Одно время я так и жила, но очень недолго. Мне нельзя привлекать много внимания, нельзя иметь слишком много связей, поэтому я не связываюсь с крупными заказчиками и не работаю ни с кем больше двух-трёх раз. Вместо этого я соглашаюсь на мелкие разнообразные работы, берусь за что попало, так, чтобы не быть привязанной к определенному стилю или направлению. Открытки, иллюстрации, дизайн, даже вёрстка иногда. Персонажи, логотипы, чёрта с рогами и чёртову бабушку — если платят.

Собственно, поэтому мои заказчики запросто могут позвонить в любое время суток. И не по важному поводу, а просто лишний раз вслух посомневаться над какой-нибудь ерундой, которую вполне можно обсудить по электронке. Или в скайпе, и не в восемь утра. Чаше всего меня будит именно такой звонок.

Поэтому с утра, ответив на внезапное от очередного тревожно-озабоченного, я обычно бреду на кухню — если на тот момент у меня есть кухня. Достаю из завала в раковине джезву, отмываю её, отмеряю кофе серебряной ложечкой с длинной витой ручкой. Добавляю кубик сахара, наливаю бутилированной воды. Иногда я живу в таком месте, где вода из-под крана ничем не хуже, но я сознательно следую ритуалу. Был у меня период, когда я решила, что мне больше не нужны якоря и страховки, что я отлично обойдусь без верёвочек, привязывающих меня к реальности. Нехороший период, вспоминать его неприятно и не хочется повторять.

Если жизнь складывается так, что кухни у меня нет, я одеваюсь и иду в ближайшее открытое кафе. Оно обычно в том же здании или рядом — иначе я и не выбираю жильё. Хотя бы на это мне заработков хватает.

Сегодня у меня есть кухня, и кофе, и коричневый сахар, и джезва ради разнообразия

вымыта с вечера. Как и вся прочая посуда. Ничто так не дисциплинирует, как проживание на чужой жилплощади на правах гостя. Сейчас я выпью кофе, снова вымою маленький тёмный медный сосуд и ложечку с витой ручкой и уложу их в рюкзак, затолкав внутрь пакетики с остатками кофе и сахара.

За окном кухни шумит листва, орут чайки и воеет магистральная развязка. Я отмеряю кофе в джезву, бросая взгляды на флаги, которые полощет ветер. Две недели, проведённые в Варне, я смотрела по утрам на эти флаги — полосатый болгарский и синезвёздный флаг Евросоюза.

Ниже флагов темнеет полоса деревьев, из которых выглядывают крыши пятиэтажек. Дальше, за домами и дорожной развязкой, невидимый отсюда простирается парк. А ещё дальше, под высоким обрывом, тянется полоса пляжа и — море.

Я осторожно наливаю из пятилитровой бутылки воду, включаю конфорку электрической плиты, ставлю джезву и снова смотрю в окно. Солнце встало с другой стороны дома и не слепит глаза. Море отсюда не видно, но мне достаточно знать, что оно где-то там. Это одно из моих любимых состояний: утро, лето, открытое окно и море рядом.

Ужасно жалко, что мои две недели здесь закончились.

Я слышу шипение и успеваю убрать джезву с поднявшейся кофейной пенкой с плиты. В первый раз, варя кофе на такой плите, я просто по привычке выключила конфорку. И тут же мой кофе оросил стеклокерамическую панель, подгорел и завонял. Мне всегда приходится всему учиться на своих ошибках, потому что рядом обычно нет никого, кто мог бы сказать, как правильно. Рассказать, что электрическая конфорка не остывает моментально, как газовая, или что отмыть пригоревший кофе со стеклокерамики можно только специальным средством.

Или что люди всегда врут, если только их не припрёшь в угол по-настоящему.

Я наливаю кофе в первую попавшуюся чашку (попалась синяя, с вытертой позолотой на ручке и по верхнему краю), оглядываю кухню, пытаюсь вспомнить, куда вчера кинула бумажный пакет с выпечкой. На дверце холодильника висит прижатый магнитом листок, исписанный поразительно кривым почерком. Верхняя строчка крупно взывает: «Света!».

А могла бы и не заметить, если бы не стала искать свои слойки.

Записка уведомляет меня, что мою выпечку скинули с холодильника и разогнали по кухне коты, о чём хозяйка сожалеет и предлагает мне удовольствоваться шоколадкой — молочной или белой, или обеими, из левого ящика стола. Кроме того, она сообщает, что легла поздно (а скорее, рано, если вспомнить звуки на рассвете) и просит утром её не будить.

Обойдусь без шоколадок. Вытаскиваю из хлебницы остаток вчерашнего багета, а из холодильника — мягкий сыр, сооружаю себе пару бутербродов, добавив сверху пасты из острого перца. Шоколадки, скажет тоже.

Хозяйка квартиры — прекрасная женщина. В другой жизни мы могли бы подружиться. Она шумная, весёлая, размашистая и активная, у неё отлично работает голова и всё в порядке с чувством юмора и здравым смыслом. Поэтому она думает, что сегодня вечером я сяду в такси и поеду в аэропорт, чтобы сесть на самолёт до Москвы. Поэтому же она ничего не знает о назначенной мной на вечер встрече.

Это самый неприятный побочный эффект моего образа жизни — мне всё время приходится врать. Недоговаривать, умалчивать, отвечать уклончиво, слегка исказить факты. В общем, по-крупному, я ничего не скрываю: все мои знакомые знают, что я художница,

много путешествую, работаю даже в дороге, снимаю временное жильё там и тут, где позволят деньги и удастся получить визу. То возвращаюсь на родину, то остаюсь за границей. Избегаю постоянных отношений, собственного жилья и серьёзных обязательств. Пошу фоточки в инстаграм, веду блог, как все. Для нынешних времён это вполне обычно и не удивительно. Главное — не касаться подробностей и не вдаваться в детали. Я к этому привыкла и несу дезинформацию на автопилоте, не путаясь в показаниях и не теряясь. И не пытаюсь ни с кем дружить.

Кофе почти обжигающий. Я осторожно отпиваю крошечными глотками, дую, снова отпиваю.

Кстати, инстаграм. Я отставляю чашку и на цыпочках пробираюсь по коридору мимо комнаты спящей хозяйки, мимо комнаты её подружки, мимо ванной, откуда мне под ноги выкатывается здоровенный чёрный кот, так что я едва на него не встаю. Поднимает крупную голову, показывая белый подбородок и в беззвучном «мя» открывает рот. Коты в этом доме понятливые, никаких звуков, пока хозяйка спит. Ещё бы не тырили еду — цены бы им не было. «Привет, Тоша», — бормочу я, наклоняясь на ходу и проводя ладонью по котовой спине. Тоша моментально плюхается на пол и сладко тянется.

Вот и «моя» комната. Смартфон, конечно, лежит на подоконнике, подключенный к зарядному устройству. Отключить из розетки, вытащить из гнезда на смартфоне, свернуть, закрепить липучкой, убрать во внутренний карман рюкзака. На прошлом привале я продолбала такое же, только фирменное, а эту китайскую подделку пришлось спешно купить уже здесь, в Болгарии. Вероятно, моя маман могла бы много чего сказать по этому поводу, но у неё нет шансов.

Возвращаюсь на кухню, глядя под ноги (кот всё ещё валяется в коридоре), чтобы допить кофе, доесть бутерброд с сыром и пролистать соцсети. «Напоследок», говорит в голове неприятный голос. Ещё чего, одёргиваю я себя, откуда вообще такие мысли? Всё идёт по плану. Всё будет нормально. Как всегда.

В ленте попадает фотка знакомого места: крупная, красивая женщина стоит, отвернувшись в профиль, на фоне улицы Истик-ляль. Её темные волнистые волосы чуть отведены ветром, а за её спиной виден знаменитый красный трамвайчик. Короткий пост на английском привычно-многозначительно даёт понять, что героиня снимка познала в жизни главное и вполне счастлива. Я немного колеблюсь, раздумывая — написать ли комментарий? — но ограничиваюсь обычным лайком. У нас давно заведено поддерживать связь такими простыми незначительными действиями, без слов, без дополнительных значений. Переключаюсь на вкладку своих лайков — да, она тоже отметилась под моей последней фоткой.

Я заканчиваю пролистывать ленту фейсбука, когда телефон вибрирует, чуть ползя по столешнице — пришло сообщение в мессенджер.

Я не хочу его читать. Я нажимаю на иконку уведомления.

«В 21:00 под главной лестницей у кафе «Посейдон». Подтверди.»

Пишу «Ок», отправляю. И понимаю, что в животе начинает медленно закручиваться узел, словно кишки собрали в горсть и заворачивают, как выжимаемое бельё.

Я могу отказаться сейчас, или позже, или даже в последний момент. Я могу обмануть ту, с кем переписывалась. И она может, кстати, обмануть меня. У неё ещё меньше причин быть откровенной или поступать, как оговорено. А у меня совсем нет причин ей доверять. Она тоже врёт столько, сколько я её знаю, и с чего бы ей измениться? Тем более, что и я вру

ей. Ну... недоговариваю. Я возвращаюсь к инстаграму, бездумно листаю фотки, пытаюсь отвлечься от тревоги. Но, как назло, вижу фотографию ещё одной эффектной дамочки, которая селфится «губы бантиком» на фоне утреннего пляжа. Сворачиваю приложение, стараясь не думать о том, что эти две тоже подписаны друг на друга.

Из коридора неспешно выплывает кот. Вышагивая лапками в белых «носочках», обходит кухню по периметру, попутно понюхав свою мисочку (сейчас пустую), и прыгает на соседний стул. Усаживается, медленно зевает, вытягивая усы вперёд и на секунду демонстрирует блестящие белые клычки и ребристое розовое нёбо. Смотрит на меня прищуренными жёлтыми глазами, а потом начинает усердно вылизывать переднюю лапу. Я смотрю на кота, такого домашнего, спокойного и уверенного в своём праве лизать лапу тут, на стуле, и завидую. Коту, его хозяйке, её подруге, их соседям. Всем, кто живёт тут круглый год, глядя по утрам на трепещущие под ветром флаги, угадывая дыхание моря за домами и деревьями, слушая вопли гларусов в открытое окно.

Кот заканчивает с одной лапой и принимается за вторую, а я встаю, чтобы вымыть джезvu и чашку, вытереть крошки со стола и начать свой рабочий день.

Глава 24.

2000

Ей редко когда бывало настолько стыдно. Причём, ладно бы она что-то некрасивое сделала. Все её вины на тот момент было, что она грязная и потная, как грузчик после смены. Пока она бродила по улицам, стараясь идти по теневой стороне — чувствовала себя почти нормально. С этим городом они неожиданно неплохо сочетались. Вокруг были толпы, и изрядная часть этих толп состояла из таких же потных людей в несвежей одежде.

Но в кафе было тихо, чисто и как-то очень... прилично. Словечко из лексикона её матери словно само выскочило в памяти. В кафе было прилично, а она выглядела совершенно неприлично, но было уже поздно. Она уже зашла и стояла возле столика, за которым сидела обалденно красивая девица. Сидела, подперев кулаком скулу (а рядом вьётся каштановый локон, а с браслета на запястье свисает хорошенькая эмалевая бабочка), и смотрела на неё с таким видом, как будто у неё собираются милостыню просить.

Тут до Светки и дошло, как всё это выглядит со стороны, как она выглядит, и она тут же почувствовала, как лицо становится горячим, плечи поднимаются сами собой, а пальцы сжимаются — в том числе, кажется, и на ногах.

— Привет, — сказала красотка. По-русски сказала. Значит, Светка не ошиблась, когда пошла за ней от автобусной остановки. За дни, проведённые в Стамбуле, она первая, в ком Светка заподозрила соотечественницу из-за сказанного сквозь зубы «чёрт».

— Ну давай, садись, — она выпрямилась, махнула рукой в сторону стула напротив, — Расскажешь, чего тебе надо.

Не то чтобы Светка мгновенно успокоилась, но чуть-чуть отлегло. Она отодвинула стул, потом вспомнила про рюкзак, стянула со спины, невольно оглядываясь на мрачного мужика за стойкой — он замер и внимательно смотрел в их сторону. Садясь и пристраивая рюкзак к ножке стола, она сказала тихо:

— Этот... Продавец...

Красотка быстро глянула в ту сторону, сказала:

— Спокойно, — встала и пошла к стойке. Опасаясь оборачиваться, Светка вся превратилась в слух.

Девушка быстро и свободно сказала по-английски длинную фразу, из которой Светка уловила только «фор май френд». Мрачный мужик медленно ответил что-то невнятное. Послышался дребезг посуды, шипение, плеск, потом скрежет кассового аппарата. Ещё минута напряжённого ожидания — и красотка вернулась. Поставила на стол тарелку со здоровенным бутером, большую чашку (кажется, кофе с чем-то) и села на своё место.

— Давай, — она взялась за свою крошечную чашечку, сделала очень осторожный крошечный глоточек, — Объясняться можешь в процессе.

Светка первым делом схватилась за чашку. В ней был настоящий капучино. Она такую вкуснятину первый и последний раз пила в кафе «Сервантъ», куда Сашка её потащил праздновать возобновление их «отношений». Недолго музыка играла...

Она заставила себя оторваться от чашки, передохнула и нашла взглядом салфетки — на физиономии у неё, понятное дело, уже пушилась молочная пена. Промокая её тоненькой мягкой бумагой с пупырчатым узором, Светка пыталась собраться с мыслями.

Её визави явно была из терпеливых. Она отковырнула от разломанной турецкой сласти на своём блюде крошечный кусочек, положила в рот, прислушалась к ощущениям. Проглотила и сказала:

— Голый сахар. Как они это едят вообще?

— Сладкое в исламских странах служит заменой алкоголю, — сказала Светка, вспоминая обсуждение на форуме. И мысленно добавила — к сожалению.

— Я в курсе, — красавица подняла взгляд от тарелки и вперила в собеседницу. Глаза у неё были пугающе тёмными, как перезрелые черешни, а ресницы вокруг них густые и длинные, словно искусственные. — Ну как, есть что сказать?

В общем, выбора не было. Попала Светка крепко, то, что ей удалось встретить русского человека среди толп турок и иностранцев, и этот человек не послал её лесом — удивительная удача, но любого везения надолго не хватит. Поэтому она покосилась на бутерброд (успеть схватить, если погонят) и быстро сказала:

— Я тут оказалась случайно, одна, у меня очень мало денег и нет загранпаспорта. Идти некуда. И... — она снова покосилась на бутерброд, — И звонить некому. И я вообще-то не собиралась ни о чём просить, но...

Маленькое жалобное враньё, которое вряд ли чем-то мне поможет.

— Но тут я тебя увидела и позвала, — произнесла красотка без секундной даже паузы. — Сейчас тебе полагается спросить, кто же я такая, а я бы ответила «Я твоя большая удача», — она как-то нехорошо, мрачновато усмехнулась.

Светка признала:

— Ну, это правда. Это... очень повезло. — Не будем вспоминать о том, что последние сутки она потратила на то, чтобы прислушиваться к людям на улице в надежде определить «своих».

Красавица молча встала, ушла, и Светке снова пришлось сидеть и пытаться спиной услышать, что происходит у стойки. Безуспешно — там звенит посуда, звенит мелочь, звенят голоса, потому что как раз с улицы вошла компания одетых в закрытые платья-плащи женщин. Они толпятся у витрины, болтают, смеются. Её «большая удача» возвращается ещё с одной чашкой кофе. На этот раз она взяла себе обычный американо.

— Ладно, — она садится, отпивает, вздыхает, как человек, который наконец-то попал тугой пуговицей в мелковатую петлю. — Я Елена. Ты?

— А... Света, — ей не хотелось называть своё настоящее имя, но и представляться ролевым именем было стрёмно — эта Елена явно из цивиллов. Да и сама-то она, если подумать...

— Так, Света, — Елена снова отпивает свой американо, отщипывает от разрушенного пирожного кусочек, — Я думаю, удача в данном случае ни при чём. Это скорее закон природы такой. Мне когда-то одна... женщина объяснила, — и Светка замечает небольшую заминку, словно Елена в последний момент остановилась и заменила словом «женщина» что-то другое.

Это был вполне себе решающий момент. Можно было сделать глупость — схватить бутерброд и выскочить из кафе. Убежать куда-нибудь, прийти в себя, поесть, а потом купить на последние деньги самого дешёвого алкоголя и сделать ещё одну попытку.

Пятую... или шестую? Она вдруг осознала, что сбилась со счёта, и у неё аж дыхание спёрло от ужаса.

— Эй, — Елена поставила свою чашку на блюде и пощёлкала пальцами перед Светкиным носом, — Алло, Хьюстон орбите! Мы вас теряем!

— А... да. Извини. — она попыталась улыбнуться, но получилось так себе. Срочно надо было что-то сказать, но ничего не шло на ум.

— Ясно, — Елена вздохнула, — Ладно, тогда ты так посиди, а я, что ли, поговорю. Идёт?

— Ага, — сказала она. А что ещё скажешь в такой ситуации?

И Елена стала говорить.

Через полчаса они всё ещё сидели в кафе. Светка незаметно для себя сжевала половину бутерброда. Разломанное на части «гнездо» с орешками так и стояло неостребованное у края стола, куда его раздражённо отодвинула Елена, не в силах съесть больше ни кусочка. Остатки её американо остыли, осели и остатки молочной пены в чашке Светки.

— Так что теперь я в безопасности, — сказала Елена, обращая к Светке запястье с болтающимся на браслете брелоком, — Забавно, но факт — работает. Главное, не забыть прижать.

— Можно, я посмотрю? — на вид обычный металлический брелок с эмалью. Елена протянула руку через столик, тряхнула, чтобы браслет съехал на кисть. На обратной стороне брелока в центре, там, где крылышки выходили из тельца бабочки, торчал небольшой круглый шип. Ах, «прижать»...

— В моём случае главное не терять осознанность. — Елена забрала руку с браслетом. — Конечно, удовольствия меньше, но и, так сказать, побочный эффект пропадает. Болевая точка мешает провалиться в транс.

— Ясно, — Светка опустила взгляд в свою чашку, где поверх темного осадка стояла белёсая жижка.

— Твоя очередь, — сказала Елена.

Светка повозилась на стуле, разгладила перед собой скатерть, понимая, что тянет время, и никак не решаясь начать. «Вроде бы, раз она такая же, как я, то бояться нечего, но»... Что значит «такая же»? Она вон сделала себе висюльку с шипом и решила проблему. И вовсе не думает о том, что её можно было *так* не решать...

Ну ладно.

— На меня действует алкоголь. То есть, надо выпить и заснуть. И во сне в какой-то момент... — даже в таком разговоре она не решилась открытым текстом сказать «я невероятным образом перемещаюсь в пространстве». Пусть это случалось в реальности, обсуждать это казалось безумнее и опаснее, чем переживать.

— То есть, — медленно проговорила Елена, — Если не пить, то куда не переместишься? — их взгляды встретились. Прежде, чем Светка успела подумать, её язык сказал:

— Так ты тоже можешь не кончать, и куда не переместишься!

Идеальные, по последней моде уложенные и подкрашенные брови красавицы поднялись, глаза расширились, а губы сжались. Целую долгую секунду Светке казалось, что она сейчас её пошлёт прямо матом. Но она выдохнула, вернула на лицо спокойное выражение (и это выглядело фантастически, словно компьютерный эффект) и сказала:

— Ну да. Соня говорила, что индивидуальный триггер чаще всего завязан на личный способ сброса напряжения. Так или иначе, у тебя есть выбор — не пить, пить и не спать или... перемещаться.

— Так-то да, — сказала девушка, — но не сейчас.

— В смысле? — удивилась Елена.

Вот и добрались до главной засады.

— Я тут, в Стамбуле, торчу уже несколько дней, — призналась Светка, — И не то, чтобы по своей воле. Что-то... поломалось. Я как будто, ну, залипла.

— Не перемещаешься? — Елена подалась вперёд, положив подбородок на ладони и упершись локтями в столешницу.

— Перемещаюсь, но не так. Понимаешь, дело в том, что я когда стала пробовать... ну, намеренно! — у меня сначала получалось куда попало и недалеко. Километров на триста-четыре, — Светка увидела, что собеседница меняется в лице, и быстро добавила:

— Но я сразу поняла, что меня всегда выносит к людям!

— Блин, — Елена отодвинулась и посмотрела на неё как на ненормальную, — Ты хоть понимаешь, насколько это опасно? Я всего один раз попробовала, и меня в какой-то пруд занесло! Чуть-чуть бы не повезло — я бы утонула!

Пруд, ничего себе! Светка быстро перебрала в памяти все свои «перемещения». Скамейка на площади, скамейка в парке, тропинка, обочина дороги, лестница, соединяющая две улицы, сбегаящие по холму...

Елена, всё ещё глядя на неё с выражением недоверчивого возмущения, спросила:

— И сколько раз ты так уже?

— Примерно раз десять, — она отвела взгляд.

— Примерно? — тогда Светка впервые поняла, насколько эта гладкая красавица умная и внимательная. — Давай, скажи, что ты не считала!

Чёрт. Чёрт. Даже по прошествии многих лет я помню, насколько неудобным был тот разговор. Девочка Света чувствовала себя бестолковой белкой, которую хорёк гонит по дереву, пока не загонит на самую длинную отдельно торчащую ветку, с которой разве что сигануть вниз... Только она не летяга. И она сдалась:

— Считала. Пока не оказалась здесь. Этот город — как огромная липучка для мух! И алкоголь здесь нереально дорогой. Может, дело в этом, может, я мало пила, или плохо засыпала, или... Чёрт его знает, — она пожала плечами. — Просто раньше было однозначно:

бутылка пива, ложишься почти где попало и — оп! — просыпаешься в другом месте. Первые разы меня несло случайным образом, потом я сориентировалась... ну, отчасти. Там такое специфическое освещение...

— Постой, погоди, — Елена выпрямилась на своём стуле, — Где освещение? Как сориентировалась? — Она снова впиалась Светке в лицо своим тёмным, решительным взглядом, под которым девушка, кажется, сразу начинала плавиться или даже испаряться на месте, теряя слова. Елена, кажется, поняла, что на неё не полезно нажимать. Откинулась на спинку стула, сложила домиком аккуратные пальцы с французским маникюром и сказала спокойно:

— Доедай свой сэндвич. Если надо, я тебе возьму ещё попить. Потом пойдём ко мне в гостиницу, и ты мне всё расскажешь толком. — Она чуть повела носом, оглядывая грязную майку собеседницы (и пятна под мышками, конечно, и шурум-бурум на башке) и добавила:

— Вымоешься заодно.

Светка послушно подтянула тарелку к себе, но не смогла всё-таки удержаться:

— А... почему ты мне вдруг помогаешь?

— Потому что, — сказала Елена, и не добавила больше ни слова.

Глава 25.

У одного известного детского писателя во многих книжках был такой сюжетный ход: встречаются два ребёнка (обычно мальчики) и тут же начинают дружить, как так и надо. Дети, мол, непосредственные такие, сразу проявляют дружелюбие и взаимный интерес.

Может, Светка была неправильным ребёнком, может, просто девочкой — в детстве у неё так ни разу не было. В самом удачном случае она оказывалась новенькой в сложившейся детской компашке, и эта компашка не давала ей сходу по шее. В самом неудачном приходилось и убегать, и драться. Первым человеком, который просто так взял и начал с ней дружить, была девочка Ира по прозвищу Горгона. Которая небезосновательно решила, что может доверять тому, кто держал ей волосы, пока она тошнилась в клубном сортире. Но Горгона была, как сперва казалось, просто родственная душа: почти ровесница, рисовака, маугли, выращенная книжным шкафом. Можно сказать, они познакомились задолго до того, как познакомились. К тому же поначалу девушки всё-таки потратили немного времени, чтобы присмотреться друг к другу. Сверить цитаты, опознать в другой путешественницу по тем же кривым тропинкам.

Елена, у которой со Светкой не было ничего общего, вела себя, как чёртов «крапивинский мальчик». Она подобрала Светку, как хромого щенка, и не собиралась ни у кого спрашивать разрешений. Она видела цель и не видела препятствий. Она была уверена в себе, как тридцать три мушкетёра, спокойна, как крейсер «Аврора» и знала, чего хочет. Хотела она в тот июльский день именно Светку, точнее — всей возможной информации, которую она могла дать. И Светка, яростно обдираясь суровой отельной мочалкой в душе, с некоторой тревогой спрашивала себя: что она сделает, когда я расскажу ей всё, что знаю? Попробует мне помочь? Выгонит и забудет о моём существовании? Сдаст полиции?

— Размер у тебя, конечно, мелкий, — сказала Елена из-за двери, когда Светка вытиралась огромным белым полотенцем, — Но я выбрала шмотки, которые можно носить оверсайзом. На кровати всё лежит, одевайся. Я пойду, спущусь на улицу, тут где-то киоск был, кажется, рядом.

Она не успела ничего ответить, дверь уже хлопнула, чирикнул ключ в замке. Для Светки это ничего не значило, все отельные двери отлично открываются изнутри специальной «вертушкой». Она могла выскочить, схватить вещи, пошарить в чемодане (который стоял в проёме за шкафом) и убежать, унеся чистой одежды, а при удаче и немного денег. Купить алкоголя и...

Нет. Этот вариант она уже обдумывала, и он от неё никуда не уйдёт, в конце концов. (Останавливали её отнюдь не соображения морали)

Светка расправила полотенце, развесила его на верхней кромке душевой кабинки и вышла из ванной.

Елена действительно постаралась найти самый непозорный вариант. Это Светка уже потом узнала, когда увидела, в чём новая знакомая обычно ходит. А в тот момент она увидела на кровати полосатые штаны на широкой резинке, белую рубашку со стоячим воротничком и — о боже, кровь из глаз — кружевные трусики и топ телесного цвета. Точнее, телесными они были для Елены. Для Светки они были неопределённо-бежевыми и совершенно чудовищными. Она развернулась на сто восемьдесят градусов, отыскала на полу ванной свои собственные черные хлопковые трусы и немедленно их постирала. Может, если вывесить их на окно, под горячее солнце, ношение кружевного безобразия удастся свести к минимуму...

Штаны были ей длинны, даже поддернутые повыше. Рукава рубашки пришлось закатать. Кружевные трусы не сваливались, но она явно ощущала, что они рассчитаны на задницу несколько побольше имеющейся. Разница у них была в два размера не в Светкину пользу.

Оказалось, что в номере есть балкон. Никаких бельевых верёвок там, конечно, не нашлось, зато балконная решетка вполне позволила закрепить её бельецо на солнечной стороне. Авось, не унесёт — ветра не было. Она подумала, что надо пользоваться случаем и постирать остальные вещи, лежащие противным комом в пакете на дне рюкзака, но после душа на неё напала лень почти до апатии. Светка стояла, положив руки на балконную решетку, и наслаждалась горячим солнцем, которое облило её всю от мокрых волос на макушке до босых ступней. Деревянные перильца были тёплые и шероховатые, а плитка под ступнями — гладкая, но тоже тёплая. «Люблю жару. Люблю солнце. Хорошо...».

Она бы так ещё долго млела, но стукнула дверь номера и из-за спины послышался голос Елены:

— Дура, ты сгореть хочешь?

Светка обернулась. Елена стояла посреди номера с мрачным видом, уперев руки в бока. Прежде чем Светка что-то успела ответить, она сказала:

— Давай внутрь, — таким тоном, что у девушки не достало духу сопротивляться.

Она вернулась в комнату, пошевеливая плечами под чистой рубашкой. Елена уже сидела на кровати, ей же кивнула на хилый стульчик у стены. Пришлось сесть.

— Я тут не первый день, — сказала Светка, стараясь соблюсти баланс уверенности и дружелюбия в голосе, — В первый день и правда чуть не обгорела, но потом приспособилась. У меня и крем от солнца есть.

— Молодец, — ответила Елена, — На улице белый день, половина двенадцатого, ты только что вымылась и пошла такая под ультрафиолет. В самое пекло. Если что, я тебе солнечные ожоги лечить не собираюсь.

— Ну я ж оделась, — пробормотала Светка, но Елена уже оставила тему с солнцем позади.

— Давай, рассказывать по порядку, как у тебя что, — заявила она.

— Ну а что рассказывать? — она всё ещё надеялась, что обойдется самым минимумом, — Вот, как я сказала, сперва меня кидало как попало и недалеко. Ну и я видела там что-то в процессе, но не очень понимала, что именно. А потом...

— Подожди, — Елена чуть качнула головой, — Давай-ка с самого начала. С самого первого раза.

Светка вздохнула. Под ней опять качалась та самая длинная ветка, с которой некуда было прыгать. Некстати она вдруг снова вспомнила Горгону, которая медленно, увязая в песке, идёт по пляжу и произносит нараспев: «Ничто не будет уж как прежде, трам-пам-пам». Интересно, звонила ли она Сашке? И что он ей ответил? От этих мыслей ей стало вдруг не страшно, а грустно. «В самом деле, чего я ломаюсь? Всё самое ценное я уже потеряла. Поменяла на фантастическую невозможность, прямо как в каком-нибудь занюханном фэнтези». Очень она была тогда сентиментальной и депрессивной девицей.

— Ладно, могу и с начала, только это долго получится.

— Ты давай рассказывай, — безжалостно ответила Елена, и она стала рассказывать — с того самого мерзкого октябрьского вечера несколько лет назад, когда обычная студенческая пьянка закончилась для неё неожиданно, и до последней попытки покинуть город-на-двух-континентах. Елена не перебивала, не задавала вопросов, не комментировала. Слушала.

— Ну... вот. — к концу рассказа у Светки горло пересохло. — Если бы тебя не встретила, пошла бы опять в ту заброшку ночевать. А потом попыталась бы зайцем на электричке куда-нибудь выехать и ещё раз попробовать.

Елена помолчала, чуть наклонив голову.

— Так ты думаешь, дело в месте? — спросила она, теребя свой защитный брелочек на запястье.

— Ну а какие ещё варианты? Меня каждый раз как будто на резинке... отдёргивает. Примерно туда же, ну — максимум, в соседний квартал...

— И в самом деле, — Елена оставила подвеску в покое и вдруг откинулась на кровати, оперлась на локти и уставилась в потолок.

— Я вот чего понять не могу, — сказала она, — Зачем ты из дому ушла?

Светка почувствовала, как привычно поднимаются плечи, сжимаются пальцы. Вдох-выдох, сглотнуть, поднять голову:

— Не можешь — и не понимай.

Елена оттолкнулась от кровати, села. Посмотрела пристально:

— Тебя что, били родители?

«Били? Меня?»

— Н-нет... Почему сразу «били»? Можно подумать, других проблем не бывает!

— Ну, всякое бывает, конечно, — Елена снова улеглась, на этот раз закинув руки за голову, — Но они же тебя не гнали из дому? Учёбу твою оплачивали, кормили, одевали? Ну и жила бы дальше. С парнем можно так встречаться, ты ж ещё дитя малое, замуж рано, вместе жить тоже.

— Ты взрослая зато, — не удержалась Светка.

— Мне двадцать три, — ответила она, — Но я вообще-то тоже пока в серьёзные отношения не планирую.

— Я тоже не планировала, — буркнула Светка. Попробуй, объясни такой Елене, что такое наша семейка. «Они ж тебя не гнали». Ну да, ну да. Зато рады были до жопы, когда она

свалила. Освободила жилплощадь, так сказать. Светка опять вспомнила Горгону, её родителей, её комнату. Очень захотелось свернуться калачиком и поплакать, но такой роскоши она себе позволить не могла. Разговор был ещё не закончен. Она попыталась:

— Дома было очень тяжело. На меня всё время орали. Они... отчим хотел своего ребёнка, давно уже, но у них не получалось, а срывались на меня. Оба причём. А она... мать всегда была против меня. В любой ситуации. Когда я от них свалила, стало легче.

— Ну ладно, — отозвалась Елена, — Допустим, мальчик у тебя был неплохой, судя по всему. Взял к себе.

— Ну да, — Светка хмыкнула, пытаясь изобразить цинизм и хладнокровие, — Мать говорила — «перспективный».

— Но? — спросила Елена.

— Да чего «но», — она не выдержала, подобрала ступни на сиденье стула, обхватила колени руками, — Хороший мальчик. Умный, перспективный и всё такое. Только я не такая хорошая. Если бы не *это*... — Светка невольно выделила «это» интонацией.

— Тебя послушать, так ты прямо наркоманка, — неожиданно заявила Елена, снова садясь, — Мальчик хороший, подруги, училище это твоё художественное, а тебя так и тянет снова вмазаться. — Она смотрела Светке в глаза и видела её насквозь. И *что* бы она ответила? Что бросилась на этот путь от безнадёги, от того, что почувствовала себя предельно одинокой, от того, что разрушились все связи, которые держали её на месте?

Светка не отвела взгляд. Она с достоинством, насколько могла, сказала:

— По всей видимости, так и есть. А теперь у меня, как у всякого наркомана, бэд трип и проблемы.

Елена ещё немного посверлила её своим пристальным черешневым взглядом, а потом сказала:

— На счастье, у тебя есть я. А у меня есть Соня... на крайний случай.

Глава 26.

Светка понятия не имела, какую сослужила службу этой самоуверенной красавице. Она никогда бы в этом не призналась — и она не призналась! — но однажды, много позже, я поняла, почему она с таким усердием взялась решать проблемы девочки Светы. Интерес к нашей общей «теме» тут сыграл свою роль, но не самую важную.

Гораздо важнее оказалась для неё возможность ощутить себя... ну, не «главной», конечно, и даже не столько «старшей», сколько тем человеком, который ориентируется в ситуации. Иллюзия контроля — тогдашняя Света таких слов знать не знала. Отдалённо понимать чувства Елены я начала, когда в одной книжке прочитала, как страшно ехать по горной дороге на пассажирском сиденье — и как спокойно становится, стоит оказаться за рулём. Елене было не привыкать рулить собой, но здесь, в Стамбуле, она на какое-то время немного потерялась. На неё свалился весь этот город с чужим языком, чужой едой, чужими запахами и звуками, поколебав её уверенность в себе. Но тут в её поле зрения оказался некто, кто был в ещё более плачевной ситуации и явно нуждался в руководстве. Елена почувствовала в руках руль и дала по газам.

А Светка оказалась на пассажирском сиденье, и следующие пару суток в ужасе цеплялась за что попало, пока их двоих несло по странным серпантинам над пропастью.

Правда, сначала даже гор никаких, образно выражаясь, видно не было. Прежде чем обратиться к своей «последней надежде», неведомой Соне, Елена рассудила вслух:

— Значит, так. У тебя есть минимум одна возможность выбраться отсюда. Как минимум, ты можешь обратиться в российское консульство, в Стамбуле оно точно есть. У меня на такой крайний случай есть телефоны и адрес — куда звонить и идти туристу в случае потери документов, или в случае иных каких происшествий. Допустим, — Елена наставила на неё указательный палец, — Допустим, ты отстала от группы и потеряла документы... — она, поджав губы, окинула Светку взглядом и покачала головой. — Нет, фигня. Они тут же начнут спрашивать информацию по турфирме, дате прилёта и отлёта, в какой гостинице заселяли... И будут проверять. Значит, не группа. Можешь назваться самостоятельной туристкой, как вот я. Значит, тогда они будут запрос делать по месту жительства... наверное, — она нахмурилась и снова поджала губы. Собственная неосведомлённость явно здорово её раздражала.

— Они же в любом случае узнают, что я официально не въезжала в страну? — спросила Светка, — У них же есть, это самое, ну, база данных? Или как оно называется?

— Да есть, наверное, — Елена поморщилась, — С другой стороны — это ж турки. У них, небось, бардак хуже нашего. Но если узнают, выходит, ты закон нарушила. Нелегальный мигрант.

— Ну и пусть депортируют меня, блин, домой, — пробурчала Светка, стараясь скрыть страх. Она не имела ни малейшего представления о том, как «депортируют». Елена, похоже, тоже, потому что она сменила тему:

— Возможно, дело и правда в месте. Стамбул... особенный, это сразу чувствуется. Такой... подавляющий, — она невольно поёжилась, — Может, у него какое-то особое тяготение? Значит, надо отъехать куда-то в менее населённые места. И... ещё раз попробовать.

Светка подняла взгляд на неё и подумала — только подумала! — а она уже выпрямилась и смотрела в ответ возмущённо:

— Ну, нет! Даже не думай. Меня это не касается. Я пробовать не собираюсь, ни здесь, ни где-то там ещё. Никогда и ни за что!

Светка сникла и снова устала на свои ступни. Они у неё были почти совсем белые, потому что большую часть лета она проходила в кедах, в том числе эти несколько дней в Стамбуле. И крымский отдых, когда Светка щеголяла в босоножках, не особо помог. Зато кисти рук, обхватившие щиколотки, были красивого золотистого цвета. Она вспомнила, как в Крыму слегка обожгла руки, когда уселась рисовать на пляже: голова в кепке, полотенце на плечах и беззащитные кисти, держащие альбом и карандаш. Ей повезло тогда, банки сметаны и тюбика пантенола хватило, чтобы ожог быстро прошёл. Светка внутри себя немного гордилась, говоря мысленно: *artist'ssunburn*. Характерный солнечный ожог художника на пленэре.

Девушки молчали, глядя в разные углы. Может, начини Светка уговаривать, они бы в итоге разругались, и она ушла не солоно хлебавши сама искать ответы на свои вопросы. Но она молчала, потому что её совершенно размазало. Она плохо спала несколько ночей подряд, мало ела и мучилась похмельем по утрам. Шлялась по солнцу. Недостаточно пила воды. А теперь вот приняла душ и хотела только одного — лечь и заснуть по-хорошему.

Кажется, Елена наконец это увидела. Она спросила мрачно:

— Ты чего это, засыпаешь, что ли?

— Да как-то, — Светка потеряла глаза и неожиданно для себя громко, длинно зевнула, только что не зарывав, а под конец клацнула зубами. Елена на мгновение скривилась от этого неприглядного зрелища, встала и сказала:

— Ладно, укладывайся. Я тебе воды принесла — вот тут у кровати — она указала на пакет, из которого торчала пара литровых бутылок воды, покрытых капельками конденсата, — Кондей тебе оставлю на двадцать градусов, только балкон не отворяй.

— А ты? — спросила Светка, с трудом поднимаясь со стула и нащупывая верхнюю пуговицу рубашки.

— А я пройдуся, — ответила она, беря с кровати красивую белую полотняную шляпку, — Пообедаю. Мне тут местная тётка всё сватала ресторан какой-то, надо глянуть, так ли он хорош. — Она надела шляпку, поправила локоны, мельком глянув в зеркало у входа, — Я ж только приехала, ничего ещё толком не видела. Не то, что ты. Небось, уже все местные красоты обошла? — она посмотрела на подопечную насмешливо, а та застыла, держась за вторую пуговицу. Она вдруг почувствовала себя страшно неловко, потому что Елена была права. До того, как понять, что влипла, Светка два дня подряд бродила по городу в самой розовой туристической эйфории, тратя свой невеликий запас денег на билеты в музеи, дворцы и парки. Это казалось таким естественным, но сейчас ей было за это почти стыдно.

— Ладно, увидимся, — Елена взяла пульт от кондиционера, понажимала там что-то, заставив его пищать и потом гудеть, а потом ушла, оставив Светку в быстро охлаждающейся комнате.

Медленно двигая руками и почти непрерывно зевая, она разделась до трусов и топа (проклятых кружевных трусиков и топа телесного цвета), заползла под одеяло и почти сразу вырубилась.

Проснувшись она, видимо, уже ближе к вечеру. В комнате было сумрачно, в окно сочился слабый свет. Светка села, нашарила у кровати бутылку с водой, скрутила крышечку и моментально облилась — это была газировка. Спросонья у неё аж дыхание перехватило от брызг и пены, так что она даже не высказалась вслух. Просто переждала бедствие и стала пить. Напившись, девушка выбралась из постели, нашла пульт от кондиционера, потом сам кондиционер — он висел на стене возле окна — и некоторое время пялилась на пульт, соображая, где «выкл». Наконец, сообразила, что это большая зелёная кнопка с надписью on/off. Нажала — кондиционер тут же перестал гудеть, скрипнул, и две узкие щели в нижнем торце закрылись.

Бросив пульт на кровать, она открыла балконную дверь и выглянула. На неё дохнуло теплом, как из остывающей духовки, она снова ахнула и замерла. Закат окрасил окрестные крыши в тёплые яркие оттенки. Солнце ещё отражалось в некоторых окнах, заливая их плавающим сиянием. Фасад здания, в котором находилась гостиница, уже лежал в глубокой тени, улицы ниже тоже кое-где были залиты вечерней синевой. Красиво. Постиранные трусы по-прежнему висели, засунутые между прутьями балконной решетки. Светка протянула руку — сухие. Ура! Тут до неё дошло, что она почти вылезла на балкон в одних трусах и майке, и она побыстрее вернулась на кровать. Радостно стянула кружавчики, надела свой добрый честный хлопок, решив, что обойдётся и без лифчика. Елены всё ещё не было. Светка взялась за запястье и сообразила, что оставила часы в ванной.

На полочке у раковины их не было, на самой раковине — тоже. Мучимая нехорошим предчувствием, она включила везде свет и пошла обходить весь номер, прикидывая, когда могла их снять и куда положить. Обшаривала взглядом все горизонтальные поверхности, а когда в замке завозился ключ, начала шарить везде уже и руками. Ей пришлось спешно хватать рубашку, чтобы не предстать перед хозяйкой номера почти голышом.

Елена зашла, бросила на кровать пакет с чем-то объемным, спросила:

— Выспалась?

Светка, торопливо натягивая штаны, ответила:

— Вроде, да. А ты нагулялась?

— Да вон, — она плюхнулась рядом с пакетом и похлопала по его мягкому боку, — По шмоточным рядам прогулялась. Поела, всё такое.

Светка заправила рубашку в штаны и снова стала оглядываться в поиске часов.

— Потеряла что? — тут же спросила Елена.

— Часы, — она потыкала себя пальцем в пустое левое запястье, — Вроде, перед душем сняла. А куда положила...

Елена чуть нахмурилась, внимательно глядя на руку, и сказала:

— Не было на тебе часов.

Светке стало не по себе. Она повернулась:

— В смысле — «не было»? Я их уже пару лет снимаю только перед душем!

— Не было на тебе часов, — повторила Елена, — С самого момента, как я тебя увидела, ничего у тебя на руках не было — ни часов, ни других каких-то предметов.

Светка села на стул. Эти слова её придавили точно камнем. Она невольно снова взялась за запястье, как будто этот жест мог чудесным образом вернуть привычную плотность браслета. Сразу стала вспоминать: «А до кафе этого я где была? Помню, что шла довольно долго вдоль трамвайной линии, до этого пересекала площадь, ещё раньше — переходила через мост, было совсем раннее утро, орали чайки, и я едва проснулась, а до этого я вылезла из небольшого заброшенного здания неподалёку от берега Золотого Рога, где провела ночь на паре досок и газетах... Тогда часы ещё были на мне?»

Она силилась вспомнить подробности. Она зажмурилась и пыталась подробно восстановить те минуты. Ей удалось поймать момент — да, на мосту! На мосту она остановилась, глядя на светлое небо и ещё тёмную воду, которая разбивалась внизу под мостом на тысячи серых и синих осколков в нескончаемом волнении, а потом — да, потом подняла руку и посмотрела на часы. Была половина седьмого. «Когда же я их сняла и зачем? Или...» — она почувствовала, как захватило дух — «Украла? Сняли прямо с руки?!»

— У тебя такое лицо, как будто кто-то помер, — заметила Елена. — В котомке своей порыться не пробовала?

Светка с места бросилась к рюкзаку, по пути треснувшись сперва голенью о кровать, потом боком о приоткрытую дверь ванной. Грохнулась на пол, огласив окрестности стуком коленок, и запустила руки — один карман, другой, нет, и не здесь, и...

— Да они же у тебя на лямке пристёгнуты, — вдруг сказала Елена, которая наблюдала за ней явно с нарастающим изумлением. Светка схватилась за лямки — и правда, на одной из них, левой, был застёгнут браслет часов. Она выдохнула, нервно сглотнула и наконец пересела поудобнее — на задницу, ментально осознав боль во всех ушибленных местах разом.

— Ну ты даёшь, — сказала Елена, — Повесила и забыла?

— Не помню, — призналась она, — Я раньше никогда так не вешала. Это... зачем? Странное место. Не помню...

— Может, пошутил кто-то, — сказала Елена, вставая, — Давай-ка, я тебе тут шмоток на твой размер купила. Чего попроще, конечно, но хоть по размеру будет. А мои снимай!

Светка в очередной раз принялась расстёгивать пуговицы на рубашке, которую ей так толком и не пришлось поносить.

Глава 27.

— В общем, если верить Соне, то твои дела плохи, — сказала Елена, глядя на новую знакомую явно насмешливо. Ну-ка, мол, посмотрим, как ты испугаешься.

— А что она сказала? — Светка попыталась изобразить спокойствие. Вроде как они ведут совершенно отвлечённую светскую беседу о ничего не значащих вещах.

— Сказала, что я должна тебя как можно скорее выкинуть из номера и даже из отеля. В идеале — сдать полиции, чтобы они как можно быстрее и дальше тебя увезли.

Она разбила притворство в мелкие кусочки. Светка смотрела на неё — красивое лицо, такая лёгкая усмешка, такие тёмные непроницаемые глаза. Вдруг Елена зажмурилась, провела по лицу ладонью и сказала явно раздражённо:

— Боже, ты бы себя видела. Арестанту С. зачитали смертный приговор, он рыдал и на коленях просил снисхождения!

— Очень смешно, — пробормотала Светка, чувствуя, что от обиды, смешанной со страхом, рискует заплакать. Во всяком случае, горло уже сжималось.

— Слушай, — Елена подалась к ней, упираясь костяшками пальцев в матрас, — Я кто по-твоему? Соня, конечно, очень умная тётка, и она, по всей видимости, Путешественница с большим опытом, но в то, что она несла, здоровый человек в рассудке в жизни не поверит.

— А здоровый человек вообще поверит в это... — она как обычно ощутила неспособность сформулировать свою мысль понятно, — В нас вообще поверит? Я сама в себя до сих пор не верю!

— Ага, — Елена покивала, мотнула головой, откидывая кудри за спину, — Я сейчас тоже слабо в себя верю. Знаешь, и тогда тоже, каждый раз буквально через полчаса уже думаешь — да мне показалось. Ничего такого не было. Было что-то другое. Да?

— Да, — у Светки вдруг появилась надежда сегодня ночевать не на улице.

— Защитная реакция психики, — объяснила Елена. — Рационально на нашем уровне знаний происходящее никак не объясняется. А для разных сверхъестественных объяснений мы, к сожалению, слишком образованные и неверующие.

Это «мы» неожиданно дало Светке надежду.

— И что же сказала Соня? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно и требовательно, — Ты ей позвонила, да?

— Я ей позвонила, да, — Елена снова, как днём, откинулась на кровать, опершись на локти и глядя в потолок. — И сказала она мне странные вещи. Нет, погоди, — Елена покосилась на Светку, — Даже для нас странные.

Елена помолчала, то ли собираясь с мыслями, то ли соображая, как изложить попроще. Светка уже поняла, и позже чувствовала не раз, что Елена моментально оценила её мыслительные способности самым нелестным образом, и сразу же приняла в общении с ней

снисходительную манеру, как с туповатой младшей сестрёнкой. Светку это особо не задевало, она думала — да хоть горшком назови, только в печь не суй. Пока что в печь не совали.

— В общем, если говорить коротко, Соня сказала, что такие, как ты, встречаются крайне редко, и это очень хорошо, потому что вы опасные существа. Когда перемещаются такие, как я, нас как бы... швыряет. Из точки в точку, как выстрел. Или как камень из рогатки. То есть, по инерции — вжик! — и никакой возможности влиять на этот процесс нет. — Елена снова смотрела в потолок. — А ты можешь *ориентироваться*, так? — она бросила на девушку быстрый взгляд.

— Оказалось, что да, — сказала Светка, — Не очень хорошо, там ведь никакой такой карты нету. Но там есть солнце и *как бы* ветер.

— Магнитное поле, — сказала Елена.

— Да ладно! — изумилась Светка, — Разве человек может его чувствовать?

— Человек, может, и не может, — сказала она, продолжая пялиться в потолок, — А ты, выходит, можешь.

— Ну ладно, — Светка снова поджала ноги на сиденье стула, — А чего в этом опасного?

Елена вдруг оттолкнулась от постели и села по-турецки. Спросила:

— Ты ведь на художника учишься?

— В художественном училище, да.

— Ох, ну только не это, — она уныло повесила нос, загородившись от собеседницы своими кудрями, — Объяснять тервер гуманитарию — это конец света, проще застрелиться.

— А при чём тут тервер? — спросила Светка удивлённо, — Я вообще-то его учила... раньше.

Елена откинула волосы за спину, цепко посмотрела на меня:

— Значит, от слова «вероятность» в ступор не впадаешь?

— Н-нет... — это было так странно и так не в тему к их разговору.

— Ладно, — она хлопнула ладонями, потёрла их друг об друга, — Значит, будет чуть попроще.

Попроще не было. Пробравшись с грехом пополам через термины и понятия, которые Светка оставила в прошлой жизни, она составила для себя довольно дикую картину. Переведя её на обывательский язык, получалось, что она тратит удачу. То есть, вспоминала она читанных в детстве Стругацких, возможны ведь и очень маловероятные события. «Флуктуация». Она вспомнила историю про человека-флуктуацию.

— Значит, — сказала Светка, невольно берясь за голову обеими руками, — Когда я перемещаюсь, происходит как бы очень маловероятное событие...

— И чем дальше — тем меньше вероятность, — кивнула Елена.

— Ну и что? — она пыталась собрать всю эту ерунду во что-то более или менее логичное, — Но ведь вероятность перемещения вообще, ну, как бы маленькая... И это вроде бы независимые опыты, как я помню? Всё равно что десять монеток одновременно подкидывать?

— Вот в этом-то и дело, — сказала Елена, — Получается, что твоя монетка падает и придавливает собой остальные девять.

— Бред какой-то, — пробормотала Светка, — Ну и что, даже допустим — допустим.

Придавливает. Так всё равно, раз таких, как я, мало, а таких, как ты, много — какая вам польза от этих, ну, монеток? Вы их всё равно не тратите?

Елена вздохнула, уперлась локтями в колени, а ладонями взялась да подбородок. Помолчала, глядя на Светку задумчиво, как будто решение принимала. Светке стало очень не по себе, и она сказала с невольным вызовом, выдавая свою тревогу:

— Я же не людей ем!

— Нет, — сказала она, — Не людей. А только их удачу. — Она закрыла глаза, посидела немного, потом пробурчала мрачно:

— Говорю же, она такого наболтала, что я сама половину не поняла. Её послушать, так есть какая-то коллективная мана, что ли. Или карма. Или пёс знает, как её назвать. Не только на нас, путешественниц, на всех вообще. Каждый раз, когда ты перемещаешься, ты понижаешь местный уровень этой фигни. Чем больше людей, тем меньше «зона икс» и потери на одного человека. Чем меньше людей — тем наоборот.

— А, допустим, в пустыне?

— А кто его знает, — Елена качнула головой, — Может, в пустыне ты и переместиться не сможешь.

— Ну, допустим, — Светка пожала плечами, — А что, это так опасно?

— Опасно? — Елена открыла глаза, — А вот ты как думаешь, на красный свет перебегать опасно?

— Н-ну... — понятно, к чему она ведёт, — ПДД я не нарушаю обычно. Ну да, это может увеличить вероятность аварии, но её вообще бог знает, что может увеличить! Звёзды не так встали...

— Ага, — Елена выпрямилась, — Я и говорю — Соня, похоже, очень сильно преувеличивает. Зато она объяснила, что не так со Стамбулом, и почему отсюда вообще проблематично переместиться.

— А, и что? — Светка ощутила такой толчок надежды и тревоги, какого сама не ожидала.

— Вот это я не очень поняла, — неохотно призналась Елена, — Мы разговаривали-то очень по-быстрому... Получается, что тут когда-то был местный орден... То есть, не орден, конечно, ну, организация... — она вздохнула, — Соня сказала — сестринство Башни. Путешественницы со всей Малой Азии тут собирались в доме одной почтенной вдовы, обменивались знаниями и опытом. Называли себя в честь какой-то местной Девичьей башни, я не в курсе, ну, не суть. Среди них были не только те, которые сами перемещались, но и те, которые могли другого человека переместить. А ещё те, которые могли как-то помешать перемещениям.

— Звучит как фэнтези, — сказала Светка, — Это вообще когда было?

— Когда Стамбул ещё был Константинополем, — сказала Елена, — И да, я примерно понимаю твои возражения — какие там могли быть сестринства, и какие вообще свободные учёные женщины. Это тоже повод особо Соне не верить. Но она сказала, что вот те, которые против перемещений, могли что-то сделать с местом, чтобы его закрыть. Наружу или внутрь, туда или оттуда. И когда турки осадили Константинополь, якобы в их войсках тоже была такая... такая женщина. Она переместила внутрь кого-то из воинов, чтобы открыть одни из ворот.

— Ну и бред! — сказала Светка, нервно посмеиваясь, — Ну и бредовый же бред! Она что, историю вообще не учила? Вообще Девичья башня появилась-то в... кажется...

восемнадцатом веке! Не было её ещё в Константинополе.

— Да кто её знает, — с досадой отозвалась Елена, — Смысл в том, что те тётки пытались город «закрыть», чтобы защититься, но ошиблись, и закрыли его шиворот-навыворот. Что из него стало нельзя уйти.

— И до сих пор?

— Типа того, — Елена кивнула, — Только времени много прошло, поэтому теперь эта штука как бы опадает временами. Можно успеть выскочить. — она усмехнулась, — Ну или можно в консульство позвонить!

— Нет, погоди, — Светка прижалась подбородком к коленям, вздохнула и решилась:

— И как часто оно так пропускает?

— Вот в этом всё и дело, — ответила Елена, — Что хрен его знает.

Светка сжала руками свои голени, повозила носом по колену (колени были тёплые, а нос — холодный) и сказала, пытаясь как-то подвести итог:

— Значит, я мировое зло, которое застряло в ловушке пятивековой давности, настроенной не в ту сторону.

Елена захихикала. Это было довольно неожиданно, она производила в целом впечатление довольно высокомерной особы без капли самоиронии или просто чувства юмора. Но сейчас она смотрела на собеседницу без неприязни. Всё-таки, они сидели в совершенно обычном гостиничном номере, в совершенно нормальный летний южный вечер, и при этом обсуждали какую-то запутанную и неправдоподобную ерунду. Пытаясь сохранить здравый смысл и найти рациональный выход из ситуации.

— Смешно, ага, — сказала Светка, — Но всё-таки. Я же не могу каждый день напиваться, у меня так печень через неделю кончится! — она уже ждала ответа в стиле «а почему ты об этом раньше не подумала», но ошиблась.

— Не надо тебе больше напиваться, — Елена, выходит, рассказала ещё не всё. — Соня сказала, что если я тебя не сдам полиции, то отвести к какой-то местной тётке. Которая в курсе и может помочь.

— Ну да, — ноги затекли, Светка опустила ступни на пол, уперлась ладонями в стул, — Приходим мы такие к незнакомой тётке, которая, небось, и по-русски не бум-бум, и по-английски вряд ли. И такие типа — тётя, помогите нам с нашей не вполне внятной слегка долбанутой магией, а то мы чего-то сами не справляемся! — в балконную дверь потянуло сквознячком, он был тёплый, но её всё равно чуть-чуть зазнобило. — И тогда полиция арестует нас обеих!

— Задержит, — сказала Елена.

— В смысле?

— В прямом смысле, — Елена встала с кровати, потянулась, — Арестовывают бандитов, а нам много чести. Ладно, я пошла в душ, спать пора. Учти, — она обернулась и посмотрела на гостью сверху вниз очень мрачным взглядом, — Если ты, не дай бог, меня во сне пнёшь — я тебя отправлю спать на пол. — и, вороша обеими руками свои кудри, скрылась в ванной комнате.

Светка посмотрела на кровать — не очень узкую, но и не сказать, чтобы широкую — и подумала, что, может, имеет смысл сразу разложить спальник на полу. Но спальник был грязный, а она была чистая и очень не хотела на твёрдые доски.

«Ладно, попробую спать «по стойке смирно», — подумала она.

В какой момент они ошиблись с автобусом, теперь было не понять, да и не важно.

Пока прокладывали маршрут по карте, отмечая карандашом места пересадок, всё было отлично, но карта была туристическая и покрывала в лучшем случае половину европейской части Стамбула. Азиатская часть тут и вовсе присутствовала краешком, исключительно ради станций морского трамвайчика. Хорошо, что туда им было не нужно — а всего только куда-то вдоль Босфора, в район второго большого моста. Ни самого моста, ни крепости, которую Соня указала в качестве дополнительного ориентира, на карте не было.

Вместо того чтобы спуститься на набережную Босфора, очередной автобус закрутился по гигантской развязке и поехал куда-то в глубь города, по широкому проспекту между современных высотных зданий. Ругаясь на чём свет стоит, Елена почти за шкуру вытащила Светку на ближайшей остановке.

— Кажется, мы перепутали номер, — сказала Светка виновато. Она могла поклясться, что это был именно тот автобус, который был отмечен на их карте — точнее, там была отмечена его конечная. На самом краю карты стояло небольшое скопление кружочков — пересадочная станция Кабаташ, от которых шли коротенькие разноцветные линии куда-то в необозначенную terra incognita, снабжённые стрелками: на Арнавуткёй, в Бешикташ и до нужной им остановки Румели Хисар. Они не имели никакого представления о масштабах города за границами карты и предполагали, что от Кабаташ нужно будет проехать ещё две-три остановки вдоль Босфора. Но вот автобус свернул не туда, и девушки за считанные минуты оказались довольно далеко от пересадочной станции.

— Так, — проговорила Елена, оглядываясь по сторонам и всё ещё крепко держа Светку за плечо, — Сейчас перейдём на другую сторону... — они обе завертели головами в поисках светофоров — нет, тут не было светофоров, тут были только подземные переходы, и ближайший, судя по знакам, находился метрах в ста отсюда.

— Пошли, — Елена отпустила Светку, поддёргнула на плече сумку и быстро зашагала туда. Пришлось догонять её почти бегом. В переходе повеяло родным домом: во всю длину стояли киоски и прилавки, забитые какой-то дешевой одеждой, часами, курительными трубками и табаком, фаст-фудом, лотерейными билетами. Едва не теряя Елену из вида в толпе, Светка кое-как её догнала и схватила за ремень сумки:

— Да погоди ты! Потеряемся же!

Она огрызнулась, не оборачиваясь и не снижая темп:

— Так не теряйся!

— Слушай, может, стоит у кого-нибудь спросить насчёт автобуса?

— Во-первых, отцепись, порвёшь сумку — прибью, — сказала она, всё-таки чуть замедляя шаг, — Во-вторых, кого ты тут спросишь? Я вчера пыталась спросить, есть ли тут у них интернет-кафе, так они все по-английски знают только в пределах что сожрать и сколько стоит.

Светка отпустила сумку и постаралась не отставать. По счастью, длиннющий тоннель кончился, и они выбрались на поверхность.

На другой стороне улицы остановка оказалась рядом, но ни один из номеров автобусов, проходящих здесь, не был записан на схемах в карте. Схема же, висящая на самой остановке, и вовсе заставила их выпучить глаза: ничего знакомого, даже Босфора, который помогал

ориентироваться, тут не было. Не было и того номера, на котором они ехали только что. Откуда им было знать, что в Стамбуле есть кольцевые маршруты, маршруты с петлями и даже маршруты, у которых «туда» и «обратно» приходилось на разные улицы.

Пару минут Елена стояла, запустив руку в волосы и явно пытаясь сообразить, что делать. Потом на лице у неё появилось своеобразное выражение, которое, как Светка поняла, означало что-то вроде «как я сразу не додумалась». Она повернулась и сказала:

— Нам нужен долмуш. Их нет на схеме, но Юлия говорила — их тут сотни, стопудово хоть какой-то да идёт вниз, к Босфору!

— Долмуш это что? — спросила Светка, опуская пока вопрос, кто такая Юлия.

— Это маршрутки такие местные, — Елена увидела подъезжающий микроавтобус, подошла, бесцеремонно открыла переднюю дверцу возле водителя и спросила:

— Босфор? Румелихисар?

Изнутри что-то сказали, она буркнула «сори», захлопнула дверцу и вернулась к Светке.

— Ничего, рано или поздно...

В этот момент Светка почувствовала какое-то движение возле себя, повернулась — и в этот момент браслет часов скользнул с её руки, а маленькая тёмная тень со всех ног бросилась прочь. Светка заорала «а ну стой!» — или что-то ещё такое же уместное — и бросилась за ней. Елена тоже что-то заорала вслед, но Светка видела только маленького вора в тёмном, который нёсся вдоль улицы, а потом шмыгнул за угол. Она заорала от досады и прибавила скорости, едва не проскочив перекрёсток. Повернула — поганец бежал, оглядываясь, словно надеялся, что преследующие отстанут, но Светка была так зла, что даже начала его нагонять. Пару раз из-под ног у неё едва успевали убираться мирные пешеходы, и за спиной она слышала, наверное, турецкие ругательства. Где-то позади Елена стучала каблуками своих сабо и кричала, пытаясь её остановить, но она уже почти настигла вора. Пронеслась через нескольких небольших дворов, пересекла детскую площадку, вылетела на маленькую площадь с круглым декоративным водоёмом по центру, и тут мелкий пакостник впереди споткнулся. Его по инерции понесло кубарем и на излёте слегка приложило о бортик водоёма. Кепка слетела, освободив чёрные волосы до плеч.

— Ага! — заорала Светка, — Попался, гнида! — и тут же на неё навалилась жара, она почувствовала, что дышит громко и сипло, сердце колотится, а одежда прилипла к телу. Отдуваясь, она подошла к воришке, схватила его за воротник чёрной рубашки и потрясла:

— Ну-ка, верни мою вещь, поганец!

Он медленно завозился под её руками, издал страдальческий стон и попытался сесть. Светка позволила ему поднять голову, но воротник держала изо всех сил. На неё испуганно смотрело юное чумазое существо с разбитой губой, из которой несильно текла кровь.

— Где мои часы, собака ты паршивая? — спросила Светка, стараясь говорить грозно, и тут же подумала, что он её, наверное, не понимает. Может, язык жестов поймёт? Она встряхнула его за воротник ещё раз и ткнула ему под нос свою левую руку:

— Ну?

Вместо ответа ребёнок взял её за запястье. Она услышала вопль Елены и провалилась в темноту.

Приходила в себя она хуже, чем с похмелья. Первое, что почувствовала, была ужасная, невыносимая тошнота. Буквально пару секунд пыталась сопротивляться, а потом просто повернулась лицом вниз и её вырвало. Кажется, под ней была холодная гладкая плитка. Где-

то наверху гулко, как в бочке, зазвучали голоса. Она не понимала, что они говорят, но от их звучания у неё заболела голова и она снова принялась блевать.

Вдруг её взяли довольно грубо за плечи и ноги, подняли, понесли и переложили лицом вверх на мягкое. Было настолько плохо, что она даже бояться не могла. Голоса кружили поблизости, бормотали, булькали, трещали. Её лицо принялись вытирать мокрым, потом подтолкнули под спину что-то объемное, заставляя сесть. Потом к губам прислонилось твёрдое и холодное, и она поняла, что её пытаются напоить. Неловко потянула в себя воду, тут же поперхнулась и закашлялась, чувствуя, как от каждого приступа кашля глаза вылезают из орбит, а голова пытается лопнуть к чертям.

Наконец, отперхалась, схватилась за чашку, которую ей снова подсунули, и принялась пить. В первый момент казалось — выпьет Байкал. Запьёт Каспием. Но нет, хватило этой самой чашки. Светка допила и наконец продрала глаза.

Она ожидала увидеть какой-то мрачный подвал, или катакомбы, или чёрт его знает, куда приносят похищенных людей. Вместо этого вокруг была обычная комната в городской квартире. Она сидела на обычном диване, справа были обычные окна (и какие-то цветы на подоконнике), а напротив стояла обычная тётка лет сорока. Ну как — тётка, наверное, при случайной встрече на улице она бы так её не назвала. Женщина была плотная и фигуристая, как спортсменка, одетая в спортивные штаны для йоги и майку «боксёрку». Длинные волосы были закручены и заколоты в пучок, смуглое гладкое лицо выглядело очень недовольным.

Светка поморгала, пошевелила головой — боль вцепилась так, что её снова едва не вывернуло. Кажется, женщина поняла, в чём проблема: она повернулась к кому-то, кто стоял за диваном, вне Светкиного поля зрения, и коротко что-то сказала. По ощущениям — приказала прямо. Застучали по плиточному полу шаги, потом прошуршали какие-то бумажки или пакеты, и перед Светкой появились ещё одна чашка с водой и таблетка, а пустую чашку вынули из рук. Она слабо встревожилась — откуда я знаю, что это? — но таблетку сунули ей практически в нос, а голова болела нещадно, и она сдалась. Закинула таблетку, запила водой, сунула в чьи-то руки чашку. Женщина понаблюдала за ней немного — не начнет ли она снова бодро блевать, не иначе, а потом сделала рукой странный жест, словно опрокидывая что-то на пол. Светка тупо уставилась на неё. Когда у неё болела голова, она обычно не только блевала дальше, чем видит, но ещё и думать не могла вообще. Женщина сделала жест ещё раз, но это не помогло. Вдруг сзади её отодвинули от спинки дивана, вытащили подушку и перекинули к подлокотнику. Светка не успела ничего понять, как те же руки уже аккуратно опрокинули её на диван, головой на эту самую подушку. Женщина в спортивной одежде подошла поближе, посмотрела сверху вниз всё так же мрачно, теперь ещё поджав губы, а потом сказала хрипловатым низким голосом:

— Sleep!

Удивляться, сопротивляться или вообще как-то реагировать не было ни сил, ни желания. Светка закрыла глаза и успела только подумать, что с такой головной болью ни за что не заснет.

И заснула.

Мне снились музыканты, которых я видела пару дней назад на улице Истикляль. Бородатые парни с гитарами, полная девушка с какой-то дудкой и ещё одна — гибкая, смуглая, одетая в яркую рубашку и чёрные штаны-афгани, она единственная сидела,

поджав ноги, прямо на асфальте, была в огромный бубен и пела мощным, переливающимся голосом. Я никогда не умела запоминать музыку, но кусочек её песни врезался мне в память сам собой, и во сне я снова и снова кружила в петле воспоминания под эту музыку. Вот я иду по улице, вот я слышу удары бубна и серебряные россыпи гитары, за ними спешит, словно птица, флейта. Я прохожу между застывшими людьми, вижу оранжевое пятно — девушка в яркой рубашке смотрит прямо на меня и, ударяя в бубен, выпевает длинную, мучительно-прекрасную фразу на неизвестном мне языке. Я хочу остаться, послушать ещё, но с моей руки соскальзывают часы, я оборачиваюсь, чертёнок в тёмном несётся прочь, я бросаюсь за ним, Елена кричит, передо мной люди, которых я толкаю, но они застыли, точно околдованные, я иду между ними... и снова слышу удары бубна.

Во второй, третий, пятый, десятый раз.

С каждым разом я всё сильнее тоскую и злюсь, я хочу это прекратить, но бубен снова и снова заставляет меня забыть о погоне, а рука вора — о музыке. Я потерялась, я в кольце, я больше не могу, бубен, флейта, голос, часы соскальзывают с руки, я бегу и теряю из вида, люди замерли и мешают идти, бубен...

Я подхожу к музыкантам в несчётный неизвестный раз, девушка с бубном смотрит мне в глаза и вдруг вместо песни говорит:

— Wake up!

Она лежит на мягком лицом вверх, у неё ничего не болит, вокруг сумрак вечера.

Она думает, что второй раз подряд спит днём.

Она думает, что не помнит, где находится, и, наверное, должна бояться.

Она думает: как хорошо, что меня не тошнит.

Она думает, что надо бы перестать думать и попробовать встать. В этот момент она поняла, что на диване возле неё кто-то сидит.

Женщина в трениках и боксёрке протянула руку, упреждая её попытку встать, и сказала:
— Liedown!

Светка вспомнила, что «даун» — это вниз. Чего она хочет? Ей стало стыдно за то, что она плохо знает английский, она почувствовала, как горят щёки, и, кажется, попыталась вжаться в диван.

— Where are you from? — спросила женщина. Светка напряглась, вспоминая, как правильно строить фразу, но она истолковала её замешательство по-своему:

— Do you speak English?

— Yes! — быстро сказала Светка, но тут же призналась: — A little bit...

Женщина вздохнула и повторила медленно:

— Where are you from? City? Country?

— Russia! — выпалила Светка, — I am from Russia!

Лицо у женщины, насколько можно судить в полумраке, стало совсем мрачным. Она негромко, но очень энергично что-то проскрежетала на своём турецком, встала и во всю глотку гаркнула:

— Акса!!!

Послышался знакомый стук подошв по плитке, кто-то что-то сказал высоким капризным голосом. Женщина в трениках ответила резко и коротко. Владелец высокого голоса стал плаксиво и скандально вопить, женщина сперва молча слушала, потом замахала

руками и снова гаркнула «Акса!»).

«Это что значит, интересно», — подумала Светка, — «Звучит как команда собаке.» Она вспомнила, что у ролевиков из команды Волков Степи было словечко «алга», означающее — вперёд, в атаку.

Между тем женщина в трениках отошла, пощёлкала чем-то, зажигая неяркий желтый свет, а скандалист в стучащих тапках обошел диван и встал перед ней.

Это был мелкий засранец, который её облапошил. Светка села и ткнула в него пальцем: — Ты! You! You are fucking bastard, give me my watch! — и сама удивилась своему красноречию. «Надо же, сколько я слов знаю, — подумала она, — Только почему-то не самых подходящих для приятного общения».

— Ты дурак ляжь вниз, — сказал fuckingbastard, и Светка окончательно уверилась, что это девчонка, — Мама не любит грязный пол! А ты опять это самое... Сама мыть будешь!

Светка подняла руку, подержалась за лоб, чувствуя, что её и правда сейчас снова вывернет от избытка чувств, да и легла обратно на подушку.

— Так лучше, — сказала девчонка, — Это самое, отдам твои watch когда надо. Сначала ты нам дай что надо.

— А что надо? — спросила Светка.

— Поговорить надо, — девчонка оглянулась, подтащила к дивану стул, села и сказала:

— Я звать Акса. Ты?

— Я... — она поняла, что очень не хочет говорить ей своё имя, но из дальнего конца комнаты своим хриплым голосом почти зарычала женщина в трениках, и Акса перевела:

— Лучше не врать. Мама не любит, когда врать.

И Светка решила не врать.

Глава 29.

Елена бежала изо всех сил. И орала тоже изо всех сил, потому что зла была невероятно. Злилась она прежде всего на себя, на тупую промашку с автобусом: надо было перепроверить ещё раз, не полагаться на слова этой малолетней раздолбайки (Света была младше на три года, но казалось, разрыв куда больше). Когда эта девица внезапно дёрнула куда-то бегом, Елена потеряла несколько секунд просто от удивления — бежать по такой жаре? Но она бежала, розовая футболка уже мелькала у ближайшего перекрёстка, и Елена побежала следом за ней, крича «Стой, дура!» и ругая себя за то, что не может просто плюнуть и вернуться в гостиницу. Сделать вид, что никакой Светы никогда не было. Просто вернуть себе свой законный отпуск, забыть события последних суток и получать удовольствие от отдыха.

На перекрёстке она оступилась и едва не полетела плашмя, ей удалось избежать падения буквально чудом, а точнее — с помощью здорового толстого мужика, за которого она с воплем ухватилась. Мужик обомлел, она торопливо отскочила в сторону и бросилась в переулок, запоздало крикнув «I apologize!». Розовая футболка маячила далеко впереди, Елена поднажала, чувствуя, как пятки на каждом шагу болезненно втыкаются в подошвы. Сабо на деревянной платформе никак не годились для такого спринта, но думать об этом было поздно. Грудь подпрыгивала почти болезненно, и Елена обозлилась ещё больше, краем мозга припомнив, сколько стоил «суперподдерживающий» бюстгальтер. Она

пробежала один тенистый заставленный машинами двор, выскочила во второй — Светка летела дальше, в просвет между домами, а у Елены уже кончилось дыхание и колело в боку. Она перешла на шаг и изо всех сил крикнула:

— Светка! Погоди! Стой! — куда там. Розовое почти скрылось за кустами и машинами. Елена выругалась громко вслух, поддёрнула сумку и побежала дальше.

Мимо женщины с целой толпой разновозрастных детей, мимо подростка с велосипедом, мимо мусорных ящиков разного цвета, по тропинке через кусты, по крошечной лесенке в три ступеньки, мимо детских лазалок и качелей Елена выскочила в узкий проулок меж двух стен. Впереди была крошечная площадь, и там наконец была Света — она наклонилась над кем-то малорослым, одетым в чёрное, и орала:

— Где мои часы, собака ты паршивая?

Елена остановилась, хватая воздух ртом и почти ослепнув от текущего в глаза пота. «Убью поганку», — подумала она, уперлась в колени ладонями, вдохнула побольше воздуха и откинула кудри с лица.

Человеческие фигуры перед ней вдруг дрогнули, словно мираж, как будто заколыхался воздух над горячим асфальтом. Елена начала выпрямляться, и в этот момент вдруг увидела сквозь Светкину спину полусидящего у чаши бассейна подростка. В ужасе Елена с воплем бросилась вперед — и остановилась. На маленькую площадь упала тишина. Перед Еленой замер взъерошенный, замурзанный ребенок лет двенадцати с разбитой губой. Светки не было.

— Г-где... — начала она. Оборвыш вдруг вскочил легко, словно и не валялся только что едва живой, и дал дёру в переулок, из которого они все только что прибежали.

Елена отшатнулась, когда он пронёсся мимо, её повело и она опять чуть не упала. Кое-как она добрела до бортика маленького бассейна, села. Опустила руку и только тут заметила, что бассейн пуст и сух, как и площадь вокруг.

С трудом она вспомнила, что в сумке есть вода. Путаясь в лямях, вытащила бутылку и выпила большую часть, жадно глотая, чувствуя, как струйки текут мимо рта, по шее, в вырез блузки. Оторвалась от горлышка, отдышалась, вытерла рот, а потом стащила шляпу и, наклонившись над пустым бассейном, вылила остатки воды себе на голову.

Густые волосы сразу впитали почти всю воду, но кое-что протекло на лоб, за уши, на шею сзади, охлаждая и неся облегчение. Елена вытряхнула последние капли, выпрямилась, натянула шляпу и сказала сама себе вслух:

— Надо убраться в тень, пока меня окончательно не запекло.

Оказалось, что эта площадка с неработающим фонтаном тупиковая. Прийти и уйти можно было только через узкий проход между стенами близко стоящих домов. Елена оглядела стены и окна, верёвки с бельём на балконах, кадки с цветами на подоконниках. Дверь тут была всего одна, и она была железная, с кодовым замком.

Елена поднялась, добрела до лесенки, спустилась, а потом присела на ступеньки и прислонилась к углу одной из стен. Здесь была благословенная тень и слегка тянуло ветерком.

Ей надо было отдохнуть и подумать. Только что с ней произошло нечто странное. Точнее, поправила она себя — возможно, произошло. Возможно также, что она на какой-то момент утратила связь с реальностью и не заметила, как Светка ушла. Но почему? Зачем ей было бежать, если она уже догнала паршивца и, видимо, отобрала у него свои часы?

— Ценные часы, видимо, — сказала она вслух, ужасно жалея, что бутылка воды была

всего одна. Сейчас бы вторую — и всю вылить на голову.

Дыхание у неё постепенно успокаивалось, а вот мысли, наоборот, неслись всё быстрее. Шансов, что она что-то не увидела или увидела неправильно, почти не было.

Она вспоминала лекцию, единственный раз прослушанную в доме Сони больше года назад. Она вспоминала то, что Соня рассказала ей вчера по телефону (чертовски дорогая это получилась информация с учётом стоимости международной связи).

«Опаснее всего толкательницы, — говорила Соня, — Они, как правило, могут отправить тебя точно в назначенное место, но при этом используют твою же удачу». Елена взялась за щёки. Интересно, её новая приятельница вообще жива после такого? «Чаще всего они ещё в юности прибиваются к какой-нибудь преступной группировке и становятся идеальными киллершами.» Ну да, берёшь и отправляешь человека на дно достаточно глубокого водоёма. Или в жерло вулкана. Могут они отправить человека в жерло вулкана? Елена прижала ладони к глазам и посидела так, спрашивая себя снова, не плюнуть ли ей на всю эту историю, не пойти ли сейчас в какое-нибудь кафе, выпить холоденького, а потом поехать на Султанахмет, гулять по музейно-историческим местам? Гранд-базар, Голубая мечеть, Айя-София... Пара часов — и она будет снова способна поверить, что ничего не было. Зажить своей обычной *нормальной* жизнью.

Елена отняла руки от лица, встала, отряхнула брюки от сухого сора и пыли. Поддержала сумку на плече, вздохнула и пошла на остановку — искать долмуш до Румелихисар.

Ей повезло. Всего лишь второй по счёту микроавтобус оказался правильным. Ей даже не пришлось спрашивать водителя, она смогла, спотыкаясь на непривычных точках и хвостиках, одолеть затейливую турецкую латиницу на маршрутной табличке, пока все желающие грузились внутрь, и забраться последней. Ехать пришлось стоя, скрючившись возле двери и вцепившись во что попало. «Просто родной российский Автолайн», — думала Елена саркастически, — «Того гляди, высадит на Сенной». Водитель нажимал по каким-то небольшим улочкам, словно за ним черти гнались. Вот показалась знакомая многоуровневая развязка, и Елена немного выдохнула. Но на набережной Босфора началась неожиданная для середины буднего дня пробка, и долмуш зарыскал туда-сюда, перестраиваясь из ряда в ряд. То и дело его подрезали, водитель орал в открытое окно, тормозил, газовал и снова тормозил. Набережная казалась бесконечной, как и пробка. Елена мысленно отмечала остановки, и с каждой новой всё сильнее проникалась расстоянием. Заглядывая то в лобовое стекло, то в видный ей кусочек окна на противоположной стороне микроавтобуса, она видела то длинную стену, оплетённую диким виноградом, то теснящиеся куда-то вверх виллы, то неожиданную огромную стройку, всю окружённую башенными кранами. Никаких признаков крепости. Долмуш вдруг свернул от берега в небольшую улочку, сплошь застроенную маленькими магазинчиками и кафешками, и Елене пришлось собрать всю свою смелость, чтобы не приняться давить на сигнал остановки и не выскочить скорее наружу.

Две или три остановки — пассажиры на одной из них торопливо вывалились толпой, и она смогла сесть — и микроавтобус снова вылетел на ставшую прямой и пустой дорогу вдоль Босфора. В открытые окна бил ветер. Елена прилипла к окошку, ненадолго позабыв про цель своего путешествия и глядя на сизовато-синюю воду пролива, прогулочные и рейсовые теплоходики, за которыми неслись стаи чаек, и другой берег — тёмно-зелёные, переходящие в бирюзу холмы, на которых там и тут вырастали дома, домики, домишки, домищи и — выше, дальше от берега — небоскрёбы. Всё это было так странно, так ярко и свежо, что она невольно задыхалась всей грудью, как от недавнего бега.

Спохватилась, что проедет, и снова принялась заглядывать в лобовое стекло. Сначала увидела вдалеке висящие и словно тающие в синем небе линии — огромный мост через пролив; а потом, кинув взгляд влево от моста, увидела поднимающиеся по зелёному холму серые чёрточки. Там впереди была крепость.

Перебравшись поближе к водителю, она крикнула, пытаясь перекрыть голосом воющий мотор:

— Румели? Румелихисар?

Водитель мельком глянул на неё, потом махнул рукой вперёд и проорал в ответ:

— Next! — и следом выдал тираду на турецком.

— Япона мать, — в сердцах сказала Елена, плюхаясь на сиденье. Некст — это реально следующая остановка? До крепости, на глаз, ещё не меньше километра. Она попыталась заглянуть вперёд, но полупустой микроавтобус летел на опасной скорости, а водитель снова на кого-то орал, кажется, на оседлавшего мотороллер подростка, который дерзко рассекал по левой полосе.

«Ну ладно, так или иначе, я где-то рядом» — решила Елена, и тут микроавтобус довольно неласково принялся поворачивать туда-сюда, потом притормозил, подрулил к тротуару, а водитель, перегнувшись назад и опершись на одно из сидений, рявкнул:

— Румелихисар!

Елена подскочила, схватилась за раздвижную дверь, кое-как справилась с ней и выбралась на тротуар, бормоча «Thankyou». Из салона на неё заорали в три голоса, она сообразила, что нужно закрыть дверь, но успела только толкнуть — долмуш стремительно отчалил прочь.

Крепость была перед ней. Невнятные черточки и прямоугольнички вблизи превратились в огромные серые стены, поднимающиеся ступенями, и массивные башни, испещренные рытвинами и кое-где осыпавшиеся.

Через несколько минут Елена поняла, что у нее заломило затылок и шею — замороженная, она надолго замерла на месте. Придя в себя, она пошевелила головой туда-сюда и полезла в сумку. Достала листок, на котором накануне кое-как начертила по описанию план соседних улиц. Посмотрела на план, снова окинула взглядом крепость и застонала в голос.

Улица, на которой находилось нужное ей здание, проходила высоко по склону холма, выше крепости. Ближайший подъем был довольно далеко отсюда, назад по дороге. Елена сложила план, убрала в сумку и огляделась. Её надежда оправдалась: у входа в крепость стояла тележка-холодильник с мороженым и водой. Заранее понимая, что за воду в таком месте ей придётся переплатить втрое, она перешла дорогу и направилась к тележке.

Вода оказалась дорогой, но не запредельно. Елена купила сразу две бутылки, сунула их, ледяные и запотевшие, в сумку и, вздохнув, неторопливым размеренным шагом пошла туда, где согласно плану начинался подъем в обход крепости. «Надо будет вернуться и побывать внутри», — думала она, невольно кидая взгляды вверх и вправо, на огромную стену, нижняя часть которой тонула в тени старых платанов и фиговых деревьев. Вскоре дорожка привела её к угловой башне, от которой началась сплошная решетчатая ограда. Елена вздохнула и пошла вдоль решетки, надеясь, что до неведомого проезда не слишком далеко. И ей повезло: метров через триста решётка резко свернула вверх.

«А чего я ждала?» — подумала Елена, увидев, что навверх под острым углом к набережной уходит узкая улица без признаков тротуара, зажатая между двумя низкими

каменными стенками. Правую венчала уже знакомая решётка, левая, оплетённая густой растительностью, возвышалась на человеческий рост, и из-за неё свешивались ветки деревьев. Елена прислонилась к ней, постояла в тени, обмахиваясь своим мятым листочком с планом, потом сложила его, сунула в карман брюк и двинулась вперёд.

Улица круто уходила вверх и вправо, заворачивалась почти улиткой. Напрасно Елена пыталась держаться в тени. Она не поднялась ещё и на треть склона, а выгнувшаяся улица уже вся открылась злему турецкому солнцу. Девушка замедлила шаг, стараясь дышать размеренно и глубоко, но это слабо помогало. Она чувствовала, как стремительно промокает блузка на спине и под мышками, а на голову поверх шляпки как будто стал опускаться раскалённый кирпич. Елена с надеждой посмотрела вперёд — вроде бы, подъем стал менее крутым. Она перешла улицу, встала в жалком клочке тени акации и снова достала план.

Да, вот эта петля, вот — Елена осмотрелась — переулок, уходящий влево, а впереди ещё один изгиб в виде буквы «S», всё вверх и вверх по склону. Выходило так, что ей надо подняться ещё примерно столько же, сколько она уже прошла, миновать вход в какой-то музей, найти небольшой просвет и войти в калитку, спрятанную где-то среди свисающих с каменной стены растений. На её плане была пометка «мусорный бак на обочине». Елена закусил губу, думая, что это всё-таки потрясающе глупо — искать неизвестно кого в незнакомом городе, ориентируясь на мусорный бак.

Она шумно выдохнула, смахнула с лица прилипшую прядь волос и пошла дальше. Вход в музей был недалеко, она поставила ещё одну мысленную зарубку «вернуться позже». От музея начиналась новая каменная стена, заплетённая растениями, а улица снова вильнула, и Елена тут же перешла в тень. Она неторопливо шагала по обочине, глядя на покрывающие стену заросли и старательно выглядывая малейший намёк на проход или просвет. Так старательно, что почти влетела в нужный ей ориентир — здоровенный зелёный мусорный контейнер. По счастью, пострадало только её обоняние и немного — самолюбие. Она отшатнулась в сторону, быстро осмотрела одежду — штаны и сумка не пострадали от контакта с грязным пластиком.

Елена обошла контейнер и остановилась напротив калитки. Совсем узкая щель в стене была забрана простой прямоугольной решеткой, висящей на толстых петлях. Замка не было, калитку держала закрытой только небольшая задвижка, которая легко открывалась с обеих сторон. Елена посмотрела налево — улица, откуда она пришла, была пуста, направо — вдалеке маячил пешеход, но он почти сразу убрался куда-то в переулок.

— Ну, давай, чего тут болтаться на жаре, — сказала она сама себе тихо и сунула руку между прутьями, поддевая задвижку. Скрипнул металл, калитка неохотно открылась, пропуская девушку. Когда она уже почти вошла, что-то подцепило её шляпку и сдёрнуло с головы. Калитка стукнула за спиной, Елена по инерции прошла чуть вперёд и обернулась. Над калиткой покачивалась низко опустившаяся ветка незнакомого дерева с перистыми листьями, а её шляпа лежала теперь снаружи. Елена постояла, чувствуя, как в спину её слегка подтолкнул лёгкий порыв ветра. Здесь, за стеной, под большими деревьями стояла плотная тень и относительная прохлада. По влажной от пота спине вдруг пробежал слабый озноб. «Да пёс с ней», — неожиданно для себя подумала Елена, отвернулась от калитки и пошла по тропинке между деревьями.

Там, в десятке шагов впереди, сквозь зелень светилась белая стена здания.

В детстве Светка плохо понимала масштабы жизни. Как многие, лет до десяти она жила в очень маленьком мирке привычной повседневности: квартира, в которой всегда тесно; школьный класс, в котором шумно и многолюдно; район города, исхоженный пешком вдоль и поперёк. На её внутренней карте родной город выглядел как набор невнятных пятен, тем более размытых, чем реже она там бывала. Другие города представлялись чем-то похожим, разве что, ну, чуть побольше. Когда она впервые оказалась в настоящем большом городе, то тоже не смогла толком оценить его масштаб: все передвижения между «культурными объектами» происходили на метро, а Светка почему-то не могла мысленно преобразовать время в пути в представление о расстоянии. Этот навык появился у неё куда позже. То же самое было и с её представлениями о больших деньгах, большой высоте, большой скорости или, допустим, больших массах людей. «Весь мир» состоял из небольших реальных вещей и абстрактных книжных «где-то там» и «как-то так». Всё вокруг ровно такое, как и должно быть — дома, люди, деревья, цена на городскую булку в хлебном.

А потом она стала подростком и разнообразные «оказывается» посыпались на неё неостановимо. Оказывается, «много людей» — это концерт рок-группы в спорткомплексе, и в танцевальном партере беснуется толпа, разогретая музыкой и пивом, тысячи людей, море голов, и ты стиснута со всех сторон и не можешь выплыть.

Оказывается, «много места» — это когда в одной комнате можно уместить пару таких квартир как та, в которой ты живёшь, и это не предел.

Оказывается, машина, купленная твоим родственником, стоит больше, чем оба твоих родителя зарабатывают за несколько лет, и это — нет, это не очень большие деньги, бывает и больше.

Оказывается, твой родной город велик настолько, что перейти его пешком весь, от заречной окраины до края на другом берегу может занять целый день, и это не слишком большой город на самом деле. А тот город, где ты скучала в метро, невозможно пройти пешком и за два дня.

Это совпало с изменениями, которые плотным потоком накрыли её семью, город и всю страну.

И вдруг оказалось, что всё очень большое, а ты — очень маленькая.

Светка сидела с ногами на диване, завернувшись в жестковатое хлопковое покрывало, держалась за остывшую чашку с чаем и пыталась уложить в голове то, что было больше неё. Это было больше города, больше даже того чувства, когда она впервые осознанно посмотрела на карту своей страны и сравнила расстояния между знакомыми ей местами (ближайшими городами, где она была — Самара, Казань, Москва, Питер) с Сибирью.

Она была очень маленькой. Мошкой в глазу господина. Крошкой хлеба на банкетном столе. Тараканом, который полз за этими хлебными крошками, а оказался внутри радиотелескопа. Или в машинном отделении трансатлантического лайнера. У неё перед этим тараканом было только одно преимущество: её вовремя заметили и успели вынуть из-под ног.

Акса по-прежнему сидела напротив, положив тощую голень на тощее колено другой ноги и повиснув подмышкой на спинке стула. Её мать вошла из коридора, спросила:

— Do you want more tea, girls?

Акса скривилась — у неё была замечательно живая мимика — и буркнула что-то по-турецки.

Светка заглянула в чашку. Там стояла на дне пара сантиметров чуть тёплой жидкости с чайнками.

— Yes, I do, — сказала она, надеясь, что говорит правильно. За последние часы она много раз кляла себя за раздолбайское отношение к иностранному языку. Вроде, учила-учила в школе, потом в универе, потом в училище и даже с Горгоной на пару по самоучителю, но так толком и не научилась ни понимать, ни говорить.

Старшая, которую звали Ёзге, вынула у Светки из рук чашку, похлопала её по плечу и ушла прочь из комнаты. Акса снова изобразила на лице презрительно-страдающую мину и заявила, растягивая слова и глотая окончания:

— Многа пить вода, потом бежишь писпис!

— Тебе-то что, — сказала Светка, — Я к вам в гости не напрашивалась.

— Так-так, — Акса двинула одним плечом, — Ты к этой потной козе Ёилдыз напрашивалась!

— Потной? — Светка удивилась.

— Полной? — Акса нахмурилась, — Забыла. Слово такой, когда изменяет? Обманывает? — она уставилась на Светку, а та уставилась на неё. Акса учила русский язык чуть меньше года и на удивление хорошо болтала, но её словарный запас напоминал свору хорьков на длинных поводках, которые то и дело путались у хозяйки в руках. Дошло:

— А! «Подлый»!

— Подлый, — задумчиво повторила Акса, — Подлый, который обманывает?

— Типа того, — сказала она, и тут же добавила — Да, да! — потому что Акса неодобрительно относилась к разговорным выражениям и просторечиям.

Вернулась Ёзге, сунула чашку с горячим чаем. Спросила у дочери:

— Did you explain her?

— Moreorless, — Акса махнула рукой, отлепилась от стула и добавила:

— But she is very stupid Russian...

Ёзге оборвала:

— Stopit.

Повернулась к Светке:

— We can let you go now, but you are not safe. Doyouunderstand?

— Yes, — смиренно ответила она, — И что мне делать теперь?

Ёзге поняла и без перевода. Пожала плечами и ответила:

— Stay here. We'll see tomorrow.

На странной русско-английской смеси Светка за пару часов успела услышать очень много разных странных вещей. Точнее, это были огромные, по-разному неприятные и опасные вещи. Хорошая новость была в том, что ей достаточно было выбраться из Турции, чтобы быть в относительной безопасности. Плохая — в том, что выбраться будет не очень просто. Ещё одна, совсем скверная, состояла в том факте, что она едва не втянула малознакомого человека в неприятности. Елене очень повезло, что её случайную знакомую успели выдернуть до того, как они приехали к порекомендованной неизвестной Соней специалистке. Хотя после того, как Светка эффектно испарилась среди бела дня, Елена почти наверняка решила забыть о её существовании. Ну, для неё так было бы лучше,

конечно.

Масштаб открытий был ошеломляющий. То, что кроме неё есть ещё Елена (и какая-то Соня, которая вроде бы что-то знает) уже было удивительно. Но это было всё равно что выучить алфавит, а потом сразу открыть учебник по квантовой механике.

Их появлялось много. В каждой стране — по-разному, в каждом поколении тоже, но их были даже не десятки — сотни и тысячи. В разные времена их становилось больше или меньше. Они собирались в группы или оставались одиночками, учили друг друга или враждовали друг с другом, или не знали о существовании себе подобных. Писали трактаты о своей сущности или отказывались от неё в пользу совершенно обычной жизни. Развивали и изучали свои способности или старательно блокировали их. И погибали очень часто, так что до более или менее разумного возраста доживали не все. Счастливицы, у которых оказывался какой-то специфический триггер. Которые впервые перемещались или перемещали кого-то другого в достаточно взрослом возрасте. Которых нашли более опытные и знающие товарки.

Многих из них когда-то сожгли как ведьм. Многие другие невольно убили своих матерей или погибли сами в раннем детстве. Все эти истории про похищенных детей, которых никто никогда не нашёл...

И ещё одно плохо укладывалось в голову: среди них не было мужчин. Никогда, ни единого, только женщины.

— Но почему об этом ничего не знают? — спросила она, — Это же невозможно, современное развитие науки...

— Ну иди, положить это самое... как там... — Акса возвела очи чёрные вверх и скривилась, — А! Это, положить живот на алтарь... эээ науки. Дура, да?

— И что, прямо такое тайное общество? Да если бы столько было вот таких, как я, они бы давно уже власть над миром захватили!

— Ты лично иди захвати? — с неподражаемо презрительной интонацией предложила Акса, — Вы, которые свободные путешественницы, всегда самые бестолковые. Эти, которые как моя сестер, толкачи... толкицы...pushers! Эти, что ли, мир захватили? Они всегда с проблемами, ну как это... — Акса пощелкала пальцами, потом что-то эмоционально сказала по-турецки, помычала — Светка ей от души сочувствовала. Хуже нет, чем вспоминать нужное слово, когда заклинило и никак.

— Проблемы со здоровьем? — спросила она.

— С головой проблемы, — огрызнулась Акса, — Говорить она не может, это самое, ну... — Акса цыкнула ртом, а потом изобразила:

— Га-га-га-га-ла-ва!

— А! — Светка кивнула, — Заикается. Ну, это можно вылечить.

— Можно — лечим, — сурово ответила девушка, — Но мир захватить она не может. Одна Кара не может, пять таких соберутся — не могут, у каждой что-то не так. Таких, как ты — раз, два, мало. И вы не можете никакого.

— А кто что может? — спросила Светка, и тут на неё вывалили ещё один огромный кусок.

Есть закрывательницы. Они могут, в общем, только закрыть какое-то место от перемещений. И есть наставницы, которые могут только находить всех остальных — и разговаривать с ними. Узнавать и рассказывать.

Когда-то наставницы и закрывательницы много раз пытались создать сообщество.

Объединить всех — толкательниц, путешественниц, создать стройную систему знаний, придумать способ находить других таких же в самом малом возрасте, до того, как возникнет первая опасность перемещения или толчка.

Соня, по всей видимости, что-то такое когда-то слышала от наставницы, но почти всё пересказала неверно.

— Полная... Подлая баба, — прокомментировала Акса, — Она из тех, из запретительниц. Врать хороши! Хотят свой выбор привязать... Завязать? — Акса снова устала на Светку, словно та ей задолжала правильное слово.

— Навязать, — от этого взгляда деваться было некуда.

— Да, так! — Акса кивнула, — Это был плохой час. Хотели делать договор, но не могли согласиться. It was about Christian and Muslim's confrontation. Christians mean that was sin and big evil from Satan...

— Акса, please, — сказала Светка, потерявшись где-то в районе греха. Юная турчанка топнула ногой и сердито ответила:

— Где я тебе беру слова про такую тему? Эти ваши, кристиани, сказали — наши умения это от шайтана! Этот... зло, вот. Надо изучить, чтобы бороться, запрещать. Мы, мусульмане, считали, что главное — не применять для плохих дел, но они говорили, нельзя заставить всех соблюдать, поэтому надо запретить и ограничить.

— У нас в России давно все никакие не христиане, — сказала Светка, — Так, суеверные просто.

— С тех пор многие времена прошли, — Акса пожала одним плечом, подняв его чуть не к уху, — Разошлись, сошлись, потом был век, когда наших почти не стало. Теперь нас снова есть много, но наши наставницы не говорят с вашими. Нет договора нигде, каждый город сами по себе. Европа толкачки зло творят почти все. Они слабые, толкают редко и близко, но если надо кого-то на дно воды затолкать — это, ну, идеальное убийство. Никаких улик, понимаешь? У нас мало такого, но зато у нас эти закрывалки, которые против всех, они таких, как ты, выкидывают насовсем. А как твоя подруга — им внушают страх. Чтобы боялись и не лезли.

— Как это — «выкидывают насовсем?» — спросила Светка, выпрямляясь. Звучало... нехорошо.

— Туда, — неохотно ответила Акса, — Они могут не только место закрыть, но и человека. Сперва ничего не понимаешь. Потом ты прыгнешь, а обратно не выйдешь.

Она вспомнила, как там. Холодный серый океан внизу. Холодное чёрное небо наверху. Нематериальный, но ощутимый ветер и невыносимо сияющее чёрное солнце...

Худые теплые пальцы подхватили её руку, удерживая готовую вывалиться на пол чашку с остатками чая.

— Э-эй, — Акса смотрела на Светку в упор, глаза в глаза, едва не упершись своим прямым крупным носом в её — маленький и приподнятый. — Чашку держи. Мама не любит, когда разбить.

Она лежала всё на том же диване. Ей выдали плосковатую подушку в веселенькой жёлтой наволочке и пару жёлтых простынок с красными абстрактными узорами. Она лежала, свернувшись калачиком, упершись спиной в мягкую спинку дивана и обняв притянутые к груди колени. В окно канонически светил фонарь, расчерчивая пол косыми тенями оконных рам и пятнами листьев. Ей очень хотелось поплакать или проснуться, но

надо было наоборот снова заснуть. Она чувствовала себя примерно как в раннем детстве, когда её оставляли с ночёвкой в детском саду: вот ты уже лежишь в кровати под неприятно тяжёлым шерстным одеялом в жестком пододеяльнике, и уже почти ночь, лампы погашены, только под дверью видна желтая полоса света из коридора. А ты лежишь, свернувшись калачиком, и отчаянно надеешься, что вот сейчас там, снаружи, зазвучат шаги и приглушённые голоса, и тебя шепотом будут звать, поднимут и оденут, стараясь не шуметь — и мама выведет тебя на улицу, сонную, неуклюжую, счастливую, поведёт за руку по чёрно-синему позднему вечеру домой.

Конечно, нет.

Назавтра будет серое утро, гулкие звуки с садовой кухни, недовольные голоса нянечек. Надо будет путаться в колготках, терпеть, когда тебе будут драть расчёской волосы и кое-как заплетать косичку торопливыми чужими руками, потом снова терпеть — остывающую манную кашу и молоко с пенкой...

Она почувствовала, как перехватывает горло и щиплет глаза, и от этого вдруг мгновенно полегчало. Это ж надо, разнылась! Разжалелась себя, деточка, ты подумай, утипусеньки! Бросили малышку, некому деточку на ручки взять!

Деточка. Двадцать годиков. Влипла в историю, которая на трезвый взгляд от и до выглядит дешёвкой в мягкой глянцевой обложке. И напугана-то до полусмерти, и тоскует, как по-настоящему!

Мамы нету, детка. Вместо мамы сердитая турецкая тётка, которой бы глаза на тебя не глядели, потому что ты впёрлась в местный стабильный расклад, как дурак на чужую свадьбу. И эта самая тётка тебя не оставила на милость другим тёткам (возможно, куда более сердитым), а почему-то взяла под защиту.

Светка вздохнула, немного расслабляясь, и тут снова вспомнила про Елену.

И от всей души пожелала ей сейчас спать в своём номере в отеле.

Глава 31.

Женщина, открывшая дверь, была, как говорится, одного с Еленой поля ягода. Немногим старше — к тридцати или около того, она с первого взгляда производила впечатление очень благополучной и самоуверенной. Елена отлично знала, что сама выглядит так для новых знакомых, и понимала, почему. А ещё она с этого же первого взгляда поняла, что, хотя они похожи, это сходство молодого тощего волка и матёрого альфы. Ей придётся ещё поработать над собой, чтобы стать такой, как вот эта.

Вот эта между тем вздёрнула соболиные брови, обозначив едва заметные морщинки на смуглом лбу, и спросила что-то по-турецки.

У Елены в голове пронеслась отчаянная мысль, что эта мадам запросто может не знать английского, но та развеяла её опасения, сказав со вполне приличным произношением:

— Кто ты и что ты хочешь?

Честно говоря, английский у неё был лучше, чем у самой Елены.

— Добрый день, — она постаралась придать лицу спокойное и приветливое выражение, — Я ищу Йилдыз Кайя. С рекомендацией от Софии Веселовой.

Лицо женщины слегка напряглось в непонятном выражении — отвращение? Опаска? Подозрение? Елена снова окинула её взглядом и вдруг ощутила необычное для себя щемящее

чувство зависти. Предполагаемая Йилдыз была чертовски красива — как актриса из сериала про султанов. Её чёрные, гладкие волосы лежали в высокой сложной причёске. Золотистая кожа сияла. Большие тёмные глаза затенены длинными пушистыми ресницами. Она была высокой и хорошо сложенной, и её изумительную фигуру умело подчёркивали лёгкая жёлтая блузка без рукавов и идеально сидящая синяя юбка-карандаш. Красавица стояла в дверях, как в раме, положив пальцы в кольца на дверной косяк.

Елена спохватилась, что, позабыв о приличиях попросту пялится на незнакомку. А та явно поняла и её интерес, и замешательство, и с её лица ушло напряжение, сменившись усмешкой.

— Как тебя зовут? — спросила она, открывая дверь шире.

— Елена, — ответила Елена, чувствуя, что впервые за долгое время краснеет вовсе не от жары или усталости.

— Я Йилдыз, — женщина отступила назад, в затенённый коридор, — Заходи.

Когда Елена только подошла к двухэтажному белому зданию, перед которым небольшим кругом расступались деревья, она почему-то думала, что ей придётся долго искать вход, стучать, объясняться. Но она едва успела окинуть взглядом фасад с двумя рядами узких окон, забранных решётками, как дверь на углу открылась. Как будто Йилдыз следила за ней из окна.

— Я собиралась уехать, — сказала женщина на её невысказанные подозрения, — У меня мало времени. — Они шли по прохладному коридору мимо закрытых белых дверей, и, кажется, прошли весь дом насквозь, оказавшись в конце концов в большой угловой комнате. Обстановка была типичная офисно-конторская — стеллажи с папками, большой принтер на тумбочке в углу, несколько столов с компьютерами и лотками для документов. Йилдыз прошла к дальнему столу, села в крутящееся кресло и указала Елене на обычный офисный стул напротив. Сложила руки перед собой, глядя на Елену очень внимательно.

— Что тебе нужно?

Елена собралась с мыслями. Рассказывать про Светкины проблемы с перемещениями явно было несвоевременно. Сейчас важнее было понять, что тут вообще происходит, и живали эта курица вообще. Она сказала:

— Мою подругу захватили. «Толкательница» из местных её куда-то кинула. Ей можно как-то помочь?

Йилдыз отвела взгляд в сторону, погладила пальцами тыльную сторону другой ладони. Вид у неё снова стал как при звуках имени Сони, и тут Елена отчётливо поняла, что это не страх и не отвращение. Это была сильная злость, которую этой в высшей степени приличной даме очень не хотелось открыто демонстрировать. Красавица справилась с мимикой и снова посмотрела на Елену:

— А твоя подруга чем-то замечательна?

— Моя подруга что? — растерялась Елена.

Йилдыз раздражённо вздохнула и спросила проще:

— Твоя подруга кто? Что она может? — и почти вцепилась в Елену взглядом.

— Она... ну, как я... — Елене стало не по себе, — То есть, почти как я. Только у нас разные... э-э-э... — она попыталась вспомнить, как на английском будет «триггер» или «катализатор», но на неё нашёл ступор. Женщина напротив махнула рукой, точно смела в

сторону Елену с её сомнениями:

— Я поняла. — Она протянула руку и ловко схватила подвеску на запястье девушки:

— Это твой блокатор? Этим ты контролируешь?

Елене против всякой логики вдруг стало страшно, что холёные пальцы сожмутся сильнее и сорвут эмалевую бабочку со своего места, так что она поспешно сказала:

— Да! Небольшая боль, чтобы...

— Ясно, — Йилдыз отпустила подвеску, и Елена от неожиданности чувствительно брякнулась кистью о край стола. Йилдыз медленно поднесла руку ко рту, поводила косточкой указательного пальца по верхней губе, глядя в столешницу. Потом снова сложила руки перед собой и сказала:

— Я могу ей помочь, но с условием.

— Каким?

Красавица откинулась на спинку своего суперудобного анатомичного регулируемого крутящегося кресла и сказала:

— Для начала ты мне подробно расскажешь, что знаешь про свою подружку. — Она увидела выражение лица Елены и добавила:

— Не бойся. Время есть. Если она у ведьм башни, она пока в относительной безопасности. А я поменяю планы.

«Пока» и «в относительной», подумала Елена. «Во что это мы тут влипли, вот что я хотела бы знать».

— Я знаю... немного, — она уже поняла с изрядной досадой, что её аккуратный, с приличным произношением английский сейчас оказался в положении милого маленького пони, который всю жизнь катал милых маленьких ребят, но в один прекрасный день оказался запряжен в здоровенную телегу с пивными бочками. Елена как-то видела по телевизору пару шотландских пони в такой упряжке — им вроде бы не было тяжело. Чего не скажешь про неё в данный момент.

— Что знаешь, то и рассказывай, — терпеливо сказала Йилдыз. «А то я встану и уйду» повисло не сказанное, но отчётливо подразумеваемое продолжение.

Елена собралась и начала рассказывать.

Пересказывать чужую историю на чужом языке чужому человеку — такого опыта у неё ещё никогда не было. Она чувствовала себя точно в битве, где каждое с трудом подобранное слово было как пролетевшая в опасной близости стрела. Каждый раз, когда слушательница хмурилась и просила уточнений, это была стрела, попавшая в цель — в самую середину её, Елены, самолюбия. К финалу она чувствовала себя истыканной, как мишень. Тем не менее, ей удалось в общем объяснить, как она встретила Светку, что от неё узнала и что рассказала ей.

— Мы шли сюда, но сели не на тот автобус. Вышли, чтобы найти долмуш, и тогда на нас напала эта девочка.

Йилдыз подняла брови в почти театральном выражении удивления:

— «Напала!» Среди бела дня, среди людей, вот так?

— Нет, нет! — Елена вздохнула, — Света за ней побежала... — Тут до неё вдруг дошел смысл всей этой истории с часами. — Девчонка сняла с неё часы! — Она хлопала себя по левому запястью, — Подкралась и расстегнула браслет! Но так, чтобы Света заметила, конечно. И побежала оттуда... Побежала за дома, во двор, туда, где нет людей...

— Естественно, — Йилдыз покривилась, словно горькое в рот попало, — Какая дура будет работать при свидетелях! Увела и там толкнула.

— Но она не рассчитала, что я побегу следом.

— Если вы познакомились только вчера, они могли это пропустить. Им нет необходимости круглосуточно следить, поскольку у них есть и стражница.

— Кто это?

— Стражница? — Йилдыз использовала странное слово *watchess*, — Это женщина, которая чувствует таких, как мы. Она сама не может перемещаться или перемещать других... обычно. Хотя, твоя наставница — Соня — может. Редкий случай, — Йилдыз качнула головой, — Нам всем повезло, что она достаточно далеко от нас.

Елене стало не по себе. Соня совершенно не показалась ей опасной тогда, больше года назад, когда они сидели в светлой пахнущей кошками комнате, пили кофе и разговаривали о невозможном. Нет, надо говорить — о маловероятном. Необычном. Редком. Они обе были редкостью до сего дня. «Точнее, я думала, что были».

— Она сказала, что таким, как мы, нельзя встречаться. Нельзя находиться рядом, общаться или проводить какие-то опыты, иначе может случиться что-то опасное.

— Да-а-а? — Лицо Йилдыз словно засияло нехорошим оживлением, глаза сделались злющие, но весёлые, так что Елене захотелось отодвинуться от стола подальше. А то и вовсе выйти от греха. Жаль, нельзя.

— И что же должно произойти, а? — Йилдыз подалась вперёд, опершись подбородком о запястье и сверля Елену взглядом, — Рассказала она? Объяснила она тебе, что случится?

Елена покачала головой, чувствуя совершенно нехарактерное для себя замешательство. Словно воображаемые стрелы, которыми было утыкано её эго, кто-то поджёт. Так потерянно она себя не чувствовала уже очень давно.

— Отлично, — Йилдыз откинулась обратно в своё суперкресло, опустила руку куда-то, видимо, под столешницу или в один из ящичков, чем-то пошуршала, чем-то хлопнула. Бросила на стол пачку сигарет и зажигалку, протянула руку к окну, взялась за ручку фрамуги, вдруг замерла. Сказала сама себе:

— А эту вторую старуха не увидела? Или нарочно не стала трогать? — подняла взгляд на Елену, — Странные дела... Ведь твоя подружка так фонит, что сейчас тебя рядом просто не видно.

Елена, которая бездумно наблюдала за этими неугомонными красивыми руками, вздрогнула и ответила:

— Когда я ей позвонила, Соня очень удивилась. Несколько раз спрашивала — что? Как её зовут? Точно именно так? Сколько лет? — Как будто поверить не могла.

— Ещё бы, — буркнула Йилдыз, наконец открывая высокую фрамугу на проветривание, — Такая большая рыба мимо сети!

Она вытащила из пачки сигарету (и не подумав предложить собеседнице), закурила, хмурясь, выдохнула дым. У Елены аж в груди защемило. Женщина напротив даже курила так, как будто её снимали на камеру. Нет, как будто её УЖЕ сняли, смонтировали дубли и теперь показывали идеально вылизанный эпизод. Слова про большую рыбу почти прошли мимо её сознания. Никак они не монтировались с невзрачной угловатой фигурой в потрёпанной одежде. Елена вдруг подумала — а может, и к чёрту? Она не занималась пасти несурзных безмозглых девиц, ищущих приключения на свою задницу.

— Что с ней сделают? — спросила она неохотно.

— С ней — ничего, — ответила Йилдыз. — Важнее другое. Что она сделает с нами.

Елена вспомнила про свои горящие стрелы — кажется, все эти образы потеряли смысл. Она уже не чувствовала себя глупой, речь не шла о её уме, навыках или манерах. Речь шла о том, внезапно осознала она, что происходящее было совершенно перпендикулярно плоскости всего её жизненного опыта. Её представления о людях, о должном и возможном тут не годились, не работали. Её былая убежденность в том, что, надев на руку браслет с бабочкой, она навсегда оставила позади пару странных нелепых эпизодов, была предельно далека от реальности. Стало даже не то, чтобы страшно, но как-то неуютно и... как-то устало.

— Почему я здесь? — спросила она, — Почему я не могу просто не участвовать в этом? Почему она именно ко мне подошла вчера?

Йилдыз посмотрела на окурок, на котором алый огонёк почти подошёл к фильтру. Протянула руку и выкинула его в щель фрамуги, даже не затушив. Закрыла окно, повернулась к Елене и сказала:

— Потому что есть действия и последствия. И вероятности, конечно.

— Что же я сделала? — Елена не слишком надеялась на объяснения, но очень хотела бы их получить. Хоть какие-то.

Йилдыз ответила неожиданно дружелюбно:

— Ты приехала отдохнуть в город, который является самым большим в мире магнитом для нас. Для всех нас, будь то путешественницы, толкательницы или стражницы.

— А те, кто закрывают? — почему-то ей непременно надо было это уточнить.

— Те, кто закрывают, — Йилдыз улыбнулась широко и радостно, и это так странно было на фоне всего их безумного разговора, — Тех, кто закрывают, уже века три не появлялось. Так что об этом можешь не беспокоиться.

Глава 32.

Всю свою сознательную жизнь Светка рисовала или читала. В детстве она увидела в каком-то фильме, как герой кладёт блокнот под подушку, чтобы записывать с утра сны и мысли, которые приходили ночью. Ей тогда так понравилась идея, что она тоже стала класть под подушку блокнот и карандаш в надежде, что сможет нарисовать что-то из сна, пока не забыла. И рисовала несколько дней, выводила какие-то закорючки, подписывала слова, пытаясь успеть между звоном будильника и минутой, когда из кухни придёт мать, со скрипом откроет дверь и поинтересуется, намерена ли дочь идти сегодня в школу.

Потом пришла суббота, и пока Светка наводила порядок в ящиках стола, мать сдергивала бельё с её кровати. Блокнот полетел на пол, за ним — карандаш, а в следующие пятнадцать минут Светка получала качественный заряд воспитания на тему того, что постель — это не помойка, посторонним предметам там делать нечего, вот, пожалуйста, на наволочке следы от грифеля, тебе не надоело быть поросёнком... — и так далее, и тому подобное.

Она ничего не стала объяснять, это было бесполезно. Мать всегда считала её существом злонамеренным и докучным; ничего из того, что она делала, не могло быть хорошо. Даже вполне ровная учёба на «четвёрки» достаивалась насмешливо-презрительного объяснения «выезжает на хорошей памяти». Поэтому она просто убрала блокнот в стол, решив, что

найдет для вдохновения другое время. Для чтения же нашла, говорила она себе.

Читала Светка по большей части в школе, на уроках. В некоторых классах были отличные парты с полкой под столешницей, на которую можно было положить открытую книгу и, чуть отодвинувшись вместе со стулом, читать хоть весь урок. Для учителя девочка на задней парте, сосредоточенно смотрящая вниз, примерно в учебник, выглядит вполне обычно. Так она перечитала всего Джека Лондона и большую часть Жюль Верна в пятом классе, например.

С рисованием было сложнее. Можно было рисовать в трамвае по дороге в школу и обратно. Можно было рисовать дома, пока взрослых нет. Иногда можно было рисовать на перемене, но это было в меру опасно, потому что в пролетарско-гопнической школе, куда её перевели после переезда, таланты не ценили. «Ты чё, типа, художник?» — начинали они. «Ну-ка, дай быра позырю», — и привет, тетрадка вернётся в лучшем случае мятой и рваной, или не вернётся вообще.

Но потом был универ и тёмные годы страха, и вот тогда она привыкла рисовать практически постоянно. В заднем кармане любых штанов у неё всегда были маленькие нелинованные блокноты, самые дешёвые из возможных, и огрызок карандаша, а за хлястик для пояса на боку она цепляла шариковую ручку. В квартире у Сашки, где она жила, везде лежали листы желтоватой писчей бумаги с зарисовками, раскадровками комиксов, просто абстрактными каракулями. В промежутке между Сашкой, когда Светка пыталась справиться с собой и своей жизнью, количество рисунков уменьшилось, зато выросло их качество — спасибо училищу, но в большей степени даже возможности рисовать на заказ. Несмотря на это, у неё в голове всегда как-то по отдельности существовало «правильное» рисование (то есть, настоящие, законченные и кому-то нужные иллюстрации) и то, что она делала всё остальное время.

Начинала утро с быстрого наброска стула, с которого свисает небрежно брошенная майка и почти сползшие джинсы.

Занимала время в автобусе скетчами лиц, рук, ног, сумок, набросками детей и взрослых с пририсованными «баллонами» реплик.

Выкидывала из головы лишние мысли, заполняя очередной лист бумаги линиями и точками, собирая композиции из абстрактных фигур или реальных предметов.

Проводила часы на скамейке в парке, пытаюсь ухватить силуэты голубей, клюющих хлеб на дорожке, или бегунов, делающих круг за кругом по тропинкам среди деревьев, или людей с собаками и детскими колясками.

Блокноты и стопки бумаги копились, и как-то раз Светка спросила Горгону, не хочет ли она пойти вместе ночью на косу и устроить небольшой костёр. Горгона посмотрела на неё как на ненормальную и ответила: «Ты можешь принести свой архив (серьёзно, она сказала «архив») и хранить у меня».

Две больших коробки со всем этим добром.

Ранним летним утром Светка лежала на чужом диване, в чужом доме, в чужой стране, и у неё под рукой не было даже блокнота, чтобы набросать высокие стебли какого-то суккулента, широко разросшегося в старом глиняном горшке на подоконнике.

Две больших коробки с изрисованной бумагой, и Горгона, и Сашка, и бог знает сколько ещё разных фрагментов её жизни были где-то там, очень далеко. А она лежала и не знала даже, где её рюкзак с одеждой, дорожным скетчбуком и остатками денег. А ведь всего-то пара недель прошла. Чуть кольнуло чувством вины, но она уже научилась справляться с ним

одним небольшим усилием. Они все сами от меня отказались, напомнила Светка себе.

Надо было бы встать. Так светло, и с улицы слышно шум городского транспорта, и из другой части квартиры тянет запахом жареного. Но как только она встанет, окажется, что снова надо выслушивать что-то бредовое, понимать что-то непонятное и бояться чего-то необъяснимого. Она закрыла глаза, повернулась на бок и сунула руку под подушку. Пальцы ткнулись в какую-то твёрдую кромку. Девушка приподнялась, стащила подушку с места и увидела свой скетчбук — толстенную синюю книжку в твёрдом переплёте, перетянутую черной резинкой, под которую была просунута по верхнему обрезу черная гелевая ручка. Довольно дорогой прошитый блокнот, который она в припадке «пропади оно пропадом» настроения купила после первого удачного скачка, оказавшись в Самаре.

Чувствуя неожиданную и неуместную радость, она уселась на диване, поджав ноги, сняла с книжки резинку и открыла на последнем использованном развороте. Там был вид какой-то стамбульской мечети. Да, это то, что она позавчера рисовала, стоя на Галатском мосту вечером. Ветер, чайки, за спиной проходит трамвай, постукивая и скрежеща. Светка перелистнула страницу, сняла с ручки колпачок и начала рисовать окно, горшок, разросшийся суккулент, пару пустых банок рядом. Штрихи и точки. Изогнутые линии и прямые. Время перестаёт существовать, нет никаких проблем, никакого прошлого и никакого будущего, только линии и точки.

Наконец можно закончить. Свет из окна, тень, отростки цветка и шероховатость горшка, блики на банках, и больше нечего добавить. Она поняла, что как обычно ссутулилась буквой зю, и у неё ужасно затекла шея. Светка положила блокнот разворотом вверх и прижала с краю коленом, чтобы досох рисунок — гелевая ручка здорово смазывается — а сама попыталась выпрямиться и покрутить головой.

Оказывается, рядом с ней стояла Акса. От неожиданности она дернулась и издала невнятный звук. Акса тоже ойкнула и сделала шаг назад, но тут же вернулась в своё обычное скучающе-язвительное настроение и заявила:

— Это ты такая, как это, художница!

Светка захлопнула скетчбук и ответила:

— Да, и что?

— Ничего, — Акса сложно пожала плечами, словно отлепляя от спины майку, — Давай wakeup, мама сказала — думать решать, что делать дальше.

Кухня в этой квартире была замечательная. Большая квадратная комната, стены которой были сплошь покрыты синей и белой плиткой. Среди обычных плиток кое-где встречались расписные, точь-в-точь как во двоце Топкапы, покрытые сложными узорами в виде тюльпанов, гвоздик, свитых вместе стеблей или абстрактных завитушек. Над мойкой красовалась плитка с завитками волн и тремя кораблями под косыми алыми парусами. Светка засмотрелась на роспись и пришла в себя только от тычка между лопаток: Аксе надоело ждать в коридоре, и мелкая нахалка впихнула её в кухню.

На столе ждали тарелки с яичницей, сыром, булочками и розетки с джемом. Акса подтолкнула Светку к ближайшему стулу:

— Садись, давай, это... Breakfast.

Светка села, подошла от плиты Ёзге с дымящейся джезвой, разлила по чашкам кофе — себе и госте. Перед Аксой стоял высокий стакан, кажется, с газировкой.

Слева пустовал ещё один стул. Ёзге, садясь напротив, вдруг гаркнула во весь голос:

— Кара!

Где-то в другой части квартиры что-то упало, а потом визгливый девчоночий голос завопил в ответ неразборчиво.

Неожиданно Акса тоже что-то завопила по-турецки, и следующие пару минут женщина и два подростка переругивались, ничуть не смущаясь присутствием посторонней. И то правда, она ни слова не понимала, чего бы им смущаться. И, к слову, Светка что-то не заметила, чтобы невидимый член этого скандального трио заикался.

Наконец, в коридоре зашаркали шаги и на соседний стул упала ещё одна тощая загорелая девица. Кара и Акса были очень похожи, но стоило им оказаться рядом, и Светка поняла, что больше никогда их не спутает. Акса была капризной, вела себя вызывающе, но выглядела жизнерадостной и самоуверенной. Кара же совершенно точно ни жизнерадостной, ни уверенной не была. На ней были надеты совершенно неуместные для летнего утра вещи — черные джинсы, черная футболка с длинными рукавами и чёрная головная повязка, отодвигающая со лба её тяжелые густые волосы. Сейчас было понятно, что это девочка, но убери это каре под кепку — и сутулая худая фигурка будет выглядеть совершенно по-пацански.

— Hello, — сказала Светка, — Where is my watch?

Кара покосилась на неё, молча отобрала у сестры стакан с колой и принялась наворачивать свою порцию яичницы, не обращая ни на кого внимания.

— Я тебе объяснил уже, — Акса встала, полезла на полку за другим стаканом, — Эта, она говорит плохо.

— А пять минут назад орала ничего так, — сказала Светка язвительно.

— Орала, и что, все свои. Тут пришла — ты сидишь, — Акса налила себе колы и вернулась за стол, — И не твоё дело вообще. Хватились за свои часы, — она вонзила вилку в яичницу, — Тебе про свою голову надо думать.

— Shut up, girls, — беззлобно сказала Ёзге, — Breakfast first, then we'll speak.

И правда. Светка принялась за свою порцию, съела и яичницу, и сыр, и булочкой подобрала остатки с тарелки. А ещё одну булочку намазала джемом и съела с кофе. У неё не было ни малейших причин отказываться от еды — кто его знает, что там дальше и когда она в следующий раз нормально поест.

Ёзге дождалась, когда все доедят, собрала тарелки и чашки, унесла в раковину. Потом распахнула дальнее окно, сняла с высоченного холодильника пачку сигарет и молча закурила. Светка сидела, ожидая, что же будет дальше, чувствуя разительный диссонанс между ощущением довольства в своём выпавшемся, отдохнувшем и сытом теле и тревожным напряжением в голове. Это был редкий случай, когда организм как будто отказался пускать тревогу ниже шеи: не сжималось в животе, не холодели руки и не хотелось бежать куда глаза глядят. Она сидела тёпленькая и расслабленная, а в голове носилось: что же теперь? Что делать? Что СО МНОИЙ сделают?

Ёзге докурила, швырнула окурок в помойное ведро под раковиной, но осталась стоять у окна. Сказала пару фраз на турецком, обращаясь к Аксе.

— Мама сейчас тебе объясняет, что вчера не сказали, — перевела Акса, — Мама английский говорит, если непонятно — я объясняю.

— Окей, — сказала Светка и невольно выпрямилась на стуле.

И следующие полчаса слушала и думала изо всех сил.

Она не запомнила конкретных слов, которыми изъяснялась Ёзге. Английский её тогда

был и правда совсем слаб, свободно общаться она начала только через пару лет, после занятий с преподавателем и часов практики везде, где других вариантов не было. Но Ёзге и Акса общими усилиями сумели донести до неё вот что.

Много лет в Стамбуле не появлялись свободные путешественницы. Ни свои, ни пришлые. Между местными носительницами способностей, точнее, между их условными сторонами (освободительницами и запретительницами) установился своего рода договор. Они не трогали друг друга и не вербовали новых носительниц. Они поделили город и отыскивали своих, чтобы защитить от самих себя и научить жить с этой особенностью на случай, если они захотят покинуть Стамбул. Они рассказывали новым о существовании договора, о том, как был «закрыт» город (ни Девичья башня, ни осада Константинополя не имели к этому отношения) и оставляли им выбор. Необязательно было присоединяться к тем или другим.

Можно было просто сделать вид, что ничего не происходит, и жить себе обычной жизнью, потому что этот город, точно огромная липучка, делал невозможными или очень маловероятными любые перемещения.

Всё шло отлично почти век, пока не появилась Светка. Тут ей, конечно, следовало почувствовать себя значительной, важной и даже избранной, но создавалось ощущение, что она скорее стала для «ведьм башни» краплёной картой в колоде. В игре, которая давно велась по привычке, без надежды на выигрыш и азарта, так что все успели позабыть о величине ставок.

Всё время, пока она это слушала, её что-то скребло. Сомнения начались ещё вчера, и тут вдруг её осенило. Она спросила, удивляясь, как раньше не заметила слона в комнате:

— Но как Кара могла меня толкнуть, если перемещения невозможны?

— Умная какая, да? — мрачно сказала Акса, а Кара, сидевшая молча тут же, скривилась и шепотом сказала что-то невнятное.

— Мы подошли к самому главному, — сказала Ёзге, стараясь произносить английские слова отчетливо и медленно, — Раньше у нас были Акса и Кара — две. Акса ищейка, видит каждую из нас как есть. Кара толкательница, особенная, она видит... — Ёзге задумалась, сжав губы, потом сказала: — Другой масштаб. Большая... точность. Может толкнуть на шаг в сторону. Может толкать здесь, в городе. Особенная! Но нужна третья. Я путешественница, но я не гожусь. Мой триггер не годится.

Она снова сжала губы в линию. Близнецы смотрели на неё, не отрываясь, и Светка смотрела, а в открытое окно позади неё светило солнце и задувал тёплый южный ветер, так что колыхались прижатые магнетиками листки записок на холодильнике, и слышались далёкие голоса, грохот трамвая по рельсам, гудок парома...

— Ты годишься, — Ёзге подняла голову и посмотрела на Светку почему-то грустно.

— Для... чего? — спросила Светка.

— Чтобы попытаться открыть город, — ответила Ёзге, и Светка в два приёма переварила её ответ: сначала грамматическую конструкцию, потом смысл. Звучало бредово... а что тут было не бредово в последние дни?

— Эти, запретительницы, они поймут. Может, уже поняли. — Акса вдруг наклонилась через стол и больно ткнула её в плечо:

— Твоя подружка эта... большая такая девушка! Она пошла к Йилдыз. Дура! Чего полезла в наши дела вообще. У неё вообще проблем нет, чего ей надо!

— Она хотела мне помочь, — ответила Светка, — Мы же не знали. Я вообще ничего не

знала про других, Елена самую малость...

Ёзге снова подняла руку к пачке на холодильнике. Светка не выдержала, встала и, стараясь не выглядеть обнаглевшей школьницей, попросила:

— Дай мне тоже, пожалуйста.

Ёзге подняла бровь, спросила:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать один, — соврала Светка. Могла бы и не врать, ведь по российским меркам она давно была совершеннолетней. Ёзге, у которой, конечно, было время посмотреть в том числе её паспорт, протянула пачку. Курила Светка до этого редко — денег лишних не было, да и Сашка относился к этому крайне неодобрительно, но теперь его рядом не было, зато всякого другого было навалом. Всякого странного, неприятного, пугающего, заставляющего искать пути отступления. Ей нужно было утешение, и она схватилась за сигарету почти с облегчением. До неё словно дотягивались отголоски времён старшей школы, когда они с Танькой стояли под козырьком подъезда или на её балконе, курили и делились огорчениями.

Защипало горло, легко повело, поплыло в голове. Светка посмотрела в окно, там был невероятной красоты вид: поля черепичных крыш вдруг обрывались, а дальше, за зелёной бахромой деревьев, сверкала вода и поднимался противоположный берег Золотого Рога. Она спросила:

— А почему вы «ведьмы башни»?

— Много лет назад наша семья жила в Бейоглу, в доме с башней, — ответила Ёзге, — Бабка была как ты, путешественница. Она одна из первых женщин в Турции стала синхронной переводчицей и ездила по стране. Использовала это, чтобы выбираться в другие места. Искала способ открыть Стамбул... — Ёзге развела руками: — Не смогла найти тогда толкательницу такой силы. Придумала способ смещать триггер, а у некоторых совсем убирать, надеялась — вот появится такая, как Кара, и они соберут троих. Но так и не вышло. Теперь многие думают, что так даже лучше. Все соблюдают договор: Кара не трогает Йилдыз, Йилдыз не трогает Кару, все остальные ничего не могут и живут спокойно.

— Тогда, может, вы мне просто поможете уехать? — спросила Светка с надеждой.

Ёзге снова поджала губы и уставилась ей в лицо так, словно на нём был написан правильный ответ.

Глава 33.

Елена шла по улице вниз, и думала о том, что весь этот чёртов день то и дело то спускается, то поднимается, так что ноги уже начали болеть.

Она явно свернула не туда. После того, как они договорились обо всём, Йилдыз вывела её на улицу, указала направление и объяснила, где свернуть, чтобы выйти напрямиком к автобусной остановке. И Елена пошла куда сказано, кстати, подобрав свою шляпу, которая так и валялась на травке снаружи ограды. Но не иначе как перепутала повороты — автобусной остановки не было и близко. Слева по улице тянулись решетчатые заборы, за которыми вставали красивые дома-виллы, а справа сначала был какой-то парк, а потом начался нескончаемый, кажется, рынок-развал. Соседство рынка и «приличных» домов изумляло, словно по улице шла граница двух разных миров.

Очумев от усталости и солнца, Елена перешла дорогу и вошла под рыночный навес.

Людей тут было много, но все они куда-то спешили, или что-то покупали, или болтали между собой, и решительно невозможно было отвлечь кого-то из них, чтобы узнать, где найти хоть какой-нибудь транспорт.

В одном из широких проходов стоял мотороллер, а рядом невысокий молодой парень в солнечных очках болтал по мобильному телефону. Вот он закончил говорить, сунул телефон в сумку на поясе, сел на сиденье и взялся за руль. Елена прибавила шагу и успела обратиться к нему по-английски:

— Извините! Где находится автобусная остановка?

Парень убрал руку с руля, снял очки и посмотрела на Елену. На его смуглом, украшенном короткой бородой лице тут же образовалась типичная хитрая улыбка, но ответил он неожиданно вежливо и тоже на английском:

— А куда вам нужно ехать?

— В район Лалели. Там моя гостиница.

— Какое прекрасное совпадение! — воскликнул парень, начиная сиять улыбкой уж совсем невозможно широко, — Я собираюсь ехать именно туда. Хотите, я вас довезу?

Елена успела за несколько минут прокрутить в голове все самые нехорошие варианты развития событий, но...

— Да, хочу, — сказала она, лучезарно улыбаясь в ответ.

— Отлично! — он повернулся и похлопал по сиденью позади себя, — Я Али!

— А я Лена, — сказала она и взялась за его плечо, чтобы сесть. «Я с ума сошла», — подумала она, перекидывая ногу через скутер и устраиваясь поудобнее. Но она, черт раздери, приехала отдыхать, а Али был симпатичный и хорошо говорил по-английски.

— Ок, поехали, — сказал он и оттолкнулся ногой от асфальта.

Конечно, до гостиницы они не доехали. Али отвёз её на Истик-ляль и, остановившись напротив высоких и затейливо украшенных дверей незнакомого кафе, спросил:

— Ты не против выпить кофе?

— Кофе, да, — Елена была согласна на кофе, или чай, или чёрта лысого с мармеладом и орешками. Хозяин скутера был хоть и мелковат (и даже ниже её ростом, если уж честно говорить), но красив, молод и подтянут. На нём была чистая голубая футболка, бежевые джинсы и конверсы, он приятно пах чем-то свежим и древесным и приятно улыбался, глядя Елене в лицо со немного нахальной доброжелательностью. Идя за ним к столику, она думала, что со всей этой учёбой и работой она сто лет не мутила вот такие внезапные, ни к чему не обязывающие знакомства, которые могли привести к хорошему одноразовому сексу ко взаимной радости участников.

У неё, правда, оставалось ещё это дело на завтра. Йилдыз сказала, что «ведьмы башни» скорее всего поедут на остров во второй половине дня, чтобы остаться там на ночь и попытаться провести свой обряд без чужих глаз. Но оставалась небольшая вероятность, что они будут беречь время и поспешат на паром как можно раньше. Это значило, что им придётся встретиться у станции Кабаташ на рассвете и отплыть на одном из первых рейсовых морских трамвайчиков.

Поэтому, как только Али поставил перед ней чашку и сел напротив, она сказала:

— Мы можем продолжить знакомство после кофе, но не до ночи, — и улыбнулась, стараясь выглядеть легкомысленной и чуть-чуть увлечённой.

— Почему? — спросил он спокойно, не теряя довольного и самоуверенного вида.

— Моя подруга, она местная, — Елена подчеркнула «она местная» голосом, — Хочет показать мне Принцезы острова. Мы договорились завтра встретиться у Кабаташ в семь утра. Вот тут он изумился. Выпрямился даже на стуле, подался вперёд и спросил:
— Так рано? В это время люди едут на работу. Будет толпа, очень неудобно!
Елена изобразила замешательство и сказала виновато:
— Я не знала. Подруга сказала, что потом днём будет очень жарко...
— Это правда, — мужчина снова заулыбался, расслабившись, отпил кофе — себе он взял турецкий — и заметил:
— Я живу совсем недалеко от станции Кабаташ.
— О, — Елена улыбнулась и тоже принялась за свой американо.

Через пару часов они валялись голыми на двуспальной кровати в большой квартире где-то в районе Бешикташ. Елена запомнила это название, но не запомнила больше почти ничего из объяснений Али, пока он вёз её какими-то переулками и поворотами.

Елена, что называется, кайфовала. Мелкий турок оказался отличным любовником, может, немного слишком горячим — но в остальном почти идеальным. Он умело и вкусно целовался, знал, где, что и как трогать и гладить, не допускал грубости. Без напоминаний надел резинку, а когда они пошли «на второй заход», сперва достал из-под кровати влажные салфетки. В нём не чувствовалось никакой зажатости, никакого смущения или неприятия своей или женской телесности, и в этом он разительно отличался от всех прежних партнёров Елены. Он откровенно наслаждался и увлечённо делал приятно ей, не пытаясь изображать крутизну или к чему-то принудить силой. Он был похож на умелого пловца, скользящего в воде, или на фигуриста, летящего по льду и ввинчивающегося в прыжки: как будто его тело было натренировано для любви, и он предавался ей самозабвенно.

К сумеркам они успели немного утомиться. Али сходил на кухню, принёс из холодильника пакет апельсинового сока. Они уселись спиной к изголовью, подложив подушки и пили сок, передавая друг другу пакет и обмениваясь неважными репликами. Потом он сказал:

— Мне надо поработать, — и, вытащив с захламленного стеллажа потрепанный ноутбук, засел с ним в кресле в одних трусах.

Елена неспешно вымылась в душе, натянула трусы и рубашку и пошла обследовать квартиру. Кухня была крошечная, буквально пенал, куда едва втиснулись электрическая плита, раковина и пара шкафчиков. Зато с другой стороны коридора была здоровенная гостиная с диванами и журнальным столиком. Там тоже стоял стеллаж на всю стену, но если в спальне полки ломились от тетрадей, распечаток и учебников, то здесь они были сплошь забиты художественной литературой. Елена подошла поближе, повела пальцем по корешкам — книги были на турецком, английском, испанском, французском. Она наудачу вытянула книгу с английскими словами на корешке, нашла, где включается свет и устроилась на диване читать.

Ей попалась какая-то драма из жизни британских колоний в Африке. Елена читала, пока незнакомая лексика не поборолла контекст в её голове, а глаза не начали отчаянно слипаться. Тогда она положила книжку корешком вверх, сползла в лежачее положение и задремала.

— Леее-нааа! — она слышала сквозь сон, как её кто-то зовёт. Уже во сне она удивилась,

как непривычно звучит её имя, никто никогда не звал её с такими интонациями, а уже в следующую секунду она приоткрыла глаза и увидела Али, который наклонился над ней с улыбкой:

— Пойдём, сладенькая, поспишь в кровати.

— Утром мне надо... — начала она, но не смогла продолжить — раззевалась, да так, что челюсть захрустела.

— Утром я тебя разбуду и довезу к Кабаташ, милая, — ответил Али, настойчиво поднимая её с дивана, — Давай, давай! Идём в спальню.

Утром она поняла, почему он был так настойчив. Оказывается, в ночи к нему появился приятель с девушкой, рассчитывая на тот самый диван в гостиной. Вообще, в этой квартире была ещё одна спальня, но там почему-то кровать стояла без матраса, сверкая голыми досками. В шесть утра Елена была не склонна интересоваться подробностями — она просто молча оделась, выпила свой кофе и вышла в рассветные сумерки на узенькую кривую улочку, уходящую вверх и вниз от подъезда.

Али сиял улыбкой и был отвратительно жизнерадостным и громким, словно и не провёл вечер, азартно трахаясь, а потом половину ночи — ковыряясь в каких-то своих рабочих программах. Он с насмешливыми комментариями выдал Елене запасной шлем, усадил на мотороллер и с ветерком повёз по едва просыпающимся улицам. От его дома до нужного места оказалось в итоге не так уж и близко, но к семи часам утра он её таки доставил. Припарковался неподалёку от входа на станцию, забрал у Елены шлем и, пряча его в отделение под сиденьем, спросил:

— Увидимся ещё?

Она постояла, глядя на серо-синюю беспокойную воду Босфора, над которой реяли чайки, потом обернулась к мужчине и сказала:

— Я живу в отеле «Гюль Бешекер» в Лалели.

Он схватился за поясную сумку:

— Запиши мой телефон!

Она покачала головой:

— Неоткуда звонить.

Он посмотрел на неё чуть нахмутив брови и поджав губы, как будто пытаясь понять, насколько она честна, потом сказал:

— Могу приехать к отелю в семь часов вечера.

Елена вдруг поняла, что её это радует, и ответила совершенно честно:

— Буду рада снова увидеться.

Али кивнул, сдвинул мотороллер с подножки и стартанул с места, сразу выехав на проезжую часть. Елена не стала смотреть ему вслед. Вместо этого она оглядела станцию и набережную. Перед станцией собралась немалая толпа, к кассам змеились очереди, но от касс к ней уже двигалась высокая фигура в светлом — Йилдыз.

Она подошла, помахивая билетами, окинула Елену взглядом, чуть обозначила на лице удивление. «Ну да, я во вчерашней одежде, и что», — подумала Елена, но вслух сказала только «Хелло». И в ответ оглядела женщину с головы до ног, изобразив на лице что-то вроде «ишь, вырядилась». Йилдыз была одета отвратительно стильно и в то же время практично (так что Елена её совсем чуть-чуть возненавидела) — на ней были легкие серые брюки до середины икры, белая футболка с цветастым принтом, белая кепка и удобные

светлые кроссовки на ногах. А Елена по-прежнему была обута в свои сабо на платформе, и ей уже заранее было грустно при мысли, что придётся куда-то бежать или лезть.

— Надеюсь, нам не придётся за ними бегать, — сказала Йилдыз, точно мысли её прочитала. — Пойдём, посадку уже начали. — и они поспешили втиснуться в плотную очередь стамбульцев, проходящих узкими сходнями на небольшое приплюснутое судно.

Глава 34.

Самое лучшее изменение во мне за годы путешествий — это избавление от зависти. Для этого потребовалось много городов, много чужих домов, много новых лиц, рук и голосов. Неисчислимое множество чужих образов жизни, выборов и стилей. А ещё постепенно пришедшая привычка всё примерять и прикладывать к тому, что стало главной константой моей жизни — перемещениям.

Тогда в Стамбуле девочка Света ещё не знала, не готова была осознать, что вся её дальнейшая жизнь будет определяться этим.

Она шла по утренней улице рядом с Ёзге и её дочерями и завидовала. Их квартире в красивом районе, на красивой старой улочке. Их отношениям, их любви и взаимной заботе, которые было невозможно не увидеть за их словами, интонациями, улыбками. Завидовала тому, что они живут в таком изумительном городе, и тому, что они столько знают про Это, про Её — которое, оказывается, вовсе не только её. Завидовала их красоте, всех троих, тому, что они живут так, как хотят, тому, что они не одиноки и не потеряны, как она.

Две недели подряд она жила как бы слегка не в себе — и не в реальности. Перемещения, которые с ней происходили, были похожи на чудо или на бред, но они происходили, и как будто всё дальше отрывали её от привычной жизни и привычного образа мыслей. Она висела над землёй, с каждым днём поднимаясь всё выше, так что её пальцы ног уже болтались где-то над головами. Она успела почти потерять связь с реальностью, почти не думала ни о ком из своих близких, как будто забыла, кто она и откуда. То, что она застряла и проводила ночи в заброшенных домах и парках, тем более не вернуло её к нормальности. Ёзге, Акса и Кара как будто взяли её за палец и сдёрнули на землю. И она почувствовала эту зависть — как будто мгновенно снова стала собой.

Светка шла между Аксой и Карой, которые ненавязчиво её конвоировали вслед за Ёзге по улице. Шла и думала, что ничего подобного не чувствовала, когда Елена кормила её в кафе, или когда выдала целый комплект новой одежды. Всё это как будто укладывалось в логику чуда, в порядок бреда (который или кончится сам, или не кончится никогда). Ведьма и её дочери были отдельно. Светка не понимала, почему, и позже не сказать, чтобы поняла. Может быть из-за того, что участие и доброта Елены казались странными и нелогичными, как и само чудо перемещения, а всё, что делали ведьмы, было продиктовано ожиданием конкретной пользы. «Не в сказку попала», говорили взгляды, которые бросала на неё Акса. Не в сказку, уж точно.

Она, конечно, могла отказаться сразу. Ёзге не стала бы на неё давить. Она и так достаточно запугала девушку рассказом про закрывательниц, чтобы ей не хотелось встретиться с теми, другими. Возможно, если бы Светка сразу сказала «нет», ведьма бы просто помогла ей сесть на пригородный поезд и даже дала бы денег на достаточную порцию алкоголя. А Светке, при известной удаче, удалось бы переместиться куда подальше.

Но она струсилась. Причём, сразу в двух смыслах. Она побоялась попасться тем, другим, но ещё больше побоялась выглядеть слабой, бестолковой и бесполезной. Нелюбопытной и безответственной. Трусливой, в конце концов. На той освещённой южным солнцем кухне на неё в упор смотрела одна взрослая женщина и два подростка, и её почему-то стало стыдно перед всеми тремя. Выбитая из колеи, напуганная, она была беззащитна перед манипуляцией, и Ёзге, конечно, воспользовалась этим.

— А что будет, если получится? — спросила Светка тогда.

— Что, ты совсем глупая?! — возмутилась Акса, — Нет закрыто, можно путешествие! Путь... шествы... выво... — она раздражённо фыркнула и закончила:

— Прыгать! Всем, кто хочет.

— А если никто не хочет?

— Ну не хочет — не делает! — сказала Акса, — Но может!

Ёзге что-то негромко сказала по-турецки, и обе девочки быстро обернулись к ней.

— Что? — спросила Светка. Акса снова фыркнула и ответила, не глядя в её сторону:

— Мама говорит: наверное, не получится. Твой триггер снять можно, хотя бы сдвинуть, но не точно.

Светка недоумённо воззрилась на Ёзге — снять триггер? Но та уже отвернулась и занялась посудой.

— Давай, иди, — сказала Акса, — Иди душ, ванна, мыть себе... себя.

— Ten minutes, — сказала, не оборачиваясь, Ёзге.

Вскоре все четверо уже стояли на остановке, и почти сразу подошёл трамвай, забитый не хуже, чем в Светкином родном городе. Кое-как они впёрлись на заднюю площадку, и девчонки сразу затолкали Светку к заднему поручню, встали с двух сторон, как заправская охрана. Она вздохнула и сказала тихо:

— Да не убегу я.

Близнецы не ответили, конечно же.

К пристани они добрались, когда солнце уже поднялось над горизонтом. Только что отошёл предыдущий рейс морского трамвайчика, а очередь уже собиралась на следующий. Ёзге купила билеты, поставила их троих в очередь, а сама отошла в сторону. У неё в руке оказался телефон — Светка ещё ни разу не видела вблизи мобильные телефоны, поэтому с интересом наблюдала, как женщина набрала на небольшом аппарате номер и поднесла к уху. Очередь колыхалась, солнце поднималось и набирало жар, Ёзге в раздражении сбрасывала звонок и набирала снова. Наконец, абонент (или один из абонентов) ответил, и Ёзге быстро заговорила в трубку, отвернувшись от очереди и загородившись приподнятым плечом. Рядом тихо и быстро затараторили на турецком сёстры.

— Что происходит? — спросила Светка, но Акса только отмахнулась, а Кара вдруг запнулась посреди слова, словно споткнувшись о букву «к», несколько раз попыталась договорить и замолчала. Впереди задвигалась, потянулась к турникету очередь.

— Anne! — вдруг громко сказала Акса.

Ёзге резко обернулась, проследила взглядом движение, махнула рукой — идите, идите! — а сама ещё что-то сказала в телефон и, наконец, отключила связь. Светку и близнецов уже засасывал поток людей, идущих через турникеты к сходням. Ёзге бесцеремонно проталкивалась за ними, её сердито окликали и толкали, но она продолжала лезть напролом. Наконец, она догнала их возле контролёра, который стоял у сходней и

сунула ему под нос пачку билетов. Он надорвал их все разом и кивнул — проходите.

Внутри большой кабины кораблика было жарко и, несмотря на открытые везде окна, душно. Ёзге провела их туда, где была пара свободных деревянных диванчиков, и они уселись, слегка запыхавшиеся после толкучки на входе. У Светки рука сама потянулась к блокноту в заднем кармане. Она отлистнула к чистой странице, сдернула с хлястика ручку и принялась рисовать женщину с ребёнком, которая сидела наискосок через проход. Краем глаза она видела, как Акса пихает Кару локтем в бок и обе они сдавленно хихикают, но её это даже не задело. Мельком подумав что-то вроде «дурочки малолетние» она привычно ушла в рисование, с облегчением чувствуя, как отступает тревога, как духота и жара становятся терпимыми, а потом просто перестают иметь всякое значение. Она перелистнула страницу и принялась рисовать мужчину, который сидел у противоположного окна, сложив газету и чуть повернув её к окну, к свету. Потом нарисовала двух старух в платках за этим мужчиной. Потом — сумку и пакет девушки, которая села поблизости.

Когда Светка выпрямилась и сунула ручку за ухо, чтобы размять руку, судно уже вовсю бежало по водам Босфора. Она умудрилась не заметить отход от пристани. Акса и Кара о чём-то шептались, а Ёзге внимательно её рассматривала. Светка нечаянно встретилась с ней взглядом и смутилась.

— Doyoudraweverytime? — спросила женщина.

— I... think... yes, — ответила она, подумала немного, собрала в кучку всю известную ей грамматику и добавила:

— It makes me calm.

— I see, — сказала женщина, потом протянула руку к блокноту:

— Can I?..

Светка поколебалась секунду, не больше, и потом всё-таки дала ей блокнот. Там не было, в конце концов, ничего особенного, ничего, кроме вот таких быстрых корявых скетчей последних дней. Блокнот был изрядно истрёпан и в нём осталось мало чистых страниц. Ёзге листала его неспешно, поворачивая туда и сюда, иногда задерживаясь на странице, а иногда едва скользя по ней взглядом. Долистав до последних набросков, она, конечно, обернулась и отыскивала взглядом и мужчину с газетой, и женщину с малышом, и бабок в платках. Потом закрыл блокнот, молча отдала и задумалась, взявшись рукой за лицо и уставив взгляд куда-то вниз.

Ну, не о чем, значит, и говорить. Рисовать больше не хотелось. Светка сунула блокнот в задний карман, вернула ручку на хлястик и стала смотреть в окно. Там была вода, чайки, другие корабли и где-то в отдалении — вроде бы, берег.

Довольно скоро они доплыли до первого острова, но никто из спутниц и не шелохнулся — видимо, плыть надо было дальше. Кто-то из пассажиров сошел, другие взошли на борт, калошка, покачиваясь, отвернулась от пристани и, постепенно разгоняясь, пошла дальше.

Плыть пришлось почти час; миновали ещё два острова. В салоне становилось всё жарче, всё сильнее пахло разогретыми человеческими телами, косметикой, едой — открытые всюду окна не помогали. Налетающий в них ветер был тоже тёплым и нёс свои ароматы: соль, водоросли, солянка, ржавчина... Девочки сначала шептались, потом прислонились друг к другу и вроде бы задремали. Светка маялась, ей не удавалось ни толком проснуться, ни задремать. Воздух плыл слоями, которые почти зримо искажали видимое вокруг. Она закрывала глаза, снова открывала, жмурилась и зевала, всё глубже проваливаясь в состояние морока. Гудел мотор кораблика, перекрывая разговоры и шум воды, обматывая её голову

невидимыми мотками колючей, мелкой сетки, наслаиваясь и рябя темными точками перед глазами.

Наконец, Ёзге, которая всё это время не выходила из глубокой задумчивости, подняла голову и посмотрела в окно.

— Wearearriving. — и, не поясняя, встала и пошла к выходу, на корму кораблика.

— Давай, пошли! — Акса вскочила и схватила Светку за руку, — Быстро давай!

Торопиться смысла не было, у выхода уже образовалась толкучка, а кораблик ещё колыхался и бурчал двигателями, медленно пристраиваясь к пристани, но одна тянула за собой, другая пыхтела в спину, толкая в рюкзак, так что Светка просто повиновалась и топала среди тянущихся к выходу пассажиров, зевая от недостатка кислорода.

Минуты прибытия тянулись, как жвачка. Вот кораблик, колыхаясь, поворачивается боком к пристани. Вот медленно, взбивая воду у борта, подползает ближе, и видно из окна, как зажаренный до кофейного цвета мужчина в застиранных белых шмотках поднимает откуда-то из-под ног петли каната и швыряет его — куда, не видно, но Светка видит, как расправляются, распрямляются в полёте эти петли. Вот где-то там, снаружи, гроыхает железо о бетон, и спустя ещё одну бесконечную, горячую и вязкую, как сироп, минуту люди начинают потихоньку выбредать из душного, пропахшего потом салона кораблика.

Когда они оказались на сходнях, Светку едва не унесло вбок — она успела выровняться, схватившись за канатный поручень. Небо, ветер, шум волн и запах моря шлепнули её разом огромной прохладной ладонью по лицу — нет, по всему телу. Кара, которая шла позади, с громким воплем вцепилась в рюкзак, а у Светки не было сил протестовать. Она просто пошла дальше, стараясь ровно ступать по сглаженным чужими ногами доскам, которые были почти белыми от старости и воды и, казалось, сверкали под солнцем.

На берегу её перехватила Ёзге, оттащила на пару метров в сторону по бетонной набережной и бесцеремонно облапала — лоб, веки, шея. Она не успела понять, что к чему, как её уже усадили на бортик и облили шипящей газировкой из бутылки. Светка сделала судорожный, хриплый вздох, замерла на пару секунд, но смогла выдохнуть. Ёзге тут же сунула ей в руку бутылку с остатками воды, и она, не дожидаясь указаний, стала пить.

Близнецы тарасились на неё, как на диковинное насекомое. Акса что-то тихо спросила по-турецки, её мать так же тихо ответила. Светка допила воду, отдышалась и сказала:

— Thank you a lot.

— Youarewelcome, — ответила Ёзге, вынула из руки пустую бутылку и почти не глядя зашвырнула в урну в нескольких шагах. — Weneedto goimmediately.

Последнее слово Светка не знала, но контекст и интонация творят чудеса, так что она встала, убедилась, что её больше не шатает (сестры тут же пристроились с боков) и пошагала вслед за Ёзге прочь от набережной. Женщина держала курс на пологую улицу, поднимавшуюся удручающе прямой и длинной линией, прочерченной, практически прорезанной по склону холма. Холм был один, весь остров был как черепаший панцирь, округлый и почти ровный, мягко поднимающийся и плоский на верхушке.

Ёзге не торопилась, но и не делала пауз. Поначалу они шли между двумя рядами маленьких домиков с крошечными садиками и верандами, и подъем затеняли плодовые деревья и акации. То и дело приходилось переходить полосы дороги, покрытые разнообразной падалицей. Тут асфальт усеивали расквашенные желтые сливы, там мелкие полопавшиеся от удара о землю яблочки, чуть дальше растекались глянцевые лужи инжирного сока, надо которыми роились пчелы и осы. Турчанки на насекомых не обращали

внимания, знай перешагивали через самые заляпанные места, а Светка шла, похолодев вопреки жаре, и каждую минуту ожидала нападения.

Они поднимались всё выше, домики кончились, и по сторонам от дороги пошёл неровный и кое-где дырявый сетчатый забор, за которым видны были заросшие поляны, поломанные или недостроенные домики и редкие незнакомые деревья, очень высокие, с жидкой, почти не дающей тени листвой. Светка успела отчаяться, облиться три раза потом и потерять дыхание, когда они наконец одолели прямой участок пути и оказались на поворотной площадке. Ёзге остановилась, подошла к краю дороги, и девочки подошли вместе с ней.

Отсюда было видно море. Светка стояла, смотрела на него, дышала так, что трещали рёбра, и не могла насмотреться. Синее, бирюзовое, голубое, жемчужное и, наконец, растворяющееся у горизонта жидкое, нежное, тающее серебро. От яркости было больно глазам, а в груди сжималось, подпирало куда-то вверх, бесконечно поднимая напряжение, невыносимое чувство идеального.

Эти минуты были по-своему так же бесконечны, как ожидание на кораблике.

И слишком быстро Ёзге сказала:

— Go, girls.

Они поднялись за поворот дороги, и их приняла тень сосен.

Верхушка острова была покрыта средиземноморскими соснами. Светка видела их впервые, поэтому тут же оказалось, что она идёт, ошалело оглядываясь, дыша открытым ртом и едва не спотыкаясь. Тут же её толкнула в плечо Акса:

— Иди, да? Понятно? Чего смотреть?

— Сосны, — ответила она ошалело, — И запах!

— Theysmellgood, — сказала, не оборачиваясь, Ёзге, — Didn'tyouknow? Very good for health.

Светка сделала вид, что отдувается с невнятным согласным звуком, подумав: «Ей-богу, вернусь домой — займусь опять английским. Вот честное самое расчестное. Вот прямо...». Ей в тот момент не пришло и в голову, куда именно она вернётся. Как будто было некое абстрактное «домой», где закончатся её злоключения.

Показалась верхушка холма, на которой торчали, словно искусственно воткнутые, несколько небольших живописных скал, а вокруг громоздились округлые, окатанные валуны размером от небольшого кресла до микроавтобуса. Чуть вдалеке была видна небольшая постройка, окружённая верандами, а прямо по центру, на самой маковке, стояла каменная церковь, больше похожая на домик из Диснейленда, чем на настоящий храм. Маленькая, ладная, с двумя парами круглых полуколонн по сторонам от темной и высокой деревянной двери, занимающей почти две трети фасада. Треугольный фронтон с простой розеткой, застеклённой прозрачными и красными стёклами. Черепичная крыша и прозаический громоотвод на коньке.

Солнце сейчас было прямо за ней, и, подойдя ближе, все четверо оказались в тени.

Странное дело, на дорожках и вокруг камней было довольно много людей, несмотря на относительно ранний час, но вокруг церкви было пусто. Никто не подходил к ней близко, как будто она не стояла тут посередине, как будто её не было или она представлялась чем-то совершенно неинтересным.

Ёзге сунула руку в карман джинсов, вынула, видимо, ключ — и замерла с поднятой

рукой. Потом опустила руку и сделала шаг назад. Ещё шаг. Сказала свистящим шёпотом:

— Ssshit...

— Anne! — испуганным высоким голосом пискнула Кара, и Ёзге повернулась к ним:

— Go away!

Следующие несколько минут слились в чудовищную круговерть. Светку схватили с двух сторон и потащили почти волоком прочь с холма, не разбирая дороги, по каким-то сухим склонам, через буераки, по сосновым шишкам и корням, через хлещущие в лицо кусты. Она орала, отбивалась, пыталась бежать сама, задыхалась, потом зарыдала от усталости и страха, а потом земля ушла из-под ног.

Она успела испугаться и представить удар, вышибающий жизнь из тела. Но ничего такого не произошло. Вместо этого она оказалась лежащей на холодном кафельном полу, у неё раскалывалась голова и её тошнило. «Не надо», — подумала она и начала блевать.

Глава 35.

Как она их спалила? Елена была уверена, что с теми мерами предосторожности, которые предприняла Йилдыз, проводя её в место засады, они гарантированно должны были остаться незамеченными. Они не трогали входную дверь, даже не приближались к ней. Следа их не было нигде, кроме крошечного пятнышка в алтаре и узкого низкого коридора, почти лаза, который выводил из алтаря на жутковатый карниз вокруг одной из скал, где ровная верхушка холма была взрезана, как пирог, узким обрывистым ущельем.

(Пока они шли там, обнимая стену, Елена тридцать три раза пожалела, что не сняла свои сабо заранее. Почти по сожалению на каждый шаг.)

Они стояли в алтаре очень тихо, и успели услышать шаги, шумное дыхание, реплики подошедших. Йилдыз чуть подалась вперёд — но за дверью вдруг замерли, а потом, судя по звукам, сорвались с места в бег. Елена шагнула было, но Йилдыз поймала её за руку и сказала спокойно:

— Нет смысла.

Вслед за этим ключ всё-таки заскрипел в двери, потом взвизгнули старые петли, и в полутёмное помещение, пропахшее ладаном и воском, вошла женщина.

Неразличимая в тени, она заговорила, и турецкие слова полились, точно вода из крана, быстрым, резким потоком.

— Думаю, из вежливости мы должны перейти на английский, — в ответ на её тираду сказала Йилдыз. Женщина ненадолго замерла, сделала ещё шаг вперёд. Бедный косо́й луч света из высокого круглого оконца упал на её сердитое, блестящее от пота лицо и невзрачную, пыльную одежду. Женщина увидела Елену, шумно выдохнула и сказала на английском:

— Так ты первая нарушила договор. Завербовала эту русскую.

— Разве? — Йилдыз уперла руки в бока. — Твоя бандитка утатила её подружку, она была в ужасе и отчаянии. Я всего лишь помогаю найти девочку и всех успокоить.

— Благодетельница, — хмыкнула Ёзге, а Елена напряглась — слово было незнакомое. Она собралась и спросила:

— Где Света? С ней всё в порядке?

Ёзге снова посмотрела на неё. От этого взгляда Елене стало нехорошо. Она смотрела точь-в-точь как Соня, только ещё и с большой долей раздражения. «Закрывательниц нет уже триста лет, — напомнила она себе, — Она мне ничего не сделает».

— Тебе бы стоило о себе волноваться, — сказала Ёзге.

— Спасибо, я в порядке, — ответила Елена, — Я вполне научилась не перемещаться. У меня нет причин бояться.

— Не запугивай её, — легким, почти смеющимся тоном сказала Йилдыз, — Это наши дела, не их. Я предлагаю поступить честно: найти девочек, успокоить путешественницу, помочь ей вернуться домой. Если она не дура, к нам не сунется больше никогда. Ей хорошо, нам хорошо. А Елена, — она кивнула не оборачиваясь, — Продолжит отдыхать и веселиться.

Ёзге презрительно двинула щекой, словно не могла побороть отвращение, но потом справилась с собой и ответила:

— Кара отправила её обратно в нашу квартиру. Мы вернёмся и сделаем так, как ты предложила.

— Все вместе! — быстро сказала Елена. Ёзге снова состроила презрительную гримаску, развернулась и пошла прочь из церкви.

Елена шла вслед за турчанками вниз по дороге, глядя в спину Йилдыз почти с восхищением. До последнего момента она не верила, что кто-то придёт, тем более — вот так, утром. Она приготовилась к долгому бессмысленному ожиданию и бесславному возвращению на материк, без ответов на вопросы, без окончательного решения проблемы. Но она ошиблась. Йилдыз знала местные реалии; она знала и своих противниц, и все их возможности, она просчитала варианты без особого напряжения и оказалась там, где было необходимо. Елена думала, что, наверное, она сама могла бы действовать так же, если бы больше знала о местном распределении сил. О том, как тут всё устроено. Неожиданно неприятно кольнула мысль — впервые после телефонного разговора с Соней — что та скрыла от неё значительно больше, чем рассказала. Выражаясь образно, она добилась доверия, показав неопитке пару страниц, а всю остальную книгу придержала. Да не просто придержала, а прямо соврала, что никакой книги и нет вовсе.

Елена вздохнула. У неё снова начала болеть натёртая в дороге нога, от жары тяжелой была голова, да и некоторые другие части тела ныли. Солнце стояло высоко, ему нипочём была шляпка, прикрывающая голову девушки — едва она выходила из тени, как в темечко начинал ввинчиваться горячий шуруп. Йилдыз и вторая ведьма бодренько топали по бесконечной дороге вниз, не оглядываясь. Елена была им не интересна; её не прогнали, но и не интересовались особенно, успевает она или нет. Приходилось успевать.

Внизу, у пристани, их ждали, присев на парапет, две смуглые черноволосые девочки. Елена успела удивиться, насколько они похожи в то же время отличаются, как вдруг одна из них вскочила и что-то выпалила по-турецки.

Йилдыз остановилась, оглянулась на Елену и с удивлённо-насмешливой интонацией ответила:

— No, she isn't!

— She's a Russian girl. Friendofour, — объяснила вторая ведьма. Смуглая подростка, не сводившая с Елены глаз, почти подпрыгнула и выпалила с ужасным акцентом:

— Ты тож рюски?

Елена приказала себя не удивляться и в ответ спросила:

— Как ты меня назвала до этого?

Девчонка сделала небольшой шагок назад, к самому парапету и ответила, чуть набычившись:

— Чего... спросил Йилдыз сестра... Ну нет, я поняла! Чего такого.

— А, — Елена улыбнулась, признаваясь себе, что ей льстит признание сходства с турецкой красавицей. — Я была бы рада иметь такую сестру.

Маленькая поганка скривилась и пробурчала что-то невнятное, а потом добавила погромче «толстожопые» — причём, вот это словцо она произнесла без малейшего акцента. Точно с той интонацией, с которой её подружка Ольга ворчала «колбаса с жирком» в адрес преподавательницы по философии на первом курсе. Это было так забавно, что Елена даже забыла оскорбиться.

Йилдыз проигнорировала этот обмен репликами, как будто он был не важнее воплей голодных чаек, которые носились сейчас хаотично вокруг кормы отбывающего кораблика. «Чуть-чуть не успели», — подумала Елена с досадой, оглянулась на Йилдыз — та игнорировала и упущенный рейс. Она стояла и смотрела на вторую ведьму. Вторая же тыкала пальцами в кнопки маленького мобильного телефона. Потыкала, приложила к уху. Ей ответили неожиданно быстро, и она торопливо заговорила, чуть отвернувшись от остальных и придерживая на лбу выбившиеся из пучка пряди волос, которые дергал и поднимал морской ветер. Разговор получился короткий, женщина опустила руку, сунула мобильник в задний карман джинсов и сказала по-английски:

— Нас заберут через двадцать минут. Так будет быстрее.

Йилдыз кивнула, повернулась к Елене:

— Есть хочешь?

— Здесь есть какое-нибудь кафе?

— Вон там, — Йилдыз протянула руку вдоль променада, следующего береговой линии, — Пойдём, поедим, выпьем кофе.

— Если вы не придёте, мы уйдём без вас, — сказала им в спину вторая ведьма. Йилдыз не обратила внимания.

— Они могут уйти без нас? — Елена понимала, что особой проблемы выбраться с острова не будет. Она по прибытии посмотрела расписание и знала, что до позднего вечера рейсы идут один за другим с интервалом чуть меньше часа. Но...

Йилдыз не ответила.

Елена говорила себе, что ей должно бы уже было наплевать на дальнейшую судьбу невзрачной девочки в шмотках с турецкого базара, тем более что за неё взяли теперь не одна, а целых две ведьмы. Она шагала по набережной, поглядывая на бирюзовое сияющее море слева, на узенький галечный пляж, плотно покрытый телами отдыхающих, чувствовала теплые порывы ветра и пыталась отвлечься от мыслей о Светке. Ну кто она ей? Знакомы сутки. Считаю, подкормила бродячую собачку, и ладно — ты же не тащишь домой любого бездомного пса, которому насыплешь дешевого корма на асфальт возле мусорных баков?

И вроде бы убедила себя.

Кафе, куда привела её Йилдыз, было явно по-туристически недешевым. Елена на мгновение снова поддалась панике, как тогда, в вечер прибытия на трамвайной остановке, но тут же сказала себе, что ничего страшного не происходит. Чай, сэндвич — может быть, чуть дороже, чем на материке, может, даже чуть дороже, чем было бы в Москве на вокзале,

но вполне терпимо для её финансов.

Они сели за круглый столик у самого входа, подскочил официант, и Йилдыз, не дожидаясь, пока он предложит меню, быстро перечислила ему какие-то названия. Он льстиво заулыбался, чуть поклонился и ускакал в направлении кухни. Елена проводила его взглядом, потеряв дар речи.

— Я угощаю, — сказала Йилдыз и достала из сумки сигареты.

«Я бросила, — подумала Елена, отводя взгляд от её рук, теребящих пачку достаточно нервно, чтобы это бросалось в глаза, — Я бросила и снова не начну». Курить ей вдруг захотелось зверски. Она некстати и невпопад вспомнила вкус «специальной» сигаретки Сани с биофака. Аромат своих любимых крепких «Собрание». Чуть прилипающую к губам бумагу на фильтре. Тихий звук, с которым тлеет табак. Лёгкое пощипывание на нёбе. Нежное, едва заметное оцепенение, нападающее после третьей-четвёртой затяжки. Она поняла, что сидит, уставившись на пачку в руках Йилдыз. Женщина тоже это поняла. Она наконец вытащила себе сигарету, сунула в рот, а пачку естественным дружеским жестом протянула Елене. И та не нашла в себе сил отказаться.

Закурили, откинулись — не сговариваясь, но на удивление синхронно — на спинки пластиковых кресел. Елена с острым, почти стыдным наслаждением затянулась, на пару секунд задержала дым. Медленно выпустила. Почувствовала, как расслабляются плечи, как ослабеваает невидимый узел между лопатками. Чуть расслабилась и Йилдыз, усмехнулась, повела плечами. Сказала:

— Не волнуйся. Твоя подружка сейчас лежит пластом, но её жизни ничто не угрожает.

— Лежит? — Елена снова затянулась. Курить было так естественно, так сладко и успокаивающе, что хотелось длить этот процесс вечно. Ей бы встревожиться — почему «лежит»? Где лежит? Но она поняла, что адреналин схлынул и оставил её саму лежать, как тюленя на нагретой солнцем скале. «Ещё немного, и я довольно захлопаю лапами по пузику», — подумала она.

— Толкательница пользуется удачей жертвы. Если это путешественница, удача изымается способом, связанным с её триггером. Ты сказала, что у твоей подружки триггер — алкоголь, значит, сейчас у неё самое мерзкое похмелье, которое только можно вообразить. — Йилдыз глянула мимо её плеча. — Ах, наша еда, прекрасно. — Она затушила едва прикуренную сигарету в пепельнице и заулыбалась официанту.

Елена дождалась, когда официант расставит перед ними тарелки с какой-то выпечкой, глубокие пиалы с супом и чашечки с оливками, и уйдёт. Подняла взгляд на Йилдыз и спросила:

— Значит, сегодня она в любом случае никуда переместиться не сможет?

Йилдыз кивнула. Придвинула к себе суп, отломив от своей булки изрядный ломоть и, запуская ложку в пиалу, сказала:

— Ей придётся уехать довольно далеко от города, прежде чем она сможет переместиться. Посадим её на местный пригородный поезд, дадим немного денег. По твоим рассказам она трусливая и глуповатая девочка, подвиги не её стихия. Будет рада убраться, пока цела. — и женщина начала с энтузиазмом работать ложкой, не забывая отправлять в рот оливки и кусочки булки.

Елена поняла, что объяснений больше не будет, затушила сигарету и тоже принялась за еду.

Всё-таки, их расслабленность и уверенность была не к добру. Когда они неспешно возвращались к пристани, Елена издалека поняла, что там у бетонного парапета их ждут не три, а только две фигурки. Елена невольно прибавила шаг, но — не было смысла, как сказала бы Йилдыз. Когда они подошли к пристани, вторая ведьма и девочка встретили их усмешками.

— Катер пришёл, — сказала ведьма весело, — едете с нами?

— Где Акса? — спросила Йилдыз, и Елена услышала, как в этом голосе сплетаются стальные тросы и звенит высокое напряжение.

— Тебе-то что? — удивилась вторая ведьма, — Она не путешественница, не толкательница. Бездарная девочка, сама знаешь. Увидела подружку из колледжа, ушла на пляж. — ведьма кивнула в сторону моря, — Едем.

Рядом со сходнями пристани носом на гальке лежал небольшой катерок, даже скорее лодка с мотором, возле него стоял плотный пожилой турок в джинсовых шортах, выцветшей красной майке с полумесяцем и линялой кепке с грязными разводами. Елена вслед за всеми забралась в лодку, чувствуя, как сгустилась атмосфера между турчанками. Что-то шло не так. «Мы что-то не поняли, — думала она, устраиваясь на узкой банке у борта, — Йилдыз что-то упустила». В любом случае, у неё не было никаких способов повлиять на происходящее, и оставалось только плыть по течению, цепляясь за подходящие спасательные средства.

Пожилой мужик с турецким флагом на майке кряхтя столкнул нос моторки с гальки, заскочил на борт и полез на корму, к мотору. Пробираясь мимо Елены, он покосился ей в лицо, обжёг внимательным быстрым взглядом — как сфотографировал. Елена быстро повернула голову, уставилась на плавающую в полуденной дымке вершину острова. Заросшая средиземноморскими соснами, она казалась сейчас серовато-синей, тающей. «Могла бы сейчас на пляже валяться, вот на этом самом острове, — подумала Елена, — Или трахаться с чуваком. Или по музеям ходить. Ну как так-то?». Ей было досадно, и вдвойне из-за того, что она так глупо ввязалась в утомительные передраги из-за совершенно чужого человека.

Ведь ничего же в ней не было, в этой девочке, ничего особенного.

Совершенно.

Глава 36.

На Светку лилась холодная вода. Причём, судя по плотности струи — из душа. На голову, на плечи и рюкзак, на задницу, пропитывая майку и джинсы. Она попыталась отбиться от струи, отползти, и наконец ей удалось сесть. Воду лить перестали. Дрожа крупным ознобом, Светка протерла лицо и кое-как разлепила веки. Голова болела, но на удивление меньше, чем пару минут назад. Она сидела на мокром кафельном полу ванной комнаты в квартире Ёзге. Акса стояла рядом и держала в руке лейку от душа, вытянутого из душевой кабины. С лейки капало.

Светка зажмурилась, снова открыла глаза и сказала, отдуваясь и судорожно вздыхая:

— Ну ты... блин... вообще...

— Извини, — Акса неожиданно не стала скандалить. Убрала душ на место, повернулась ко мне, присела на корточки. — Ты это... какой? Как... голова?

— Хуёво, — ответила Светка честно, — Но не пиздец.

Акса поморгала и серьёзно ответила:

— Эти не знаю слова.

Светка наконец более или менее отдышалась. Осмотрела себя — она была вся мокрая и в остатках рвоты. За спиной торчал рюкзак, наверняка тоже пострадавший от воды.

— Мне бы переодеться.

— Да, — Акса встала, протянула ей руки, помогла подняться. Её повело, и Акса быстро прислонила её к стене.

— Давай, снимать, — девочка потерявила лямку рюкзака, — Всё это давай. Мойся. Я принесу чего одежды.

Светка дождалась, когда она выйдет, и начала медленно, неловко сдирать с себя рюкзак, кепку, майку, кеды и джинсы. С кедами было тяжелее всего, ей пришлось снова опуститься на пол. Вставать без помощи она не рискнула, и кое-как вывернулась из джинсов сидя. Немного посидела, чувствуя задницей прохладу плитки, потом стянула носки, трусы и топ. Осторожно встала на четвереньки и в таком положении забралась в душевую кабину. Кое-как почти задвинула створки.

Ей повезло, краны располагались достаточно низко, чтобы достать с пола. Следующие несколько минут она потратила на то, чтобы отрегулировать воду. Её обдавало то очень горячей, то холодной, но сил не было даже реагировать. Наконец, полилась вода комфортной температуры, и Светка немного посидела под ней, отдыхая.

Встать всё-таки пришлось, иначе она бы не достала до полочки с принадлежностями для мытья. Кое-как размазала по телу содержимое первой попавшейся бутылочки, не вглядываясь в надписи, потом опустилась на пол и снова сидела, позволяя воде смыть пахнущую кокосом пену.

Дверь ванной стукнула, Акса сказала из-за дверей:

— Ты что? Ты готова? Мылась?

— Почти всё, — она повернула кран, поводила руками по плечам и по лицу, сгоняя воду, — Полотенце дай.

Открылись дверцы кабинки и на Светку сверху упало огромное махровое полотенце. Она вспомнила, как мать Горгоны хвалила «турецкий хлопок» и подумала, что неплохо было бы иметь такое вот огромное, мягкое, пахнущее лавандой полотенце. И тут же зафыркала от смеха — такой неуместной, глупой и несвоевременной была эта мысль.

(Горгона и её мать остались в другой вселенной, за миллион световых лет отсюда.)

— Эй, — озабоченно окликнула Акса, — Ты чего? Ты нормально?

— Всё хорошо, — она замоталась кое-как, прижала махровую ткань к телу, — Извини, я тут посижу ещё немного. Минутку. Две минутки.

— Быстрее давай, одежда тут, — всё тем же озабоченным голосом сказала девочка, — Идти надо. Мама нам время... наиграла... как это? Заиграла?

— Выиграла, — её снова пробило на глупое хихиканье, — Время? Какое время? Зачем?

— Давай, суши себя, иди в кухню, — Акса снова стукнула дверь, оставляя её одну. «У неё проблемы с возвратными местоимениями», — подумала Светка невпопад.

На удивление, после душа ей стало гораздо лучше. Она вспомнила, как было плохо в первый раз после «толчка» Кары, и ей пришло в голову — может, я привыкаю? Интересно, такое вообще возможно? Она вытиралась, медленно вода и промокая полотенцем и думала,

что довольно странно задаваться вопросами о границах возможного посреди невозможного.

На кухне Акса сунула ей в руки высокий стакан с чем-то шипучим. Светка понюхала — алка-зельтцер. Спорить смысла не было, ей хотелось пить, у неё болела голова, эта гадость ничем не хуже аспирина. Она села на ближайший стул и жадно, почти давясь, выплотала зелье.

Акса села напротив. Светка допила, поставила стакан, и тут её осенило.

— Слушай, а почему тебе не плохо? — спросила она. Акса скривилась, подняла плечо знакомым жестом — словно отлепляя майку от спины. Сказала:

— Я особенная.

— Круто, — Светка невольно добавила в голос яда, — Прямо офигеть. Можешь хоть объяснить, чем?

— Чем-чем, — Акса отвернулась, подтянула к груди колено, упершись пяткой в край стула, — Я бесполезная. Не прыгаю, не толкаю, ничего особенного не понимаю, ничего не умею. В белой семье, как это... Тёмная овца.

— Тогда почему твоя мать сказала, что нас трое? — она вспомнила объяснения Ёзге, — Ты же, вроде, должна быть этой, ну, стражницей. Или как там. Она же сказала — ты видишь... что-то там.

Акса слезла со стула, вынула из её пальцев стакан и молча отнесла в раковину. Сполоснула, убрала на сушилку. Сказала, не глядя, вытирая руки полотенцем:

— Мать сказала, что надо сказать. А сейчас надо идти в другое место.

Светка вдруг поняла, что Ёзге её обманула. Вся эта история с такой важной третьей ведьмой, с поездкой на остров, была просто обманным ходом, приманкой для тех, других. Способом временно пустить их по ложному следу и вытащить её из сферы их наблюдения. Теперь, пока они разбираются с Ёзге и Карой, Акса должна... что? Сдать Светку кому-то ещё неназванному, неизвестному? Кому-то, кого не учитывает расклад запретительниц?

Голова вдруг перестала болеть. Было жарко, но её больше не мутило и не вело, как от спиртного. Она встала и сказала так твёрдо, как только могла:

— Никуда не пойду, пока не объяснишь, что к чему.

Акса повернулась — рот в ниточку, брови как у злодея из японского театра, острая и тёмная вся, как деревянная кукла. Неизвестно, какую гадость она собиралась сказать, но в этот момент в тишине отчётливо захрустел поворачивающийся в замочной скважине ключ. У Светки от ужаса захватило дух.

А Акса наоборот расслабилась, прислонилась спиной к мойке и что-то громко сказала по-турецки.

В кухню вошли две старухи, одна высокая и прямоугольная, как трансформаторная будка, в глухом сером мусульманском одеянии и платке, другая — обычная, невзрачная бабушка в белой блузочке с оборочками и длинной синей юбке. Светка схватила стул и выставила его перед собой. Это было невероятно глупо, конечно — ну что она, в самом деле, смогла бы ударить стулом пожилую женщину? Невзрачная бабушка улыбнулась и прожурчала что-то ласково.

— Ты не дёргайся, да? — сказала Акса, — Бабушка Дерья и бабушка Канан помогать пришли. Бабушка Канан из Анкара летел, бабушка Дерья из Измир ехал. Сейчас быстрс пойдём всё сделаем, и ты домой пойдёшь. — Акса шагнула к ней. — Не надо дерись с бабушки?

Светка поставила стул, похлопала по спинке и, решившись, села.

— Ничего я делать не буду и никуда не пойду. Буду сидеть и ждать, пока не придёт Елена с той, второй. Не хочу я в ваших разборках участвовать. Они придут, и мы с Еленой уйдём. Я вообще пойду в консульство, ясно? Я гражданка России. Мне должны в консульстве помочь.

Акса вздохнула и быстро-быстро заговорила на турецком — переводила. Бабушки стояли, слушали. У невзрачной старушки погасла её добрая улыбка, а вторая и вовсе стала мрачной, как дольмен. Наконец, эта каменная глыба перевела взгляд с Аксы на Светку и что-то грубо проквакала.

Акса открыла рот, закрыла, подумала и озвучила:

— Они могут и без твоей помощи. Это... давно всё приготовили. Ты тут, как это. Нужный элемент, вот. Как бы предмет. Это... Сама иди, а? — она посмотрела на Светку виновато и опасливо.

Вот это новости. Светка повернулась к окну, поймала взглядом тающую, плавящуюся голубизну южного неба. В который раз захотелось открыть глаза и проснуться от этого бреда. Акса сказала тихо:

— Ты это, ну, чего бояться? Тебе ничего не грозит. Вообще никакого. Бабушки просто тебя поставят, как ключик в замочек, и всё откроется. Ну чего ты?

Ключик в замочек. У Светки вдруг перетянуло горло, защипали глаза. Ну ты подумай! всю жизнь меня кто-нибудь куда-нибудь пытается воткнуть помимо моей воли. Всем я гожусь только в виде куска мозаики. Даже когда я, кажется, очень удачно сошла с ума и попала в дивный мир волшебных глюков, меня и тут хотят использовать, как какой-то грёбаный предмет.

Её вспышка решимости погасла, сил больше не было совсем. Она встала и сказала:

— Только рюкзак возьму.

На улице их ждало такси. Они запихнулись все вместе в машину, бабка-дольмен села вперед, а Акса и вторая старуха зажали Светку на заднем сиденье. Она сунула сырой, вонючий рюкзак в ноги и закрыла глаза. В машине работал кондиционер, и Светку тут же начало немилосердно смаривать в сон. Она даже не пыталась сопротивляться. В какой-то момент колыхание машины стало волнами, и её понесло куда-то мягко и неспешно. Тихий голос зажурчал, забулькал рядом, и она во сне удивилась — какая красивая песня. Вдруг забухал вдалеке барабан,

я открыла глаза и пошла по людной улице, пробираясь между стоящими людьми. Где-то там впереди пела женщина, пока ещё тихо и мягко, но с каждым шагом голос становился всё сильнее, резче, я ускорила шаг. Барабан стал громче и быстрее, я проталкивалась сквозь толпу, женский голос лился и всплёскивался волной, вдруг передний ряд зрителей расступился, и я оказалась прямо перед ней — тощей, загорелой, одетой в чёрные шаровары и красную рубаху, с пестрым платком на голове. Я остановилась, и тут стало тихо. Певица молча шагнула ко мне, так что её подведённые чёрным глаза оказались совсем близко, и что-то сказала по-турецки.

А потом подняла руку и...

— Ой, о-ой! — Акса пыталась схватить Светку за руки, которыми та бешено размахивала в тесноте машины. Невзрачная бабушка уже вцепилась в неё обеими руками и тонким, взволнованным голосом что-то твердила. Ей вторила перебранка с передних

сидений — орал возмущённо водитель, скандально отвечала бабка-дольмен.

Светка вдруг поняла, что уже не спит, осознала себя в этой набитой телами машине и замерла, переводя дыхание.

— Ккошмар... п-приснился, — сказала она заплетающимся языком.

— Не кошмар, — Акса всё ещё держала её за обе руки, — Не кошмар! Это замок. Всё хорошо! Замок тебя узнала. Ближе уже, слушай, да? Ближе приехали, замок тебя чувствует. Хорошо всё!

— Ничё себе хорошо, — у Светки застучали зубы, — Чё как страшно-то, а?

— Это самое, триггер твой, — сказала Акса, отпуская её запястья, — Замок твой триггер хочет поломать. А ты не даёшься. Это у вас так всегда.

— У ккого у вас? — Светка вдруг поняла, что заикается, и немедленно испугалась ещё и этого. Её буквально колотило о сидящих рядом старуху и девочку.

Заговорила старуха с переднего сиденья. Акса выслушала, повернулась и перевела:

— У тебя сильная, как это... боль? Рана? Как когда упала, только... на душе. Твой триггер потому такой, что боль отпускает только когда ты это самое. Нажрёшься.

— Да я ни разу... — начала Светка, но Акса воскликнула «Эй!» — и она замолчала.

— Ты вино пила и спать легла, — сказала Акса, — И тебя твоя боль отпустила. Нет, не боль... — она цыкнула с досадой, — Слово не знаю. Неважно. В общем, ты всегда хочешь бежать и боишься. У всех путешественниц так. Когда алкоголь и спать — не боишься и можешь перемещаться. Это... подсознание.

— Ну и бред, — сказала Светка, и поняла, что не заикается.

Машина остановилась, затих мотор. Завозилась впереди бабка-дольмен, отсчитывая купюры.

— Замок хочет сломать твой триггер, — сказала Акса, — Для этого ему надо вытащить твою рану. Из самых глубин, из самого низа. Самый край, откуда всё началось, вся боль. Поэтому тебе страшно.

— А почему она поёт? — спросила Светка, чувствуя, как немеют, точно от сильного холода, губы.

— А я откуда знаю? — удивилась Акса, — Это... твоё. Ну, вылезай вон! — она пихнула девушку в бок, и Светка полезла из машины, цепляясь за свой мокрый обвисший рюкзак (ой, хана скетчбуку, япона-мать).

Они оказались на обычной стамбульской улице: мостовая, змеёй уходящая сверху вниз, ползущая между двух-трёхэтажных домов с балконами, завешенными постиранным бельём, со стенами, увитыми девичьим виноградом, с непременными собаками, которые валялись в отдалении прямо на проезжей части, и котами — один лежал в кадке с цветком у ближайшего подъезда, другой неспешно шёл через улицу. Таксист газанул с места вниз по улице, как только все вышли. Псы поднялись и отошли едва ли не прямо из-под колёс.

Старухи, не оглядываясь, вошли в ближайший подъезд, и кот в кадке зевнул им вслед. Акса взяла Светку за локоть и повела туда же.

Вопреки ожиданиям, лестница вела не вверх, а вниз. Они спускались в тусклом свете лампы накаливания, которая, казалось, почти не позволяла видеть по контрасту с заливающим улицу солнечным светом. Пролёт, ещё пролёт. Лампочки на глухих площадках без дверей были такими же тусклыми, но глаза постепенно привыкали. На четвёртом или пятом повороте она осознала, что это не может быть обычный подвал, но позади топала, подпихивая её в рюкзак, Акса, и оставалось только механически переставлять ноги,

чувствуя, как постепенно начинают ныть от усталости колени.

Вдруг спуск закончился. На последнем повороте вместо площадки внизу открылось неопределённой величины низкое помещение, полное колонн. Последняя тусклая лампочка освещала первый-второй их ряд, создавая жутковатый узор расходящихся теней, а дальше всё тонуло в темноте. Бабушка разошлись в стороны, а Акса в последний раз толкнула Светку в спину. Сказала тихо:

— Ты это, не бойся.

Она прошла по инерции пару шагов, и услышала барабаны. Ужас встал комом в горле, дыхание спёрло, в животе принялся накручиваться сам на себя тугой горячий узел. Она попыталась шагнуть назад, но вместо этого пошла вперёд, прямо в темноту, на бой барабанов и едва слышный звук голоса. Узел внутри скрутился так, что ей стало больно, и я заплакала на очередном шаге. Колонны обступили, нависли, задвигались, а я снова и снова делала шаги, чувствуя, как становлюсь всё меньше, всё слабее среди них. Тени бежали мимо меня забором, палка за палкой. Наверху было тёмно-синее, а под ногами — серый асфальт. Голос пел всё громче, я шла, рыдая, чувствуя, как меня кто-то тянет, тянет нещадно за руку — кто-то там, наверху, кричит, почти перекрывая пение, кричит какие-то страшные слова, и тянет, дергает руку, почти выдирая её из сустава. Ноги меня не слушаются, я спотыкаюсь на каждом шагу, и бегут бесконечно чёрные тени слева. Я пытаюсь просить пощады, но меня душат слёзы, и я могу только вырветь, выкрикнуть во всю силу лёгких:

— Ма-а-а-а! Маа-а-а-а!

За руку дергают в последний раз, и неведомая сила бросает меня, отпускает, так что я от неожиданности подаюсь назад и падаю на задницу. На мгновение замолкаю, охнув, но тут же начинаю рыдать снова — от обиды, боли, страха и непонимания. Там, наверху, в темноте, что-то орёт и рычит, обвиняя и приговаривая. Я не понимаю ни слова, но вдруг становится тихо, чудовищно, убийственно тихо, и я понимаю, что меня оставили, бросили, покинули. Глубина моего отчаяния перекрывает даже возможность плакать — я замираю, и, кажется, даже не дышу.

И вдруг снова слышу пение. Неожиданная, нелогичная надежда заставляет меня кое-как вскарабкаться на собственные непослушные ноги и брести туда, откуда слышен голос. Голос всё громче, и я иду, иду, мне всё легче, я иду, я бегу, передо мной людная улица, я пробираться между стоящими, как истуканы (как колонны) людьми, голос становится громче, я бегу, наконец, я выскакиваю на открытое место и Замок встаёт передо мной.

Улыбается, говорит что-то своё, непонятное, и поднимает руку.

Я не боюсь. Я уже знаю, что она хочет достать. Я вспомнила — поздний вечер, где-то в июле. Мне, видимо, два или три года, мать ведёт меня откуда-то домой, тащит за руку, ругая на чём свет стоит, требуя, чтобы я сейчас же прекратила выть и позорить её на всю улицу. Я спотыкаюсь и не успеваю, у меня нет сил, и в отчаянии я ору ещё громче.

Мать отпускает — почти швыряет! — мою руку и орёт — я не помню конкретных слов. Что-то насчёт того, что ей не нужна такая мерзкая дочь. Что-то насчёт того, что, если я не желаю идти домой — и не надо. Она оставит меня прямо тут, вот у этой решетки, у забора поликлиники, и уйдёт, а я могу шагать на все четыре стороны.

И она ведь ушла.

А я сперва стояла, рыдая и размазывая сопли по лицу, а потом осознала, что осталась одна, и кинулась искать маму.

Надо же, эта знаменитая семейная байка про девочку, которая сама нашлась.

Про девочку, которая не могла постоять спокойно, пока мама вернётся, постоять, осознавая своё мерзкое поведение, постоять, стараясь исправиться и быть хорошей.

Девочку, которая пошла куда глаза глядят, которая встретила на перекрёстке незнакомого человека с собакой и сказала ему, что потерялась.

Девочку, которую через пару часов вернули домой соседи, которым позвонила знакомая, которая жила на одной площадке человека, гулявшего с собакой.

И то сказать, всего-то пару дворов мы с матерью тогда не дошли до дома.

А в чьём-то окне голосила, завывала, бесконечно кружила припев какая-то попсовая группа.

Замок поднимает руку и кладёт мне на грудь.

И где-то глубоко внутри меня что-то трескается и осыпается, и осыпается, и бесконечно осыпается.

Глава 37.

Елена стояла на балконе своего гостиничного номера и смотрела на облитые закатным пламенем крыши.

Было около восьми, Али не приехал. Это было немного досадно, но не более. Она здорово устала за этот день, до отвращения устала. После душа её совсем разморило, и она сказала себе, что вот сейчас постоит буквально пару минут, наслаждаясь видом, и ляжет в постель. У неё впереди ещё полторы недели отдыха, целая череда летних дней, которые можно тратить на прогулки по древнему городу, на музеи и парки, на обеды и ужины в городских кафе, на покупку сувениров в лавочках. Елена вспомнила «руку Фатимы» с синим глазом на двери кафе и вздохнула.

Они с Йилдыз опоздали, но, как ни странно, ничего ужасного не случилось. Когда они приехали в квартиру второй, там сидели смуглая девочка и две незнакомых старухи — мрачные, разочарованные. Они ничуть не удивились их приезду, видимо, ведьма их предупредила по телефону.

Из коротких, недовольных объяснений Аксы она поняла, что Светку привели в какое-то особое место, к «замку», который, оказывается, был не единственным (вот и Йилдыз ей врала, выходит), но что-то у них там пошло не так.

Светка сбежала.

Она каким-то образом смогла переместиться из «закрытого» города даже без триггера.

Елена не получила объяснений. Её вежливо, но решительно выпроводили из квартиры. Йилдыз спустилась с ней на улицу, усадила её в такси, вручив немного денег «на проезд» и сказала:

— Извини за беспокойство. Вся эта история закончилась. Думаю, твоя подружка уже дома.

— Да не подружка она мне! — возмутилась вдруг Елена, — Пошла она нах, — единственное знакомое ей нецензурное выражение на английском вдруг вырвалось само собой, — Но мне-то вы могли объяснить! Я же как вы! Я же одна из вас!

— Нет, — Йилдыз выпрямилась и захлопнула дверцу. Машина тронулась.

Елену затопило невероятной, непривычной для неё силы обидой, горькой горечью поражения в неизвестном поединке, на который она даже не подписывалась.

И вот теперь она стояла, вымотанная, расстроенная, и думала, что всё это ужасно нечестно, и глупо, и бездарно. И хоть бы любовник про неё вспомнил, но нет, этот засранец, видно, решил, что одного раза достаточно.

Она совсем было уж собралась уйти с балкона, когда в разнообразный шум улицы добавился знакомый звук.

Елена с удивлением поняла, что у неё радостным волнением дрогнуло сердце, и перевесилась с балкона, ища глазами по улице.

Из-за поворота ловко вылетел скутер с ладным щуплым седоком. Он проскочил между фургоном и такси, вырулил к противоположному тротуару и остановился напротив заднего фасада гостинички.

Мужчина поставил мотороллер на подножку, сошёл и легким движением сбросил шлем на руку. Поднял взгляд и увидел её. Просиял улыбкой и крикнул:

— Хей! Лена!

Она замахала рукой в ответ.

* * *

Бабушкин девятиэтажный дом стоял чуть на отшибе от улицы, по которой ходил транспорт. Я вышла из трамвая и пошла по темнеющему переулку, глядя под ноги. Серый асфальт покрывали золотые отсветы фонарей и синие пятна теней. Поднялся ветер, листва заволновалась и громко, сухо зашумела тем особенным осенним шумом, который вкрадывается в лето, когда ничего ещё не напоминает о холодах.

Я подошла к самому дому, к подъезду, возле которого темной пеной вскипали под ветром кусты сирени и бузины. Посмотрела вверх, на окна пятого этажа — темные. Я села на скамейку и поставила рядом с собой свой мокрый, дурно пахнущий рюкзак.

Когда-то же она вернётся домой.

Её миниатюрная фигура показалась со стороны остановки почти сразу. Она шла как обычно бодро, мелкими твёрдыми шагами, неся в руке большую кожаную сумку-портфель. Подходя поближе, она заметила меня и ненадолго замедлила шаг. Потом снова пошла твёрдо и живо, стуча квадратными каблуками тёмных строгих туфель.

Подошла, остановилась, смерила меня бесстрастным взглядом. Её лицо, и всегда-то слегка напоминавшее профиль индейца с сувенирной монетки, стало совсем острым и сухим, морщины залегли следами гравёрного резца. Я сглотнула и сказала:

— Привет...

— Здравствуй, — ответила бабушка бесцветным, невыразительным голосом. — Давай, походи в дом.

Мы поднялись на лифте, прошли длинным темноватым коридором. Бабушка открыла дверь, с усилием прижав её плечом, чтобы повернуть ключ, включила свет в прихожей.

Сказала всё тем же ничего не выражающим тоном:

— Руки мой. Котомку свою грязную здесь брось. Я чайник поставлю.

Я разулась, бросила рюкзак под вешалку и прошла в крошечную ванную. Мои руки, я вдруг почувствовала неодолимое желание расплакаться, и не смогла сдержаться.

На кухню я пришла, растирая красные распухшие глаза. Ох и наревела ж я сегодня слёз,

наверное, ведро.

— Занятия у тебя когда начинаются? — спросила бабушка. Она стояла спиной ко мне, смотрела в тёмное окно.

Занятия? Я остановилась, прислонившись к косяку. Я не могла понять, о чём она спрашивает.

— В училище занятия.

Я приложила висок к крашеной деревяшке и ненадолго закрыла глаза. Бабушка молча ждала. Завыл чайник — сперва тихо и низко, потом всё выше и громче. Бабушка протянула руку и не глядя повернула регулятор конфорки.

Занятия. Я выпрямилась, прошла к столу, села, потрогала клетчатую, желтую с розовым клеёнку. Сказала честно:

— Я не помню.

Бабушка вздохнула, повернулась к шкафчикам, принялась доставать заварочный чайник, жестянку с чаем, жестянку с мятой, банку с вареньем, хлеб...

— Я схожу в училище и узнаю. Наверное, собрание будет как обычно перед началом года...

— Сходи, — бабушка взяла прихваткой чайник и принялась заливать в заварник кипяток.

Я посидела молча, не зная, что говорить и говорить ли. Взяла в руки толстенную белую чашку с большими фиалками.

— Пока на раскладушке поспишь, — сказала бабушка, открывая холодильник, и добавила, выкладывая на стол новую пачку сливочного масла:

— Потом тахту у родителей заберёшь.

— А... отдадут? — я с удивлением подняла на неё взгляд.

Бабушка с неопределённым хмыканьем вытащила из-под стола табурет, села и сказала:

— Пусть попробуют. Не отдать-то.

Я опустила дрогнувшие руки с чашкой. Увидела свои поцарапанные, загорелые и такие пустые запястья — и из глаз снова, снова, опять неостановимо полило.

Часть 4. Люди и обстоятельства (Настя)

Глава 38.

2005

У Насти Таракановой нет недостатков.

Она с детства понимает, что полагается быть скромной, поэтому никогда не станет хвалиться своими достижениями и достоинствами, но она твёрдо знает: у неё нет недостатков, это очевидно. Она умна, это говорят ей все с детского сада. Она хорошо учится и прекрасно работает.

Она красива, это видно ей в зеркало и подтверждается тем, как относятся к ней люди, как они смотрят на неё — со сладким умилением, пока она была маленькой, с симпатией и теплом, когда она чуть подросла и с опасливым восхищением, когда она стала совсем взрослой.

Она аккуратна и внимательна. У неё самые чистые тетради в классе, и в обычной школе, и в музыкальной. И конспекты у неё самые лучшие во всей параллели, от первого курса и до последнего.

(Настя не врёт себе, не преувеличивает и не прячет правду, она просто умеет видеть всю картину в целом, не замечая мелких незначительных моментов)

Настя умеет готовить. Она знает, как делать песочное и слоёное тесто, тесто для пирожков и коржи для торта. Она знает рецепты десятков салатов, умеет выбирать мясо и рыбу, духовка слушается её по щелчку пальцев. Новогодний стол — это всегда «Настюш, ну просто слов нет!».

Настя умеет шить. И вязать, ну, разумеется, она же девочка! У её родителей никогда не было особенных проблем с деньгами, но традиция — прабабушка оставила после себя изумительное вышитое гладью бельё; бабушка обвязывала всю семью, в том числе — вычёсывая своих колли, которых она заводила, одну за другой, много лет после смерти дедушки. Мать коллекционировала журналы с выкройками, так что даже в самые скудные на деньги и магазины годы Настя и её сестра ходили «с иголочки». Брату тоже перепадало, хотя он, по словам матери, пошёл «не в их породу»: среди ладных, крепких, круглолицых и темноглазых Таракановых он был точно приёмный со своей долговязостью и зелёными глазами. Как ни одень — пугало. Отец говорил матери — «В твоего отца пацан», вроде бы, не обвиняя, но намекая. Дед по материнской линии был беспутный. И жил странно, и помер рано, и сходство с ним было не похвалой.

Настя прекрасно играет на гитаре и великолепно поёт. Романс, бардовская песня, даже пара песен собственного сочинения, про которые она обычно скромно говорит «а вот ещё такую знаю» — имеют одинаковый успех сперва на тусовках с подружками, потом на студенческих вечеринках и на праздниках в НИИ. Настя могла бы стать и профессиональной исполнительницей, но у неё был план получше. Она шла на физфак, точно зная, чего хочет от жизни: умного мужа и надёжную преподавательскую должность.

Настя не дура и понимала всегда, что это объёмная задача, большая цель, на достижение которой у неё может уйти несколько лет. «Несколько» она предпочитала считать однозначной цифрой, но не обольщалась очень-то уж.

В октябре две тысячи пятого года Настя могла бы уже уверенно заявить, что добилась

почти всего, что планировала. У неё был умный муж (и какое-то время даже красивый, хотя, подобно многим академическим собратьям, округляться и лысеть он начал уже к тридцати). У неё была диссертация, которую Настя в спокойном темпе начала писать, должность ассистента на кафедре и приятный, размеренный образ жизни в целом.

Настя могла бы считать себя успешной и счастливой, если бы не одно событие в прошлом.

Вероятно, ей следовало всё-таки ограничиться посещением психотерапевта. Остаться на светлой стороне, на стороне разума и рационального мышления, среди ясных и имеющих смысл терминов и понятий. Психологическая травма, связанная с утратой близкого человека, говорила её терапевт, может проявляться самыми разными симптомами. Работа горевания, объясняла психотерапевт, во многом обесценена и утрачена в современном обществе, поэтому психика, не имея опорки в виде ритуала или процедуры, диссоциируется с непрожитой болью, которая уходит в глубину подсознания и оттуда создаёт напряжения.

Настя на этих душевспасительных текстах собаку съела. Они не помогали.

Возможно, вся эта умная и тонкая работа с внутренним миром могла бы её вытащить, если бы она имела возможность рассказать не только о боли, но и о вине. Но в первый же сеанс, стоило ей заикнуться об этом, терапевт довольно решительно остановила её словами «вот чего вы точно не должны — так это искать свою вину в прошлых событиях».

Ирония заключалась в том, что её вина была, и была несомненной, только эту вину никак нельзя было вписать в ясный рациональный мир, в котором жила психотерапевтка, а также муж Насти, её коллеги, её родители и вообще большинство людей её круга. То, что терапевт назвала иррациональным стремлением создать иллюзию контроля через вину, её мать обозначила бы словами «не дури, при чём тут ты».

Несколько лет она старалась забыть обстоятельства исчезновения брата, но потом появилась эта коза, недоразумение, бледная моль с обгрызенными ногтями, и вдруг попала пальцем прямо в больное. Настя тогда сумела справиться с собой только при помощи гнева. Она убежала в гнев, как в убежище, а потом и от разговора убежала — физически, ножками, оставив позади недоумевающую девушку, которую очень удобно было возненавидеть по сумме причин.

Уже через пару месяцев она с этой жабкой поквиталась: умный и красивый всё-таки на Насте женился. В общем, понятно, что его метания в любом случае были бы недолгими. Ну не конкурентка была Насте эта жалкая Света. Но скорость, с которой Сашка на этот раз принял решение, всё-таки грела Насте душу.

И пять лет она прожила, задвинув брата, странное, вину и серую моль куда подальше, посещая психотерапевта и уговаривая себя, что ничего страшного с ней больше никогда не случится. В конце концов, надо просто ограничивать себя в спиртном и... быть сдержанной.

В две тысячи пятом случилось сразу несколько неприятных вещей: болели родственники у неё и у мужа, развелась сестра (и осела гирей на родителях, которым было тяжело, но которым и в голову бы не пришло не помогать дочери), потом случилась нехорошая история на кафедре — её это не касалось, но общая атмосфера... Настя неудачно попыталась заговорить с мужем о детях, но тот воспринял идею даже не в штыки — насмешками. Он готовился к защите своей диссертации, весь год просиживая в институте почти что днями и ночами, и после защиты не собирался сбавлять обороты. В конце концов, он по факту был уже завлабом, планы громоздились до неба, и возраст был самый

продуктивный для подвигов. В итоге они поругались прямо на кафедре, да крепко — у Насти впервые за несколько лет капитально сдали нервы.

В досаде, едва не плача, она пошла в круглосуточный ларёк, один из последних могикан ушедшей эпохи, купила бутылку белого вина, а дома засела за комп с бокалом читать ЖЖ. Guilty pleasure, говорила она подругам с как бы неловким смешком. Люблю читать блоги неудачников и распиздяев, помогает не забывать, что у меня всё отлично. В данный момент это была самая что ни на есть истинная правда.

Сашка явился после десяти, увидел на две трети пустую бутылку, но неожиданно не стал ни язвить, ни возмущаться — просто забрал остаток себе, буркнув: «Тут некоторым хватит уже». Плюхнулся на диван, отпил глоток и посмотрел на экран через Настино плечо:

— Чего читаешь?

Настя вдруг почувствовала, как бросился жар в лицо, запыхали щёки, уши. Медленно она закрыла вкладку браузера и сказала легким голосом:

— Жежешку. Нашла одну девицу забавную, она себя мнит продвинутым, как это называется... арт-блогером, что ли? — Настя хихикнула. — Типа ездит туда-сюда, рисует картинки, пишет текстики такие девчочковые. Про магию пути, одиночество и самовыражение в искусстве. Девочки такие девочки. Нормально учиться не получилось, так она вот пытается творческую личность изображать. Подписчиков тыщи!

Сашка отпил ещё вина, глядя в бокал. Они помолчали, и Настя почувствовала, что это молчание как-то изменяется минута за минутой — они молчали уже не друг от друга, а как бы вместе.

— Насчёт того разговора... — начал Сашка, но Настя даже руками замахала:

— Ладно, ладно! Ты сто раз прав. Времени ещё вагон, сейчас и в тридцать рожают, и позже. Нам вполне можно пожить для себя, позаниматься карьерой. На меня прямо затмение какое-то нашло, ей-богу! А потом я подумала и осознала, что ты был прав.

Сашка самодовольно усмехнулся:

— Конечно! — допил вино, опустил бокал на пол возле дивана и поманил жену к себе. Настя отправила комп в ждущий режим и переместилась на диван.

А на рассвете она проснулась в постели одна.

Глава 39.

Для песочного теста берут полтора стакана муки на сто граммов сливочного масла. Муку надо просеять, чтобы насытить кислородом и разрушить комки, а маслу дать размягчиться при комнатной температуре. При помощи ножа нужно порубить масло с мукой до образования крошки, а оставшиеся комки растереть быстро пальцами...

Настя, хлюпая носом, рубила масляно-мучную смесь в большой миске. Мука так и летела во все стороны, но Настя не обращала на это внимания. Она изо всех сил крошила оставшиеся кусочки мягкого масла, замешивая их в муку. Из глаз женщины то и дело вытекали крупные капли, катились по щекам и срывались вниз, иногда прямо в миску с будущим тестом. В носу булькало, в горле тоже, и иногда против воли у неё вырывались не просто всхлипы, а настоящие рыдания.

Наконец масляно-мучная крошка в миске стала практически идеальной. Настя

швырнула нож в раковину, открыла холодильник и подвывая вытащила с верхней полки стакан с водой. Бухнула на стол, чуть плеснув на клеёнку. Рваными движениями вздёнула рукава свитера повыше и принялась с откровенными рыданиями собирать мучную крошку в ком, плеская ледяную воду из стакана. Через пару минут лоснящийся «колобок» уже отлипал от рук и миски, и Настя, сунув его в пакет и завернув, положила свёрток в холодильник. Захлопнула холодильник (на нём закачалась ваза с сухоцветами), медленно отошла к столу и осела на табуретку.

Полчаса. Замешанное песочное тесто должно полежать в холодильнике полчаса, прежде чем его можно будет раскатать и сформовать печенье.

Настя посидела, прикрыв глаза. Шмыгнула носом, едва не утёрла лицо масляно-мучными руками, но вовремя одумалась. Вдруг ей послышался странный тихий звук — точно в окно билась муха или гудел где-то шмель. Настя замерла — но звук уже пропал. Она заставила себя встать и принялась методично наводить порядок: убрать муку, выкинуть в мусорку фольгу от масла, вымыть руки, протереть все поверхности, сполоснуть и убрать на сушилку стакан. Рутинные действия успокаивали, отвлекали от жутких мыслей.

Настя вытерла руки, взяла с холодильника мобильный телефон и ткнула в кнопку быстрого набора. Гудки, гудки, тишина, затем — «абонент не отвечает или вне зоны доступа, попробуйте позвонить позднее». Прослушав эту фразу на русском и английском несколько раз, Настя нажала отбой (и снова, вроде, где-то жужжал шмель, но перестал), положила телефон обратно на холодильник и посмотрела на часы. Любимые её изумительные старинные «ходики» с круглым циферблатом, вокруг которого заворачивались металлические еловые лапы с шишками. Круглый маятник ходил туда-сюда с тихим щёлканьем, на концах свисающих цепочек завода висели тоже еловые шишки. Ходики, казалось, усмехались: прошло пять минут. Настя, почувствовав новый приступ рыданий, зажмурилась, потрясла головой, тихонько повыла в нос. Открыла глаза и снова уставилась на часы. Половина восьмого в субботу означала, что звони-не звони — на кафедре ещё никого нет. Она и звонила уже, конечно, не добившись толку от мобильного. Если Сашка зачем-то вскочил в выходной с ранней рани и ушёл в институт — он должен был бы взять свой телефон. Но тот не отвечал, абонент не абонент, что хочешь, то и думай. Телефон лабы она не помнила, конечно, но лаба в половине коридора от преподавательской, если бы там в тишине субботнего утра надрывался телефон, Сашка бы услышал.

(Если бы он был там)

Настя снова взяла в руки телефон, подержала, поняла, что не сможет ещё раз услышать механический голос, твердящий про абонента, и бессильно сунула аппаратик куда-то на стол, за солонку с перечницей. Положила руки на столешницу, а голову на руки, и спросила сама себя — неужели правда. Неужели то, что когда-то случилось (если случилось), повторилось снова. Неужели она была так глупа, что забыла, что потеряла бдительность, что позволила этому случиться.

(Но ведь это невозможно, так не бывает, не в реальной жизни)

Она, сама не замечая того, снова начала тихо подвывать и всхлипывать.

(Должно быть рациональное объяснение)

И в этот момент загремел стационарный телефон. Настю подбросило на табуретке — звонок у телефона был мерзкий, допотопный аппарат трещал, как разъяренный трамвай на перекрёстке. Настя вскочила и бросилась в коридор.

— Алло! — заорала она в трубку. На том конце выдержали оскорблённую паузу, а затем недовольный голос свекрови осведомился:

— Это, Настенька, ты, что ли?

— Я, — Настя прислонилась к дверному косяку и неосознанно принялась наматывать на палец витой телефонный провод, — Здравствуйте, Виктория Михайловна!

— А Сашенька что трубку не берёт? — спросила свекровь всё тем же недовольным тоном, — Что за манера, я ему на сотовый уже десять минут звоню!

«В полвосьмого в субботу?!» — Настя выронила из пальцев провод, мысленно заметалась:

— А... он... Видимо, телефон разряжен! Саша, дело в том, что... он вышел... тут... Сосед зашёл...

— Утром в субботу? — язвительно спросила Виктория Михайловна.

— Там что-то с электричеством! — в отчаянии выпалила Настя, — Я ему скажу, чтобы перезвонил!

— Да уж, скажи, будь любезна, — свекровин голос буквально сочился ядом, и это было изумительно, потому что она ещё никогда не позволяла себе такого откровенного беспричинного наезда, — А лучше сразу передай этому засранцу, что он сам с отцом договаривался на раннее утро, я не знаю, за каким чёртом, потому что я из-за их этой поездки не выспалась...

— Подождите, — Настя неожиданно немного успокоилась, — А что за поездка? Он не говорил ничего...

— На радиорынок они собирались... Подожди... — свекровь, кажется, прикрыла трубку рукой, и Настя провела несколько минут в тревожном оцепенении, буквально не дыша.

— Ну, отбой тревоги, — всплыла свекровь, — Явился, голубчик! Телефон забыл дома, говорит. Могла бы и не выгораживать его, кстати, — и Виктория Михайловна, не прощаясь, положила трубку.

Настя почувствовала, что комната слегка плывёт перед глазами. Машинально она положила телефонную трубку, промахнулась, и трубка прыгнула со столика на пол, жутко треснув о половицы. Настя посмотрела вниз, на эту кремовую пластмассовую загогулину, на тянущийся из неё наверх растянутой спиралью шнур. Её словно приморозило, она стояла и смотрела, смотрела, как в дурацком фильме. Телефонная трубка гипнотизировала её ровным узором из чёрных круглых дырочек, как будто смотрела на неё целым выводком маленьких злобных глазок.

Наконец, она заставила себя отвести взгляд. Почти наощупь подняла трубку и положила, на этот раз аккуратно, на рычаги аппарата. Потом развернулась и пошла на кухню.

Ходики подмигнули ей: прошло пятнадцать минут, и её тесту осталось лежать в холодильнике ещё столько же.

Настя постояла в центре небольшой кухни, приходя в себя от своей недавней истерики и от неожиданного звонка. Потом её вдруг словно толкнуло: телефон. Он забыл его дома, значит... Она вернулась в комнату, прошла вокруг, заглядывая на полки, подоконники и другие очевидные места, потом, ничего не найдя, подошла к дивану и сунула руку под подушку.

Так и есть. Его «моторола» лежала с краю, между подушкой и валиком дивана. И, как тут же убедилась Настя, была переведена в виброрежим.

Её вдруг окатило таким приступом гнева, что жар полыхнул в лицо, разлился по телу. «Ах ты, поганец, — подумала она о ненаглядном муже, — Псина ты сутулая, козёл, устроил мне нервячку...» — она сжала Сашкин телефон так, что не будь это старая добрая прочная модель, ему бы тут и пришёл конец. Настя от греха сунула телефон обратно под подушку и пошла включать духовку.

Пока духовка грелась, она поставила на табурет противень, вынула формочки для нарезания печенья, пакетики и баночки со специями, приготовила кисточку и взбила яйцо в стакане — смазывать печенюшки перед выпечкой. Лицо у неё всё ещё пылало от гнева и стыда (хотя в последнем она бы ни за что не призналась), но руки действовали так же спокойно и умело. Как и всегда.

Настя поглядывала на часы, и в нужный момент вытащила тесто их холодильника. Вытерла начисто стол, припорошила столешницу мукой и принялась быстро раскатывать тесто. На противне уже ждала пергаментная бумага. Быстро и уверенно Настины руки водили скалкой, потом вдавливали формочки в тесто, потом перекладывали печенье на пергамент, смазывали яйцом и присыпали сверху где смесью куркумы и перца, где корицей и гвоздикой с мускатным орехом, где молотыми орехами с сахарной пудрой.

Она справилась с тестом за десять минут и задвинула противень в духовку, не забыв засечь время. Двенадцать-пятнадцать минут на среднем огне, чтобы небольшие печенья успели приготовиться, но не были пересушены.

Настя снова вымыла стол, все использованные предметы, сполоснула и вытерла руки. Постояла, держа в руках полотенце и чувствуя себя немного опустошённой. «Кофе», — подумала она, заглянула в шкафчик и поняла, что банка пуста. Настя повесила полотенце на место, глянула на часы — у неё ещё было несколько минут — и полезла на антресоль, в «запасную» коробку. Там она всегда держала пачку-другую чая, зернового кофе и спичек, макароны, пакет риса, одним словом — стратегический запас. Она имела обыкновение планировать покупки и всегда закупала следующую упаковку, когда брала из запаса предпоследнюю.

На удивление, в этот раз она, видимо, забыла про кофе, потому что в «запасной» коробке его тоже не было. Снова попытался вспыхнуть гнев, но Настя сказала себе, что это ерунда. Сейчас она вынет из духовки печенье, накроет его салфеткой и сходит тогда в ближайший супермаркет, купит кофе. Полчаса туда-сюда, не о чем говорить.

Печенье удалось, как и всегда. Настя поставила на стол большую алюминиевую подставку, водрузила на неё противень и накрыла большой квадратной льняной салфеткой. Салфетка была с монограммой её прабабушки и досталась ей в числе прочего «приданого» на свадьбу. Настя вспомнила, как ей было неловко по этому поводу перед Сашкиной роднёй, потому что выглядело ужасно провинциально и по-мещански это вручение коробок с бельём и сервизом, но сейчас — сейчас она была рада всем этим салфеткам, пододеяльникам и полотенцам. Они пришли с ней в ужасный холостяцкий дом её мужа и, как маленькая тихая армия, завоевали для неё кухню, и комнату, и ванную.

Дождь кончился, но поднялся довольно сильный ветер. Небо было точно беспокойная речная вода, слои облаков всех оттенков серого бежали над головой, расточаясь на лоскуты и снова сливаясь в большие неровные полотнища. Мокрый асфальт покрывали опавшие листья всех цветов осени. Настя шла, сунув руки в карманы пальто и слушая, как глухо ударяют в дорожку её каблук-шпильки. В такие дни она всегда приходила в пункт назначения с

небольшим «гербарием», наколотым на каждый каблук. Раньше это её всегда раздражало, но сейчас она вдруг нашла это забавным и даже милым.

Утреннее потрясение слегка сдвинуло её взгляд на жизнь. Нельзя сказать, что она вдруг исполнилась благодарности за каждый прожитый миг (её всегда смешили тексты, в которых герой переживал такое), но как будто вдруг немного поменялись масштабы. Эта осенняя улица, эти листья, смешно наколотые на каблук, это тревожное небо с вуалями облаков — всё было успокаивающе настоящим. Асфальт был твёрдым и мокрым, и он держал собой её вес. Ветер был холодным и напитанным водой, и он весьма реально толкал её равнодушным плечом, как торопливый прохожий на переходе. Серые фасады были настоящими, и вывеска супермаркета «Экономь-ка», красная с зелёным, была дурацкой и настоящей, и люди в сырой одежде с капающими зонтами были настоящими. От них исходило тепло, они занимали место. Среди всего этого не могло произойти ничего необычного.

(Никто не пропал бесследно)

Настя зашла в магазин почти улыбаясь. Она взяла корзинку и прошла мимо полок, складывая в неё лимон, упаковку яиц, пару пакетов зернового кофе, коробку макарон-пружинок и пару пучков зелени. Ей пришло в голову, что надо докупить молотого чили, который тоже иногда шёл в печенье, и она направилась к стойке со специями.

Там стоял спиной к проходу какой-то невысокий парень, медленно проводя ладонью по коротко стриженному затылку и явно в чём-то сомневаясь. Застиранные джинсы, зелёная хэбэшная куртка с вышитым тигром и клёпками и «говнодавы» на толстой подошве позволяли подозревать в нём старшекласника, отправленного родителями в магазин и сейчас решающего очень сложную задачу наподобие «перец молотый или горошком, если не уточнили».

— Молодой человек, позвольте... — начала Настя, и тут парень обернулся.

Настя невольно шумно вдохнула и отшатнулась на шаг.

Глава 40.

— Т-ты, — сказала она с запинкой.

— Тео — на неё смотрела худая коротко стриженная женщина с неприятно-прозрачными серо-зелёными глазами. В ушах у женщины были серьги-гвоздики, имитирующие шурупы. А слева — надо же, прежде Настя этого не видела — обегала край глазницы черная хитро закрученная линия, заворачивалась в спираль на виске и спускалась немного вниз простым завитком.

— Нравится? — худая подняла руку, коснулась указательным пальцем своей скулы, обозначая направление на висок.

— Нет, — сказала Настя холодно.

— Это хорошо, — худая улыбнулась, и Насте вдруг показалось, что у неё во рту примерно три тысячи зубов. Это было чудовищно глупо, потому что её собеседница была последней, кого Настя в своей жизни могла бы бояться. Но эта внезапная встреча (почему она в городе? В блоге было написано — Лиссабон?) и эта татуировка (фу, надо ж такое придумать), и эта улыбка — как будто её собеседница что-то знает...

Настя расправила плечи, вспомнила про твёрдый надёжный пол под ногами и несомненную реальную корзинку с продуктами в руке. И сказала, подпуская в голос ещё холода, так, чтобы слова казались буквально заиндевевшими по краям:

— Не буду врать, что рада встрече. Кроме того, мне пора идти. Меня муж дома ждёт.

Худая стёрла улыбку с лица. Сказала:

— Всё врешь ведь.

Жар бросился Насте в лицо, пальцы сжались. Она сказала, больше не изображая холод голосом:

— А ты кто такая, сучка наглая, чтобы меня...

— Да ну, хорош, — собеседница потрянула головой, перебив её тираду в самом начале, — Дура ты, Настя. Я всего-то хотела тебе помощь предложить, что ж ты сразу кидаешься.

Настя не выдержала. Она так редко позволяла себе настоящий гнев, настоящую злость, она всегда была такой выдержанной, такой хорошо воспитанной, такой лёгкой в общении. Она всегда так старалась быть... так старалась...

Их разделяла всего пара шагов. Настя уронила корзинку на пол и шагнула вперёд. Что она собиралась сделать? Ударить её? Схватить за шею и придушить? Выдрать ей волосы?

Она успела только протянуть руки вперёд. На мгновение всё вокруг словно подёрнулось дымкой, или качнулось, как воздух над раскалённым асфальтом. Настя заморгала. Перед ней появилась озадаченная женщина в безрукавке работника магазина:

— Девушка! С вами всё в порядке? Девушка!

Настя посмотрела на неё. Потом на свою корзинку, которая удачно приземлилась на плоское дно тут же, возле её ноги.

— Вы хорошо себя чувствуете? — допытывалась работница.

Настя постояла, схватившись за щёки обеими руками. Лицо горело. Женщина подошла поближе и хотела было коснуться её плеча, но Настя быстро отшатнулась и резко сказала:

— Ничего! Ничего страшного. Голова... закружилась. Спасибо, я в порядке. — она подхватила корзинку и почти бегом устремила к кассам.

«Это не алкоголь, и я вовсе ничего не забыла», — думала она, сидя на мокрой качели, прислонившись головой к ледяному поручню. «Это и в первый раз был не алкоголь». Она закрыла глаза. Металл леденит висок, и сейчас это было хорошо и приятно. Такой твёрдый, холодный реальный металл, по-настоящему обжигающий холодом её охваченную жаром голову.

Она впервые за много лет не просто вспоминала ту ночь на даче, но вспоминала её иначе. Вспоминала совсем другие вещи.

Прежде она всегда вспоминала, как много они выпили и как поздно ушли спать. Теперь она вспоминала то, какие вещи говорил ей брат. Как они обсуждали то, что не должны были обсуждать. Как она злилась и как ушла в дом. Как она проснулась от его рук на своём теле, как орала на него, и как он пытался закрыть ей рот, и бормотал — тихо, тихо, ну не ори, я больше не буду, ну чего ты, я ничего не сделал, ну!

И как она была уверена, что после того удара (отличного, в который она вложила весь свой пьяный гнев и лежащее под ним разочарование) он убежал. Убежал, конечно, ведь его точно видели утром знакомые — он ехал на электричке в город.

Ехал-ехал, да не доехал. «В чём дело? Что случилось? — Я не знаю. — Но вечером вы вместе были? — Вместе, да... — И?.. — Ну, мы... поругались... — И?! — Я не знаю!»

Она не знала.

Теперь, выходит, знала?

И видели ли его на самом деле?

Настя посидела ещё немного и теперь начинала зябнуть. Что бы ни воспламеняло её ещё четверть часа назад, все эти эмоции схлынули, лицо уже не горело, а сырость доски постепенно пробиралась сквозь пальто. «Изгваздала, наверное, в хлам», — подумала Настя с тоской, медленно вставая с качелей. Сделать хотя бы шаг она не успела: ей навстречу через детскую площадку шла незнакомая пожилая женщина. Настя поёжилась и с нехорошим предчувствием опустила обратно на холодную сырую доску. Женщина подошла, остановилась в паре шагов.

— Привет.

— Вы кто? — спросила Настя. Незнакомка оглянулась по сторонам, скептически оглядела мокрые качели и сказала:

— На данный момент я твоя большая удача. Будет хорошо, если ты меня пригласишь в гости.

Настя нахохлилась, сунула замерзшие руки в карманы (а где же мои перчатки, промелькнуло у неё в голове) и легонько пнула пакет с продуктами, стоящий тут же, на мокрой увядшей траве. Сказала, не отказывая себе в удовольствии быть откровенно нелюбезной:

— С чего это? Я вас не знаю.

— Зато я тебя знаю. — Незнакомка снова огляделась, сказала уверенно:

— Через пару минут дождь начнётся. Сильный. Давай, кончай кобениться, девочка. Поднимай жопу с качельки и веди меня в тепло. — И, видя, как Настя оскорблённо выпрямляется на качели, добавила:

— Если я сейчас уйду — к тебе другие придут. Они с тобой разговаривать не будут. Они тебя сразу ликвидируют.

— За... что? — пискнула Настя.

— А ты сама не знаешь, — улыбнулась тётка. На вид она была просто до оскомины обычная, таких в любом городском трамвае половина. Невысокая, за пятьдесят, в невзрачной джинсовой куртке и джинсах, из ворота куртки торчит воротник серого свитера «с рынка», отголоска девяностых. На ногах раскисшие грязные сине-серые кроссы. Пушистая голубая резиночка держит редкие волнистые тёмные волосы в худосочном хвостике. И завершающим характерным аккордом — невзрачные серьги из «турецкого» золота с жемчужинами.

— Всё разглядела? — беззлобно спросила тётка, — Вставай, пошли. Меня Соня зовут, можешь на «ты».

Настя встала, подняла с земли пакет с покупками и пошла к своему подъезду.

Квартира встретила теплом и тишиной. Настя, сама того не осознавая, принялась тут же включать везде свет, как будто эти желтоватого света лампочки могли защитить её от непонятного и опасного, которое ввалилось в её жизнь и норовило угнездиться всерьёз.

— Тапки дай, — бесцеремонно заявила Соня, стащив с ног свои грязные кроссы, — Пол у вас холодный.

Настя безропотно вытащила из обувницы под вешалкой «гостевые» тапки, кинула на пол и ушла разбирать покупки, предоставив гостю осматриваться. Она не особо тревожилась насчёт кражи: дверь в квартире открывалась только ключом, сейчас замок был закрыт, а ключи, вся связка, лежали у Насти в кармане брюк. Без её разрешения гостя просто так из квартиры не выйдет. А уж Настя позаботится о том, чтобы она дождалась прихода её мужа.

«Сашка с ней разберётся», — думала она, почти успокоившись в привычных стенах. Раскидала покупки по местам, отсыпала из пакета кофе, смолочила на раз электрической кофемолкой.

Соня тем временем зашла в ванную, вымыла руки, потом прошлась по квартире и, наконец, явилась на кухню. Настя ждала её, уже поставив турку на огонь.

— Кофе варишь, — одобрительно сказала Соня, — Ну, славно. Я присяду, — она протиснулась за стол на кухонный уголок, стоящий у стены. — Побеседовать придётся, разговор небыстрый, так что кофе — это хорошо.

— Слушайте, что вам надо, а? — Настя скрестила руки на груди, сжав пальцами собственные плечи. — Вы же понимаете, что сейчас мой муж домой вернётся и вас отсюда выкинет? Или полицию вызовет.

Соня откинулась на спинку диванчика и ответила:

— Да не появится твой муж ещё добрых пару часов. Девушка, которую ты, скорее всего, убила, давно за тобой следит, я думаю. И время выбрала такое, чтобы никто не помешал.

Мирный ритм её речи опутывал, дурил Настю. Она вдруг осознала сказанное тёткой вполне.

— Кого это я убила? — спросила она и удивилась, как слабо и жалобно это прозвучало, — Что вы такое... несёте!

— Да брось, Настя, — Соня смотрела в её глаза. Её веки были тёмными и чуть нависшими, от уголков глаз расходились морщины. Она выглядела безобидной и обыденной, и при этом спокойно произносила совершенно невозможные, дикие вещи.

— Ты ведь не впервые кого-то толкнула, да? — Соня держала её взглядом, как поводком.

— Нне... знаю... — Настя с усилием отвернулась от пугающей её тётки, уставилась на сосуд с кофе — а там уже поднималась светлая пена с тёмными вкраплениями, уже вырывался из-под пены пар, так что Настя обрадованно переключила внимание: повернуть регулятор конфорки, подхватить турку за деревянную ручку с колечком, постучать доньшком по бамбуковой подставке.

Соня терпеливо ждала.

Настя постояла немного, мечась взглядом и мыслями между туркой, блюдом с печеньем, сахарницей и приготовленными заранее чашками. «...Которую ты, скорее всего, убила...» Настя встряхнулась и начала разливать кофе. Очень медленно и аккуратно. Ни капли на голубую столешницу «под камень». Разлила, расставила на столе всё, что нужно, положила чайные ложечки. Села.

— Молодец, — сказала Соня, — Успокоилась? Теперь давай я тебе объясню кое-что.

— Что? — Настя подняла на гостью взгляд. Та смотрела всё так же мирно, но, по всей видимости, собиралась продолжить говорить бредовые жуткие вещи.

— Начнём с того, что ты ни в чём не виновата, — сказала Соня, — Не повезло тебе. Тут отчасти моя вина. Последние годы было совсем мало новых девочек, зато подружка твоя после каждого прыжка фонила так, что вообще никого не видно и не слышно. Из прежних все разъехались, а я уже не девочка, чтобы по городу шарахаться и специально искать.

— Фонила? Подружка? — Настя из всей этой тирады уловила только тот момент, что Соня в чём-то считает виноватой не её, а себя.

— Я тебе всё попозже объясню, — Соня взялась за свою чашку и отпила кофе, — Хороший кофе покупаешь, — заметила она, — А для начала давай так. Я тебе не враг,

хорошо?

— А чем докажешь? — спросила Настя почти шёпотом.

— Я знаю, что с твоим братом случилось, — Соня снова отпила кофе, помолчала, глядя в чашку. — Могла бы ещё тогда присмотреться, вот ведь, не сложилось. Списала на то, что Димка ваш раздолбай был негодный. Поверила, что сбежал.

— А на самом деле? — Настя держалась за свою чашку, не осознавая, что уже почти обжигается.

— А вот об этом мы сейчас и побеседуем, — ответила Соня.

Глава 41.

Давненько мне не было так хреново. Тут, конечно, сразу всё сложилось не в мою пользу. И то, что Настя, коза злобная, толкачкой была неопытной, но сильной. И то, что она в последний момент испугалась и потеряла настрой. И то, что меня несколько лет никто не толкал, и я отвыкла. И то, что мне пришлось сразу же снова прыгать. В общем, если бы это была не я, а почти кто угодно другой, тут бы ему и пришёл конец.

Я успела почувствовать падение, увидеть, как вокруг меня крутится тёмное и светлое, и тут же ушла в прыжок. Там, над серым морем под чёрными небесами я позволила себе задержаться, повисеть неподвижно (солнце светило снизу под странным углом, ветер дул сбоку), а потом рвануть в сторону солнца. Серая гладь приблизилась, надвинулась, я почувствовала притяжение и привычно упала в неё «солдатиком», как в обычную воду.

День. Жарко. Песок.

Я с трудом открыла глаза, веки словно слиплись. Пляж. Море. Я лежала на границе воды, ноги уже заливало мелкими волночками. Голова раскалывалась, тошнило, глаза болели. Я неуклюже перевернулась на бок, потом встала на четвереньки. Осторожно, помогая себе руками, поднялась на корточки.

Зря. Желудок закрутился, как юла, я мотнулась в сторону, упала, и меня начало выворачивать прямо на мелководье. Мелькнула мысль, что сейчас набегут местные и начнут орать, но нет. Ни разу ещё я не оказывалась после прыжка там, где меня могли бы увидеть. Вот и сейчас: я могла бы поклясться, что населённый пункт, к которому меня притянуло, совсем рядом, но никаких случайных свидетелей моему появлению — и моему позору — не было.

Проблевавшись, я на четвереньках отползла по линии прибоя в сторону, умылась, прополоскала рот. Надо было как можно быстрее найти пресную воду и попить, иначе это грёбаное толкаческое похмелье меня добьёт.

Кое-как я встала, повернулась спиной к солнцу и побрела прямо по краю воды, одновременно пытаюсь оглядеться. Джинсы, «мартенсы» и даже куртка были мокрыми (мельком я подумала, как там мобильник), так что стоит мне выйти повыше, к сухому месту — и я буду вся облеплена сухим песком, так что пусть уж лучше водичка.

Глаза щипало, и я на ходу их потёрла, потом посмотрела вперёд, надеясь увидеть один из тех дощатых настилов, что частенько идут от набережной или приморского променада к пляжу. Интуитивно я чувствовала, что нахожусь в Европе, но это могло означать, учитывая время года, любую точку средиземноморского побережья. Я остановилась — дышалось тяжело, голову моментально стало печь. Справа от меня тянулся высокий откос, густо

заросший деревьями и кустами. Вдоль него бежала асфальтовая дорога в две узких полосы, между ней и морем лежал чистый и безлюдный пляж шириной метров в десять. Хороший такой пляж. Это и безлюдность значили, что до обитаемых мест довольно далеко. Это было странно, меня ещё никогда не выкидывало в откровенно нежилых местах.

Впереди не было видно никаких признаков цивилизации. Ну что же, придётся перебираться на асфальт. Я свернула направо и потащила по пляжу, чувствуя, как на ногах налипает песок, оступаясь и с трудом удерживая прыгающий желудок от новых актов неповиновения. Казалось, что до твёрдой дороги тысячи километров. Когда я наконец поднялась с обочины на асфальт, у меня от слабости подогнулись колени. Пришлось сесть мокрой задницей на горячее полотно дороги.

Не прошло и минуты, как мимо пролетела какая-то машина. Что же, значит, места не совсем дикие. Я кое-как поднялась на ноги и перешла на другую сторону, в тень. Ближайшее дерево, под которым я оказалась, было явно акацией. Я постояла, прислонившись к стволу и пытаюсь успокоить дыхание. Подумала, не стоит ли мне снова прыгнуть. Куда-нибудь, где не жарко и есть вода. Закрыла глаза, готовясь привычно войти в нужное состояние, и в этот момент меня снова стошнило.

«Вот это называется блевать дальше, чем видеть», — подумала я, когда приступ закончился. Я стояла, согнувшись, схватившись за шершавый тёплый ствол дерева, упершись в него головой. Перед глазами плавали фиолетовые и малиновые пятна, ноги дрожали. Мне срочно нужно было попить и охладить голову. Срочно, я сказала, — рывкнула я на себя, оттолкнулась от дерева и пошла, держась тени и стараясь не шататься, по дороге.

Далеко я не ушла. Метров через сто меня опять согнул спазм, я потеряла равновесие и со всей дури врезалась коленями в дорогу. Из рта едва потекло, всё содержимое желудка я выблевала раньше, и теперь на горячий асфальт тянулась тонкая струйка желчи.

Вот так, стоя на четвереньках и дёргаясь, я ушла в новый прыжок.

Ни за что, никогда, будучи в нормальном состоянии, я бы не выбрала снова этот пункт назначения. Но меня несло почти бессознательно, волокло мощным стремлением тела спастись и сохранить себя в целостности, влекло туда, где я когда-то получила помощь. Серая ртуть под ногами проносилась с невозможной, чудовищной скоростью, а я смотрела полуприкрытыми глазами и не пыталась как-то этому противиться. Наконец, серая поверхность начала надвигаться, и я закрыла глаза.

Я впервые вышла из прыжка лицом в землю. Повезло не разбить нос и не ободраться, а всего лишь плюхнуться плашмя и приложиться подбородком. Я полежала немного, дыша короткими слабыми вздохами, ощущая запах земли и сухих листьев, потом осторожно повернулась на бок. В рёбра уперлось жёсткое и я снова вспомнила про телефон. Ладно, это позже. Кое-как я смогла сесть и осмотреться. Я оказалась на ровной, засыпанной хвойными иглами грунтовой парковой дорожке. Местность шла чуть на уклон, и за дальними деревьями маячили здания и шли люди. Над моей головой шумели кроны, ветер, тёплый и сильный, толкнул меня в бок, едва не свалив навзничь.

Я осторожно повернулась (меня временно перестало тошнить) и, ошарашенная, уставилась на знакомые парковые ворота, над которыми реял под ветром красный флаг с полумесяцем.

Нелёгкая снова принесла меня в Стамбул.

Первые пару минут я просто сидела и паниковала. Это довольно глупо, если так подумать: сидишь на месте, выпучив глаза и сжав кулаки, и крутишь в голове все возможные неприятности, которые тебе грозят. От напряжения у меня снова сильно заболела голова и задёргался желудок. Я заставила себя разжать руки, выпрямиться и медленно, спокойно подышать «через живот». Вроде, отпустило.

Я полезла во внутренний карман куртки, вынула мобильник. Маленький старый аппаратик на мою большую удачу оказался сухим, экранчик загорелся после разблокировки. Я уселась поудобнее, согнув ноги по-турецки и полезла в телефонную книжку.

По этому номеру телефона я звонила всего несколько раз. И пару раз принимала с него вызовы. После моего первого эпического путешествия я почти полгода не решалась даже подумать о новой попытке. Но потом я случайно столкнулась в городе с Еленой, и...

Так, ладно. Я осознала, что смотрю на нужный мне номер, не решаясь нажать на кнопку вызова. Это было глупо, мне нужна помощь, Елена может помочь, я должна ей позвонить. В каком-то смысле за ней должок, так что...

Я должна ей позвонить раньше, чем меня снова найдут местные.

Ветер опять пихнул меня в бок, облизал щёку, взволновал кроны деревьев высоко надо мной. Я решилась и нажала на «вызов».

Елена ответила после первого гудка. Ни «здрате» ни «насрать», сразу:

— Что надо?

— У меня проблемы, — честно сказала я.

— Как мы были удивлены, — желчно высказала собеседница, — Где ты?

— В парке, который в Бешикташе. Мы там с тобой сидели два года назад, помнишь?

— Какого чёрта там-то?! — в голосе Елены прорезалось нехарактерное для неё искреннее изумление.

— Случайно, — призналась я, — На меня напали. Настю с форума помнишь?

В трубке стало тихо на несколько секунд. Я занервничала: роуминг сейчас сожрёт весь мой баланс. Наконец Елена сказала:

— Давай выходи к стоянке, я скоро буду. Только по возможности прямо на виду не отсвечивай.

— Знаю, — буркнула я, ощущая возвращение тошноты. Елена уже отключилась.

От ближайших ворот до стоянки было минут пять ходу. Я встала, чувствуя себя странно, одновременно ощущая слабость в ногах и лёгкость во всём теле. Голова болела, подташнивало, но идти я могла. В парке было безлюдно, и я шла по дорожкам неспешно, чувствуя, как толкают в спину порывы ветра, слушая шум древесных крон над головой. Было бы хорошо, если бы не головная боль. Идёшь себе, переставляешь ноги и ни о чём не думаешь.

Стоянка была почти пуста, несмотря на субботний день. Солнце тут жарило вовсю, и я осталась в тени, присев под одним из больших деревьев и прислонившись спиной к коре. Справа меня прикрывал большой серый мусорный контейнер, слева дорожка уходила в парк за деревья. Прямо передо мной расстилалось раскалённое полотно парковки, а за ним стоял небольшой торговый павильон. Кажется, я могла контролировать подходы со всех сторон.

Мне пришлось сидеть там почти десять минут. Я успела от временного облегчения перейти к всё усиливающемуся чувству опасности, затем — к настоящему страху.

Наконец в отдалении из монотонного шума города выделился негромкий, но резкий звук скутера, он приближался со стороны улицы, ведущей к Босфору. Я с некоторым трудом,

опираясь на дерево, встала и выглянула из-за контейнера. С улицы на парковку как раз сворачивала женщина на маленьком красном скутере.

Я дождалась, когда она выберется на середину парковочной площадки и снимет шлем — да, это была Елена. Только тогда я вышла из-за мусорного бака и направилась к ней. Она смотрела на моё приближение с потрясающей смесью раздражения и волнения на лице, а когда я подошла поближе, наморщила нос. Сказала недовольно:

— У тебя традиция такая, мерзко вонять при встрече?

— Извини, — я в смущении сунула руки в карманы джинсов, — Мне было очень нехорошо.

— Тебе, по всей видимости, и сейчас не лучше, — сказала Елена, — Ладно, садись давай, — и она коротко кивнула в сторону заднего сиденья.

— Извини, — снова сказала я, кое-как забираясь позади неё.

— Держись, — мрачно предупредила она, и я, преодолевая неловкость, обняла её за талию.

Глава 42.

Для того, чтобы приготовить хороший карри, нужно много специй. Чеснок, куркума, имбирь, лук, мускатный орех и чёрный перец, и конечно, чили и паприка. Существует масса разных рецептов, но Насте больше всего нравилось начинать с обжарки перца и чеснока. Потом добавляется куркума и другие сыпучие специи, а потом в это исходящее ароматами месиво сыплется мелко нарезанный репчатый лук.

Настя стояла у плиты, неспешно водя деревянной лопаточкой по дну не пригорающей сковородки со специальным покрытием, размешивая в специях лук и в очередной раз жалея об отсутствии настоящей большой чугунной сковороды. Или хоть утятницы, какая была у её матери, и какую сама Настя безуспешно пыталась отыскать в хозяйственных магазинах. Всё ей попадалось не то, алюминий или сталь, никакого добротного чугуна. Настя уже была готова даже купить стальную, эмалированную — ну, почти готова. Но на этот раз ей придётся обойтись тем, что есть. Впрочем, у неё сейчас было хорошее настроение. Готовка всегда настраивала её на весело-благодарный лад, к тому же недавний разговор — странный, словно из подростковой фэнтезюшной книжки прочитанный — неожиданным образом убедил её, что неприятности позади, и всё теперь будет отлично.

«Теперь я всё знаю». Определённость и точная информация (какая бы необычная она ни была на первый взгляд) стали поистине волшебной таблеткой, которой ей не хватало последние несколько лет.

Лук уже обрёл приятный золотистый цвет благодаря специям, а теперь он постепенно размягчался и становился полупрозрачным. Настя покосилась в сторону миски с курицей, нарезанной небольшими кусками. Ещё пару минут, и можно добавлять курицу в сковороду.

В тот самый момент, когда она взялась за миску, запел мобильник. Настя чертыхнулась, неловко вывалила содержимое миски на сковороду (полетели брызги жира и мелкие кусочки лука) и схватила телефон, продолжая правой рукой шуровать в сковороде.

Номер оказался незнакомый. Настя несколько секунд смотрела на экран мобильного, замерев и позабыв мешать курицу. Потом вздохнула, отодвинула сковороду на соседнюю конфорку и нажала на приём.

На том конце времени терять не стали:

— Вопрос дня: мне тебя сразу сдать, или сначала позволить объясниться?

Настя сделала шаг в сторону, не глядя опустила на табуретку и ответила:

— Очень страшно! Прямо рыдаю.

— Сколько я тебя знаю, Анастасия, столько удивляюсь твоей непробиваемой самонадеянности, — собеседница, казалось, была искренне восхищена. — Понятно, значит, ты уже успела с Соней пообщаться, и она тебе пообещала защиту и всяческую помощь. В обмен на что-то.

— Тебе-то что? — Настя бы ни за что не призналась, но от звуков этого голоса она испытала настоящее облегчение. Это звонкок означал, что засранка, которую она нечаянно «толкнула», всё ещё жива. Настя встала, прижала трубку плечом и вернула сковородку на огонь.

— Понимаешь, какое дело, — трубка звучала на удивление добродушно, — Мы-то вот не знали, а оказывается, что Соня у нас очень неприятная персона. Такой, если можно выразиться, кариозный монстр, — трубка захихикала, — Почти биг босс, только вместо того, чтобы мафию организовывать, она напуганных неофиток по одной отлавливает и нейтрализует.

— Я вообще не понимаю, о чём ты говоришь, — Настя автоматически мешала содержимое сковородки, — Я никакую Соню не знаю, ни какую мафию тоже, и вообще, ты что — бредишь?

— Вполне могла бы после твоих выкрутасов. Но повезло, отделалась небольшим похмельем.

Настя положила лопаточку на подставку, накрыла сковороду крышкой и выключила под ней конфорку. Взяла телефон в руку (ухо уже нагрелось и чесалось) и сказала, стараясь ничем не выдать страх и гнев:

— Не знаю, зачем ты меня запугиваешь. Я в курсе, что есть какие-то ненормальные, которые что-то там себе нафантазировали про волшебные полёты по воздуху, и даже друг друга в этом убедили. Но я тут ни при чём. Я нормальная. Со мной никаких психопатологий не происходит. И тебе я советую завязывать, уж не знаю, что ты там глотаешь или нюхаешь.

Пауза. Она длилась так долго, что Настя успела осознать, как сжимает в руке телефон — до боли в суставах, до онемевших кончиков пальцев. Наконец, трубка ожила. Там раздался вздох, и собеседница сказала:

— Я надеюсь, ты хоть понимаешь, что Соня у тебя просит закон нарушить?

— Я же сказала... — но та перебила:

— Я поняла, человека убить тебе не страшно. Окей, со своей совестью ты сама разбирайся. Но если ты реально на кого-то нападёшь — я тебя, ей-богу, сдам. Сейчас не девяностые, вся Европа за последние годы объединилась и договорилась. То, что в России всё ещё хаос и темные века, тебя долго спасать не будет. Даже турчанки уже присоединились.

— И что они мне сделают? — Настя усмехнулась, — Этот город — Сониная территория. Ни одна из этих куриц сюда не полезет, они же все её знают. Они же про неё страшные сказки друг другу рассказывают, правда? Боятся до поноса все последние тридцать лет. Она же любую из вас чует за версту на подлёте! Она и тебя могла бы убрать в любой момент, если бы хотела! — Настя почувствовала, что задыхается от собственного напора.

Собеседница снова вздохнула. Сказала:

— Ладно. Я предупредила. Кстати, Элен Мистик тебе привет передаёт. Помнишь форум мистиков? Лучше бы ты тогда со мной поговорила, глядишь, сейчас всё было бы проще.

— Да иди ты, — небрежно ответила Настя, — Убогая, — и она нажала на отбой с небольшим, но приятным чувством превосходства. Сунула телефон в карман кардигана и уставилась на сковороду с карри. Позади ощущения торжества и своей правоты что-то едва заметно шевелилось. Какое-то сомнение. Она вспомнила тяжёлый, спокойный взгляд Сони и её медленную, уверенную речь. Ничего, они справятся. Они вдвоём — сила. Они вдвоём круче любой мафии, и лиха беда — начало.

Из комнаты позвал муж, и она крикнула в ответ:

— Да, сейчас будем ужинать!

На столе уже стояли тарелочка с хлебом, заварочный чайник и бутылка с кетчупом. Настя поставила тарелки с карри, незаметно отодвинув кетчуп на край, за салфетницу. Всякий раз, сервируя ужин, она тихо надеялась, что возлюбленный супруг забудет про эту магазинную субстанцию, полную уксуса и крахмала, но до сего дня её чаяния сбывались лишь два или три раза. Сашка заливал кетчупом всё. Из уважения к её готовке он мог даже сначала ложку-другую съесть без него, но затем всё равно тянулся к бутылке и давил красную пасту на край тарелки. Настя только смиренно вздыхала. Мужчины — она понимала это очень хорошо и с детства — могли казаться сколько угодно разумными, образованными и даже интеллигентными. Но у каждого из них в голове жил противный сопливый трёхлетка, который обожал жрать с газеты. Сашкин бзик был безобиден. В конце концов, если кетчупа дома не было, он не скандалил. Просто, осознав, что жена всё время «забывает» его купить, он начал закупаться сам, внося кетчуп в свой «мужской» список к крему для бритья, лезвиям для бритвы и носкам.

Карри удался. Настя не без самодовольства наблюдала, как, попробовав ложечку и задумчиво потянувшись к кетчупу, Сашка вдруг остановил руку словно в сомнении. Но сказал он совсем не то, чего она ждала.

— Насть, — сказал он, — А что это за форум такой у вас мистический?

Настя едва не подавилась куском курицы. Выпучив глаза, лихорадочно соображая — откуда? Почему? — она кое-как протолкнула еду в нужное горло, откашлялась и ответила, стараясь выдержать небрежный тон:

— Да ну, это так. Я на первом курсе там тусила, стишки писала, всё такое. Тогда же как раз городской сайт возник, помнишь же, — она вонзила вилку в новый кусок, — Там забавно было. Истории всякие. Понятное дело, там по большей части всякие фрики...

— А ты? — Сашка положил вилку и посмотрел на неё как-то очень внимательно.

— А что я? — она пожала плечами. — У меня брат пропал, ты знаешь. Все считали, что он сбежал, чтобы в армию не идти. Ну и там такая сомнительная была история, то ли видели его потом, то ли нет. — Она снова пожала плечами, чувствуя, что совершенно пропал аппетит и улетучилось недавнее прекрасное настроение.

— Так и не нашли ведь? — спросил Сашка.

— Ну ты же сам знаешь, — она отвела взгляд, — Больше пяти лет прошло.

Вдруг с неожиданной силой на село горе и чувство вины. Вопреки своему обыкновению она вдруг поддалась желанию быть понятой и утешаемой и сказала:

— Мне всё казалось, что он где-то там прочитает мои стихи, темы на форуме и вернётся. Была... надежда.

С минуту над ними висела тяжёлая, ватная тишина. Потом Сашка взял вилку и сказал, цепляя на неё карри:

— По статистике, если пропавшего человека не нашли в течение первых двух суток, он, вероятнее всего, погиб.

Настя прикусила изнутри губу и уставилась в свою тарелку. В такие моменты она остро ненавидела своего мужа, совместную жизнь с ним, вообще всю эту чёртову устроенную жизнь с понятными перспективами. Ненавидела так, что забывала дышать.

Наконец тело, которое старше и мудрее разума, перехватило управление и заставило её набрать воздуха в лёгкие. Она вдохнула, выдохнула, снова вдохнула и, чувствуя, как уходит ненависть, сказала:

— Мы уже тогда это поняли.

Глава 43.

Тогда, в двухтысячном, Елена меня фактически два раза вытащила из полного дерьма. Первый раз по воле случая в Стамбуле, и на этом наше знакомство имело все шансы закончиться, потому что я струсилась и сбежала. Оставила её одну со всеми этими вопросами, на которые никто из «турецких ведьм» и не подумала отвечать.

Второй раз случился несколько месяцев спустя, когда я была уже на полметра под водой и успешно приближалась к самому дну. Образно выражаясь, конечно.

Всё дело было в Горгоне.

Всё дело было в том, чем для меня была Горгона, и как я надеялась, вопреки всякой логике, чем я была для неё. Надеялась, что лето ещё не всё, что мы ещё не всё, что главное — увидеться, и я смогу объяснить, восстановить нашу дружбу. Видишь, сказала бы я ей, я ушла от этого зануды. Видишь, я решилась и смогла использовать своё Это, своё Странное сама, по своей воле. Веришь ли, у меня были такие приключения. Я сейчас расскажу — ты просто лопнешь от зависти.

Но всё дело было в том, что Горгоны больше не было.

Дракон отказался рассказывать подробности. Он сказал: случился несчастный случай на игре. И добавил: вы должны были приехать вместе. Какого чёрта ты её бросила?

Тогда я в первый и последний раз в своей жизни поступила смело и честно. Я поехала к Иркиным родителям. Я посмотрела в глаза её маме и сказала: я не знала. Простите. Я была в отъезде, я ничего не знала.

Мама рассказала, что и как произошло. Она не стала, как Дракон, прямо обвинять меня в произошедшем, но когда я уже уходила, она сказала: мы думали, хорошо, что вы ездите вдвоём. Ира, она была такая... безрассудная. Но ты ездила с ней, и нам было поспокойнее.

Подо мной словно расступилась тонкая водяная поверхность, и я начала тонуть.

Мне хватило пары осенних месяцев, чтобы скатиться в полное дерьмо. В училище я приходила раз или два в неделю. Поначалу меня ещё пытались отлавливать и стыдить преподы, но потом — потом я однажды увидела лицо своей кураторши, которая преподавала у нас барельеф. Лицо, на котором была написала ядрёная смесь презрения и досады.

Лицо, после которого я пошла и напилась почти до бесчувствия.

Дело в том, что я теперь могла себе это позволить. Это было чертовски иронично, дьявольски несправедливо и просто невероятно. Мой триггер сломался, моя способность

перемещаться пропала, как и не было, и я осталась, как дырявая лодка на мели: ни друзей, ни любимого, ни перспектив, ни-че-го.

Оставалась ещё бабушка. Которая пока что впускала меня в квартиру, даже когда я шла, держась за стену. Которая помогала мне снять мокрую, грязную или заблёванную одежду, вела в душ, наливала чай. Не трогала, когда я трезвая молча сидела перед листом бумаги, не в силах ни начать, ни закончить хотя бы одно учебное задание. Она знала про Горгону, она понимала и помогала, как могла, но и её терпение однажды должно было кончиться.

Это был ноябрь, парой часов раньше я узнала, что буду отчислена из училища. «Скорее всего» не значит «обязательно», но у меня не было ничего, что бы я могла этому противопоставить. Ни сил, ни желания. Я просто снова купила пива, зашла в арку неподалёку от трамвайного кольца и стала пить, сидя на хлипком деревянном ящике из-под овощей.

Елена шла мимо. Шла неспешно, курила, обходила лужи. Я её тогда не узнала, но она выглядела доброжелательно-задумчивой, и я попыталась счастья:

— Девушка, сигареткой не поделитесь?

Она остановилась, пригляделась. Я встала, оставив бутылку стоять на асфальте. Меня уже изрядно вело, к тому же последние дни я почти не ела — не было аппетита. Елена сделала пару шагов в арку, уронила сигарету в лужу. Наши взгляды встретились.

— Света?

Я невольно отшатнулась. Ещё даже не узнав её, я мгновенно представила, что эта молодая женщина оказывается кем-то из коллег матери, или кем-то из моего университетского прошлого...

— Что с тобой случилось? — она снова шагнула ближе, — Не узнала? Я Елена. Стамбул? Ведьмы чокнутые? Ну?

До меня дошло. Я подняла руки, провела по лицу, пытаюсь собраться и сказать что-то связное. Елена подошла совсем близко и вдруг громко и гневно воскликнула:

— Да что с тобой? Тебя что, мыться не учили? Ты что, в запое? Я тебя для этого черт знает откуда спасала?

Я снова потёрла руками лицо, потом подняла взгляд на Елену и жалобно сказала:

— Горгона умерла. А я виновата. Понимаешь, я сбежала, и она поехала без меня. И теперь её нет. А я больше не могу перемещаться. Пить могу, а перемещаться — нет.

И зарыдала глупыми, пьяными слезами.

Елена вытащила из кармана сигареты, прикурила и стала ждать, когда я прорыдаюсь.

— ...А теперь ты не куришь, — сказала я, облокотившись на перила балкона и чуть свесившись наружу. С этого балкона открывался вид на крыши, крыши и только крыши — целое море турецких черепичных крыш где-то в стороне от Истик-ляль.

— Что? — она поставила на столик пару стаканов с безалкогольным мохито и села в шезлонг.

— Вспомнила, как мы встретились во второй раз. — я повернулась, взяла стакан и отпила. Мохито был холодный и очень вкусный. И безалкогольный.

— Я всякий раз вопрошаю небеса, за что мне такое счастье, — Елена закинула ногу на ногу, покачала туфелькой сабо, повисшей на большом пальце. — Что на этот раз ты с собой сотворила?

— Это не я, — я уселась прямо на плиточный пол балкона, благо, было жарко. — Я же сказала тебе по телефону — это Настя. Тео-чёрточка-лог с форума. Лживая и агрессивная коза.

— К которой ты зачем-то сунулась, — хмыкнула Елена. Прислонила стакан к виску, вздохнула. — Октябрь месяц. Аномальная жара. Мне все твердили, что в Стамбуле в октябре уже дожди и мерзко, а тут вот — двадцать пять в тени.

— Она же всё ещё пишет тот блог в Дайри, — ответила я, снова отпила. Божественный напиток. И ни следа алкоголя.

— Ну, пишет, — отозвалась Елена с явным раздражением, — Тебе-то что? Возомнила себя супергероиней из американского мультика? Ах, где-то страдают, надо явиться и всех спасти!

— Ты же явилась и меня спасла, — сказала я. Звучало глупо, но по факту-то так и было.

— Во-первых, это было совпадение. Во-вторых, ты мне была нужна в сугубо утилитарных целях. Я тебя использовала!

— С особым цинизмом, — заржала я, едва не облившись напитком. Поставила стакан на плитку рядом, стряхнула с футболки пару капель.

Елена не засмеялась. Она хмурилась и постукивала трубочкой по стенке своего стакана. Я изобразила на лице серьёзное выражение и спросила:

— Что тебя беспокоит?

— Соня меня беспокоит, — Елена наконец сунула трубочку на место и потянула свой мохито длинным глотком. Откинулась на шезлонг, снова прислонила стакан к виску и продолжила довольно ворчливо:

— Ты с ней не имела дела, поэтому просто не представляешь себе, как она на людей действует. Я же помню, я не неё смотрела, как кролик на удава.

— Она тебя просто поймала, когда ты была растеряна.

— Она всех так ловит. Знаешь, что? — Елена села прямо и со стуком опустила стакан на столик. — Надо идти к местным.

— Да иди ты! — я вскочила, сшибла стакан с остатками жидкости. Он брякнул о плитку и быстро покатился, расплескав содержимое, к краю балкона, в проём между редкими опорами решётки.

— Ай! — я прыгнула за стаканом, в последний момент успела цапнуть его на краю и тут же влетела лбом в опору. Больно было так, что в глазах на мгновение потемнело и стало дурно. Я медленно села, скорее даже плюхнулась на задницу.

— Дура, — Елена быстро встала, — Ляг и лежи, глаза закрой, я сейчас лёд принесу!

Спорить желания не было, я легла, растянувшись по диагонали и всё ещё сжимая в руке чёртов стакан. Вскоре послышался стук сабо, и мне на лицо плюхнулся ледяной пакет с чем-то мелким и твёрдым внутри. Я прижала его ко лбу и зашипела от облегчения.

— Лёд кончился, так что только это. — Елена издала смешок, — Прямо как в американском сериале — герою на разбитое табло кладут замороженный зелёный горошек...

Я не выдержала и тоже захихикала. Господи, вся жизнь — как тупой гэговый сериал. Не хватало ещё...

— Не хватало ещё добить стакан, — Елена вытащила стеклотару из моей руки. — Полежи, я ещё налью.

— Спасибо, — пробормотала я из-под пакета. Лицо уже основательно охладилось,

место удара даже онемело слегка, а пакет начал нагреваться. Я перевернула горошек холодной стороной к себе и снова невольно захихикала.

Если кто тут супергероиня — так это она, Елена. Появляется как по волшебству, от очисток очищает помоешную собаку (не в первый уже раз, кстати), отмывает от грязи, даёт колбасы и каким-то образом заставляет шевелиться. Божечки, да у неё даже присказка одно время была — хватит огорчадзе, надо шевелидзе!

Тогда, в ноябре двухтысячного, она спросила:

— Больше не можешь перемещаться?

— Больше не работает алкоголь, — ответила я.

— А как же ты из Стамбула сбежала? — поинтересовалась она.

— Это... не я! — ответила я неуверенно. Я не слишком хорошо помнила, что произошло. Я не слишком хотела вспоминать. Я тонула в горе и чувстве вины, потому что Горгоны больше не было, и Сашки, по сути, тоже больше не было — не было для меня; и не было Таньки, потому что я не могла себя заставить снова ей позвонить. Не после того разговора у рынка. Но Елене было, в общем, плевать на мои терзания. Я была ей нужна — живая, здоровая и способная почти мгновенно оказаться за тысячу километров от дома. Поэтому она твёрдо сказала:

— Это была точно ты. Ведьмы сказали, что Замок сломала твой триггер. Снесла его к херам. Потому что ты, дескать, идеальный ключ, и, если бы не сбежала — вы втроем могли бы открыть город. Ты просто взяла и прыгнула без всякого триггера.

— Не может быть, — я, всё ещё не вполне трезвая, одетая после душа — опять! — в одежду Елены, снова схватилась за лицо и принялась тереть щёки, тщетно пытаюсь прийти в себя, проснуться, очнуться, выскочить из этой тёмной и бредовой реальности в какую угодно другую.

— Это была точно ты, — повторила она. — Но прямо сейчас я тебе бы не советовала эксперименты ставить. Сейчас мы лучше такси вызовем, я тебя домой провожу. Выспишься, встретимся завтра — тогда увидим.

— Как лоб? — здесь и сейчас, в октябре, на балконе Елена приподняла подтаявший пакет, посмотрела внимательно.

— Ну, что там? — я подняла было руку к лицу и получила шлепок по пальцам:

— А ну, не трогай. Ссадина небольшая и синяк... тоже не очень большой будет... наверное. — Она ушла, судя по звукам, вернула горошек в морозилку, а взамен принесла пластырь и полотенце. Сама вытерла мне лоб и заклеила наискось, закрывая самое ободранное место.

— Лен, — позвала я.

— М? — она смотрела сверху вниз с озабоченно-недовольным выражением на прекрасном лице.

— Вот бы ты была моей сестрой, — сказала я. И тут же пожалела об этом.

Елена встала, уронила на меня полотенце и с непередаваемой интонацией ответила:

— Да боже упаси.

И ушла в комнату, оставив меня лежать на балконе, чувствовать лопатками твёрдую плитку, нагреваться на октябрьском стамбульском солнце.

Октябрьские выходные всегда словно не совсем настоящие. Вот летом — летом Настя уже в пятницу придумала планы, взяла разгон и полетела прямо через утреннее сияние, дневную жару и вечернюю томную лень. Она вскакивает в семь утра просто потому, что солнце вломилось в комнату и залило её яркими, чистыми, почти слышно звучащими лучами. Варит кофе, подпевая незамысловатой бодрой попсе, несущейся из радио. Шумит вода, шумит конфорка на плите, орут воробьи на берёзе за окном, орёт малышня на детской площадке. Сашка приходит на кухню с розовым и свежим после бритья лицом, торчит взлохмаченный хохолок над высоким лбом, блестят глаза. Настя жарит гренки на сливочном масле, или блины, или заливает вчерашний рассыпчатый варёный рис подогретым молоком. После завтрака они возьмут полотенца, купальные костюмы, шляпы, крем от солнца и прочие совершенно необходимые вещи, сядут на велосипеды и поедут по ещё прохладным улицам к реке, к паромной переправе. И целый день будет занят предсказуемым, но бесконечно любимым путешествием: паром, улицы небольшого соседнего городка, дорожки огромного лесопарка, пляж на песчаной косе. Купание, бесцельное валяние с книжками, разговоры о том — о сём, виноград и персики, потом, в августе — арбузы, потом, возможно, встречи с институтскими друзьями, шашлыки, коллективные прогулки на речном трамвайчике. Иногда визиты на дружеские или родительские дачи. Потом ранняя осень — это та же компания, выезжающая по грибы, на пикник, на рыбалку.

Зимой будут лыжи и каток, родственные застолья, сессия, которая студентам кажется кошмарным сном, а преподавателям — бесконечным тягостным безвременьем, сжирающим сон и нервные клетки. Весной начинаются прогулки и возобновляются визиты на дачи...

А в октябре как будто всё ломается. Всё те же суббота и воскресенье, которые ты имеешь право потратить по своему вкусу, превращаются в один большой тягостный обман. Ты можешь выключить будильник, но всё равно проснёшься не позже восьми, таков удел стабильного устойчивого жаворонка, встающего рано утром чуть ли не с детского сада. Все твои планы так или иначе сломаются о плохую погоду и об постоянно срывающиеся договорённости. Все вокруг непременно начнут простужаться, отменять походы в кино или встречи для игры в настолку. Начнут болеть чьи-то дети, начнут названивать родители, прося съездить за тем-то или купить то-то. Всё не так, всё не то, и все бесят.

Настя смирилась с тем, что поздняя осень — это время терпения и утраченных возможностей. В последние годы она поймала себя на том, что с уменьшением светового дня и ухудшением погоды всё сильнее начинает залипать в интернете. Городской форум расцвёл и заколосился, из него выделились и обросли аудиторией бесконечные подфорумы и дискуссионные площадки, и Настя обнаружила в себе страстную спорщицу, умело подключающую общую эрудицию, логику, сарказм и даже злобный стёб над собеседником. Так же точно в одном из мерзких октябрей она завела себе учётку на сайте дневников и начала анонимно писать всё то, что не могла сказать никому. Никому, даже мужу, даже, если уж на то пошло, своему психотерапевту. Она изливала туда свои ежедневные горести, свои злобные или тоскливые мысли, свои неправильные, невозможные воспоминания. Она быстро поняла, что может оформлять это всё как нехитрое девчочковое фэнтези, какое как раз вошло в моду и наполнило дневники и даже книжные полки магазинов. Рассуждения о несбывшемся, фантазии и домыслы, прослоённые лепестками прошлого и кое-где щедро политые её болью, страхом и сомнениями. У неё сформировалась небольшая, но преданная

аудитория, выдающая на каждый пост предсказуемые, но всё равно приятные восторги и просьбы продолжать.

Настя написала туда и про Соню — только потому, что на календаре был октябрь, и, запертая очередными расстроенными планами в квартире, она просто не могла себя никуда деть. Настина мама, любительница всякого рода присказок и приговорок, называла такое состояние «ищет пятый угол». Настя искала пятый угол всё чёртово воскресенье, когда позвонил их институтский приятель и сиплым голосом проинформировал, что и он, и жена заболели, а значит, их заранее намеченный коллективный поход в баню отменяется.

Сашка по этому поводу энергично заявил, что Зайцевы — дебилы, потому что надо было, как все нормальные люди пойти и сделать прививку от гриппа вовремя. Настя предложила было пойти в кино, но тут очень кстати позвонил свёкр, и муженёк со скоростью звука свинтил что-то там помогать, чинить, налаживать — Настя не вдавалась. Она на автомате сказала — да, иди, нет, не обижусь, а потом обнаружила себя сидящей на кухне над кружкой остывшего чая.

Она пыталась читать, смотреть сериал, вязать, разбирать ноты новой песни, но всё не шло. То и дело она замирала, потерявшись на середине строки, сериальной сцены или недовязанного ряда, и снова понимала, что думает над тем, что рассказала Соня. В какой-то момент она ощутила себя удавом, который проглотил слона. Если бы день прошёл как запланировано, слон оказался бы отодвинутым куда-то на задний план, можно было бы сделать вид, что его нет, и начать есть его, что называется, по кусочкам. Но вышло так, как вышло, и теперь у Насти не было выбора, кроме как снова и снова возвращаться мыслями к ошеломляющей, огромной, неудобной правде и ещё более ошеломляющим перспективам. Возвращаться, смотреть на невозможное и пытаться вжить его в привычную реальность. Вдумать, встроить, привыкнуть, наконец.

— Ты привыкнешь, — сказала ей Соня почти сразу. — Все привыкают. Проще всего, конечно, тем, кто обладает слабым потенциалом и может обойтись простой защитой. Путешественницы — с ними проще всего. Выделить триггер и заблокировать его. С тобой другая история. Ты — особенная.

«Я особенная», — подумала она в сотый или даже тысячный раз, прижав онемевшими пальцами струны и слепо уставившись в листок с песней.

Я — особенная. Я могу во мгновение ока изменить чужую жизнь всего лишь прикосновением. Уничтожить человека или выполнить его мечту. Свести с ума или спасти. Всё зависит от обстоятельств... и от владения мастерством.

— Все поначалу лажают, — сказала Соня. — Чаще всего толкачки бывают либо сильными, либо точными. Из сильных получаются идеальные киллеры, из точных... — Соня усмехнулась, — ...тут возможны варианты, но умение переместить человека на десяток метров по точным координатам может стоить огромных денег. Если бы ты была одной из них, я бы просто нашла тебе наставницу и отошла в сторону. Но ты — особый случай.

Я — особый случай. Настя разжала сведённую до болезненности руку, отложила гитару. Встала и бессмысленно походила по комнате туда-сюда.

— Ты, судя по тому, что я вижу, универсальная толкачка, — сказала Соня, — каких во всём мире, по моим сведениям, человек пять. Из них четыре уже очень немолоды и практически отошли от дел, а ещё одна ударилась в православие и ушла замаливать грехи.

— В смысле?! — изумилась Настя.

— В прямом, — Соня вздохнула, — В монастырь ушла, дура, и там её в целом держат за

умалишённую, потому что можешь вообразить, что думает средний обыватель про разговоры о волшебном перемещении людей и предметов.

— Кто-то, может, верит...

— Кто-то верит, — кивнула Соня, — Наше дело фильтровать тех, кто не просто верит, а ещё и заплатить за это может и хочет. И лучше, чтобы и те, и другие свои соображения держали при себе.

Настя тогда, во время разговора, всё время ощущала себя канатоходцем на непрочном канате, человеком, который отчаянно балансирует между здоровым прагматическим скептицизмом и отчаянной нуждой, невыносимой жаждой получить ответы на свои вопросы. И Соня не обманула её ожиданий. Она ответила даже на те, что не были заданы.

Только одно осталось непрояснённым. «Наше дело», сказала Соня. «Мы можем», сказала она. «С нами ты получишь возможность».

Кто эти «мы»?

Настя снова прошла туда-сюда, а потом подошла к дивану и плюхнулась на него плашмя. Уткнулась носом в покрывало, повозила лицом по мягкой ворсистой шерсти. Перевернулась на спину и, глядя на волнистые плафоны люстры, спросила сама себя: а я точно хочу это узнать?

Что-то её беспокоило подспудно. Что-то она забыла, не сделала или сделала зря. Наконец, влекомая беспокойством и потребностью в утешении, она прыгнула к компу и загрузила дневники. Под её последним постом ждали привычные похвалы, восторги и вопли нетерпения — ещё, ещё! Настя расслабилась и самодовольно усмехалась, листая комментарии. «Если наука мне надоест, — думала она весело, — я, пожалуй, могу податься в писательницы».

Глава 45.

— Если ей наука надоест, она может податься в писательницы, — сказала Елена, неспешно крутя колёсико мыши. — Писанина, конечно, небрежная, но ей хорошего редактора — и будет не хуже, чем добрая половина современных фэнтезийных книжек.

— Она же это всё не сама придумала, — заметила я, не переставая работать карандашом. Елена никак моё поведение не прокомментировала, она смотрит в экран. Но на мои слова отвечает:

— Если бы дело было только в сюжете.

Я предпочитаю промолчать. Проблуждав всё детство и юность в тумане придуманных миров, я однажды осознала, что слова — не моя стезя. Я любила и люблю читать, а вот писать оказалось скучно и сложно. Все мои залихватские истории, кружившие мне голову и баюкавшие меня среди любых жизненных трудностей, оказывались пресным вторичным барахлом, стоило попытаться заключить их в слова и перенести на бумагу. Нет уж, нет. Я лучше буду рисовать.

Мягкая линия скулы, крупный локон, круто изогнутая кисть руки, подпирающей подбородок. Карандаш, ложась почти плашмя, закрывает широкой и лёгкой тенью длинную шею, а потом, встав почти перпендикулярно бумаге, обозначает чёткую линию выреза футболки, выпуклость ключицы и округлость груди.

Я добавляю тонкие изогнутые штрихи ресниц, чуть усиливаю штриховку на основной

массе крупно вьющихся волос — всё, можно и нужно остановиться. Отвести взгляд и от рисунка, и от модели. Отложить карандаш, потянуться, перевернуть лист скетчбука.

Внезапно Елена поворачивается ко мне:

— Покажи-ка.

— Да ну, — я обнимаю скетчбук, словно она может его отнять силой. Елена вздыхает:

— Да брось. Я видела уже, как ты рисуешь.

— Не тебя.

Это чистая правда, я раньше ни разу её не рисовала.

— Ну что я, зря полчаса сидела на попе ровно? — Елена хитро усмехается, — Давай сюда, зануда!

Я не знаю, почему, но я протягиваю ей скетчбук, придерживая на нужном развороте.

Она смотрит. Я вижу, как движутся её зрачки, обегая лист, перескакивая вверх и вниз, задерживаясь на деталях. Вздыхает.

— До чего ж ты романтическая натура, — скетчбук лёг на стол, страницы тут же ожили, перелистнулись к первому форзацу.

— В каком смысле?

— В прямом, — Елена отвернулась, снова принялась скроллить блог Насти. — Не будь тебе великой художницей. Любишь ты красоты наводить.

Внутри что-то болезненно дёрнулось. Пришлось сделать паузу, напомнить себе, что ссориться стратегически невыгодно. Я протянула руку, забрала скетчбук и, долистав до чистых страниц, приготовилась было начать новый набросок. Ну, допустим, даже если она и права, чего теперь? Я в великие и не рвусь. На кусок хлеба с маслом зарабатываю, и норм.

Елена нашла, кажется, что-то для себя интересное, и сидела, снова подперев щеку ладонью. Я прикинула, откуда начать, и... до меня дошло.

— А где твоя бабочка? — спросила я, откладывая скетчбук.

— Сняла, — Елена не обернулась. Мне почему-то показалось, что ей неловко это обсуждать.

— Не боишься больше?

— А чего мне в Стамбуле-то бояться? Он же по-прежнему закрыт. — Она всё-таки отвернулась от экрана, облокотилась на спинку стула и посмотрела на меня. — К тому же, у меня есть постоянный бойфренд. Ты его должна помнить, Али.

— А! Миниатюрк! — я захихикала. Елена двинула уголком рта, скрывая улыбку, и с показной сварливостью ответила:

— Назови его так ещё раз, и я тебя с балкона выкину.

— Блин, извини, — я должна была бы чувствовать себя виноватой, но не получалось. Али был чудовищно смешной и утомительный. Маленького роста — с меня, а я была Елены на полголовы, наверное, ниже. Щуплый, с короткими вечно всклокоченными волосами, с желтоватыми от постоянного курения зубами, периодически невыносимо болтливый и хвастливый тип. Он моментально посадил Елену на чудовищные местные вафли с шоколадом, сливками и какими-то разноцветными посыпками. Протащил её по всем местным ресторанчикам «средней руки», где вкусно готовят для своих. Приучил её пить турецкий кофе, есть дыню с рассольным сыром и ездить на скутере. На первый её турецкий день рождения он подарил ей красный шлем, покрытый белыми ромашками. И чтоб вы понимали — она до сих пор ездила в нём.

— Ты ничего не понимаешь, — сказала она, когда я в первый раз выразила осторожное

удивление её выбором, — Он умный и похож на Фредди Меркьюри.

Насчёт ума я предпочитала не судить, а на Фредди он был похож... слегка. Когда смеялся, откидывая голову назад.

И я сделала очевидный, в общем-то, вывод, что этот парень обеспечивает Елене что-то несомненно для неё важное. Зная её историю — полагаю, хороший секс.

— Я ему написала, он придет, — сказала она вдруг.

— Что? Зачем? — я тут же почувствовала, как наползает желание отодвинуться, закрыться, защититься. Чужой. Посторонний.

— Нам *придётся* ехать к ведьмам. Нам нужен кто-то... сторонний. Мужчина. При нём они не будут... — Елена замолчала, не решаясь сформулировать прямо.

При нём они не посмеют нанести нам вред *сразу*. У нас будет время, чтобы начать разговор. Сколько будет этого времени? С момента, когда меня выкинуло в парке, прошло меньше суток, но пока никто из ведьм меня не обнаружил. Оно и понятно, след сильнее всего держался у места выхода, а оттуда Елена меня очень быстро забрала. За те три года, что она постоянно живёт в Стамбуле, ведьмы её не беспокоили, они вообще вряд ли её отслеживали, если уж на то пошло. Они и меня сейчас искали, скорее всего, не очень старательно, что те, что другие. Я в прошлый раз показала себя вполне однозначно, сбежав в самый, так сказать, драматический момент.

— Ладно, — я вздохнула, — И что же, к кому ты предлагаешь идти? К твоей этой жуткой бабе, как её... Елы... Елды...

— Йилдыз, — Елена отвернулась к ноуту, — На турецком, кстати, значит «Звезда». Нет. Она и правда баба... жуткая. То есть, у меня вроде нет причин её бояться, но что-то в ней такое ощущалось. К тому же, она мне тогда наврала.

— Как и Соня.

— Как и Соня. Они, похоже, все врут, как свидетели, — Елена хмыкнула, не то усмехнулась.

— Насчёт Сони я вот думаю... — рассказать? Всё или только часть?

— Не думай, — Елена уже тыкала в свой новенький телефон с огромным экраном, — Сейчас. Я нашла телефон Ёзге Эшрефдже. Это та тётка с близнецами, которая тебя и прошлый раз похитила. Сейчас я возьму байк, отъеду к Галате и ей позвоню. Надо только дождаться... а!

В домофон зазвонили, Елена пошла открывать, а я на всякий случай выбралась из-за стола и встала в проёме балконной двери. Какой может быть всякий случай, и куда я сигану с третьего этажа, я не подумала, но, как говорится, надо же что-то делать.

На лестнице зазвучали шаги, потом в прихожей — голоса. Елена засмеялась, заговорила на турецком. Я в очередной раз поразилась — как она не то, что говорить, вообще слова отдельные слышит во всём этом странном потоке бурчащих, жужжащих, стучащих звуков. Научилась болтать не хуже местных, обалдеть.

— Света, — позвала Елена. Пришлось вернуться в комнату, выйти в коридор.

— О, привет, детка, — миниатюрк тут же включил поток болтовни и обаяния, спасибо хоть на английском. — Твоя подруга показывает тебе высокую степень доверия, оставляя нас вместе! — Он откинул голову назад и довольно заржал, — Элен, я забыл, как зовут эту уважаемую персону!

— Света её зовут, — Елена побренчала ключами от мотороллера, — Али, прошу тебя, заткни фонтан и послушай внимательно.

— Откуда ты знаешь такие невежливые фразы? — осведомился Али, — Я преподаю на английском уже пять лет, и ни разу не сталкивался с подобным.

— Круто, — я уперла руки в бока, — теперь и ты знаешь. Лен, ты уверена, что мы без него не обойдёмся? — добавила я по-русски.

— Ты тоже заткни фонтан, — любезно ответила она. — На поездку и разговор мне нужно примерно пятнадцать-двадцать минут. Сидеть тихо, вести себя прилично. Можете кофе сварить, в холодильнике есть фруктовое мороженое.

— Отлично, — я развернулась и пошла на кухню. Елена о чём-то ещё быстро переговорила со своим бойфрендом по-турецки. Вынимая из шкафа кофемолку и кофе, я слышала, как за ней закрылась дверь. И тут же неосознанно напряглась.

Али вызывал у меня смешанные чувства. Он был живчик, конечно, и болтал с такой скоростью, что я его английский понимала через раз. В языках я была и осталась совершенной бездарностью. Такие как я троечники отлично налаживают коммуникацию друг с другом, и им не мешает ни адский акцент, ни маленький словарный запас. Но вот с теми, кто владеет языком прилично... В двухтысячном и пару лет после того мне пришлось подтянуть грамматику и набрать словарный запас, пока я занималась делами Елены в этом самом Стамбуле. А также в Европе и совсем немного — в северной Африке. Египет какое-то время был удобнее всего, Марокко сначала не зашло, а потом Елена всё-таки переехала в Стамбул и полностью сосредоточилась на местных ресурсах.

Так или иначе, английский у меня был как то японское хаори, которое досталось тебе от пра-прадедушки, и на которое успели нашить заплатки все остальные члены семьи. От исходной школьной одежды — заученных правильных выражений — ничего почти и не осталось.

В общем, я уже морально подготовилась к очередному потоку, из которого я буду вылавливать отдельные слова и опознавать на лету отдельные конструкции. Электроконфорка грелась, джезва стояла на плите, Али залез в холодильник и искал сладкое.

Мне на глаза попался графин с остатками вчерашнего мохито. Я вылила мутную слабо пахнущую мятой водичку в стакан, скинула остатки размочаленных лаймов в мусорку и отошла к окну, на широкий подоконник. Там стояли банки со специями и лежали кулинарные книжки, но мне удалось сдвинуть всё в сторону и устроиться спиной к стеклу, за которым день постепенно становился из тёплого жарким. Но отпить из стакана я не успела.

Али наконец вытащил из морозилки пакет с мороженым, огляделся, нашёл взглядом полку с блюдами и салатниками и повернулся ко мне:

— Не могла бы ты...

Пришлось встать и вытащить ему одно.

— Спасибо, — он плюхнул пакет на блюдо, уверенно вытащил из ближайшего ящика большие кухонные ножницы. Явно был тут не впервые.

Действуя аккуратно и быстро, Али вскрыл пакет, нашёл большую ложку и зачерпнул мороженого от души. Замер на мгновение — и снова повернулся ко мне.

— Тарелки! Я забыл про тарелки.

Я не удержалась — завела взгляд к потолку и театрально вздохнула. Он тут же плюхнул ложку с мороженым обратно в пакет и быстро сказал:

— Ладно, ладно! Я сам. Кофе!

Кофе, оказывается, уже поднялся пенной шапкой под самое горлышко джезвы. Я

спрыгнула с подоконника, взялась за толстую деревянную ручку и несколько раз стукнула доньшком по тут же рядом лежащей деревянной подставке. И вернула на огонь. Али вздёрнул брови, двинул усами, но комментировать не стал — раскладывал мороженное по найденным в шкафу креманкам.

— Если хочешь действительно вкусный кофе — надо дать пене подняться три раза, — объяснила я.

— Пффф, — он засмеялся, кинул ложку в мойку и, сворачивая пакет с остатками мороженого, заявил:

— Глупости. Вкусный кофе — это хороший кофе. Дорогой. Его можно кипятком залить — будет вкусный кофе. Это всё, — он ткнул пальцем в сторону плиты, — Магия... как это... ритуальные танцы. Враньё. К тому же ты положила мало сахара.

Я молча убрала джезву с конфорки, выключила плиту. Али выставил рядом пару простых белых чашек, и я сразу подумала — интересно, в Стамбуле есть «Икея»?

— Извини, но я скажу тебе честно. — Али уже наливал кофе, — Вы, русские, не умеете пить кофе. Не понимаете, как его выбирать, что к нему покупать.

— Али, — я забрала одну из чашек и вернулась на свой подоконник, — Знаешь, Али. Извини, но я отвечу честно. Вы, турки, все какие-то чудовищно невоспитанные. Это у вас генетическая черта или национальный обычай?

Али было замер на месте, интересно — разбирался в моём акценте или думал, как отбрить остроумно? — потом со своей чашкой и мороженым сел к столу. Посидел, шевеля усами, как Чапай из анекдота, и наконец принял решение:

— Национальный обычай. — Отпил из чашки, посмотрел внутрь зачем-то, перевёл взгляд на меня. — Мы все люди открытые, честные, понимаешь? Культура такая.

— А-а-а, — моя порция мороженого так и осталась на рабочей поверхности возле холодильника, вставать за ней жутко не хотелось. Потом. — Значит, культура. Хорошо.

Али вдруг вскочил, схватил вторую креманку, принёс и поставил рядом со мной на подоконник. И тут же убрался на своё место к столу.

— Спасибо, — странный он всё-таки.

— Пожалуйста, — он сунулся почти носом в своё мороженное и временно, так сказать, заткнул фонтан.

Оно и к лучшему, разговаривать мне не хотелось. Я пила кофе, без особой охоты ковыряла ложечкой очень сладкое и жирное мороженное, а внутри меня начинало заворачиваться привычным жгутом беспокойство.

Что же будет. Что же уже совсем скоро будет.

Глава 46.

В такси было душно и мерзко пахло ёлочным ароматизатором. Открытые окна не помогали, машина шла по какой-то широченной улице, забитой транспортом. Али сел вперёд и тут же затеял болтовню с водителем, а Елена коротко пересказала мне свой разговор с Ёзге. Выходило так, что нам дали шанс на переговоры. Что-то у них самих тут происходило, так что сначала ведьма не горела желанием нас видеть, но упоминание Сони всё изменило.

— Господи, что ж у этого засранца кондея нет в машине, — Елена, вся взмокшая, с

шумом выдыхала горячий воздух, проводила кончиками пальцев по влажному лбу. Я ей от души сочувствовала. Духота раздражала, но в целом неожиданная октябрьская жара не доставляла мне неудобств.

— Почти приехали, — бросил через плечо Али. Я глянула в окно и узнала ту круто забирающую вверх улочку, по которой пять лет назад шла с Ёзги и её дочерями на трамвайную остановку.

Девчонки, наверное, уже взрослые совсем. Я прикинула: пять лет назад им было лет по тринадцать... кажется. Так и есть, взрослые. Интересно, как они теперь выглядят.

Машина остановилась, пришлось выбираться наружу. Выйдя, я привычно проверила блокнот в заднем кармане джинсов и мобильник в куртке. Почти пустой рюкзак болтался на спине, где-то в глубине, во внутреннем кармане на молнии, лежал мой паспорт и немного денег. Беспольных, кстати, совершенно российских рублей. Случись что — придётся уходить в прыжок, а я... всякий раз, оказываясь в Стамбуле, я иррационально боялась, что на этот раз не смогу выбраться. Ну да ладно. Елена уже заходила в подъезд, и я поспешила за ней. Али расплачивался с таксистом.

Белая гладкая дверь квартиры с громким щелчком открылась, и на пороге появилась Ёзге. За пять лет она совершенно не изменилась. Даже спортивные штаны, кажется, были те же. Она мазнула взглядом по нашим лицам и уставилась на Али, который стоял несколькими ступеньками ниже на узенькой лестнице.

— Это ещё что? — Ёзге шагнула из квартиры, прикрыла за собой дверь. — Мужчине тут нечего делать. Это их не касается. — она перевела взгляд на Елену:

— О таком уговора не было!

— Ещё бы, — Елена наклонила голову в сторону, — Считай, это наша страховка. От несчастного случая. Слушать наши разговоры ему необязательно, посидит на кухне, или на балконе — у тебя есть балкон? — ну вот, там и посидит. Дождётся, чтобы мы вышли целые и невредимые.

Ёзге постояла, сложив руки на груди и выдвинув вперёд челюсть. Посверлила взглядом Елену, потом меня, потом кинула ещё один неласковый взгляд на Али и, наконец, сдалась.

— Глупые девицы. Ладно, заходите.

Знакомый сумрачный коридор, выложенный плиткой, привёл нас на кухню. За столом с чашкой чая сидела высокая тощая девушка с короткой стрижкой, вся в чёрном. Когда мы вошли, она резко вскинула голову и издала невнятный возглас.

— Привет, Кара, — сказала я, вошла и села напротив. Елена тоже зашла, с интересом оглядываясь. В коридоре о чём-то весело трындец на турецком Али, Ёзге пыталась, кажется, его заткнуть, но не преуспевала.

— А где Акса?

— Где-где, плавает в пруде, — раздалось из коридора. Я обернулась. Ещё одна длинная девица стояла, подпирая косяк и сунув руки в карманы джинсов, но у этой волосы были ниже плеч, а одежда пёстрая. Наши взгляды встретились и Акса на хорошем русском языке почти без акцента сказала:

— Моя сестра всё ещё заикается. И ты ей по-прежнему не нравишься.

Стыдно признаваться, но меня это задело. И я сказала на своём бодром лоскутно-штопанном английском:

— Зато ты, как я вижу, болтаешь за двоих. Как и раньше. Милая майка, кстати!

Акса оттолкнулась плечом от косяка, прошла мимо нас в дальнюю часть кухни, к плите

мойке. Щёлкнула электрическим чайником, вытащила из шкафа над мойкой разноцветные керамические чашки.

— Девочка, ты с ума сошла? — спросила Елена злобно, — Или ты смерти моей хочешь? Какой чай, нахер, в такую жару?

Акса повернулась к холодильнику, вытащила большую бутылку колы и, подцепив с сушилки пару стаканов, принесла все на стол. Бухнула бутылку перед Еленой и с издёвкой сказала:

— Жирным всегда жарко! Не представляю, как ты тут летом-то, бедная.

— Ах ты мелкая... — начала Елена, но тут на пороге показалась Ёзге. Я вскочила, свернула бутылке с колой крышечку и триумфально облилась с головы до ног.

Все четверо уставились на меня с одинаковым выражением брезгливого недоумения.

— Прошу прощения, — сказала я, налила себе полстакана колы и выпила залпом. Пузырьки тут же шибанули в нос, так что я зажмурилась и несколько секунд пережидала. Мокрые пятна на футболке тут же начали испаряться, и это было даже приятно.

Я открыла глаза и сказала:

— Надо поговорить.

Ёзге покачала головой, повернулась и что-то быстро сказала Аксе по-турецки. Я вопросительно взглянула на Елену.

— Да ничего такого, — Елена пожала плечами, — велела ей стаканы на всех достать. Реально же невозможно сейчас чай пить!

Наконец, стаканы выстроились на столе, а мы все уселись вокруг. Надо было начать разговор, но на всех четверых нашла какая-то дурацкая нерешительность. Мы смотрели друг на друга, косясь вправо и влево, хватаясь каждая за свой стакан, облизывая губы и нервно сглатывая. Кто-то должен был начать, и, боже мой, можно это буду не я. Наконец, Ёзге решилась:

— Ну, что же. Я так понимаю, произошло нечто особенное, раз вы решили прийти ко мне. — Она посмотрела мне в глаза, и мне захотелось спрятаться. — Из того, что Елена рассказала, я ничего не поняла. Какая-то новая толкачка у вас в городе? При чём тут Соня? При чём тут мы?

Охохо. Вот тут мне придётся-таки рассказывать. Ну ладно.

— Я случайно узнала кое-что про Соню, — говорю я осторожно. Что-то, наверное, известно им самим, вопрос — что. — Так получилось, что она меня... не чует? Не знаю, как сказать. Когда я прыгаю, она об этом знает. А вот когда я рядом нахожусь — нет. Я немного за ней понаблюдала. Поковырялась в сети, поискала людей, которые с ней связаны. Нашла кое-кого...

— Кого? — быстро спросила Ёзге. Елена пока что молча слушала.

— Женщина одна... была, — мне очень не хотелось вдаваться. Но придётся. — Так получилось, что у моей бабушки была старая подруга, Нора Витальевна. И в прямом и в переносном смысле старая. Она была толкачка, но слабая, и никогда не использовала... ну, только в демонстрационных целях. Она Соне приходится вроде бы наставницей. Или у них была одна общая наставница... Это... мне бы и в голову не пришло. наших же довольно мало, на самом деле. В миллионном городе сейчас всего пятеро, ещё столько же разъехались в последние годы. Но получается, что мы как бы всегда где-то поблизости.

— Так везде. И всегда было. — Ёзге потянулась снова к бутылке с колой, начала было наливать в стакан — и замерла, не долив. Спросила:

— Что с ней стало?

— Я думаю, Соня её убила. За то, что она отдала мне свои записи. — Ну вот, самая неприятная часть сказана, но объясняться придётся ещё долго.

— погоди, — тут Елена словно проснулась, повернулась ко мне, хмурясь, — Ты мне этого не рассказывала.

— Да я собиралась, — вру я, — Это было недавно, пару месяцев назад всего. Ты сидишь в Стамбуле минимум до декабря, а я собиралась заглянуть к бабушке и свалить в Испанию до Нового Года. Раз уж с визой повезло... А в январе встретились бы как обычно.

— Как будто нельзя письмо написать, — Елена снова включила сварливый тон, и в сочетании с английскими словами это звучало странно и смешно.

— Не надо об этом писать, — медленно произнесла Ёзге, — Всё правильно сделала, девочка. Где записи?

— В надёжном месте, — это как раз правда. И чёрта с два я скажу, где это место находится.

— Ладно, — Ёзге интересуется не это. — Что там с Соней?

— Соня — «муравьиный лев», — говорю я, — И закрывалка охрненной силы. Ей нужна эта новая толкачка, Настя, и ей нужна путешественница такой же силы. Потому что она задумала закрыть... Ну, всю страну ей не под силу, наверное. Но город — точно сможет. И самое поганое, я так поняла, что путешественница совершенно не обязательно должна в этом добровольно участвовать.

— «Муравьиный лев», — повторила Ёзге, — И закрывалка. — Лицо её ненадолго стало задумчивым, она как будто что-то подсчитывала. Потом её взгляд вернулся к моему лицу:

— У вас проблема, я понимаю. Мы отчасти знали...но это не наше дело. Мы договорились с Европой, подписали новое соглашение и соблюдаем его. Китай тоже планирует присоединиться. Штаты... ну, у них там своя специфика, и нам они, в целом, не опасны. А Россия промолчала, никого ваших не было. Вы... сами по себе. Вот сами и разбирайтесь.

Вот же чёрт. Истинная правда, никто из «наших» не поехал на ту встречу. Потому что нету у нас никаких «наших». Никто не захотел договариваться, насколько я понимаю. Я вспомнила рыжую толстую девочку в спортивном костюме, которая поймала меня у подъезда, когда я навещала бабушку.

Я её выслушала, конечно. И честно сказала: мне всё равно. Я тут не живу, а когда появляюсь — веду себя тихо и незаметно. А Соня... что ты сделаешь с Соней? Она сидит тут, в городе, как паук в углу, на другие города не претендует. Отчасти даже доброе дело делает, отлавливая неофиток, ошалевших от ужаса после своего первого раза.

(Тогда у меня ещё не было тетрадки Неры Витальевны)

Кажется, она пыталась устроить какое-то там собрание. Может, на него даже кто-то добрался, в конце концов, в крупных городах человек по пять-шесть есть, а в столице десятка три, учитывая понаехов с соседних республик. Но тем, кто носит защиту или как-то компенсируется, тем более пофиг, толкачки организовались в собственную сеть и на остальных плевали, Соня им не враг, а часть агентуры, а активных путешественниц, таких как я... нет, таких, как я — вообще больше нет. Одним словом, нет у нас никакой такой организации.

— Но мы можем поторговаться за помощь, — говорит вдруг Елена. И пока я не успела возразить или задать вопросы, она продолжает:

— Вы же хотели открыть Стамбул. И вы теперь точно не можете сделать это сами.

Кажется, Ёзге именно этого и ждала. Она откидывается на спинку стула, укладывает руки на стол и в упор смотрит на меня. И отвечает — как бы Елене, но на самом деле мне:

— Мы можем поторговаться.

Глава 47.

Морской окунь Насте попался отличный. Размороженный, конечно, но правильно: рыбки были хорошего ярко-красного цвета, чешуя с них не облазила, шипастые плавники не обломаны и не обтрёпаны пятнистые хвосты. Пока в кастрюльке закипала вода для риса, Настя, облачившись в резиновые перчатки и вооружившись кухонными ножницами, аккуратно состригала длинные плавниковые шипы.

У Насти было отличное настроение. В понедельник она вела всего одну пару у первокурсников, и ничего не мешало ей потом тихо улизнуть из универа и сесть на трамвай, который неспешно довёз её до тихого, незаметного переулка. Переулок в свою очередь привёл Настю к старому деревянному дому с колоритной резьбой по фасаду и парой огромных старых яблонь в палисаднике. Сейчас, в конце октября, деверья стояли уже совсем голые, а толстый слой листьев, покрывающий палисадник, потемнел и подраскис от дождей.

О том, что происходило в этом доме, Настя поклялась никому не сообщать. Это было одновременно необычно, как-то театрально-глуповато, но и завлекательно. Там происходило... странное. Соня заставила её стоять, закрыв глаза, посреди большой пустой комнаты и *чувать*. Она ходила вокруг, двигала как-то руками, Настя ощущала время от времени лёгкие потоки воздуха перед лицом и вокруг тела, а больше — ничего. Но, когда Соня скомандовала открыть глаза, то сама выглядела до смешного довольной.

— Я ничего не поняла, — призналась Настя.

— Тебе и не надо, — посмеиваясь ответила «наставница». — Сейчас проверим кое-что, — и, даже не договорив, Соня быстро шагнула к Насте.

Что произошло — Настя не уловила. Кажется, она выставила руки перед собой, чтобы не дать Соне приблизиться, коснуться... Между ними сильно и коротко дунуло ветром, и вдруг оказалось, что Соня стоит в дальнем углу, опершись о стену, и тяжело дышит. И улыбается во весь рот.

— Что? — Настя шагнула к ней, — Я... что?

— Молодец, девочка, — Соня отпустила наконец стену и посмотрела зачем-то на свои ладони, — Хорошо дело пошло. Давай чаю выпьем, я тебе ещё кое-что расскажу.

Настя улыбалась. Её руки сами привычно совершали необходимые действия: вынимали пакет с мукой, сыпали в миску, обваливали куски рыбы и укладывали на разогретую сковородку с шипящим маслом. А Настя вспоминала объяснения Сони — и ах, какие перспективы ей открывались.

Как минимум, она наконец сможет уничтожить эту соплю поганую. Эту серую моль, которую — как жаль! — не получилось спровадить на тот свет с первого раза. Надо же, в первый раз, когда она подумала об этом, её самую ужаснула эта мысль. А теперь она словно стала... привычной. Почти нормальной. Тем более, что не будет никакого насилия. Никто не найдёт ни капли крови, ни даже голой косточки. Никто даже не узнает, что с этой... с этой

девицей что-то произошло.

Настя вооружилась лопаточкой и принялась аккуратно переворачивать обжаренные с одной стороны кусочки рыбы. Сковорода шипела, плюясь маслом, но Настя, как обычно, ловко избежала ожогов. Теперь надо было засыпать в кипящую воду рис. Двадцать минут — и ужин будет готов.

Она уже собирала на стол, а Сашка как раз пришёл и мыл руки, когда зазвонил мобильник. С неприятным предчувствием Настя пошла доставать телефон из кармана пальто. Не ошиблась: звонила «поганая сопля». Настя сбросила звонок, но телефон тут же заорал снова. Можно было снова сбросить, внести телефон в чёрный список, но... «С неё станется ногами прийти», — подумала женщина, чувствуя, как тает хорошее настроение, а вместо него разрастается злость. Телефон орал.

— Насть, да возьми уже! — завопил из ванной муж.

— Иду, иду, — ответила она громко, открывая дверь квартиры и выскальзывая на лестничную площадку. Нажала «приём». Из трубки — ни привета, ни ответа! — донеслось:

— Настя, не будь душой. Соня опасна, а для тебя — прям особенно опасна, она тебя сожрёт и кости выплюнет, а по пути наделает проблем остальным!

— Да ладно, — Настя сунула носок тапки в щель у косяка, чтобы дверь не захлопнулась, и взялась за телефон обеими руками. — Можешь не трудиться. Она мне всё объяснила. Давно пора всю эту херь прекратить. Ты в курсе вообще, что такие, как я, людей убивают?

— Ну да, ты чуть было меня не прикончила, — ответила трубка, хмыкая.

— Я не нарочно! И тебе повезло, а вот обычным людям — не везёт. А мы можем сделать так, чтобы всё это прекратилось... хотя бы у нас тут. Сначала закроем наш город. Потом поедим в соседний... У Сони везде знакомые. Казань, Уфа... Пермь. Потом на юг. Закроем всю европейскую часть. Хоть какая-то польза будет от этой... этого...

— Так вы, значит, благодетельницы, — сказала трубка почти весело, — Это Соня так тебе сказала, да? Закроете, значит, да?

— Если бы у тебя была хоть капля совести, ты бы вернулась и нам помогла, — сказала Настя, стараясь придать голосу простодушной искренности, — Я, в конце концов, на тебя зла не держу. Мы как бы... квиты.

— Ой, да правда что-ли?! — из трубки чуть ли не ультразвуком взвизгнуло, — То есть, это ты меня чуть не убила, но мы квиты?

— Ты пыталась моего парня увести, — напомнила Настя, — Это не лучше!

— Бля, Настя, ну ты и дура, — и, прежде чем она успела что-то сказать, зазвучали короткие гудки отбоя.

«Дура не дура — а мы ещё посмотрим», усмехнулась она, убирая трубку в карман брюк и возвращаясь в квартиру.

— Ну, что там? — Сашка уже сидел за столом. Рыба исходила душистым паром, сливочное масло блестело на рисе, а в стаканах золотилось хорошее чешское пиво, которое Сашка повадился покупать в разлив в «Пражском погребе» в центре. Настя вдохнула, выдохнула и, натянув спокойное выражение лица, села за стол.

— С кафедры звонили. Я, оказывается, учебный план по первачкам забыла сдать.

Сашка округлил глаза:

— Да ладно! Полсеместра прошло!

— Ну, вот так, — она изобразила стыдливую ухмылку, — Прикинь, впервые такая

проруха у меня. И Воронов тоже в эээ некотором удивлении. Он должен был заметить, но промучал.

Сашка что-то сказал по поводу умственных способностей замзавуча, Настя ответила, разговор покотился дальше по привычной колее. Про работу, про родителей, про планы на неделю и выходные.

Позже, убирая в раковину грязные тарелки, она вдруг замерла. В ушах зазвучал торопливый, резкий голос:

«Соня опасна, а для тебя — прям особенно».

Настя отмахнулась от прорвавшейся тревоги, схватила наливатель чайник, зажигать газ, вытряхивать из заварника старую заварку. Не было причин верить *ей*. Не было причин сомневаться в наставнице, которая просто и внятно излагала суть дела, показывала задачи и обещала дать ключи к их решению.

Самое главное — то, что Соня сказала ей в самом конце, то, в чём, наверное, только она и могла ей помочь.

«Мы найдём твоего брата».

Хотелось верить — и не верилось. Столько лет прошло, и они ведь даже не знали точно, как именно она его толкнула.

«Я пока не могу понять, но зацепки есть», сказала Соня. «Вероятность невелика, но... надежда есть».

Настя осознала, что стоит, положив руки на подоконник, и смотрит в темноту за окном. Там снова, кажется, шёл дождь. Настя потянулась к форточке, открыла сперва внутреннюю, потом, повозившись с упрямым шпингалетом — внешнюю створку. В кухню сильно, свежо и мокро дунуло наружей, как будто царящий там ветер сунул в форточку большую шkodливую лапу. Настя подставила лицо прохладному потоку воздуха и ненадолго прикрыла глаза. Как будто летишь...

Что-то спросил из комнаты Сашка. Настя постояла ещё немного, потом со вздохом вернулась к действительности и принялась закупоривать непослушные створки.

Закрыла, подошла к дверному проёму, отделяющему коридор от комнаты, и спросила:

— Что ты хотел? Я не расслышала.

Сашка сидел, вперившись, по обыкновению, в свой ноут.

— Аааа, да ладно, я тебе в аську ссылку кинул... Там, форум Винского, насчёт поездок, помнишь?

— А, — она повернулась и пошла на кухню, заваривать чай.

Глава 48.

Руки у меня были в растительном масле. Чистенькую раковину Ёзге я тоже уляпала будь здоров. Хорошо, что Елена поймала меня в дверях и велела снять футболку, иначе я испачкала бы и её тоже.

Сводилка оттиралась плохо. Честно говоря, я не разделяла опасений Ёзге и остальных, что эта финтифлюшка на виске сделает меня настолько приметной. В конце концов, можно было просто замазать тональным кремом.

Но они насели на меня вдвоём. Вообще, сначала Ёзге назвала меня дурой, заявив, что в моей ситуации набивать на тело такой явный опознавательный знак — самоубийственная

тупость.

— Это же временная, — сказала я, — Неделя, две — и она сойдёт.

— Зачем ты вообще на себя лепишь такое... убожество? — поинтересовалась Елена.

За живое задела. Я ответила нарочито грубо:

— Я же тебя не спрашиваю, зачем ты таскаешь в ушах по полкило золота и мажешь целовальник розовой помадой.

Елена явно сдержалась с усилием. Сказала:

— Вот поэтому ты никогда настоящей художницей и не станешь. Будешь всю жизнь рисовать сладкие картинки для банок с чаем и обложки для любовных романов. Чему тебя только в твоей шараге учили, интересно.

— Учили чему надо, — начала я, невольно повышая голос. Мы даже не заметили, что перешли на русский.

— Стоп, — Ёзге подняла руку, точно ставя между нами барьер. — Хватит. Ты, — она повернулась ко мне, — Иди, убирай картинку. А ты, — она опустила руку и повернулась к Елене, — расскажешь мне всё, что знаешь про Соню. Всё, о чём вы говорили, о чём ты слышала от других... если слышала. — Она посмотрела на дочерей, которые безмолвно сидели за столом: Кара сгорбилась над столешницей, положив подбородок на руку, Акса привычно повисла на спинке стула. Ёзге вздохнула и что-то тихо сказала по-турецки.

Акса тут же вскочила и развила бурную деятельность. Вытащила и сунула мне в руки бутылку с растительным маслом, включила снова чайник и полезла в холодильник. Она явно была в курсе, как сводятся такие временные татушки.

Я пожалала плечами и отправилась в ванную, надеясь, что там есть какие-нибудь ватные диски или шарики. Не пальцами же отскребать. Тогда-то Елена меня и поймала буквально за футболку, велев раздеться.

И вот я сидела, беря один за другим ватные диски из большой упаковки, наливала на них масло и тёрла кожу вокруг глаза — надбровную дугу, висок, скулу. Сводилка медленно распадалась и сходила на вату мелкими хлопьями. Кожа уже покраснела и чесалась.

Наконец, мне удалось оттереть почти всё. Я включила воду и попыталась смыть с лица остатки картинки и масло. Натёртую кожу защипало от мыла, и я мрачно прикинула, сколько теперь буду ходить с красным пятном на пол-лица. Это, конечно, куда менее заметно, чем картинка, чёрт побери.

Кое-как отмывшись, я выключила воду и прислушалась. На кухне болтали на английском — шустро, в три голоса. Кто-то засмеялся, судя по тембру — Ёзге, к ней присоединились остальные. Досада и раздражение накатили, как всегда, внезапно и очень сильно. Я медленно стянула полотенце с блестящей трубы радиатора, уткнула в пушистую ткань лицо. Сильнее всего хотелось сбежать прямо сейчас. Я осторожно опустилась на пол, села, прислонившись к стене. Сбежать несложно, но потом-то что?

Судя по всему, Соня хочет и может меня достать. Ей ведь даже трудиться особо не придётся, просто подождёт, когда я в очередной раз приду навестить бабушку. Что же теперь, совсем не возвращаться? Или бегать, оглядываясь на каждый угол и дёргаясь от каждой тени? И где гарантии, что у Сони нет каких-нибудь агентов в других городах. Те же толкачки...

На кухне снова рассмеялись. Весело вам там, подумала я мрачно. У вас-то всё в порядке. Вас-то не хочет поймать чокнутая ведьма, чтобы вставить в свой замысел... Я вдруг вспомнила слова, когда-то сказанные вот на той самой кухне. «Вставит тебя, как ключик в

замочек».

Да шас!

Я встала, повесила полотенце на место и повернулась к полке с банками и тубиками. Раз уж они заставили меня протереть свою рожу до дыр, я имею право на любой понравившийся мне крем.

Когда я вернулась на кухню, одёргивая футболку, Ёзге встретила меня утомлённым взглядом, в котором явно читалось «сколько же с тобой проблем». Я прошла мимо стола, благоухая как небольшая парфюмерная лавка — кто же знал, что в этой банке такое пахучее зелье! — и залезла на подоконник у открытого окна. Спросила, стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно:

— Ну что, много выяснили?

— Нам нужна твоя тетрадка, — сказала Елена. Вид у неё тоже был утомлённый и недовольный. Вроде только что они тут гоготали, как табун лошадок, а теперь хором наводят пессимизм. Мне в спину толкнулся теплом разогретый воздух с улицы, и я вспомнила, что Елене просто жарко.

— Она довольно далеко, — призналась я, — Мне надо было вынести её за границы возможностей Сони. Она ведь привязана к месту...

— Как любой «муравьиный лев», — кивнула Ёзге, — Ну и куда ты?..

— Далеко, — повторила я, — Но я могу за ней сходить. Сегодня уйду, завтра вернусь.

Они все вчетвером воззрились на меня, как на чудо-юдо.

— А сразу ты не можешь? — спросила Ёзге.

— Могу, — охотно ответила я, — Но мне будет нехорошо. Помнишь, как я блевать умею?

Ёзге скривилась, похлопала ладонью по столу, повернулась к Елене. Та только плечами пожала: я-то, мол, что?

Я спокойно ждала. На данном этапе разговора я ещё могла навязать свои условия. У Ёзге не было обо мне почти никакой информации, она не могла быть уверена в том, что я говорю правду, но и поймать меня на вранье, к счастью, не могла. Последствия прыжков у всех путешественниц были разные, как и степень их проявления. Пусть думает, что я не могу часто прыгать, пусть считает меня слабее, чем я есть на самом деле.

— Ладно, — наконец сказала Ёзге. — Сегодня туда, завтра обратно. Помощь какая-то тебе нужна?

— Нет, — я встала, — Пока нет. — щека саднила, я невольно коснулась воспалённой кожи пальцами и тут же отдернула руку. — Хотя... отсюда есть незаметный выход? На случай, если ваши запретительницы следят.

— Не следят, — спокойно сказала Ёзге, — Они знают, что ты у нас. Я им сама позвонила. Можешь прямо отсюда прыгать.

Да шас, подумала я. Прямо у тебя на глазах, ещё скажи.

— От меня след сильный, — я сунула руки в карманы и пошла к выходу. Никто из них, к счастью, не стал меня останавливать.

В действительности, мне было плевать на след. Да и на запретительниц по большому счёту — тоже. Среди них, насколько я знала, не было таких монстров, как Соня, никто из них не мог мне причинить существенного вреда.

Но я хотела пройтись по городу.

Я понимала, почему Елена выбрала Стамбул. Кроме того спокойствия, которое ей давал «закрытый» город, он ещё каким-то образом был источником силы. Никаких специальных данных на этот счёт у меня не было. Ни в тетрадке Норы Витальевны, ни в обрывочных историях, рассказанных Елене когда-то Соней, не было сведений об этом. Но что-то тут всё-таки имелось, определённо. Возможно, так ощущалась сеть замков, охраняющих город, или какая-то необычность была тут и раньше, до закрытия. Какой-то... источник вероятности. Что-то, порождающее возможности. Тут даже дышалось по-особенному, несмотря на жару и городскую пыль.

Время давно перевалило за полдень. Температура поднялась до двадцати пяти градусов (об этом мне сообщил большой градусник-вывеска на кафе-мороженом неподалёку), дул ровный, не слишком сильный ветерок. Я спустилась из тесно застроенного квартала к трамвайной линии, идущей к Султанахмет. Сколько раз я бы ни оказывалась в Стамбуле, его масштабы меня поражают снова и снова. Вот она, европейская часть города, смотришь на неё на карте — вроде бы, всё рядом. А попробуй добраться от Гранд Базара к площади Таксим, и совсем иначе начинаешь видеть эти улицы.

И снова, как при каждой встрече, город помедлил немного, дал мне роздыху чуть больше суток, а теперь я опять начала слышать Замки.

Ближайший сейчас был относительно недалеко, в Цистернах Йеребатан. Я как-то специально ходила туда на экскурсию, прошла галереями, проложенными для туристов, чувствуя, как зов бестелесного голоса то усиливается, то ослабевает, меняет мелодию и тембр, отдаётся где-то под сводом черепа почти до боли или зудит едва заметно в кончиках пальцев. Та часть подземелья, где находился Замок, конечно, была недоступна. Я задержалась тогда возле ограждения, пересекающего каменный помост между двумя колоннами. Постояла, глядя в сумрачную перспективу колоннады, где исчезали светильники и опускалась в десятке метров от меня непроглядная тьма — зов шёл оттуда. Нескончаемая изменчивая песня, кружащаяся, как назойливая муха, возвращающаяся сама к себе снова и снова.

Кто-то из экскурсантов задел меня, проходя мимо, и я, очнувшись, быстрым шагом пошла прочь.

Удивительное дело, ни то, что надо мной утратил власть триггер, ни знание, почему Замки мне поют, не сделало эту песню менее завораживающей. Это было само по себе удивительно.

Сейчас я шла вдоль трамвайных рельсов, вместе с толпой переходя то к сувенирной лавочке с магнитиками-плитками в «дворцовом» стиле, то к кафешке на вынос, от которой разило зирой и пыхало жаром в постоянно открытые двери; обходила лотки торговцев всякой копеечной чепухой, табачные киоски, обменные пункты. Эта часть города казалась не просто беспокойной, она кишела и клубилась, как муравейник. Она была напичкана чем угодно, и именно тут я чувствовала себя свободнее и спокойнее всего.

Как будто плывешь в бурных водах.

Мне бы стоило не гулять, как бестолковая туристка, толкаясь и уворачиваясь от столкновений, глаза по сторонам и вдыхая эти «южные» и «восточные» ароматы. Мне бы стоило сразу шагнуть в ближайшую тихую подворотню и прыгнуть. Я шла и говорила себе: сейчас. Ещё немножко. Ещё чуть-чуть этого солнечного жара на коже, этого гомона в ушах, этой пыльной пестроты перед глазами.

Ещё немного...

Глава 49.

Некоторые вещи было бы идеально узнавать из книг. Из чьих-то внятных, систематических объяснений, да даже из обрывочных слухов и недомолвок, наконец. Обидно узнавать очень важные вещи от того, кто не желает тебе добра. Особенно важные вещи о самой себе.

Меня, в общем, никогда особо не били. Я пару раз дралась в школе, мне случалось не очень удачно падать, но ещё ни разу меня не пытались намеренно и жестоко избить.

Я вышла из прыжка привычно аккуратно, как обычно словно спрыгивая с небольшой высоты на полусогнутые ноги. Успела увидеть «свой» ориентир, расписанную граффити стену какой-то служебной постройки парка, и тут же что-то рвануло меня сзади за плечо, роняя и почти вбивая в землю. От удара я временно перестала соображать, но прийти в себя мне не дали — мне тут же прилетели в лицо быстрые, точные и очень болезненные удары. Я попыталась отмахнуться, но куда там: нападающий очень умело делал мне больно. Едва я подняла руки к лицу, как он коротко и крепко ударил меня чуть ниже рёбер. В глазах окончательно почернело, воздух исчез из окружающего мира, а внутри всё взвыло от боли.

Некто наклонился почти к моему лицу и прошептал, медленно выдавливая мне в ухо английские слова:

— Не возвращайся. Хочешь жить — в Стамбул не возвращайся.

Я попыталась вдохнуть. Я сипела, скрючившись на боку, скребя одной рукой землю, а вторую прижав к животу. Я едва ли о чём-то могла думать в тот момент.

Но когда миновали самые мерзкие минуты, когда я снова могла дышать (короткими, болезненными вздохами, отдававшимися внутри жгучими вспышками боли), первая мысль, пришедшая мне в голову, была: как он тут оказался?

Откуда он знал? Ждал здесь?

Нет, не «он». Это не может быть «он», меня наверняка била женщина. Я кое-как отползла к покрытой граффити стене постройки, прислонилась. Ужаснулась звуку собственного скрипящего и хрипящего дыхания и попыталась вспомнить всё, что произошло за краткие минуты нападения.

Меня рванули за плечо даже раньше, чем я коснулась ногами поверхности, именно поэтому я так крепко приложилась спиной.

Вариантов было, в общем, немного: кто-то знал, что это «моё» место и ждал меня, или...

Или меня отследили ещё в Стамбуле и...

На этом моя мысль забастовала.

Я закрыла глаза, обхватила голову руками и снова сделала попытку.

Маленькие, крепкие кулаки. Справа удар был каким-то особо болезненным... Левша? Или... Я медленно ощупала челюсть, боль дёрнула сильнее, а пальцы влипли в мокрое — ссадина. На левой руке у напавшей было кольцо, или несколько колец.

Когда она наклонилась ко мне и открыла рот — на меня сильно пахло табаком и ментолом.

Не могла она знать, что я выйду здесь. Этот город — моё сокровище, моё любимое укрытие, мой секрет. Я перехожу в него прямо крайне редко, я пользовалась этой точкой раз,

может быть, пять. Это единственный город, который подпускает меня так близко — не в самое сердце, но уж точно в гигантские лёгкие огромного парка, дышащего посреди пружинящих мышц центральных улиц.

Обычно я приезжаю сюда на поезде, прилетаю на самолёте, прибываю, одним словом, как добропорядочная туристка с приличным паспортом и билетами на своё собственное имя. Снимаю комнату в хостеле и провожу пару недель в блаженном безделье, гуляя по улицам, заходя в музеи, валяясь на травке в парках.

На травке в парке... я хрипло захихикала. Звук вышел тот ещё, простуженная ворона каркает приятнее.

Не могла она знать...

Я кое-как встала, держась за разукрашенную стену. Постояла, проверяя, насколько послушен вестибулярный аппарат. Потом осторожно провела языком под распухшей верхней губой, под нижней. Зубы целы. Это было одновременно так ужасно и так киношно, что я не выдержала и снова закаркала. Боль под рёбрами постепенно уменьшалась, словно внутри успокаивалась огненная змея, медленно сворачивалась, делая клубок всё плотнее. Совсем она не уйдёт, конечно. Не сегодня.

«Хочешь жить — в Стамбул не возвращайся».

Я осторожно отпустила стену и пошла прочь из этого тихого закутка.

Парк был как обычно великолепен. Длинные променады на всей их протяжённости сопровождали высокие деревья с раскидистыми кронами, растущие на покрытых сосновой мульчой широких полосах земли. За ними начинались ровные, густые газоны, местами разделённые на отдельные полянки группами кустов и цветниками. Оттуда, где я медленно брела по краю пешеходной дорожки, было слышно голоса фонтанов и плеск воды большого рукотворного озера, оно скрывалось за ровной грядой каштанов, идущей чуть поодаль. Мимо меня то и дело пробегали, проезжали на велосипедах, скейтах и роликах люди самого разного возраста. Здесь было почти так же жарко, как в Стамбуле, но поклонникам здорового образа жизни это нисколько не мешало.

Мне повезло, на ближайшем перекрёстке, где встречались пешеходные дорожки, стоял питьевой фонтанчик. На пластине, прикрученной чуть ниже краника, было написано Agua potable. Да хоть бы и не питьевая, подумала я, протягивая руки к холодной струе, как-то пофиг вообще на данный момент.

Я умылась, прополоскала рот, выпила осторожно несколько глотков. Отошла к ближайшей лавочке, села. Физически я, кажется, пострадала не очень сильно, но вот страх...

Я была, честно говоря, в ужасе.

Она не могла ждать меня здесь, значит — ну, давай, сделай усилие, пошевели мозгами и закончи мысль — ты притащила её с собой.

Разве такое возможно?

Я неосторожно потрясла головой и чуть не свалилась со скамейки — заштормило. Замерла, держась за голову, стараясь дышать ровно и спокойно.

И стала вспоминать, что было прямо перед прыжком.

Да, я прошла ещё немного вдоль трамвайной линии, свернула в переулок, уходящий от Гранд Базара к тихим и очень дорогим гостиницам. Прошла мимо нескольких окружённых зеленью зданий, оставляя позади суету и шум. Мимо кто-то пропыхтел на мотороллере, дунуло горячим воздухом и выхлопом. Я зашла в закуток между столбом, высоким забором

очередного отеля и высокой зелёной изгородью и прыгнула.

Там всё было как обычно. Невыносимо яркое чёрное солнце, ровный ветер, свинцовая поверхность под ногами. Несколько неизмеримых мгновений на то, чтобы взять направление и потянуться туда, заставить не-море под ногами быстро лететь назад, проматывая не-километры за не-секунды. Наконец нужное место отзывается внутри, точно магнит, который тащит иголку. Я позволяю себе упасть вниз, через неощутимую плёнку не-моря, и...

Меня швыряют об землю, схватив за плечо.

Пустой переулочек. Мимо проезжает мотороллер, сворачивает за ближайшее здание. Я захожу в закуток между столбом и живой изгородью, и прямо лицом к бетонному забору...

Мотороллер, кольца, сигареты, ментол.

Блядь. О боже. Блядь.

Несколько минут ушло на то, чтобы осознать догадку. Мне придётся вернуться, тут никуда не денешься, но эти — те, которые проследили за мной, чтобы напугать меня — они должны думать, что я достаточно напугана. Значит, я не вернусь завтра, и послезавтра не вернусь, и ближайшие пару недель мне придётся провести в бегах.

Если они отправили за мной кого-то, если они знали, что я смогу «забрать» с собой человека, значит, они примерно представляли, как далеко я могу отправиться. И ещё это значит, что их человек совершенно не опасался остаться в незнакомом месте один.

Я сунулась во внутренний карман куртки и обнаружила, что телефон разбит: корпус расколот, выпали несколько кнопок, ни признака жизни на экране. Я встала, добрела до ближайшей урны и, вытащив симку, кинула убитый аппарат в мусор.

Потом, продираясь как попало, пролезла через ближайшие кусты на относительно закрытую полянку и снова прыгнула.

Не так уж и много у меня было запасных вариантов.

Солнце садилось у края поля, пробиваясь через щётку облетевшей рожицы. Я шла, обняв себя обеими руками, то и дело вздрагивая под ледяным ветром и оскальзываясь на разбитой грунтовке, которая петляла, точно пьяная. Впереди вставали серые блоки пятиэтажек и торчали кое-где кирпичные частные дома. Там меня, разумеется, особо не ждут, но уж такова в последнее время моя судьба — сваливаться на голову разным хорошим людям и создавать им сложности.

Возле очередного кирпичного домика с новой железной крышей я сошла с раздолбанного асфальта пригородной улицы и нажала на тугую кнопку электрического звонка, белую под черным лепестком резины, прикрученной для защиты от сырости. Тут же загавкала собака, заскребла когтями в деревянную дверь веранды изнутри. Долго-долго я ждала человеческих шагов, и наконец облезло-голубая дверь открылась, на крыльцо выглянула невысокая полноватая девушка в спортивном костюме. Рыжие волосы закручены бубликом на макушке, брови мрачно нахмурены. Из-под ног выскочила маленькая чёрно-белая собачка с кривыми ногами, зашла в истеричном лае.

Девушка резко прикрикнула:

— Бублик, тихо!

Собачка заворчала, покрутилась ещё под ногами и убежала в дом. Рыжая оглядела меня с ног до головы и спросила без предисловий:

— Чего тебе?

Берём гордость, чувство собственного достоинства и уверенность в себе. Сворачиваем в трубочку и запихиваем... куда подальше. Я изобразила на лице нечто вроде улыбки и сказала:

— Здравствуй, Олеся. Ты была права, а я зря тебя не послушала. Помоги мне, пожалуйста.

Олеся ещё раз оглядела меня с ног до головы и пробурчала:

— Учти, спать будешь на полу.

Глава 50.

Опаснее всего эйфория первых успехов. Утратить контроль над Этим, перестать осознавать, что именно делаешь, выпустить этого опасного джинна из бутылки. Решить, что раз уж ты особенная

(ты особенная)

то жизни других людей ничего не значат по сравнению с твоей. Что ты можешь казнить и миловать, мстить и наказывать, уничтожать и унижать.

Настя медленно шла по улице, глубоко засунув руки в карманы. Руки в перчатках, руки, сжатые в кулаки.

Только что она едва не отправила на тот свет одного из своих студентов.

Настя шла, всем телом ощущая удары каблучков-шпилек по асфальту, чуть прикрытому первым снегом. В этом году в первых числах ноября вдруг резко похолодало и пошёл мелкий, противный снег, совсем не похожий на волшебные «первые» хлопья, которых ждёшь в самом начале зимы. Но ноябрь ведь ещё и не зима.

Она просто устала. Слишком много всего пришлось на эти первые числа ноября. Новые навыки и знания, новые люди, новые планы. И много-много старой, местами надоевшей работы

(ты особенная)

которая последние дни казалась всё менее важной, всё менее нужной.

Даже муж её раздражал так, как никогда прежде.

Настя сжала кулаки ещё крепче. Ничего, она справится. У Насти Таракановой нет недостатков. Она справится и с этим. С гневом, с минутными приступами презрения и ненависти к этим обычным людишкам

(ты особенная)

которые даже не подозревают, насколько близко оказываются к краю рядом с ней.

Осталось немного. Она уже почти освоила обычный бросок, она толкает всё точнее и аккуратнее. Она может толкнуть человека на метр в сторону так, что тот почти ничего не поймёт. Рано или поздно она освоит последний приём, самый важный, тот самый бросок, и тогда настанет время взять за шкурку серую жабку, сраную мышь-путешественницу, взять и швырнуть её как следует. Так, как та даже не может себе представить.

Настя поняла, что не просто идёт, а несётся, вколачивая каблучки в асфальт, так, что того и гляди поскользнётся и шлёпнется в снежно-грязевую смесь.

Вздохнула, замедлила шаги, разжала кулаки, чувствуя, как от дикого напряжения болят суставы. Ничего, вон перекрёсток, и дом Сони уже видно за мрачной путаницей древесных

веток и электрических проводов.

Сюда она каждый день шла со смешанными чувствами. Соня её завораживала и немного тревожила. На вид она, как ни посмотри, была обыкновенная. Совершенно такая же, как некоторые Настины родственницы или мамыны подруги. Тётка! Невнятных предпенсионных лет, с плотным телом, которое не хотелось назвать «толстым». Не хорошая фигура и не плохая, просто тело, какое-то совершенно перпендикулярное самому понятию «фигура». Вьющиеся тёмные волосы, вечно подобранные в короткую толстую косу или пучок. Невыразительное лицо с чуть отёчными веками, кругловатыми щеками и глубокими носогубными складками. Улыбается — выглядит добродушной, и даже симпатичной, убирает улыбку с лица — и тут же становится одной из тех обобщённых мрачных баб, которые пихают тебя в спину в автобусе, сквозь зубы матерят в очереди перед кассой супермаркета или просто целеустремлённо шагают по улице с сумками в руках, уставившись под ноги и нахмурив брови.

Одно слово, тётка.

Но Настя никогда не была душой. Она быстро осознала, что этот тётковый антураж ничего общего не имеет с Сониной сущностью. Соня удобно и привычно жила в образе мрачноватой, уставшей от жизни и несколько затюканной бытом женщины средних лет просто потому, что это самый, пожалуй, незаметный «костюм» на подмостках жизни. Такие Сони ведь везде. Они составляют часть привычного фона в общественном транспорте, на улице, в магазине. Кто их считал и различал, этих полноватых, озабоченных, спешащих и обременённых вечной поклажей женщин?

У самой Насти в соседках ещё в родительском доме была такая «тётя Соня». Если ту и эту поставить рядом, то разве что близкие знакомые их различат.

Настя почти дошла до Сониного дома и остановилась на углу, сама не зная, почему.

Мысль о той, давней тёте Соне из детства вдруг показалась одновременно неуместной и очень важной. Настя обернулась в сторону перекрёстка, где была остановка трамвая, и успела увидеть, как мимо прошёл очередной бело-красный вагон, покачиваясь и постукивая колёсами.

Сколько Соне лет, интересно? Пятьдесят? Больше?

В её светлом доме стены были пусты, ни фотографий, ни картин. На окнах уютно разрастались герани и бегонии, по шкафам и диванам бродили и прыгали кошки. Разнообразная, некомплектная мебель словно сползлась из разных времён и домов с разным достатком. Кошки невозбранно драли дряхловатый диван советских времён, обтянутый рыхлой пупырчатой тканью; стол посреди гостиной был велик и неподъемен, и из-под скатерти кокетливо показывал точёные тёмно-лаковые ножки-балясины. У стены выстроились совершенно современные белые «икеевские» стеллажи, заваленные довольно хаотично книгами, журналами, какими-то блюдами и кружками, вязанием, коробками с невнятным хламом. А стулья вокруг стола поражали идеальным состоянием и благородным видом: тёмное дерево, завитки, светлые полосатые подушки сидений, на которые, как ни удивительно, даже не пытались покушаться кошки.

И фарфор! У Сони был очумительный немецкий чайный сервиз, который стоял обычно в приткнутой в углу «горке». Иногда Соня его доставала, хотя обычно предпочитала кофе и практичные низкие фаянсовые чашки, тоже из Икеи.

Всё это было, в общем, и странно, и не очень. Захламлённые и эклектичные жилища Настя видела много раз у своих пожилых родственников, которые сроду ничего не

выбрасывали, любовно собирая и храня как настоящие реликвии прошлого, так и откровенный мусор.

Но с Соней было как-то по-особенному. Казалось, она обдуманно и аккуратно отобрала по одному предмету из каждого периода или эпизода своей жизни, отправив все прочие свидетельства времени на помойку.

Она никогда не упоминала родителей, братьев или сестёр, ничего не говорила о своей семье.

Вообще не трепалась о прошлом.

Тот единственный раз, когда она проговорила о своём знакомстве с семьёй Насти, так и остался единственным. Настя попыталась было аккуратно разведать сама: подкидывала наводящие вопросы матери, отцу, сестре.

— Соня? — мать чуть нахмурилась, повернувшись от подоконника, где опрыскивала свои карликовые розочки, — Какая? Тётя Соня с первого?

— Да ну нет, — Настя отмахнулась, — Тёте Соне сейчас, наверное, за семьдесят. Эта моложе, твоя ровесница... наверное.

— Тётя Соня умерла пять лет назад, — мать опять скрючилась над своей драгоценной розой, разглядывая в лупу пазухи верхних листьев, и забормотала недовольно про какие-то клещи.

Отец тем более никаких знакомых двадцатилетней давности не вспомнил. У него, как у всех пожилых мужчин, памяти хватало ровно на двух приятелей-рыболовов, Костика и Ваню, с которыми он систематически выезжал на озёра за Волгу. Пытался приохотить к этим выездам и зятьёв, но один быстро сбежал, разведясь с Настинной сестрой, а второй — Сашка — съездил только пару раз, а потом честно сказал: извините, Василий Семёнович, мне это неинтересно. С машиной помогу, на дачу поедем, а рыбачить — без меня.

Сестра Вика тоже вспомнила тётю Соню с первого. Удивилась, когда Настя передала ей слова матери.

— Путаает она, — Вика махнула рукой, точно копируя материн жест пренебрежения, — Тётя Соня уехала. Её племянница в Питер забрала. Квартиру они продали, и тётку увезли.

— А чего так? — спросила Настя.

— Ну как чего! — Вика снова махнула рукой, — Наивная ты. Соня слепая стала совсем, ты вспомни, она на лавочке сидела и ждала, пока её кто-то до квартиры доведёт. Одна жить уже не могла. А квартира у неё хорошая была, двухкомнатная. Вот они и провернули баш на баш: ты, мол, тётечка, к нам жить поедешь, мы за тобой присмотрим, а квартиру продадим.

— Слепая, значит, — Настя должна была бы потерять к этому персонажу всякий интерес, но неожиданно сама вдруг вспомнила сидящую на скамейке старуху, чьи плечи даже летом накрывала овчинная безрукавка, а тёмные, жилистые кисти рук лежали одна на другой, опираясь на замусоленный набалдашник старой трости. Может быть, она и правда ждала, пока кто-то из соседей подаст ей руку и доведёт до порога квартиры. Вот только слепой и немощной она не выглядела совершенно. Скорее в голову приходили избитые сравнения с небольшим тёмным пауком, который сидит в засаде, положив чувствительную лапку на едва заметную нить паутины.

Порыв ветра налетел сбоку, прошёлся по затылку. Настя поёжилась, втянула голову в плечи. Она не любила шапок, хотя и признавала их несомненную пользу, но в этот раз ей почему-то захотелось надеть маленькую тёмно-вишнёвую шляпку с пепельно-розовой

ленточкой по тулье. Неразумный выбор. Настя понимала, что надо перестать маячить тут, на углу, и дойти наконец до облезлого серого дома с подгнившей резьбой на фасаде.

В конце концов, пока что у неё не было ни одного внятного *реального* повода для беспокойства.

Глава 51.

Понятное дело, никому такое не понравится. Сначала тебе на голову падает проблема, втягивает в какие-то невнятные разборки, а потом сваливает в неизвестном направлении — и ищи-свищи.

Когда я дозвонилась до Елены, она только что матом меня не послала. Не послала: воспитанная. Сказала ледяным голосом:

— Изволь объясниться.

— Охотно! — я к тому моменту выпалась, замазала и заклеила ссадины, поела и придумала план. — Видишь ли, у меня есть две новости, хорошая и плохая. Только сначала скажи, свой турчонок там рядом болтается?

Кажется, она там у себя зашипела сквозь сжатые зубы, как гадюка, но в трубку ответила опять холодно и вежливо:

— Нет, на данный момент я одна.

— Супер, — я покачала тапком на большом пальце ноги. Я сидела на кресле, закинув ноги на подлокотник, и тапки висели у меня на пальцах, забавно покачиваясь от малейшего шевеления. Я начала было говорить, и тут обувка слетела, громко шлёпнув об пол.

— Что это было? — тут же нервно спросила Елена.

— Ничего, — я села, подобрав ноги на сиденье. — В общем, так. Первое: за мной следили.

— Это хорошая новость или плохая? — в чувстве юмора ей не откажешь.

— Это ты мне скажешь. Второе: кажется, я могу переместить человека вместе с собой. Забрать. Захватить. То есть...

— Я поняла, — медленно проговорила Елена. Кажется, она там нащупывала что-то, чтобы сесть. — Значит, кто-то за тобой следил, и ты об этом узнала, притащив его с собой...

Куда, кстати?

— Не прокатило, — сообщила я, — Особенно с учётом того, кто за мной следил.

— Кто? Что куда катило? — Елена явно не поняла связи, — Ты головой ударилась что ли?

— Забудь, — я вдруг передумала сообщать ей о своих догадках. Доказательств у меня не было, ошибиться я могла запросто, так что не к чему.

— Ну ладно. Почему не вернулась, как обещала?

— Меня побили, — сказала я, невольно трогая ссадину на челюсти. — И пообещали жизни лишить, если вернусь.

— А... — на том конце явно происходила какая-то работа мысли, — То есть, тетрадку свою ты не забрала?

— Заберу. Дело не в этом.

— А в чём? — ледяное спокойствие из голоса Елены ушло. Она теперь явно тревожилась.

— Ну смотри. Кто-то пошёл за мной, зная, что я прыгну и рассчитывая прицепиться попутчиком. При том он не боялся оказаться чёрт знает где, понимаешь? То есть, он в курсе про меня. Хотя бы частично. Сразу на выходе меня побил и ушёл быстро, ни на минуту не растерялся. Знал, гадина, что не в Буркина-Фасо оказался.

— Почему Буркина-Фасо? — изумилась Елена.

— Просто так, — буркнула я, — От балды взяла самое дурацкое. Не суть! Суть в том, что, если я вернусь в Стамбул, где гарантия, что он меня просто не прирежет?

— Кстати, а почему «он»? — спросила вдруг Елена, — Ты что, видела лицо? Или по голосу?

— Нет, не видела. А в ухо он мне шипел, как змеюка. Но... — я снова потрогала ссадину. Челюсть болела. — Видишь ли, я лично не знаю ни одной тётки, которая могла бы так качественно навтыкать, и при том ничего не сломать. Даже зубов не выбил, хотя по челюсти тоже отоварил. То есть, бил на побольнее, понимаешь?

— Так это как раз скорее баба, — возразила Елена, — Мужик бы тебе и половину зубов вынес, и рёбра переломал.

— Ну... — у меня были свои резоны. Сигареты с ментолом и кольца, например. — Ладно. Может, ты права. Короче. Я пока с недельку потусуюсь у одной тут знакомой. Она точно ни с Соней, ни со стамбульскими не связана. И влезать в наши дела не горит желанием. — «Ещё бы», послышалось в трубке. — В ближайшее время я смотаюсь за тетрадкой, а потом выберусь к тебе буквально на пару часов. Только придётся встретиться где-то подальше от центра... и без третьих лиц. Может, ты права, это была баба, может, какая-нибудь из подружек твоей Йилдыз.

(Жаль, что это почти точно не так)

— Ладно. И что, где-когда?

— Ага, вот прямо сейчас скажу, по телефону. Нет. Давай так, — я снова развалилась, свесив ноги через мягкий подлокотник. — Сделаем паузу, дадим болоту утихнуть. Недельку... две. Потом я смотаюсь за тетрадкой. Как только она будет у меня, я напишу комментарий в сама знаешь каком блоге. Напишу что-то подходящее по смыслу поста, типа «спасибо за ваши тексты» или ещё какую муть, неважно. Для такой цели зарегистрирую новый аккаунт, на аватарке будет то, что мы с тобой пили три дня назад на балконе. Название аккаунта будет местом встречи, а под комментарием будет число и время.

— Ты точно с ума съехала, — грустно сказала Елена, — Тупые шпионские игры. Почему нельзя просто в аське написать?

— Потому что мой ноутбук лежит в квартире у бабушки. Вместе с аськой и прочим разным. Бабушке я позвонила и объяснила, что у меня срочный заказ, а на вопросы чужих людей про меня отвечать не надо. Я не уверена, что могу безопасно его забрать... и я, кстати, пароль от аськи не помню.

— А как же ты в ЖЖ собираешься выйти?

— Интернет-кафе найду. Так даже лучше, одноразовый доступ, не отследит никто.

Ещё немного поворчав на тему того, что я спятила, Елена попрощалась. Я посидела пару минут, глядя в окно, которое поливал дождь, смешанный со снегом, и заставила себя встать. Олеся мне помогла, но большего я у неё просить не имела права. Пора было убираться подальше.

Я уже взялась за ручку внешней двери, когда за спиной скрипнуло и недовольный

Олесин голос спросил:

— Далеко собралась?

Можно было прыгнуть прямо отсюда. Я постояла немного, держась за прохладный металл старой, испачканной краской дверной ручки, потом отпустила её и неохотно обернулась. Ненавижу объяснения.

— Спасибо за помощь, но дальше я сама.

Олеся постояла, сложив руки на груди, потом сняла с вешалки старую брезентовую штормовку и подошла к двери:

— Пойдём, посидим в беседке. Покурим.

Беседка стояла за домом, к ней вел узкий проход, над которым изгибалась рама для винограда. Летом тут, наверное, было очень красиво — зеленеющие лозы, солнечные зайчики на листьях. Сейчас скрученные и искривлённые побеги винограда на металлической решётке выглядели мучительно. Совсем недавно шёл дождь, плиточная дорожка под ногами была мокрая и грязная, но смотреть на неё было спокойнее, чем на эти черные плети.

Беседка была уродливая. Шесть белёных столбов, над которыми торчала коническая крыша, покрытая пластиковой синей черепицей. Под крышей стояли кругом лавочки самого простецкого вида, а посередине темнело непонятное пятно.

— Мы тут на лето мангал ставим, — пояснила Олеся, — Как раз в прошлые выходные убрали. — Она села на ближайшую лавочку, достала из кармана пачку «Соверена», вытащила сигарету. Протянула пачку мне, изобразив вопрос на лице.

Я сдалась. Курить я бросаю регулярно, и пока всё идёт хорошо, никаких неудобств не испытываю. Но как только начинаются проблемы...

«Соверен» редкая гадость, конечно. Я затынулась, привычно почувствовала лёгкое «уплывание», всегда настигающее меня после перерыва. Выпустила дым тонкой струйкой. Дурацкое занятие, вредное к тому же, а как успокаивает.

— Всегда удивлялась, — Олеся словно мысли читает, — Почему курение так успокаивает?

— И почему?

— Ритуал, — она зажимает сигарету в углу рта, как мужчина, а руки суёт в карманы. И продолжает говорить, умудряясь не упустить зажатый в губах фильтр:

— Ты берёшь пачку, вынимаешь сигарету, достаёшь зажигалку. Прикуриваешь. Зажигалка, как обычно, даёт огонь не с первого щелчка. Ты затягиваешься, выпускаешь дым — это всё тоже происходит как обычно, как всегда. И мозг говорит сам себе «всё как обычно, значит, не о чем волноваться».

Я посмотрела на горящий кончик сигареты — он чуть разгорался и пригасал из-за налетающих порывов ветра. Вспомнила, как на одной из моих немногочисленных «офисных» работ начальница отдела начинала рабочий день с кофе и кексика. На улице могли падать камни с неба, непосредственное начальство могло уже жаждать её крови, а подчинённые наворотить невменяемого, но первые пятнадцать минут любого дня она упёрто начинала со стаканчика «американо» и кексика из «Макдональдса».

— От курения хотя бы не толстеют, — задумчиво сказала я. Олеся тут же вскинулась:

— Это намёк такой?

Мне стало неловко.

— Да нет, нет! Я начальницу бывшую вспомнила. Она...

— Неважно, — перебила Олеся. — Давай о деле.

— А что о деле? — я встала и пересела на противоположную скамейку. Вроде, так меньше задувало в шею. — Зачем тебе впутываться? Ты не путешественница, не толкачка. Что бы тут ни происходило, тебя это не коснётся.

— Других коснётся.

— Ну а тебе-то что? — сигарета дотлела. Я поискала взглядом пепельницу и обнаружила банку из-под зелёного горошка у ножки лавочки. Ткнула туда окуроч, снова встала.

Олеся затянулась ещё раз, тоже сунула окуроч в банку, выпрямилась.

— Я стражница. Моё дело — помогать и защищать. Что бы тут ни происходило.

— Ой, фу, сколько пафоса! — я друг поняла, что уже не уйду вот так просто. Села обратно на скамейку и попросила:

— Дай ещё одну.

Снова эта привычная суета — достать, сунуть в рот, пощёлкать зажигалкой, потянуть в себя горький дым. Вдруг заболели ссадины на лице, та, что я получила на болконе Елены, и та, которую мне поставил неизвестный нападавший.

— Пафос — это моё нормальное состояние, — сообщила Олеся, тоже опустившаяся на лавку. — Я девочка из рок-тусовки. Беспечный ангел, свистать всех наверх, жизнь за друга и прочее подобное. Без пафоса и рока в наших ебнях в конце девяностых было не выжить.

— Да ну, — я присмотрелась к ней получше, — Ты в конце девяностых под стол пешком ходила!

— Мне было тринадцать, когда моя старшая сестра вместе с парнем прыгнули с девятиэтажки, — сообщила Олеся, — Он был солист местной группы, они там лабали что-то суровое под «Арию». А Женечка была отличница и хорошая девочка. Папа позвал друзей и побил этого певуна. Сломал ему несколько рёбер. Женьку сплавил в Орлы, к тётке. Женька сбежала, нашла Гарика, Гарик сказал, что теперь петь не сможет, и кончена его жизнь. Они накидались алкашки, забрались на единственный в городе многоэтажный дом и прыгнули.

«Бля», — подумала я. Вслух удалось сформулировать чуть более внятно:

— Глупо как-то.

— Зато пафосно, — отрезала Олеся. — Кто ещё у тебя есть против Сони? Ты ведь против неё собралась?

— Да хрен его знает, на самом деле, — призналась я уныло. — Побила меня не Соня, а как она может быть связана со стамбульскими — я не представляю. Разве что она стакнулась с теми, которые там партия запретительниц. Только им-то это нафига?

— Тебя убрать, — Олеся назвала очевидную причину. — Ты у нас величина неизвестная, непредсказуемая и, уж извини, ебанутая. Кто знает, когда тебе придёт в голову припереться в Стамбул и открыть его? Лучше, чтобы тебя не было.

— А ты откуда знаешь про Соню?

— А она со мной встречалась, — вспоминать встречу Олесе явно не хотелось. Но, помолчав ещё пару минут (сигарета неуклонно догорала в углу рта), Олеся сказала:

— Соня хотела иметь меня в союзницах. Тут ведь. Понимаешь, какое дело. Я, с одной стороны, слышу вас всех. Вообще всех, даже на другой стороне Земли. Это сложно описать, этим очень занудно управлять, и, если бы в своё время не попала другая стражница, наставница, я бы с гарантией сошла с ума. А с другой стороны — я могу противостоять всем воздействиям. Вообще всем, мы это пробовали. Никто из толкательниц не может меня толкнуть, если я не поддамся.

— А путешественница может тебя с собой взять? — заинтересовалась я.

Олеся подняла на меня очень внимательные карие глаза. Посмотрела как будто заново, словно до сего момента видела одного человека, а сейчас вдруг увидела другого. Спросила:

— Хочешь попробовать?

Глава 52.

План был простой, и тем самым гениальный. Настя, слушая Соню, сначала недоверчиво поджимала губы, потом насторожённо хмурилась, и только в самом конце поняла, что сидит, приоткрыв рот в немом изумлении.

— Самые важные моменты — это точно подгадать время и точно совершить толчок. У тебя получается почти как надо, но тут потребуется предельная концентрация и максимальное усилие. — Соня сидела за своим массивным столом, положив руки на белую скатерть с едва заметными недовыведенными жёлтыми пятнами, одна её мягкая, толстопалая кисть ласково обнимала другую. Елена заставила себя оторвать взгляд от Сониных рук, посмотреть наставнице в лицо.

— Но он точно не пострадает? — спросила она раз, наверное, в пятый.

Соня вздохнула. Очень старательно, картинно вздохнула, как на сцене играя. Прикрыла глаза, позволив толстым темноватым векам шторками скользнуть вниз. Посидела несколько секунд неподвижно, потом разняла руки и снова взглянула на Настю.

— Я понимаю, что ты тревожишься, — сказала она мягко. Так мягко, что Насте стало не по себе. — Но ещё раз: твой мальчик нам нужен только в качестве приманки. Тебе даже необязательно ставить его в известность. Достаточно один раз заполучить его телефон. Что писать, я тебе пришлю. Там текста на три строчки. И добавишь потом что-нибудь личное... он ведь наверняка что-то говорил? Если даже он потом это письмо найдёт, решит, что это вирус и просто почистит телефон. Может, пароль в почте сменит. Нам это уже всё равно. Я знаю, что писать, чтобы Путешественница прискакала с любого конца света. Но сработает это только один раз, поэтому мы будем ждать условного знака.

— Вот я про знак не поняла, — призналась Настя. — Откуда ты знаешь, как и где они будут связываться?

— Это не твоя забота. — отмахнулась Соня. Но тут Настя, сама на себя удивляясь, упёрлась:

— Нет уж! Если я в это всё влезаю, я должна понимать, что и как. Откуда информация?

— У меня есть свой человечек в Стамбуле. Они там сейчас на ушах стоят. Появилась ещё одна девочка, Стражница, её перехватила та сторона. Сама по себе она ничего не значит, но у них есть толкачка... примерно такая же, как ты.

— погоди, — Настя нахмурилась. — Ты же говорила, что равных мне мало, и они все старухи?

Соня хмыкнула, разгладила кончиками пальцев скатерть, подвигала сахарницу — тянула время. Наконец неохотно признала:

— Прятали они её очень старательно. Вывозили несколько раз в Европу, там тренировали. У неё сестра-близнец есть, с нулевым талантом, а у близнецов обычно либо обе «наши», либо ни одна.

— А вторая точно нулевая?

— Мы все так думали. Ладно! — Соня немного повысила голос, — Не о том речь. Телефоны всей их шоблы с некоторого момента на прослушке. Мы знаем, что Путешественница напишет комментарий в твоём блоге. С определённым именем и определённой подписью. Поэтому ты в ближайшее время внимательно все комментарии просматриваешь... Или нет. — Соня тяжело поднялась, отошла к стеллажу, вернулась с большим грязноватым ноутбуком, заляпанным наклейками.

— Пароль мне свой дашь, — сказала она не терпящим возражения тоном. — Сама буду следить.

«Зачем ей пароль?» — удивилась Настя, — «У меня и так всё открыто для просмотра». Но спорить не стала. Что-то ей подсказывало, что свою дневную норму строптивости она уже потратила.

Это было почти две недели назад, и с тех пор ровным счётом ничего не происходило. Настя изнывала от неопределённости и жажды действий, Соня нагружала её бессмысленными упражнениями и изводила мелкими придирками. Настя «толкала» горожан на остановках буквально на несколько сантиметров вбок, заставляя вздрагивать и озираться. «Толкала» школьников, бегущих домой, заставляя того, что бежал позади, оказываться впереди дружеской ватаги. Многократно «толкала» на одни и те же полметра изумлённого и дезориентированного пьяницу, который раз за разом пытался и не мог пройти в двери магазина.

Однажды, разозлившись на нотации и упрёки в неаккуратности, она изо всех сил без адреса или направления «толкнула» Соню. И тут же испугалась до холодного пота и слабости в ногах — но Соня, как всегда, почти сразу появилась в нескольких метрах от неё. Она стояла, пошатываясь, держась за виски. Настя в ужасе сделала шаг назад, думая только о том, что надо бежать — но наставница помахала ей рукой и весело крикнула: «Отличный бросок!». Когда Настя на негнущихся ногах подошла к ней, Соня улыбалась, а на лице её разливался ровный, ярко-розовый румянец, как будто она немного выпила и расслабилась.

— Вот так её и кинешь, — Соня протянула руку и вдруг костяшками, тыльной стороной ладони, погладила Настю по щеке, — Швырнёшь дальше, чем можно вообразить. Выкинешь за пределы мира раз и навсегда.

— А ты... — у Насти от волнения сел голос. Она прокашлялась и уже нормально спросила:

— А тебя я почему не выкинула, если «вот так»?

Соня расхохоталась. Сейчас она выглядела моложе и крепче, чем обычно — не предпенсионная тётка с авоськами, а молодая спортивная женщина, похожая на бодрую учительницу начальных классов.

— Меня, рыба моя, даже вдесятером не выкинуть, — произнесла она с удовольствием, — И в этом тоже твоя большая удача. Потому что только я могу так закрывать, чтобы ни одна самая гениальная девица не пролезла. Ни туда, ни оттуда. Я, милая моя, тоже особенная.

«Это я уже поняла», — подумала Настя, идя вслед за наставницей по подтаявшей и снова подмёрзшей дорожке к дому. Они возвращались с очередной тренировки, традиционно планируя выпить кофе с булочками и побеседовать.

Насте нравилось слушать Соню и задавать ей вопросы. Соня знала невероятно много. Она рассказывала Насте о том, как передавалась традиция в последние пару сотен лет,

неизменно оговариваясь — «по словам моей наставницы», «как писала в дневниках такая-то», «рассказывала другая». Настя слушала о подробностях чужих жизней с жадным удовольствием и нарастающим страхом. Соня знала *слишком* много. Однажды Настя спросила:

— Как ты это всё помнишь? У тебя, наверное, записи какие-то есть?

Соня самодовольно улыбнулась и ответила со смешком:

— И записи тоже.

Это прозвучало успокаивающе... но не совсем.

Настя следила за мужем. День за днём бросала ненавязчивые взгляды, и в конце концов узнала всё необходимое. Куда он чаще всего кладёт свой навороченный смартфон на ночь. Какой пароль на блокировке экрана (оказался даже не пароль, а графический ключ: надо было в определённом порядке протыкать разноцветные квадратики). В какие моменты он не берётся за телефон вообще (это случалось редко). Как все люди, цепляющиеся за новое и «крутое», Сашка купил смартфон с сенсорным экраном и выходом в интернет сразу же, как такие появились в салонах связи. Он тратил теперь ощутимые суммы на то, чтобы прямо с телефона проверять электронную почту, писать в мессенджер, искать что-то в поисковике и даже что-то там читать. Настя, которая продолжала ходить со своей верной розовой «раскладушкой», это его увлечение не понимала, но и не порицала. Но теперь ей это было на руку; взлезть в почту на Сашкином ноутбуке она бы точно не сумела, а на смартфоне почтовый ящик загружался, насколько она успела понять, автоматически, без ввода пароля.

(Это было странно; Сашка по большей части предпочитал перебдеть. Он и на ноутбуке, и на домашнем стационарном компе всё время обновлял антивирусы, фаерволы и прочую не очень понятную Насте лабуду, обеспечивающую безопасность. А в смартфоне вот оставил автовход в почту)

Ещё неделя прошла без новостей. Ноябрь подходил к концу, везде уже появилась новогодняя пёстрая мишура, дни стали совсем короткими, а погода — зверски холодной.

Путешественница всё-таки появилась в городе один раз. Видимо, забрала у своей бабки какие-то вещи и была такова. Соня не пыталась её поймать — было очевидно рано. Настя не очень понимала, что именно «рано». Что-то Соня так ей и недоговорила.

Из её объяснений получалось, что эти, в Стамбуле, хотят разблокировать город. Но почему это требовало какой-то особой подготовки? Чем занимались турецкие ведьмы эти три недели? Чем занималась Путешественница? «Они сейчас натаскивают свою новую Стражницу, — объяснила Соня, — Без неё ничего у них не выйдет. А наша девица в Стамбуле оставаться не может... я там договорилась, я тебе объясняла уже. Значит, им надо выбрать момент и собраться для одного-единственного совместного действия. Ровно перед этим мы её и перехватим».

Если бы спросили мнения Насти, она бы сказала, что нет смысла ждать. Можно в любой момент вытащить путешественницу уже решённым способом и использовать по назначению. Раз-два — и в дамки: город закрыт, поганка исчезла в неведомых измерениях навсегда.

«Всё не так просто», — невозмутимо говорила Соня.

И Настя спрашивала себя — что именно непросто и в каком смысле.

— Ничего себе «тетрадка», — сказала Олеся. Мы сидели с ней на травке, на зелёном склоне, спускавшемся к рукотворному озеру посреди парка Ретиро. Точнее, Олеся сидела, благоразумно подложив под попу мой рюкзак и держа на коленях здоровенную амбарную книгу, переплетённую в серо-жёлтый картон, с малиновой полоской потрескавшегося ледерина на корешке.

Я лежала, положив голову на руки, и смотрела в небо сквозь колышущиеся ветки огромных деревьев.

Лежала я совершенно неблагоразумно: прямо в чёрном кожаном плаще на холодной земле. Под плащом у меня был «натовский» верблюжий свитер из секонд-хэнда и утеплённые джинсы с начёсом, поэтому температура ноябрьского мадридского газона меня не слишком волновала. Да и нам повезло с погодой. Было около десяти выше нуля, светило яркое солнце и чуть поддувал ветер. Возможно, задержись мы тут ещё на несколько дней, попали бы под дождь, но необходимости в этом не было.

— Знаешь, за что я люблю Испанию? — спросила я.

— М? — Олеся листала «тетрадку».

— Тут всегда солнце. Ну, то есть, я не говорю про самый север, там, Корунья или Сан-Себастьян — но тут, в Мадриде, как ни появишься — всегда ясно. За все годы, что я тут бываю, под дождь попадала несколько раз. А я тут даже жила по паре месяцев!

— Ну и что, — Олеся перелистывала страницы, отвечая мне машинально.

Я вздохнула, положила на лицо ладони. Олеся листала, бурчала что-то про себя.

Я успела начать задрёмывать, как вдруг девушка рядом со мной дёрнулась, как от удара.

— Свет!

Пришлось открыть глаза, сесть.

— Ну.

Олеся смотрела на меня со странным выражением лица. Как будто ей показали милого котика и сообщили, что котик ежедневно кушает на завтрак по младенцу.

— Ты знала? Ты читала?

Да уж, у Сони есть причина беспокоиться насчёт этой тетрадки.

— Я читала.

— Как же... Она же упырь натуральный! Это же... нельзя так!

— Именно поэтому мы с тобой так тихо сидели в твоём Оброчном. Именно поэтому же мы сегодня не останемся тут, чтоб пить винцо и кушать улиточек, а оторвём жопы от газона и отправимся в Стамбул. Только сначала я подам знак Елене. Она вчера писала у себя в журнале, что они практически готовы, ждут только меня. И книжечку, — я ткнула в раскрытую страницу.

Олеся медленно закрыла «книжечку» и с несчастным лицом уставилась на переплёт. Она очень старалась не ныть. Оно и ясно, я ведь в любой момент могла отправить её домой, в безопасность и... она явно этого не хотела.

Оброчное, посёлок городского типа неподалёку от Новосибирска, можно было характеризовать двумя словами: полный пиздец. Ну или, употребляя более культурные выражения, депрессивный регион. Та пресловутая девятиэтажка, с которой в девяностые сигналы доведённые до отчаяния местные жители, так и осталась единственным зданием выше пяти этажей во всём населённом пункте. Само по себе это ничего не значило, но в сочетании с прочими обстоятельствами становилось почти символическим.

Олесе было повезло поступить в универ Новосиба. Ну, то есть, как «повезло»? Олеса выгрызла своё бюджетное место зубами и вырвала когтями. Высидела чугуной задницей и золотой головой. Выучилась с отличием на экономиста и успела даже поработать на крупном предприятии. Пару лет. Все эти пару лет она занималась тем, что оформляла документы для банкротства и последующей распродажи данного предприятия по кусочкам. Ей повезло ещё раз, она не вляпалась ни во что противозаконное и, когда одна часть руководства попыталась посадить другую, просто мирно уволилась.

Но найти новое место не смогла.

Не то чтобы даже её профессиональная репутация была сильно испорчена этой историей. Она была умной, исполнительницей, быстро обучалась и не метила на повышение, но раз за разом ей отказывали на собеседованиях или после испытательного срока. Один из собеседовавших почти проговорился — Олеса поняла, что, возможно, дело во внешности. Она была невысокой, полной и рыжей. Это ввергло её в недоумение и почти отчаяние, потому что какое отношение внешность имеет к экономическому анализу и документообороту, она понять не могла.

К моменту, когда я припёрлась к ней под дверь, она была готова согласиться на работу в местном оброчинском супермаркете «Экономь-ка». А что, думала она, ведь даже не на кассу, а товароведом...

И тут выяснилось, что её, без преувеличения, ждут великие дела.

До этого она уже попрощалась с идеей организовать всех «наших» во что-то более или менее похожее на структуру. Новосибирские толкачки относились к ней доброжелательно-равнодушно, делились некоторой информацией, но не горели желанием распространить свои связи и договорённости на прочих — путешественниц и стражниц. Тем более что таковых на все новосибирские окрестности было человек десять.

Олеса преуспела в создании форума для стражниц, где они быстро собрали всю доступную информацию и те контакты, которыми с ними поделились и... всё. В соседних областях толкачки к ним присоединиться не захотели с той же аргументацией — а смысл? Старшее поколение тоже было не в восторге от идеи. Собственная наставница Олеси сказала, что сейчас не те времена, чтобы заводить явную организованную активность. Была ещё Соня, но она довольно бесцеремонно предложила Олесе договор, суть которого была для Олеси унижительной: ей предложили быть приживалкой (Соня назвала это «компаньонка» и поставлять информацию обо всех «наших» в любой момент, когда это будет необходимо). По сути, Соня популярно объяснила Олесе, что либо та отдаёт свой дар на службу силе, либо никого не интересуется.

Я ведь и сама её когда-то мягко послала.

Их форум я быстро просмотрела. Весь он содержал меньше полезного, чем один раздел записей в «тетрадке» Норы Витальевны. Они создали реестр всех «наших» по регионам, но пользы в этом было, опять же, мало. Что толку знать, сколько кого где живёт, если эти люди плевали с высокой колокольни на всё, что не приносит прибыль? И к тому же такой реестр пришлось бы постоянно обновлять, а это, по признанию Олеси, сожрало бы всю её жизнь.

— Ладно, пойдём. — Я встала, машинально отряхнула плащ сзади. Олеса тоже встала, подняла мой рюкзак, протянула мне. Сказала решительно, со смешным пионерским пафосом:

— Сегодня — значит, сегодня!

Всё дело в том, как взаимодействовал её иммунитет стражницы и моя способность

перемещаться. Забрать её с собой оказалось для меня делом на удивление простым. Я, собственно, вообще не ощутила изменений. А вот Олесе доставалось каждый раз по полной.

Для её тела процесс прыжка был сродни протискиванию мокрого белья через допотопное отжимающее устройство. Её *протаскивало*. В результате на финише она оказывалась совершенно целой, никаких тебе сломанных костей или разможжённых мышц, но каждый раз она вываливалась, вопя и рыдая, в почти неменяемом состоянии от субъективно ощущаемой боли.

В первые пару раз я была готова прикрыть все эти эксперименты. Мало радости оказаться где-то на задворках чужого города с бьющейся в истерике девушкой, убеждённой, что её только что размолотило в фарш и она умирает. Я сама здорово испугалась и потратила почти пять минут, хватая её за руки и ноги, пытаюсь понять, где болит и что случилось. Орать она перестала так же внезапно, как и начала, села, где лежала, и совершенно нормальным голосом сказала:

— Странно.

Я спросила, с удивлением услышав, как сорвался мой собственный голос:

— Что?

— Уже не больно.

После третьего раза она перестала орать в полный голос. Я довольно легкомысленно предположила, что она начала привыкать, но, когда мы оказались в Мадриде, я увидела её лицо, почти малиновое от напряжения, мокрое от слёз, с прокушенной насквозь нижней губой, и поняла, что привыканием там и не пахнет.

Но она отказалась отправиться домой.

План был простой: найти интернет-кафе, написать весточку Елене, переместиться в Стамбул. Там проверить распаковку города, оставить записи Норы Витальевны и быстро свалить обратно в Оброчное, где, как была уверена Олеся, у Сони не было никакой агентуры. Я в это не особо верила, поэтому собиралась, закинув Олесю домой, тут же уйти куда подальше. Стамбульские, в свою очередь, обещали нейтрализовать Соню в разумно короткие сроки. В это я тоже верила слабо, но других вариантов у меня снова не было.

Я ведь уже пыталась достучаться до Насти. Теперь-то понятно, что она болталась у Сони на крючке очень крепко. В отличие от моего, её дар был с чёрной подкладкой. Обстоятельств я тогда полностью не знала, и даже представить не могла, что Настина неприязнь (да чего уж там, просто ненависть) растёт вовсе не только и не столько из нашей прошлой конкуренции за одного там аспиранта. Тем более что она этого товарища в итоге заполучила со всеми потрохами, а я считала, что пережила разрыв и даже нашла в нём положительные моменты. Первое время, отойдя после потери Горгоны, я ещё краем сознания надеялась однажды услышать звонок со знакомого номера или знакомый адрес в электронке. Но время шло, и... Смысла больше не было.

А ей необходимо было кого-то ненавидеть, потому что иначе ей пришлось бы ненавидеть себя. Но Настя Тараканова не из тех людей, которые способны признавать свои ошибки. Даже извлекая опыт из пройденного, она всё равно предпочитает считать, что всё пошло не так по вине других людей или обстоятельств. Просто загадка, как такие вообще выживают и тем более — добиваются успеха.

Насте была нужна моя голова, Соне был нужен мой дар (и плевать было на мою сохранность), к тому же, Соне было необходимо сделать так, чтобы тетрадь Норы

Витальевны никогда не всплыла. Группе Йилдыз тоже не помешало бы от меня избавиться. Олеся была права: внезапно оказалось, что я всеобщий гвоздь в заднице, и самым лучшим выходом все эти прекрасные люди сочли технично меня выдернуть. Удивительно даже не то, какую наживку они использовали, удивительно то, с какой готовностью я клюнула.

Мы пили по третьей чашке кофе, уже отправив послание Елене, когда меня чёрт дёрнул проверить электронную почту.

От знакомого адреса у меня встали дыбом волоски по хребту и пересохло горло.

— Свет, ты чего? — спросила Олеся. Она перевернула очередную страницу тетради, с космической скоростью поглощая написанные аккуратным ровным почерком строки и случайно бросила на меня взгляд.

Я сглотнула, посидела немного, плясь в купленный неделю назад смартфон. Новый телефон, новая симка, а вот электронный адрес остался прежний, и на него пришло письмо, которого я не чаяла дожидаться пару лет назад.

— Эй! — Олеся закрыла тетрадь и похлопала меня по локтю.

— Да, — я, как во сне, медленно ткнула в строчку с письмом.

— Всё нормально?

— Да, — загрузился текст — четыре строки.

«Светик, я знаю, что не должен тебе писать, но кроме тебя некому. Это бред какой-то. Я нашёл дневник своей жены. Кажется, она попала в какую-то секту. Там есть твоё и моё имена. Тебя она называет ключом, а меня — золотой рыбкой. Дата на сегодня. Ты что-то понимаешь в этом супе? Как тебе магия вообще?»

Если бы не суп и магия, я бы успела остановиться и подумать. Но фраза про суп была «наша» фраза, родившаяся в одной загородной поездке, когда мы пытались купаться в заросшем ряской озере и вопили друг другу всякие глупости сипа «это просто суп с капустой!» и «ничего не понятно в этом супе», а фраза про магию пришла из сетевых обсуждений на одном форуме, и Сашка одно время любил вернуть по любому поводу «А как тебе эта магия вообще?» — про новый сорт мороженого, цвет лужи на асфальте или фасон нового пальтишка его коллеги с кафедры. Это было личное, это знал только Сашка...

— Золотая рыбка — это плохо, — сказала я, сжимая смартфон в потной руке.

— Свет? — изумилась Олеся.

— Вот что, Олеська, — я вернула н лицо уверенный и спокойный вид, — Ты тут посиди немного. Так... — я взяла рюкзак, открыла секретное отделение, вытащила и сунула в карман паспорт. — Смотри, вот тут баблосы... не очень много, но на крайняк хватит пару дней перекантоваться. Но скорее всего не понадобится. Так, телефон Елены... — я вытащила из заднего кармана блокнот, написала телефон и вырвала листок.

— В смысле — пару дней? — испуганно воскликнула девушка, — Ты чего?

Плохо, что я не успела подумать. Я положила листок с номером Елены на стол, встала и пошла прямо в расставленный капкан.

Хорошо, что я не успела подумать. Я оставила бедную Олеську одну в чужом городе — и с ней оставила нашу стратегически важную инкунабулу, рукописный труд подруги моей бабушки, сборник записей о нашем даре и о муравьином льве — о той женщине, которая ждала меня у капкана.

Удивительно, как Настя волновалась все эти дни, и как по контрасту буднично и невзрачно прошла сама поимка путешественницы. К ним с Соней присоединилась немолодая женщина с измождённым лицом в длинном каком-то «православном» на вид одеянии. Соня коротко представила её как «сестру Акулину» и велела не задавать вопросов. Настя подчинилась. Примерно час после получения условного знака они сидели молча за столом. Акулина медленно водила пальцами по бумажной карте города, изредка шептала что-то. В какой-то момент, когда Настя уже начала невольно зевать и поёживаться, чувствуя, как отсживает всё тело, Акулина издала сдавленный возглас и ткнула пальцем куда-то в район Телевышки.

Не сговариваясь, они вскочили, быстро молча оделись и вышли из дома. Акулина несла сложенную узкой гармошкой карту, то и дело поглаживая её там и тут, поводя вдоль улиц. На перекрёстке Соня тут же взмахом руки поймала машину. Водила открыл дверцу, что-то спросил — Соня быстро и тихо предложила цену и объяснила задачу. У них было в лучшем случае полчаса. Настя сжимала в кармане телефон мужа, ожидая звонка. Звонка, который они должны игнорировать, и второй, и третий раз. Потом, когда путешественница окажется в зоне доступа, она ответит на вызов и напугает её посильнее. Чтобы не вздумала удрать.

Это даже не понадобилось делать. Они увидели её на подходе к Настиному дому, вошли с ней в подъезд и на площадке между этажами Соня прыгнула вперёд (это выглядело так, словно прыгнула медведица).

Путешественница пыталась уйти в прыжок. Это было фантастическое, невероятное зрелище: обе женщины словно покрывались рябью, их очертания текли и смазывались, а потом резко, рывком всё вернулось в норму.

— Нет, рыба моя, — пропыхтела Соня, заворачивая путешественнице руку за спину так, что у той затрещал локоть, — Меня ты не перетащишь. Быстро, в квартиру! — и наградила пойманную увесистым пинком пониже спины.

— Ты же не можешь её постоянно держать, — с опаской сказала Настя, открывая дверь.

— И могла бы, — спокойно сказала Соня, фантастически быстро отдышавшись. Снова, как после той неудачной попытки её «швырнуть», она выглядела моложе и ярче, чем обычно: румяные щёки, помолодевшее, подтянувшееся лицо, блестящие глаза. — Только в этом не будет необходимости.

— Почему? — тихо спросила сестра Акулина.

— Потому что наш поциент — дура, ответила Соня и с силой швырнула пленницу на пол в комнате. — Она возомнила, что её силы бесконечны. Что, если она может одна прыгать по пять раз в день, то и меня можно безнаказанно тащить. — Соня наклонилась, уперев одну руку в колено, и перевернула путешественницу на спину. Та выглядела плохо. Глаза её обвели тёмные круги, дышала она судорожно, из глаз текли слёзы.

— Хуёво тебе, девочка, — почти сочувственно сказала Соня, — А ты бы не лезла не в свои дела-то. Не совалась бы, говорю, в чужой монастырь со своим уставом. Катилась бы куда подальше, в Европу, а то и даже за океан, жила бы там себе припеваючи. Буржуи — они любят таких легких бездельниц. Тут статейка, там картинка, тут заказик, там заказик, на жизнь бы заработала. Чего тебя всё тянуло назад-то, а, рыба моя?

— Ба... бушка... — просипела путешественница.

— «Баабушка», — передразнила Соня, — Поразительно, как в этаких поганых себялюбивых натурах гнездится сентиментальность самого низкого пошиба. Ладно, — она

выпрямилась, — Никуда это краса от нас не денется в ближайшие три-четыре часа. Времени хватит на всё. Но сначала, — она аккуратно присела на пол рядом с хватающей воздух молодой женщиной, — Скажи, голуба, где тетрадка?

— Какая тетрадка? — встревожилась Настя, — Соня, давай быстрее кончать с этим делом! Скоро муж вернётся...

— Цыц, — беззлобно, но внушительно сказала Соня, — Успеем. Дел на пять минут. Мы почти в самом центре, Акулина видит во все стороны с запасом, у тебя тоже резерв на три броска с остатком. А этой надо дать хоть немного в себя прийти, иначе она сдохнет раньше, чем мы успеем поставить замок.

— Что за тетрадка? — настойчиво повторила Настя. Ей почему-то казалось, что это важно.

— Хуй... вам, — выплюнула путешественница, дернулась — но Соня уже держала её за плечо.

— Попробуешь — сдохнешь прямо сейчас. — сообщила она ласково, — Или поживёшь ещё немного.

Наставница села прямо на пол, продолжая держать путешественницу за плечи. Со стороны это выглядело безобидно и даже трогательно — словно она помогает упавшему человеку.

— Готовь сеть, Акулинушка, — сказала она, потом повернулась к Насте — голова задела кисточки скатерти, свисающей со стола. Почти такой же, какая была дома у самой Сони. — Строй развёртку, как я учила, Настенька, — от этих ласковых обращений одновременно стало жутко и спокойно. Если у них что-то не получится, Соня им головы оторвёт... но у них же должно получиться! Настя подошла к Акулине, они взялись за руки и закрыли глаза. До этого Настя тренировалась в развёртке только со слабенькой стражницей Олей, которая жила в Кстово и приезжала несколько раз специально для этого. В лиловом сумраке, проявлявшемся за опущенными веками, когда она брала Олю за руки, едва проявлялись слабыми светящимися нитями ближайшие улицы. Оля была слабой лучинкой, светильничком на минеральном масле, чей фитилёк едва коптил.

Акулина была софитом. Нет, круче — она была маяком. Вокруг Насти разбежалась сияющая сеть от самого горящего огнём центра, через реку и по всей её излучине, до ровно горящих спальных районов и сходящих на нет дальних улиц, переходящих в деревенскую частную застройку и дачи. Настя почувствовала себя как человек, который играл в куличики в песочнице, и вдруг ему в руки дали экскаватор. Нет, даже не в руки. Она сама стала экскаватором, ледоколом, трансатлантическим аэролайнером, гигантским роботом-трансформером. Она протянула невидимые могучие руки и принялась сгребать сияющие огни к себе, формируя вокруг себя кольцо, потом кратер, потом трубу, в которую свет и напряжение стали втекать уже сами. Где-то помимо слуха внутри головы прозвучала Соня: «Бери нить путешественницы», и Настя увидела эту нить — ядовито-зелёную на тёплом фоне своего огня. Эту нить она начала наматывать на свою трубу снизу вверх, заставляя её расти, а нить растягиваться в усиливающемся напряжении. Ещё немного — ей не хватало самой малости для того, чтобы замкнуть обмотку, и она ждала какого-то решительного действия со стороны Сони, чтобы сомкнуть концы.

В этот момент произошли две вещи.

Открылась входная дверь — Настя опять ощутила это не слухом, не зрением, но вибрацией всех костей. Перед ней возник яркий лоскут чистого белого света.

И тут же Соня крикнула внутри её головы:
«Закрывай!»

Плохо, что она не успела подумать. Её призрачные руки притянули сияние, оно всосалось в горячие огни трубы. Зелёная нить напоследок тоже вспыхнула ярко — и всё исчезло.

Хорошо, что она не успела подумать. В последний момент она ощутила, какая сила прошла через трубу вниз, куда-то в землю под домом, в темноту. Если бы она промедлила хоть на миг, эта сила испепелила бы и её, и женщин рядом с ней.

Она открыла глаза и увидела невозможное. Акулина сидела на полу, сжавшись и трясась. Рядом лежала путешественница, похоже, пребывая без сознания. Возле неё лежал её муж, а над ним на четвереньках стояла Соня. По её лицу гуляли разноцветные всполохи, она улыбалась.

— Ты, — бессильно прошептала Настя, — Ты ж обещала... сука...

Соня распрямилась, неспешно встала. Теперь ей на вид никто не дал бы больше сорока. Её фигура подтянулась, грудь поднялась, лицо стало гладким и прорезались лисьи скулы.

— Дурочка, — сказала она сытым, утробным голосом, — Что он тебе? Найдёшь себе кого получше. Смотри! — она ткнула пальцем под ноги. — Это ведь она виновата. Если бы не потратила столько сил, нам бы её одной хватило.

— Настя, она врёт, — просипело из-под ног. Настя опустила взгляд. Путешественница слабо возилась на полу, пытаясь перевернуться на живот и бормотала:

— Врёт...она. Это... изначально... Золотая рыбка!

— Что? — почти беззвучно спросила Настя.

— Это... метафора. — из-под путешественницы выехала бессильная рука и она снова упала навзничь. — Это значит — жертва. Это... из книжки... одной...

— Ты хотела её *выкинуть*, — сказала спокойно Соня, — Вот и не тормози. Давай, как я учила, *тем самым броском*.

Плохо, что Настя не успела подумать. Она наклонилась и *швырнула* грёбаную жабку, мерзкую серую моль, козу тупую, сраную гадину, которая создавала ей столько проблем, *швырнула* не пределе возможностей, так, чтобы даже безмерного Там не хватило затормозить её бросок.

А потом села на пол и завывала.

Поздним вечером в одну из квартир на первом (а по-испански — нулевом) этаже большого дома на Авенида де Гойя в Мадриде постучала заплаканная, растрёпанная рыжая толстушка в красной курточке и синих тренировочных штанах. Как только хозяйка квартиры встретила с ней взглядом, она выпалила подготовленную фразу:

— Сеньорита, ес муи импортанте, ес собре носотрас, лас вяхерас!

Открывшая ей дверь сонная смуглая «сеньорита» прервала на середине зевок и спросила:

— Ке паса?

— Ми амига... — на мгновение девушка подумала, что забыла слова, но тут её словно толкнуло:

— Ми амига... тенер ун проблема мас гранде!

Смуглая несколько секунд задумчиво смотрела на неожиданную гостью, затем открыла дверь пошире и мотнула головой — проходи.

То и дело листая словарь, она смогла попросить стакан воды, отказаться от еды, сна и душа и кое-как объяснить, что ей нужно. Амайя принесла ей воду, потом схватилась за телефон и стала названивать. Меньше, чем через три часа Олеся сидела в другой квартире, за большим столом, вокруг которого собралось несколько женщин из разных стран, говорящих на разных языках, пытающихся с помощью английского разного качества и звучания обменяться информацией и принять решения.

Олеся успела успокоиться по поводу того, что оказалась в чужой стране без визы и почти без денег, она поняла, что по крайней мере некоторые из этих женщин ей помогут.

Она очень хотела надеяться, что со Светкой будет всё в порядке, что Соню общими силами остановят, закрывающийся над Светкиным городом кокон уничтожат, а её саму спасут.

Но одно обстоятельство очень сильно мешало верить в чудо: Светки не было. Во всём огромном мире, среди всех бесчисленных холодных огоньков обычных людей и тёплых — женщин с даром, нигде не было единственного диковатого, странного мерцающего зелёного огонька.

2006

Глава 55.

Звонит и звонит.

Настя попыталась отбросить от себя монотонное, мерзкое завывание телефона, нырнуть обратно в сон, не думать. Кажется, удалось: телефон замолчал и в наступившей тишине сознание благодарно устремилось туда, где не было мыслей и переживаний.

Краем засыпающего мозга она успела безнадежно понять, что сейчас телефон зазвонит снова, но ошиблась.

Вместо этого с неё содрали одеяло.

Она заорала, попыталась пнуть неизвестно кого, отползла к изголовью дивана, неловко толкаясь пятками и запястьями по съезжающей простыне. Перед ней стояли тёмные фигуры, облитые по краям ярким весенним солнцем, врывающимся в комнату из окна за их спинами.

— Это она? — спросила одна из них по-английски.

— Да.

— Забираем.

Они пренебрегли её воплями, попытками нащупать телефон и отчаянными пинками. Она, в общем, даже ничего толком не успела сделать, как две женщины (одна показалась смутно знакомой) схватили её за плечи, а третья, оказавшаяся тощей взъерошенной девчонкой, подошла и небрежно ткнула её пальцем в голый живот.

Она поняла, что происходит, только в последний момент. Воздух как будто превратился в пластик, дыхание перехватило, на мгновение она успела увидеть происходящее как замершую картинку — искажённую и безумно яркую, а потом её унесло.

Она никогда особо не задумывалась, как себя чувствуют те, кого она толкала. Соня говорила ей, что нагрузка на организм связана не только с дальностью перемещения, но и с некоторыми другими вещами. С тем, какова вероятностная сетка для местности. С тем, насколько точно целится толкачка. С тем, как расположена точка выхода. Так или иначе, она видела, что большинство её подопытных — вплоть до «того самого» раза — умудрялись ничего не заметить. В самом неприятном случае они немного теряли равновесие или осознавали внезапную головную боль.

Её кинули далеко, небрежно и поперёк всякой логики. А самое невероятное — самое, будем говорить, чудовищное, едва не вывернувшее её мозги и остальной организм наизнанку — её кинули прочь из закрытого города.

Видимо, она потеряла сознание, потому что момент выхода не запомнила совершенно. Просто в какой-то момент осознала себя лежащей на кафельном полу и блюющей так, как будто вознамерилась избавиться от всех внутренностей разом. Её трясло, выжимало и дёргало чудовищными спазмами, а голова болела до белых вспышек перед глазами.

Над ней словно птичий базар галдел. Несколько человек говорили, кажется,

одновременно на нескольких языках, и Насте в её тошно-обморочном состоянии ни один из них не казался знакомым. Да что там, она и слова-то не различала, всё сливалось в мешанину резких звуков, буквально выедавших ей мозги.

Ей было так худо, что, когда галдёж вдруг прекратился, её окатило облегчением, как водой. Водой, впрочем, её тоже незамедлительно облили: кто-то вывернул ей на голову целое ведро. От неожиданности и холода она заорала, точнее, думала, что орёт. Стоящие вокруг неё мучительницы слышали довольно жалкий скрип, как будто Настя спала и кричала во сне.

Рядом раздался ещё один голос, довольно низкий и резкий. Тут же Настю подхватили, перевернули и прислонили к стене в сидячем положении. Она с трудом приоткрыла глаза, борясь с тошнотой и головной болью. Перед ней на корточках устроилась рыжая девица, та, что показалась ей смутной знакомой в момент нападения. Настя подняла руку (пальцы дрожат), провела по мокрому лицу, отводя слипшиеся, воняющие рвотой волосы. В желудке снова задёргалось. Девица словно поняла, что происходит, и быстренько вскочила, отошла на шаг. А Насте в лицо прилетела ещё одна порция холодной воды.

Когда она проморгалась и отплевалась, рыжая снова аккуратно присела перед ней на корточки. Подождала, пока их взгляды встретятся, и спросила:

— Поболтаем?

Настя бессильно повозилась на мокром кафеле, убрала за уши волосы, пошмыгала носом, но рыжая не переживала. Она понимала, что пленница тянет время, и её это не беспокоило.

— Что вам надо? — наконец спросила Настя. Она лихорадочно соображала, стараясь держать лицо растерянным и испуганным. Рыжая была в границах досягаемости, её достаточно толкнуть и метр, в стену, а потом...

— Для начала чтобы ты перестала фантазировать, как сейчас нас всех раскидаешь и убежишь, — сказала рыжая. — В этом городе только одна толкачка может толкать, и это не ты. — Рыжая улыбнулась и спокойно протянула руку, так что пальцы оказались прямо у Настиного лица. — Давай, попробуйся.

Настя мгновенно схватила эти наглые пальцы, собрала силу и концентрацию и...

Вокруг неё оскорбительно заржали на несколько голосов. А рыжая легонько хлопнула её по руке, как ребёнка, который позарился на чужое.

— Огорчилась, бедная, — сказал кто-то неподалёку. Настя подняла взгляд, осмотрелась. Она находилась в довольно просторной ванной комнате, сидела в углу между стеной и душевой кабиной. Кроме рыжей в трениках и футболке, рядом стояла смуглая тощая девица в каком-то нелепом пёстром тряпье, держа в одной руке пластиковый тазик — кажется, та самая, которая толкнула её прямо из родной постели. Настя ощутила смутное беспокойство, словно что-то было не так с держательницей тазика, но ощущение появилось и прошло. Чуть дальше на деревянном коробе для грязного белья сидела похожая на смуглую девицу взрослая тётка лет сорока, в спортивной одежде и розовых сланцах. На запястье у неё была повязка, чуть запятнанная тёмным. Настя перевела взгляд правее, к двери, и увидела ещё одну женщину. Та была примерно ей ровесница и из всех присутствующих выглядела самой нормальной. Статная, прилично одетая (Настя сама одевалась в похожем стиле, почти офисном, но разбавленном романтичными элементами), аккуратно причёсанная, единственная из присутствующих с неброским дневным макияжем. Она стояла, прислонившись плечом к косяку, сложив руки на груди и спокойно, внимательно смотрела

на Настю.

«Где-то я и её видела... Или нет?»

— Здравствуй, Настя Тараканова, — сказала женщина, не двигаясь с места, — Надо сказать, фоточка на аватарке у тебя выглядит куда лучше, чем ты сейчас.

Это прозвучало невероятно унизительно. Возникшая было симпатия к ней моментально растворилась. «Я запомню», — пообещал Настя себе и этой стерве.

— Ишь, как глазки-то загорелись, — тут же заметила та, — Пять секунд — и кровный враг. Темпераментная ты особа, а так ведь и не скажешь.

— Это ты не скажешь, — рыжая уже снова встала и стояла теперь, уперев руки в плотные бёдра, обтянутые трикотажем. — А я представляю, сколько там яда в этой голове.

— М-м-м? — элегантная стерва отлипла от косяка, шагнула чуть ближе. — Ты прямо видишь?

— К сожалению, — горько ответила рыжая. Повернулась к остальным и спросила на английском:

— Девочки, можно я на кухне подожду? Меня от неё тошнит.

— Нас всех от неё тошнит, — ответила девчонка с тазиком. — Кто-то должен помочь ей одеваться и приводить себя в нормальный. — Настя заметила, что у девчонки странный акцент.

— Идите, — сказала стерва, — Я с ней займусь. Деваться ей некуда, чисто физически она меня не осилит. Можете дверь снаружи закрыть, если боитесь.

— Ладно, — тётка в сланцах встала с ящика, — халаты и полотенца в шкафчике, бельё сейчас Акса принесёт.

И через минуту они остались вдвоём.

— Давай, поднимайся, — стерва бесцеремонно пихнула Настю под бедро носком белой кроссовки, — Вон душ.

— Мне плохо, — Настя всё ещё надеялась выиграть время. Она уже сумела нащупать сетку и построить развёртку, ей надо было только сосредоточиться...

— Не ври и не будь душой, — сказала женщина. — Ещё пару раз попробуешь кого-то толкнуть — заработаешь истощение, к тому же замки тебя уже заметили. Поверь, здешние замки — не то позорище, которое вы на Нижний навесили. Тут их много, этим сущностям несколько сотен лет, они таких, как ты, без соли и перца кушают, если придётся.

«Позорище».

Настя на несколько секунд замерла, чувствуя, как сжимается горло и перехватывает дыхание. Нет, нет, нахрен, она не будет рыдать. Она сейчас выдохнет и вдохнёт, и ещё раз, и встанет, и будет снимать с себя облёванное и мокрое бельё.

Вещи шлёпнулись на залитый водой пол, Настя наконец разделась и, держась за стену, забралась в душевую кабинку. Задвинула створки, пустила воду. Горячая вода была такой приятной, от неё так явственно отступала и слабела головная боль, что Настя опять чуть не разрыдалась.

Снаружи раздались голоса, стукнула туда-сюда дверь. Настя стояла просто под струями из душевой лейки, чувствуя, как грязь и пот потихоньку смываются с лица и тела, как пропитываются и влажным шёлком скользят по плечам волосы, спадая на спину. «Отросли как, надо пойти в парикмахерскую», — машинально подумала она. И тут же осознала, что впервые с декабря ей пришла в голову какая-то мысль о себе и своём теле.

— Эй, ты там не в спа-салоне, — громко сказала её надсмотрщица снаружи, — быстро

мой свою вонючую тушку и вылезай.

Настя было почувствовала вспышку ненависти, но горячая вода ей помогла: она тут же пригасила гнев. Выплюнув изо рта воду, женщина выдвинулась из-под душа и спросила, стараясь говорить спокойно:

— Зачем ты меня всё время оскорбляешь? Я тебя не знаю, и я тебе ничего не сделала.

Снаружи раздался неопределённый звук, что-то между фырканьем и смешком.

— Ну, давай познакомимся, — сказала стерва. — Меня зовут Елена, и ты мне очень даже что-то сделала.

Настя медленно огляделась — ага, вот бутылка с гелем для душа, вот чья-то мочалка. Не особенно гигиенично, да и пёс с ним. Она выдавила немного геля на мочалку и начала медленно намывать плечи, соображая. Елена. Фоточка на аватарке. Связь через сайт дневников. Вот оно что!

— Ты, значит, с форума мистиков, — сказала она медленно.

— Я *модератор* форума мистиков, — нелюбезно заметила Елена.

— А! — Настя едва не выронила мочалку, — Ты Gloomy rose!

— Верно, а ты — Тео. На старой гостевой книге поэтов ты тоже была Тео-лог. И в дневниках ты Тео-bro-mina. Это у тебя мания величия или идея фикс?

Настя почувствовала, как к щекам приливает кровь. Она не раз за последние годы чувствовала потребность сменить никнейм в сети, поменять название дневника — но «Богиня за чашкой чая» нравилась её подписчицам! И ей самой, что и говорить, было жалко ладно сложенного образа из никнейма, заголовка, красивого акварельного фона с чайными листьями и аватарки — той самой, на которую намекала Елена, профессиональной студийной фотографии, где она сидела в лучах утреннего света, с чашкой чая в руках, в нежно-зелёном шифоновом платье...

Это всё была, конечно, ужасная попса, но эта попса имела успех у определённой аудитории, и Настя отлично понимала, что стоит её дневниковому «альтер эго» повзрослеть и отрастить хороший вкус, как многочисленные девочки-с-плеером-с-веером разбегутся. А на более серьёзную аудиторию, она понимала, ей не наработать.

Казалось бы, ну что с того? И почему она начала вдруг думать об этом сейчас, когда в руке истекает пеной чужая мочалка, на макушку льётся горячая вода, а за дверцами кабины ожидает куча неприятностей? Но Настя, медленно водя мочалкой по животу, ощутила настоящее горе. Как будто сжатое, спрессованное, упиханное в глубину, оно вдруг спружинило, сбросило наваленный на него гнёт ответственности и прагматичного подхода, и вырвалось наружу.

Настя таки уронила мочалку, села на пол кабинки и зарыдала.

Она плакала о своём блоге, о своём муже, о своём прошлом и о том, что ничего нельзя исправить и вернуть.

Минут через пять рыдания начали успокаиваться.

Елена из-за дверок кабинки сказала, едва перекрывая голосом шум воды:

— Ещё не конец света. Выходи давай, будем разгребать, что ты наворотила.

Глава 56.

Входя на незнакомую кухню как под конвоем, Настя невольно задержалась в дверях и

тут же получила ошутимый тычок в спину. Сделала ещё шажок. На неё смотрели несколько пар глаз, и ни в одном взгляде не читалось ни капли приязни.

Настя отвела глаза и сделала вид, что осматривается. Тут, впрочем, было на что взглянуть. Светлое, просторное помещение окаймлял по стенам «фартук» из ярких плиток. Белые и синие перемежались с расписными, покрытыми переплетёнными орнаментами, стилизованными тюльпанами и гвоздиками, птицами и даже корабликами. Настя вспомнила, что видела похожие в одном из отелей в Анталии. «Турция?» — подумала она с недоверием. — «Они меня перекинули в Турцию?!»

Окна были открыты, снаружи, трепыхая белые занавески, врывались легкие порывы ветра и слышался какой-то смутный шум. Так мог шуметь большой город, или море, или многополосное шоссе.

Настя снова получила толчок в спину. Позади неё Елена довольно резко сказала: — Шевелись. Вон туда садись.

«Вон туда» был свободный стул на дальней от неё стороне большого круглого стола. Настя медленно обошла сидящих, чувствуя, как провожают её недобрые взгляды. Смотрели так, что, кажется, начинали чесаться плечи, шея, затылок, так, будто не взгляды её провожали, а лазеры. «Гелий-неоновые», — подумала она, испытывая неожиданное и неуместное желание захихикать, — «Киловаттные».

Села, опустила взгляд на стол.

— Так. — Снова Елена. — Искренне надеюсь, что ты нормально владеешь английским языком. Наши турецкие подруги по большей части русским не владеют.

Настя подняла голову, встретила взглядом с Еленой и хотела было соврать, что понимает еле-еле, но...

— Она отлично говорит и понимает. — это за неё ответила другая, рыжая, которая, как и Елена, откуда-то казалась знакомой, но Настя не могла никак вспомнить, откуда.

Настя перевела на рыжую взгляд и было хотела возмутиться, но та вперилась в неё острым, ненавидящим взглядом и сказала:

— Во-первых, я тебя насквозь вижу. Когда врёшь, когда боишься, когда правду говоришь. Я стражница, ясно тебе? Ты для меня стеклянная. А во-вторых, пока ты не заныла, что ты меня не знаешь, и ничего мне не сделала, объясняю. Ты мою подругу почти убила, потом отдала на съедение упырихе живого человека, а теперь живёшь как ни в чём ни бывало, и всё у тебя отлично. И нам пришлось четыре месяца потратить, чтобы тебя выследить, а для Светки каждый день — это минус шанс вернуться. И если мы её не вытащим, я тебе лично, собственноручно шею сверну.

Настя ждала, что рыжей возразят. Что сейчас кто-то из них скажет — мол, не надо горячиться. Что всё не так уж плохо, что все мы цивилизованные люди, никто никому ничего не будет...

Но они молчали. Настя обвела их взглядом, чувствуя, как холодеет и проваливается что-то внутри.

— Вы не можете! — у неё сорвался от ужаса голос. Она глубоко вздохнула, сжала зубы и сказала, старательно не крича:

— Не имеете права. Не докажете... Я ничего не делала! Я не виновата!

— Омайгааад, — лениво протянул кто-то рядом. Настя повернулась и испытала очередной шок: две совершенно одинаковых тощих мрачных девицы сидели сейчас справа от неё. Одна в чёрной футболке и чёрных джинсах. Другая... другая тоже была вся в чёрном, но

Настя вдруг шестым чувством определила, что еще недавно на ней была длинная пёстрая футболка и малиновые леггинсы.

— Ну ладно, — Елена наконец тоже подошла к столу, поставила дополнительный табурет прямо между одинаковыми девицами (они молча подвинулись) и села. Сложила руки на столе, оглядела собравшихся и на аккуратном английском сказала:

— Давайте познакомимся. Перед нами Анастасия Тараканова, двадцать семь лет, ассистентка на кафедре экспериментальной физики... неважно. Настя, толкачка экстра-класса, подопечная и подручная Сони, известной вам как Софья Измайлова, или, возможно, Софи Цейсс, или даже София Аристосис. И все имена, кстати, ненастоящие, насколько мы выяснили из известной тетрадки.

— Вы ошибаетесь, — сказала Настя. — Сониная фамилия — Ключева. Она Софья Ключева...

— Последние лет тридцать, — перебила её та взрослая турчанка, которая, видимо, приходилась матерью близнецам. — Возможно, меньше. За последние сто лет она не меньше трёх раз меняла фамилию и документы. Имя, правда, всегда оставляет одно и то же, и уверена, что никто не станет особо следить...

«Тётя Соня с первого», — подумала Настя. Нет, невозможно. «Отдала на съедение упырихе живого человека».

— Вы ошибаетесь! — горячо воскликнула она. — Вы ничего не знаете! Она пыталась Сашку спасти. Это был несчастный случай! Она пыталась...

— Господи, вот дура, — пробормотала рыжая вполголоса на русском.

— Нет, не дура, — так же тихо, с акцентом ответила одна из близняшек. — Не дура, просто боится вспомнить, как было... на правде.

— Ладно, по порядку, — сказала Елена. Все тут же обернулись к ней, словно заранее признали её главенство. Елена повернулась к Насте, отыскала её взгляд. Сказала медленно и весомо:

— Соня тебе не друг. Она воспользовалась тобой, чтобы добиться своей цели, а потом бросила одну с твоими проблемами. После того, как вы закрыли город, ты ей стала не нужна. Ей там теперь вообще никто не нужен, она теперь может до бесконечности собирать все нереализованные вероятности и поджирать чужие жизни. А твой муж теперь привязан к каналу в роли замка, и чем дольше он на канале висит, тем меньше вероятность, что он сможет оторваться, прийти в сознание и вернуться к нормальной жизни. Показать тебе, как выглядит замок лет через триста после смерти тела?

За столом воцарилась тишина. Женщины и девушки сидели молча, глядя на Настю, а она переводила взгляды с одной на другую, не находя слов. Наконец, рыжая негромко сказала:

— Лен, она ничего не поняла, кажется.

Настя посмотрела на Елену. Она ничего не поняла, но она услышала главное.

— В каком смысле — вернуться? — спросила она хрипло, — В каком смысле — вернуться к нормальной жизни?

— Ага, — Елена уперлась ладонями в стол и поднялась на ноги. — Давайте-ка всё-таки сводим её в Йеребатан.

— Сбежит, — недовольно предположила мать близнецов.

— Ну шас, — буркнула одна из девушек, — Я ей сбегу.

Её совершенно позорно подняли из-за стола и взяли «в клещи» близнецы, так что в коридор и дальше на улицу им пришлось протискиваться кое-как, мешая друг другу локтями. Даже обуться самостоятельно ей не позволили. Елена бесцеремонно схватила её за пятку и приложила к стопе одну туфлю, другую, третью. Наконец, какие-то относительно подходящие сандалии натянула ей на ноги и с раздражением затянула липучки так, что заципнула кожу на подъемах. Настя смолчала, почему-то показалось, что жаловаться — только радовать похитительниц.

Её вытолкали на улицу, в изумившую её жару и сияние дня. Дома в Нижнем была середина апреля, асфальт ещё не просох от талого снега, а холодный ветер трепал куртки и плащи горожан. А тут перед глазами замелькала толпа смуглых, легко одетых мужчин и женщин, где-то над головой явственно орали чайки, и взлохматил тут же влажные волосы настоящий тёплый бриз.

— Такси надо было вызвать, — проворчала мать близнецов.

— Надо было, — вздохнула Елена, которая шла позади всех, — ну, чего уж. Нас всё равно много, что, две машины искать?

Так, держась плотной группкой, они спустились по крутой улочке; тут же Настю подхватили ещё крепче и заставили бежать куда-то, оказалось — к остановке трамвая, куда как раз неспешно подъезжал вагон. Ошеломлённая, Настя вертела головой, постепенно проникаясь ощущением *на самом деле*. Она и правда была в чужом городе, её и правда каким-то образом перетащили за тридевять земель. Всё, что случилось с ней раньше, всё-всё — знакомство с Соней, их странные уроки, то, что она делала с другими людьми, то, что случилось в её доме — всё было правдой, но *не той* правдой. Не волшебством, не приключением, не могуществом и не победой.

А отвратительным и чудовищным провалом.

Настя словно споткнулась. Её с двух сторон подхватили, потащили, сунули прямо в толпу, втиснули между разгорячёнными людьми. Она на какое-то время как будто потеряла связь сама с собой. Её тянули, толкали, её прижали наконец в закуток за поручнем в самой задней части вагона, а она стояла, не чувствуя рук и ног, и смотрела на себя и всё происходящее со стороны. Смотрела и думала отстранённо: сейчас я вдруг увидела всё произошедшее не так, как видела раньше. Но значит ли это, что я прежде ошибалась, или это я сейчас поддалась мороку, наваждению, обману? Прежде я верила, что я особенная, что мне судьбой назначено совершить что-то необычное и великое, и я совершила нечто — а теперь оказывается, что моей роли там было не больше, чем у гончего пса, который бежит за зайцем. Почему я забыла, что произошло в тот день? Мы закрыли город, всё получилось, я сумела остановить путешественницу, которая хотела разрушить наш замысел, всё было правильно, если бы не беда с Сашкой... Но что именно с ним случилось?

У Насти внезапно опять заболела голова, она очень резко и сильно ощутила себя, свою слабость, сокращения в голодном желудке, уже натёртые неудобными чужими сандалиями мизинцы, толкучку, покачивание трамвая, и тут же, поверх всего, почувствовала зов. Её звал кто-то издалека, негромко, но настойчиво. Звал без слов, без голоса, тонкой струной тянул прямо из груди, всё сильнее, до боли. Она дотянулась до одной из близняшек, вцепилась ей в плечо и выдавила сквозь зубы:

— Мне плохо...

Девчонка дёрнула плечом, пытаясь сбросить Настину руку, потом обернулась и процедила так же, сквозь зубы, тихо и злобно:

— Потерпишь, дура!

Она терпела. Она пыталась не думать, не чувствовать и вообще не быть. Она цеплялась, как ненормальная, за плечо злой девчонки, и та, отчаявшись сбросить сведённые пальцы, вскоре начала ругаться и шипеть от боли.

Наконец, её выдернули, как морковку из грядки, из трамвая на улицу, и несколько секунд она блаженно подставляла лицо бризу, который нашёл дорогу между нагретыми солнцем стенами старого города. Ей дали буквально пару вдохов сделать, и уже тащили куда-то в потоке людей, направляющихся явно к определённой цели. Струна, проросшая прямо в душу, вибрировала и горела огнём, но Насте на удивление становилось легче с каждым шагом. Она приближалась, она шла туда, куда её вёл зов.

Не слишком осознавая происходящее, не заметив ни покупку билетов, ни спуск по лестнице, ни довольно длинные переходы в тёмном, скудно освещённом пространстве под землёй, Настя пришла в себя перед ограждением, пересекающим каменный помост, уходящий в темноту галереи. Она едва не заскулила от досады, но тут за спиной Елена сказала:

— Тихо. Сейчас Ёзге отвлечёт служителя, а девчонки тебя прикроют. Идём быстро, не оглядываясь, не бежим, не издаём звуков. Замок близко.

Настя сжалась, замерла, как бегун на старте. Она не могла думать, почти не понимала, что ей говорят, она могла только стремиться туда, вперёд, в темноту.

Елена подошла вплотную к заграждению, встала рядом с Настей. Опустила руку на задвижку, нащупала рычажок. Обернулась, поймала кивок старшей и быстро, бесшумно повернула железку. Взяла Настю под локоть, плавно отворила створку и пошла вперед ровными, широкими шагами. Настя моментально подстроилась к её темпу. Идти было легко, она чувствовала себя так, будто летит над плитами каменного помоста. Позади стихал гомон и шум шагов, потом за спиной осталась последняя пара светильников, помост из главного объема Цистерн ушёл в узкий едва освещённый проход. Молча, слыша только свои шаги и быстрое дыхание, женщины сделали ещё пару десятков шагов и остановились.

— Мне дальше нельзя, — сказала Елена, отпуская Настину руку, — Иди. Тут ещё метро двадцать, впереди тупик, не ошибёшься.

Настя постояла немного, балансируя между остатками рационального ума (пусть привыкнут глаза) и неистовым желанием идти вперёд, потом всё-таки сдалась и пошла прямо в темноту. Напряжение внутри достигло невыносимого максимума и вдруг пропало.

Настя поняла, что ничего не видит, и при этом видит всё, что необходимо.

Темнота встретила её и обняла.

Глава 57.

Олеся ходила кругами вокруг скамейки. На скамейке спокойно сидели Ёзге и её одинаковые дочери. Ёзге скроллила что-то в навороченном смартфоне, одна из близняшек откинулась на спинку скамейки и прикрыла глаза, другая (Олеся была почти уверена, что это Акса) недовольно следила за её метаниями. Наконец терпение у юной турчанки лопнуло, и она довольно злобно заявила:

— Кончай это мотать туда-обратно!

Олеся остановилась, подняла обе руки к голове и вцепилась в аккуратно заплетённые

рыжие косички. Спросила:

— Акса, а ты что, совсем не чувствуешь?

Акса смутилась, отвела взгляд. Сказала неохотно:

— Ну, так... Какой-то... Мне и не полагается.

— Потому что ты тут всю жизнь живёшь? — разговор помогал Олесе отвлечься. Да ещё вот подёргивание себя за волосы.

Акса вздохнула. Определённо, ей совсем не хотелось что-то объяснять, но она понимала, что, если замолчит — рыжая опять начнёт мотаться вокруг, едва не повизгивая от нетерпения и неприятных ощущений.

— Это да, — ответила девушка, — И другое, что замок в Йеребатане наш по крови. Ну, как это... родственный. Э... — она почесала нос и добавила, откидываясь на спинку скамейки:

— She is one of our ancestors.

— А-а-а! — Олеся оживилась, даже забыла теребить волосы. Подошла, устроилась на краю скамейки. — Значит, она вас как бы знает, поэтому не тянет? Не зовёт?

— Зовёт, но не так, — признала Акса. — Это, знаешь, вроде как мама смотрит из окна.

— Из окна? — Олеся озадаченно уставилась на турчанку. Та раздражённо вздохнула, села прямо и объяснила:

— Ну, ты маленькая, так? Ходила гулять на улице... Мама смотрит, тебя видно, значит, всё хорошо! Ясно?

— Ага, — медленно произнесла Олеся, упираясь взглядом в брусчатку под ногами, — Да, так ясно.

И снова схватилась за косички. Подёргала волосы, размышляя о том, что для этой вот чужой девочки из чужой страны оказались ближе некоторые простые вещи, которые сама Олеся полагала напрочь книжными и в реальности не существующими. В её ПГТ мамы переставали смотреть из окон сразу, как их чада дорастали до начальной школы. Да и чего там смотреть? По улице проезжала одна машина в час, снижая скорость почти до пешеходной, чтобы не убить подвеску по раздолбанному асфальту. Собаки в округе были все свои, знакомые, маньяков отродясь не водилось (или о них не знали). Дети сбивались разновозрастными стайками по соседскому принципу, и после школы шлялись по округе до темна. Многие таскали с собой всё лето детсадовских братишек и сестрёнок. Олесе тут повезло, она была единственным ребёнком. Повезло... или как сказать. Она покосилась на расположившееся на скамейке трио и ощутила что-то вроде смутного сожаления.

Акса вдруг вздрогнула, протянула не глядя руку и потеревила мать за колено. Взгляд её при этом был прикован к выходу из музея, который едва виднелся из-за живой изгороди и проходящих в обе стороны людей.

Ёзге заблокировала телефон и встала, убирая его в карман толстовки. Близнецы тоже вскочили. Олеся осталась сидеть, невольно вцепившись в гладкие тёплые брусочки сиденья скамейки. У входа появились две высоких фигуры, одна в белой рубашке и узких джинсах, другая — в полосатой футболке и серых парусиновых штанах. Издалека две молодых женщины казались похожими: один рост, один тип фигуры, почти одинаковые тёмные крупно вьющиеся волосы. Но вот та, что в джинсах, крепко взяла вторую за руку чуть выше локтя и повела по дорожке туда, где их ждали.

Олеся не выдержала и тоже вскочила. От того, что произошло сейчас в глубине тёмных переходов, зависело очень многое. Например, увидит ли она ещё Светку. Сможет ли

вернуться домой. Захочет ли возвращаться...

Они подошли неспешным шагом. Елена всё ещё держала — или поддерживала? — Настю, которая ступала по земле словно на чужих ногах. Ожидавшие их расступились, позволили Елене подвести толкачку к лавочке и усадить. Выглядела Настя нехорошо. Она как будто обвисла, посерела и размякла, что было не списать ни на толкаческое похмелье, ни на пропущенный завтрак.

— Ну, что там? — нетерпеливо выпалила Олеся.

— Поговорили, — тихо и едва шевеля губами ответила Настя. — Они... позвали. Его. И мы... поговорили.

— Так что... Правда, у них есть связь? — Олеся моментально загорелась интересом, совершенно не считаясь с душевным состоянием собеседницы. — В тетрадке Норы Витальевны упоминается связь через Изнанку, но больше никто...

— Детка, ты б не могла прикрыть орало и немного вежливо помолчать? — спросила Елена, взглядывая на неё тяжёлым взглядом. Олеся моментально замолчала. Было в Елене что-то такое, что её слушались дети, животные, мужчины и даже — время от времени — вредные близнецы. Олеся же под таким взглядом явно ощущала, что по Елениной шкале недалеко ушла от животного и явно не дотягивает даже до детсадовца.

— Не стоит нам тут оставаться, — сказала Ёзге. — Внимание привлекаем. Пойдёмте, тут рядом Старбакс есть.

— Мы вперёд, столик займём, — быстро сказала Акса и, подхватив сестру за руку, потащила в сторону трамвайной линии. Елена проводила их неодобрительным взглядом, но ничего не сказала. В ту сторону уходила улица Диван Юлу, и, насколько Елена могла вспомнить, там вдоль линии все первые этажи были плотно упиханы кафешками и магазинчиками.

— Ладно, пойдём, — она встала и похлопала легонько по плечу их оцепеневшей пленницы. Теперь можно было не переживать за то, что Настя попытается сбежать. Теперь её больше беспокоила внезапная активность Аксы.

— Ёзге, — Елена повернулась к турчанке, — Что твои затеяли?

Та приподняла брови, поджала губы. Ответила вроде бы спокойно:

— Что они могут натворить? У нас тут, ты знаешь, свои порядки. Дети воспитанные, уважают договор и не лезут, куда не надо.

Елена молча покивала, но что-то в голосе Ёзге заставляло сомневаться. «Дети», как же. Близнецы выросли, и это касалось не только их долговязых фигур и худых, скуластых личиков. Девушки определённо были уже давно не «дети» во всех смыслах.

— Идёмте, — немного раздражённо повторила Ёзге и зашагала в сторону «Старбакса», уверенная, что остальные пойдут за ней.

Настю пришлось поддерживать под руки с обеих сторон. Она шла, глядя перед собой несколько остекленевшим взглядом, изредка пытаясь осмотреться по сторонам, но тут же опускала голову, точно от увиденного становилось дурно. Бледное её лицо с кругами под глазами блестело от пота. И от неё самой неожиданно и довольно сильно пахло, как будто она бежала изо всех сил. Не просохшие окончательно ещё после душа волосы повисли, на плечах полосатой футболки проступили тёмные пятна. А ещё подмышками, под грудью и между лопаток.

Олеся шла, крепко держа пленницу под локоть, и едва сдерживала бешеное желание схватить её за грудки и вытащить из неё буквально всё. Что произошло в подземелье? Что

сказала ключ? Как происходило общение, на каком языке? Почему Настя так себя чувствует? Что, чёрт побери, *происходит*?!

Выбрались на Диван Юлу, увидели, как издалека Ёзге машет рукой — сюда, мол.

— Прибавим-ка шагу, девочки, — Елена с силой потянула Настю вперёд, отчего та моментально споткнулась и едва не упала.

— Да что с тобой такое! — возмутилась Елена, останавливаясь. — Ноги разучилась переставлять?

Вокруг них текла и завихрялась толпа. Люди образовывали в таком количестве почти непрерывную среду, подобную жидкости, которая по краям иногда выплёскивала отдельные капли или разбивалась на струйки, но в центре потока лилась ровно и мощно, снося преграды. Елену толкнули, обходя, в спину, в плечо. Олеся почти отщёрли к стене здания. Люди недовольно хмурились, едва избегая очередного столкновения.

— Да ладно, идёмте же, — Олесе стало страшно. Она толпы не любила в принципе, а сейчас у неё возникло стойкое ощущение, что достаточно крохотной оплошности, и тебя собьёт потоком, накроет, и ты уже не выберешься.

Кое-как, таща Настю почти на себе, они добрались до Старбакса. Олеся прокляла уже всё на свете. К середине дня воздух разогрелся до двадцати трёх градусов, и её спортивный костюм явно был слишком тёплым для такой погоды. Она пожалела, что не послушалась Елену, которая ещё вчера предупреждала: в Стамбуле тепло. Очень тепло. «Дура я, могла бы хоть верх от костюма снять, в футболке было бы нормально», думала Олеся, сдувая волосы со лба и щурясь от солнца.

Стамбул цвёл. На площади Султанахмет, которую они оставили сбоку и позади, пылали клумбы тюльпанов всех расцветок. Тут и там сумасшедшими розово-лиловыми гроздьями клубилось иудино дерево. Фасад гостинички, мимо которой они только прошли, был сиреневым от цветущей глицинии. Даже там, где сквозь трещины и щели мостовой, в тени, пробивались какие-то сорняки, сейчас выглядели мелкие белые цветочки неизвестного вида.

Олеся в очередной раз подхватила споткнувшуюся Настю и подумала (она об этом то и дело думала последние дни), что, когда они закончат с этим делом, она попросит у Елены разрешения остаться на пару дней. Ведь наверняка найдёт ей пустой номер, пусть самый негодный, да даже койку в общей комнате! Просто погулять спокойно, никуда не спеша. Подышать влажным, тёплым ветром с Босфора. Выпить кофе в «Симит сарае». Полежать на траве в парке. Посмотреть на мороженщика, который с жуликоватыми ухватками крутит вязкую массу своего мороженого, отхватывает немного, формирует в рожке красивый завиток, потом обманывает покупателя, оставляя в его руке другой рожок — пустой, а сам оборачивает заполненный красивой красной салфеткой с вензелями и наконец вручает обалдевшему туристу под свист и хлопки зрителей...

— Сюда, — Ёзге стояла в дверях кафешки. Близнецы махали руками, устроившись за большим столом с двумя диванчиками прямо у входа, точно на витрине.

— Нас будет видно, — сказала Елена.

— Не важно, — Ёзге отвернулась, села, предоставив им самим довести и посадить Настю. — Возьмите что-нибудь, иначе нас выставят.

Елена кивнула и направилась к кассам. Олеся протиснулась на свободное место, подтолкнула Настю:

— Двигайся давай.

Настя медленно, точно во сне, подвинулась вдоль диванчика до самой стены, а там уронила руки на стол, голову на руки и зарыдала. Так, что её всю аж затрясло.

— Как человека убивать, так ты не плакала, — начала, заводясь, Олеся, которой всё это время дико хотелось что-нибудь нехорошее Насте сделать. Пнуть, ударить... да хоть обозвать. Ёзге вмешалась:

— Перестань. Она сейчас тебя всё равно не слышит.

— Да ладно, — пробурчала Олеся.

— Замок, — сказала Ёзге. У неё снова сделался тот недовольно-скованный голос, которым она объясняла (обычно поневоле) всё, связанное с их даром. Особенно если это касалось её семьи и ближайшего сообщества. — Замок не разговаривает. Она лезет прямо в голову и показывает. Обращается, если можно так выразиться, к бессознательному. Эта девушка, — Ёзги чуть заметно повернула голову в сторону Насти, — Очень на голову нездорова. Неудивительно, с её силой... Очень много страха и ненависти. И толстая корка прагматичного ума вокруг. Представь, много лет ты живёшь, делая людям гадости из выгоды. Манипулируешь, врёшь, обижаешь. При этом считаешь себя хорошей и очень умной. Замок просто содрал с неё рационализирующую часть личности. По делу, ей сейчас нужно в кризисный психиатрический стационар. А мы вместо этого потащим её углублять травму.

— Ой, бедная! — воскликнула Олеся, моментально снова наливаясь злостью, — Раньше думать надо было! Люди не виноваты, что у неё...

— Ш-ш-ш, — Ёзге нахмурилась, — Не кричи. Никто не виноват, так жизнь сложилась. Твоя подружка тоже руку приложила к этой истории. Не сбежала бы тогда...

— Вам легко рассуждать, — Олеся откинулась на спинку дивана. — Но у неё же совершенно особый случай. Её никто не учил. Я так и не поняла, как это вышло, в её городе пять человек путешественниц постарше, конечно, все с серьёзными триггерами, но чему-то же они могли научить! Стражницы тоже есть, кто-то должна была её почувствовать, хоть одна!

— Ха! Никто не мог, — сказала Акса. — Никто не мог её увидеть, пока не сняли триггер, только я!

— Ну, круто, — Олеся вздохнула, — И чего вы хотите? Она вообще считала несколько лет, что других таких нет. Из-за этого она так лезла к Насте. Стихи эти дурацкие...

— Что за стихи? — Елена подошла, поставила на стол четыре стакана с какими-то напитками. — Могли бы и помочь!

Кара, которая сидела ближе всех к проходу, вскочила и пошла к стойке, забирать остальные стаканы. Елена села, с наслаждением вдохнула прохладный кондиционированный воздух кафешки и спросила:

— Так что за стихи?

— Да это дело прошлое, — Олеся придвинула к себе стакан с кубиками льда и какими-то зелёными ошмётками. Пахло «Спрайтом». — Мне она рассказала как-то между делом. Почему она пыталась выйти на контакт с Настей? Из-за стихов на форуме. Настя, — Олеся покосилась на сидящую рядом и всё ещё всхлипывающую молодую женщину, — Их выложила под своим именем. Только это враньё, ни она, ни её пропавший брат этих стихов не писали.

— А кто писал? — заинтересовалась Елена. Подошла Кара, поставила ещё пару стаканов, села. Олеся мысленно застонала: осознала, что говорила по-русски, и надо снова переходить на английский. Не то чтоб у неё были большие проблемы с грамматикой или

словарным запасом, но уставала она от английского так, словно кирпичи таскала.

— Ну... Мама Насти тоже путешественница.

Настя перестала всхлипывать и выпрямилась. На её покрасневшем, помятом лице было написано такое удивление, которое иначе как охуением на назовёшь.

— Мама? — сказала она хрипло, — Моя мама?

— Твоя мама, — вздохнула Олеся, — Я всё твоё окружение проверила. Твоя мама до рождения твоего брата была ого-го путешественница. Триггер у неё, правда, был так себе.

— Нет, погодите, — Настя подалась вперёд, торопливо стирая со щёк влагу, — Мама не пьёт никогда! Шампанского глоток на Новый год... Ей нельзя. У неё печень!

— Печень, ага, — Олеся дёрнула носом как недовольный ёжик и хорошо отхлебнула из стакана, проигнорировав соломинку, — А Светка, когда сообразила, в чём дело, стала говорить, что у неё на алкоголь аллергия. Тоже выход.

— А это ты откуда узнала? — спросила Елена.

— Спросила, — Олеся развела ладони в стороны как мультяшный персонаж. Все уставились на неё — все пятеро, и сильнее всех поражённая Настя поинтересовалась:

— И мама вот так просто рассказала?

— Ну да. Я же стражница. Я всех знаю, и её прежнюю наставницу, и про их связи с Соней. Меня больше удивляет, что ты решила, будто стихи писал твой брат.

— Я их нашла у него в столе, — Настя медленно подняла ладони, прижала к щекам, — А мама... но почему...

— Но почему она не поняла, что у неё в семье растёт супер-толкачка? Что её сына толкнула сестричка? — Олеся ещё отхлебнула напитка, который был очень холодным и дико газированным. — Потому что ты тоже та ещё штучка. Тебя тоже никто не видел просто. Тот случай не посчитали «нашим», потому что ты никому не рассказала, как было дело на самом деле. — Олеся поставила со стуком стакан на стол и уставилась на Настю.

— Но стихи от имени мужчины, — неуверенно сказала Настя.

— Аргумент, — ответила Елена, — Вернёшься — спросишь у мамы, почему. Сейчас это вообще неважно.

— А что важно? — Настя подняла взгляд и, всё ещё держась ладонями за заплаканные щёки, с надеждой посмотрела на Елену.

Елена усмехнулась и сложила руки на столе.

Глава 58.

Раскрытая «тетрадь» лежала на столе перед Еленой. Олеся, которая за прошедшие месяцы успела чуть ли не наизусть выучить её содержимое, по положению страниц знала, что Елена открыла записи о замках. Остальные, и прежде всего, Настя, смотрели на невзрачную потрёпанную книгу с подозрением. Из турецких ведьм только Акса могла более или менее успешно ознакомиться с записями Норы Витальевны, и у неё были, в общем, известные проблемы. В-основном, с почерком, но и с содержанием, если можно так выразиться. Нора Витальевна в обычной жизни была учительницей русского языка и литературы, и писала... красиво. Не сказать, что не по делу, но длине её периодов и выбору слов позавидовал бы даже великий бородатый классик. Акса, страшно ругаясь, осиливала те отрывки, где речь шла о даре стражниц, о замках или о «муравьином льве». Многие из того,

что она могла там прочитать и перевести матери и сестре, поразительным образом не согласовывалось с тем, что они привыкли считать неоспоримой истиной. Но что это значило? Скорее всего то, что их семья вовсе не являлась достойной хранительницей традиции и не сберегала знания неизменными в течение многих поколений. Наставница матери когда-то сказала ей, что закрывательницы большой силы не рождались уже больше трёхсот лет. Самой сильной закрывательницей, способной «закрыть» человека, была Эвелин Хейли из Великобритании, и она никогда не практиковала свой дар на путешественниках. Только на обычных людях, чтобы защитить их от «толчка». Второй по силе была Йилдыз, и эта могла «закрыть» даже сильную путешественницу, но, откровенно говоря, такое случилось всего один раз, и всё стамбульское сообщество ведьм очень старалось не допустить второго. Йилдыз могла бы закрыть и город, найди она путешественницу, стражницу и толкачку нужной силы, но у неё не было такой необходимости. Кроме того, Йилдыз была достаточно умной, чтобы обратить страх окружающих не в ненависть, а в авторитет.

Олеся оглядела присутствующих. Все они думали, что в Стамбуле у Сони есть агент, и все они считали, что это не Йилдыз. Ни к чему было той так подставляться. Но кто-то узнал и рассказал Соне про блог, про условный знак, про «тетрадь». Кто-то напал на Светку в Мадриде. Кто-то пугающе близкий к ним.

— Итак, что мы имеем, — говорила Елена. — Судя по записям, и я так понимаю, ваши сведения это подтверждают, если тело замка не погибло в момент запечатывания, то есть шанс разрушить канал и вернуть его, так сказать, душу обратно.

— Это не душа, — поморщилась Ёзге, — Аллах, вы как дети. Личность это Энергоинформационная матрица.

— Ёзге, дорогая, — Елена вздохнула, — У меня высшее образование в области математики и кибернетики. Я вот это — она постучала указательным пальцем по странице, — Четвёртый месяц катаю в голове, и так и не смогла уложить. А писала это тётка, которая всю жизнь занималась вбиванием в детские головы луча света в тёмном царстве и прочих лишних людей. Она таких слов не знала вообще никогда.

— Что за лучи? — изумилась Ёзге.

— Не обращай внимания, это цитата, — сказала Олеся, — Это из русской литературы. Неважно! Лучше объясните мне, пожалуйста, как нам разрушение канала поможет Светку вернуть?

— А это просто, — кивнула Елена. — Соня самую малость просчиталась. Твой муж, — она повернулась к Насте, — Во-первых, он должен был умереть в момент запечатывания. Не имею понятия, почему он выжил. Может, у него столько сил, что хватило с избытком, может, ты лопухнулась, и не совсем точно закрыла оболочку, но остался... ну, тут Нора пишет про такую возможность, что может остаться... — она поискала глазами строчку, быстро придавила букву, точно мошку:

— Вот! Так. «...возможность сохранить волокно, которое, пронзая Изнанку, послужит достаточным средством связи персоны замка с его биологическим телом. Этот приём требует дополнительных усилий от толкательницы, повышенной точности координации и удачного состояния карты вероятностей. Его применяют крайне редко; в сущности, в прошлом известны только два таких случая, и в обоих необходимость сохранить...» — дальше неважно. Суть в этом. Там ниже технические подробности, описанные замечательным метафорическим языком, который я не понимаю. А вот она — Елена

кивнула в сторону Насти, — Должна понять.

Настя вздрогнула и выпрямилась — на неё опять смотрели все собравшиеся за столом.

— Соня говорила, что моем мужу ничего не грозит. И... технически он... он ведь жив, так? Возможно, она изначально...

— Планировала оставить связь? — Елена смотрела на неё насмешливо, остальные — с сочувствием. — Вот уж вряд ли. Вы с ней виделись после этого?

— Несколько раз... — Настя принялась теревить салфетку, глядя на свои руки. Надо же, заусенцы. Откуда? Вроде бы, всегда следила за ногтями...

— И что? — нетерпеливо спросила Олеся. Эта рыжая бесила Настю даже сквозь глухую усталость и отчаяние, навалившиеся чудовищной тяжестью.

— Мы мало разговаривали. Она сказала — отдохни. Всё образуется. Сказала, что Сашка получил...шок. Но это ничего, это пройдёт... Сказала — ещё увидимся, продолжим... А он... — Настины глаза в очередной раз налились слезами.

— А он в кататонии четвертый месяц, — закончила за неё Елена. — Ладно. Ситуация простая. Откроем Нижний — твой муж очнётся. Не откроем — будет овощем до конца дней своих, а конец при нашей медицине наступит быстро. Тогда у города будет очень озлобленный и не вполне вменяемый замок, потому что, в отличие от здешних, его заманили в ловушку неподготовленного и без согласия. Ровно то, что нужно Соне, я полагаю.

— Я не понимаю, зачем ей? — спросила Ёзге. — Мы полагали, что ей надо лишить местных возможности использовать дар. Так она может накапливать поле возможностей и в перспективе продлевать себе жизнь сколько угодно. Если замок будет убивать ведьм, это будет ей невыгодно.

— Это тебе только так кажется. — Елена снова потыкала в страницу. — Нора интересовалась закрытыми городами. Сейчас их в мире два, не считая наш свеженький. В обоих из них «наших» феноменально много. Угадай, почему!

— Дети, — сказала Акса.

— Умница, девочка, — Кивнула Елена, — Минус очень большое количество странных несчастных случаев, исчезновений и смертей на ровном месте. В остальном мире «наши» девочки имеют довольно большие шансы не дожить до разумного знакомства со своим даром, и, что прискорбно, выявить их так рано почти нереально. Поэтому если даже замок будет откусывать по десятку голов в год, Соне естественного прироста на много лет хватит.

Настя зажмурилась и прошептала:

— Блин, чего вы несёте... Вы же ужас что несёте...

— Ага, — сказала Олеся, — Смотри-ка, пробирает её. А ты думала, это всё игрушечки?

Настя очень по-детски потёрла глаза кулаками и неожиданно сказала:

— Он ведь ничего не понял. Разговаривал со мной так, как будто мы, ну, в нормальном мире. Только его почему-то не выпускают из больницы. А сам он, опять же, почему-то, не может выйти. У него там... как будто иллюзия.

— Не как будто, — Елена аккуратно закрыла «тетрадь» и сложила на ней руки. — Отличная иллюзия, да, Ёзге?

— Замки делают, что могут. Разговаривают с ним, пытаются объяснить. Но он мужчина, это уже проблема, и он отказывается пускать их глубоко в неречевые слои, а на речевом уровне никто из них не может. Там самой молодой почти триста лет, английского даже при жизни не знали, тем более русского. — Ёзге вздохнула. — Так что остаётся только создавать иллюзию и пытаться воздействовать через неё. Но поскольку он не умер, то личность

сохраняет связь с биологическим мозгом. Проще говоря, он частью себя ощущает, что происходящее нереально. От этого только хуже.

— Но мы же можем что-то сделать? — Настя протянула руку по столу, лишь чуть-чуть не дотянувшись до «тетрадки». — Там же есть... написано?..

— Есть, — Елена погладила книгу, — И насчёт Светки тоже нашли зацепку. Это то, что у нас во-вторых. Дело в том, что ты её вышвырнула как бы дважды. Физически ты её кинула в Туда, и очень качественно, практически за границы тяготения. Это бы ещё полбеды, она бы там поболталась пару недель, но её бы всё равно втащило в общее поле. Но ты ещё и выкинула её на Изнанку. Ну, ту часть её, которая... как там Ёзге сказала?

— Энергоинформационная матрица, — ответила с готовностью Ёзге. — Никогда бы не подумала, что такое возможно. Это тебя Соня научила?

— Соня, — Настя уныло кивнула. — Она меня на себе как-то тренировала. Я бросала и чувствовала такое... как бы раздвоение. Но у Сони особая защита, и её двойники сразу как бы... соединялись. Словно на резинке. Она объяснила, что кроме неё таких больше нет, и что если так кинуть обычного человека, то две части оторвутся совсем. И человек останется в Там насовсем.

— В общем, так бы и было, но вот ирония судьбы: не надо было Соне брать твоего мужа в качестве батарейки.

— Почему?

— Вы же все думали, что он к твоей сопернице давно и прочно охладел, правильно?

— Ну, они много лет не виделись, — Настя снова уставилась на свои руки. Она почувствовала внезапный болезненный укол ревности, и тут же — стыда за неё.

— Так-то да, — сказала Елена, сделала паузу и неохотно продолжила, — Но, извини, что я это говорю, первая любовь — большая сила.

— Но он же не знал, что она там? — удивилась Настя.

— Не знал. А в резонанс вошёл, тем не менее. — Елена открыла книгу, полистала немного, потом повернула к Насте и сказала:

— Нижний абзац, читай там.

Настя, кое как продираясь через незнакомый почерк, прочитала несколько предложений. Посидела, тупо глядя в страницу. Вернулась к началу, прочитала ещё раз. Её бросило в жар. Она подняла взгляд на Елену и спросила, ошарашенная осознанием:

— Значит, это он её держит?

— Получается, что так.

— Не по своей воле, конечно, — сказала Ёзге, и Настя преисполнилась благодарности за эти слова. — Резонанс произошёл только потому, что когда-то она оставила серьёзный отпечаток на его личности. Он, возможно, успел её узнать, но точно не принимал решения её защищать, или что-то подобное. Просто сработали некие... энергетические паттерны. Соня не учла.

— А что, если он поэтому и выжил? — спросила вдруг Акса. — Случился резонанс, их матрицы соединились...

— Нет, невозможно, — Ёзге покачала головой. — То, что он выжил — это случайность. Повезло. А резонанс произошёл в момент броска, точнее, в тот момент, когда матрица вашей подружки пересекла границу Изнанки. Круги пошли, наверное, по всей обозримой реальности.

— Так что делать-то? — спросила Настя.

— Что-что, — Елена вздохнула. — Возвратиться в Нижний и пытаться взломать канал, параллельно отбиваясь от твоей наставницы. Которая узнает о нашем появлении в тот же момент, и явится, причём не одна.

— Вы тоже будете не одни, — сказала Ёзге, вдруг улыбнувшись. Если бы это не было абсурдно, Настя решила бы, что турчанка с радостью предвкушает заварушку.

Глава 59.

Любой самый хороший план обязательно будет с дыркой. Причём, дырка будет на самом видном месте, и до поры до времени все будут смотреть на неё в упор и не замечать.

Их дыркой оказалось физическое состояние «замка». Они-то собирались быстро и тихо вломиться в больницу, забрать страдальца и перекинуть его в квартиру.

— В смысле, прямо в палату? — изумилась Настя.

— Ты же супер-толкачка! — воскликнула Олеся. — Сама же говорила, что чуть ли не на полметра можешь толкнуть. Или точно куда-то.

— Мне для этого нужно точно знать, куда, — объяснила Настя.

— Ты же там была много раз, в чём проблема? — спросила Елена. Они все, было потеплевшие к ней, моментально снова напряглись, и опять смотрели подозрительно и холодно.

— Я же не думала, что мне придётся туда кого-то толкать, — Настя пожалала плечами. — Я примерно представляю расположение корпусов, коридоры, но в палату... А если там кто-то будет? Медсестра или врач? Родственники больных? Надо чтобы сначала кто-то побывал там и проверил.

— Время, — сказала Ёзге. — Как только мы окажемся в твоём городе, Соня нас почувствует, и пойдёт отсчёт. Ей понадобится максимум полчаса, чтобы собрать помощь и явиться к тебе.

— Полчаса — это куча времени, — ответила Настя. Её вдруг захватил необъяснимый подъем, ощущение, что сейчас главное — не мешкать, действовать. — Я могу толкнуть Олеся к корпусу, или даже... — она замолчала, прикидывая, вспоминая. — ...даже, думаю, в холл нужного этажа. Она зайдёт в палату, убедится, что свободно, позвонит нам. Тогда мы с Карой перекинем остальных. Последней Кара толкнёт меня...

— Минут десять на это, — отметила Елена.

— Берём Сашку, я перекидываю всех к себе...

— И остаёшься в больничке, — насмешливо сказала Елена. — Кара-то осталась в Стамбуле и помочь не может.

— А... — Настя уставилась на неё. — А как тогда?

— Есть другой вариант. — Елена положила ладони на книгу. — Только сомнительный.

— Лучше позвать ещё одну толкачку, — сказала Ёзге, — У нас есть девочки, которые помогут и вопросов особо задавать не будут.

— Всё равно кто-то останется в больнице, это значит, кого-то мы поставим под угрозу. Нижний — город Сони, я даже думать не хочу, сколько у неё своих «девочек» везде.

— То, что написано в «тетрадке» — опасная сомнительная вещь. Я об этом раньше не слышала никогда, и никто из наших, я думаю, не слышал.

— О чём? — спросила Настя. Все остальные сидящие за столом женщины и девушки тут

же вздрогнули, поёжились. Как будто на них подуло холодным ветром, они одёргивали одежду, натягивали на запястья рукава, шевелили плечами.

— Ведьмин круг, — сказала Елена. — Суть там в создании связи через Изнанку. Похоже на то, что вы делали, когда закрывали. Только там вы стащили все возможности, до которых дотянулись, сняли все избытки и выгребли все силы. А тут надо брать развёртку только по присутствующим лицам и создавать круговой замкнутый канал. Потом толкачки, держащие круг, толкают, и их самих этим кругом подхватывает.

— А такое вообще возможно? — с недоверием спросила Настя.

— Теоретически ничто не противоречит. Вопрос последствий. — Ёзге вздохнула. — Это, в общем, похоже на запрещённую технику. То есть, последние лет сто все соглашения учитывают, что использовать подобное нельзя.

— Почему? — Настя почувствовала, как её воодушевление и надежда спадают. Она посмотрела на Елену, на Олесю. На близняшек. Они все отводили взгляд, как будто она задала очень глупый или неприличный вопрос.

— Соня не объясняла тебе, что происходит с той частью человечества, которое попадает под массовые манипуляции? — спросила Ёзге.

— Нууу... — Настя задумалась. — Общее снижение вероятности благополучных исходов будет, но небольшое. Забираются ведь все крайне маловероятные события, типа монетка на ребро. На общем фоне...

— Увеличение количества суицидов почти в три раза за следующий год, — сказала Ёзге. — Пик придётся на осень, сейчас ещё ничего не заметно. Реализация крайне маловероятных исходов наиболее редких событий. Сто раз переходил на красный, и ещё бы мог много лет бегать, но реализуется, например, упавший дорожный знак. И, напротив, какие-то события с очень высокой вероятностью не реализуются, хотя должны были. Погибнут здоровые новорожденные, кончатся плохо рутинные операции... и прочее.

— Монетка на ребро, — пробормотала рыжая, — Это ж не люди вокруг, а так, монетки...

Настя поняла, что не может сейчас переваривать ещё и это. Она усилием воли отодвинула ужас и чувство вины и спросила:

— А в случае с кругом?

— А в случае с кругом скорее всего всю тяжесть нереализованной возможности примет на себя кто-то из участниц, — ответила Елена. — Предсказать кто невозможно.

Несколько минут они сидели в молчании. Вокруг негромко беседовали люди, деликатно позвякивали чашки и стаканы, шумел кофейный аппарат и краны с газировкой. Настя сидела, положив руки на колени, и не могла начать думать. Ей надо было выстроить понятную схему в голове: делаем так, будет так; вместо этого она сидела и смотрела на гладкий пластик столика, а в голове было гулко и пусто.

— Итак, — подала голос Ёзге. — Ты можешь не согласиться, тогда тебе придётся сидеть здесь, в Стамбуле, и ждать, чем дело кончится. Или ты идёшь с нами, увеличивая вероятность успеха и... рискуя так же, как мы. В первом случае выбираться и разгребать будешь сама, потому что мы тебе помочь не сможем.

— Да уж, — фыркнула Олеся, — нам явно будет не до этого. Хорошо, если живыми ноги унесём.

— Зато во втором мы имеем шанс упаковать Соню и отделаться небольшими сложностями. Всё-таки, ты в своём роде уникам.

Настя посидела ещё немного, потом заставила себя поднять взгляд и сказать:
— Ладно, давайте попробуем.

Ничего сложного не было в создании круга. Настя, начав строить развёртку и поймав от Олеси сеть, тут же почувствовала, что могла бы сделать это и для куда большей группы женщин. Рядом ощущался вклад Кары, и Настя позволила ей вплетать свои нити и ставить узлы, но только потому, что помнила: вся тяжесть отдачи упадёт на кого-то одного, и чем больше участниц, тем меньше вероятность лично для неё.

Они сидели прямо на траве в незаметном уголке парка Гюльхане, куда пришли из кафе. С одной стороны их заслоняла группа кипарисов, с другой — круглая чаша фонтана, с третьей кусты. Ещё одной стороной полянка выходила на прогулочную дорожку, но люди, неторопливо идущие туда и сюда мимо, не обращали внимания на сидящих тесной группой женщин. И никто не заметил, как в какой-то момент воздух вокруг них словно сгустился, поплыл, искажая линии, вздрогнул — и всё стало как раньше, только на полянке уже никого не было.

— А, чччёрт! — первой выругалась Елена, вскакивая с мокрого и грязного асфальта. Они оказались во дворе, сидящими, как и в исходной точке, только теперь у них под ягодицами была не свежая травка, а грязь и остатки льда. Остальные, чертыхаясь, поднимались, а Настя уже тащила Елену к открытой двери служебного входа.

— Давайте скорее, тут лифт. Грузовой, на нём каталки возят!

Они набились в огромный старый лифт, заполошно дыша и, кажется, слыша, как возбуждённо стучат сердца. Массивные двери с выматывающей неторопливостью закрылись, кабина дёрнулась и медленно поползла вверх. Настя быстро говорила, задыхаясь и отпыхиваясь, точно бежала:

— Пятый... этаж! Выйдем и сразу налево... там туалеты! Кабинок несколько, прячьтесь все... Кроме Елены. Мы с тобой... ффффу, чёрт, — она провела руками по лицу, сделала глубокий вдох-выдох и чуть спокойнее сказала:

— Мы с тобой дойдём до палаты. Если что, меня там знают. Там рядом сестринский пункт, если никого не будет, стащим пару халатов. Если дежурная — она сама нам халаты даст, тут так положено. Если в палате никого, Елена останется, а я вернусь к вам.

— А если на посту дежурная, надо будет её отвлечь? — спросила Ёзге. Тут лифт, подёргиваясь, встал, и Настя быстро сказала:

— Так, пошли!

И они пошли. Им повезло, время посещения как раз заканчивалось, по коридору на выход шли люди, дежурная с поста разговаривала с какими-то женщинами, медленно идя по коридору в сторону лестницы. Настя и Елена подошли к посту, Настя наклонилась и уверенно, точно так и надо, вынула из стеллажа пару халатов. Надевая их на ходу, они направились к нужной палате.

Там было тихо, пациенты лежали на своих койках, попискивала какая-то аппаратура. Настя подвела Елену к одной из коек, развернулась и уверенным, широким шагом пошла обратно. Елена проводила взглядом подпрыгивающие на спине подсохшие кудряшки и перевела взгляд на пациента.

Сначала она просто рассматривала его, удивляясь, что ради такого невзрачного мужчины одна идиотка пыталась убить другую, а потом до неё дошло.

На мужчине была пластиковая маска с трубками. В его левый локоть был вставлен порт

и подключена капельница. Какие-то проводки шли из-под одеяла к аппарату, помещённому в головах койки.

— Твою ж мать, — сказала Елена, осознавая, с чем придётся иметь дело, и тут в палату ввалились остальные.

Глава 60.

Несколько секунд они стояли и глазели. Видимо, соображали ровно то же, что первой поняла Елена: им придётся вынуть все эти трубки и отключить от аппаратуры человека в бессознательном состоянии. Это тут же спровоцирует сигнал тревоги...

Первой собралась Ёзге. Она обошла Елену, взялась за капельницу, прикрутила колёсико. Аккуратно вынула иглу, отодвинула стойку. Легкими движениями стряхнула в ноги одеяло, осмотрела подключённые проводки. Повернулась к остальным:

— Придётся строить круг как есть. Замкнёте его между двум толкачками, он в таком состоянии будет всё равно что гиря на ноге. Я буду держаться за Кару одной рукой. Когда канал станет устойчивым, сниму с него маску. Скорее всего, меня откинёт, но необязательно. В любом случае, там вы и без меня справитесь, главное, его вытащить.

В коридоре слышались шаги, кто-то прошёл мимо палаты, потом вернулся. Они лихорадочно схватили друг друга за руки, потянулись к уже знакомому состоянию единства, помогая Насте и Каре тянуть нити и вязать узлы. Ёзге держала руку на маске. В последний момент дверь в палату рывком открылась, и медсестра с поста возмущённо закричала:

— Вы что тут творите! Вам кто позволил?!

Канал зазвенел, как струна, и Настя толкнула. Проваливаясь в обморочную мусть прыжка, она успела почувствовать, как Ёзге отшвырнуло в сторону.

Медсестра, которая только что видела перед собой толпу незнакомых тёток, хватавшихся за бессознательного больного, вдруг поняла, что кровать пуста, и в палате осталась только одна женщина, которая почему-то отлетела ей под ноги и плюхнулась с болезненным вскриком.

— Вы... что творите... — прошептала медсестра, пятась к выходу.

Женщина повозилась на полу, медленно поднялась и, отпихнув медсестру, выбежала в коридор. В несколько прыжков она добежала до дежурного поста, заглянула под стойку и выпрямилась с канцелярским ножом в руке. Медсестра как будто почувствовала, что сейчас произойдёт, но не успела и пискнуть: женщина полоснула себя по подушечками пальцев, вскрикнула... и исчезла.

Медсестра схватилась за косяк. До неё дошло, что позади истошно орёт сигнал контроля ЧСС, на который вдруг перестала поступать информация.

Настя попала почти ювелирно. Полметра в сторону, и кто-нибудь убился бы об стену или влетел в стол. Единственное, чего они не учли — это высоты кровати, и их несчастный «замок» грохнулся на пол с высоты метра. Настя завопила и упала на колени рядом с ним, но в этот момент дунуло воздушной волной и в коридоре возле них появилась Ёзге: одна рука в крови, в другой зажат канцелярский нож.

— Ничоси, — сказала Елена, нервно хихикая.

— Очень плохой триггер, — сказала Ёзге, — Зато умею брать след.

— У нас примерно двадцать минут, — сказала Олеся, — Соня нас почуяла, но она неблизко, и рядом с ней нет никого для помощи. Кара, Акса, готовы?

— Мы-то да, а эта курица чего? — Акса шагнула к Насте, толкнула коленом, — Давай, дура! Время мало у нас!

Настя медленно встала, не в силах оторвать взгляд от лица мужа, по которому стремительно разливалась синеватая бледность. «Он же умрёт», — думала она панически, — «Они же не понимают! Он умрёт!»

— Быстро, балда, он же щас кони двинет, — Елена схватила её за плечи и затрясла, — Помнишь, что разбирали по тексту?

— Д-да, — Настя вытянула перед собой трясущиеся руки, — Д-давай-те...

Они в ответ потянулись к ней все. Это было лишнее, она хотела сказать — это лишнее; ей нужны были только Кара и Акса, но остальные не спрашивали. И когда она закрыла глаза и увидела канал, то поняла, что не может их прогнать. Ей предстояло найти узел и порвать его; Акса держала сетку, Кара стабилизировала поле, но все остальные — они как будто положили руки ей на плечи и вдохнули уверенности. Той самой, которой у неё самой не было вообще.

Настя задержала дыхание и прошлась вниманием по сияющему полотну, прошитою зелёной нитью. Возможности и варианты всасывались в жерло канала, почти ощутимо создавая тягу. Настю словно всё время куда-то сносило, сбрасывало оттуда, где она чуяла нужный участок. Она сосредоточилась и наконец нашла узел. Потянулась к нему, взялась. Почувствовала у себя в голове бестелесное: «Взялись, девочки». Как будто она тянула канат, и за ней встали ещё несколько человек.

Узел подался сразу. Настя перехватила освобождающуюся нить, чувствуя, как Кара и Акса ловят взвившийся сияющий лоскут, как все остальные подпирают их, помогают подхватить и перенаправить потоки отдачи от разрушающегося канала. Потом они начали выпадать из пространства возможностей, одна за другой, и огни стали гаснуть, и сияющее полотно свернулось и утекло куда-то прочь. Настя осталась в темноте, вне пространства и времени, с одной светящейся зелёным светом нитью, уходящей неизвестно куда. Она попыталась потянуть, но это ничего не дало. Тогда она намотала конец нити на руку и двинулась за нитью, подхватывая и наматывая, делая не-шаги по не-пути. Понимая, что это не более чем образ, который создаёт её мозг из неизвестного и невероятного.

Она шла и думала, что, возможно, всё зря, и у неё ничего не выйдет. Хотя бы потому, что она даже не знает, что именно у неё должно получиться. Она шла, думая о том, что, наверное, то, что она ощущает как время, на самом деле — вовсе не время. И пространство вовсе не пространство. Это было не Там, и не Изнанка, это было какое-то нигде, через которое тянулась нить. «Ни там, ни тут, — думала Настя, — мне бы уже куда-то сюда или туда». «Так ты определись, сюда или туда», — возникло в голове. Настя остановилась, сжала нить сильнее.

«Ты?»

«Смотря кого ты имеешь в виду».

«С...Света?»

«Ага»

Настя поняла, что там, куда она «смотрела», вдалеке, у конца нити, что-то есть. Она подёргала, и там обозначилось какое-то движение.

«Я к тебе», — сказала она. И тут же оказалась...

На берегу.

Они стояли на вершине очень знакомого откоса. Перед ними был закат, разлившийся по дальнему берегу и небу над ним. Настя осторожно проследила взглядом за нитью в своей руке — та провисала почти до земли, потом поднималась и уходила в Светкину спину между лопаток.

«Пойдём обратно», — сказала она.

«Незачем», — ответила Светка. «Тут хорошо»

«Пойдём обратно», — повторила Настя, — «Там тебя ждут».

Светка не ответила. Она стояла в свободной, расслабленной позе, сунув большие пальцы за шлёвки джинсов. Лицо у неё было очень спокойное, гладкое и мягкое, как у ребёнка. На нём лежал тёмным золотом отсвет бесконечного заката. В глазах отражались крошечные солнышки, волосы и брови словно припорошило золотой пылью.

Настя поняла.

«Красивая иллюзия», — сказала она, — «А тушка твоя тем временем болтается Там. Как только я отпущу эту фигну» — она подёргала за нить и Светка наконец оторвала взгляд от заката, — «Ты тут же окончательно свалишься на Изнанку, и твоё тело погибнет».

«Ну и что», — Светка смотрела всё так же спокойно, чуть сонно. — «Изнанка красивая. Тут спокойно».

«Дура!» — Настя вдруг ощутила, что начинает увеличиваться, расти, нависать над Светкой. — «Это не Изнанка, это иллюзия! Ты завязла возле границы, потому что тебя Сашка нечаянно зацепил! В Изнанке нельзя быть, она тебя сразу разрушит без связи с телом!»

Светка попятилась, откос под ними вдруг провалился, исчез, и Настя осознала себя висящей в огненном шаре со всех сторон окутавшего их заката. Светка словно ещё уменьшилась, сжалась, попыталась потеряться, но Настя даже не думала отступить. Она дёрнула нить и схватила крошечное тёмное пятнышко на её конце. Потом там, среди этого нереального закатного сияния, которое существовало только в её голове за закрытыми глазами, она закрыла глаза ещё раз и позвала:

«Вытащите меня отсюда».

И её вытащили.

Она открыла глаза и на неё тут же обрушилась суета, голоса, движения. Она хотела сказать им всем, чтобы заткнулись, потому что от их ора голова болит, но тут желудок поднялся к горлу, и она успела только повернуться набок.

За весь этот нескончаемый день у неё в желудке побывала только дурацкая газировка из Старбакса, поэтому сейчас она смогла только стошниться небольшим количеством желчи. Приступ прошёл так же быстро, как и начался, и она кое-как смогла сесть. И тут же увидела, что в шаге от неё корчится в таких же рвотных спазмах несчастная Светка, у которой в желудке всё ещё был кофе четырёхмесячной давности, выпитый в Мадриде, в кафешке. В остальном, как вдруг осознала Настя, стало тихо.

Тут же сидела на полу Ёзге, зажав порезанными пальцами полотенце.

— А где... — начала Настя.

— Сейчас отнесут твоего мужика обратно в больницу, и вернутся, — сказала Ёзге. И добавила, увидев выражение Настиного лица:

— Нормально всё.

Настя отползла к дивану, оперлась об него спиной, подтянула колени к груди. Ей бы хотелось радоваться, но она понимала, что ещё ничего не закончилось. Где-то там приближается Соня. Что-то надо будет делать...

Упругий вихрь воздуха ударил её в лицо, четыре фигуры возникли посреди комнаты. Под ногами вякнула Светка — кто-то встал ей на руку. Ведьмы отпустили руки, младшие тут же бросились к Ёзге, заговорили одновременно, принялись вытаскивать из карманов бинты, какие-то тюбики и бутылочки. Рыжая присела возле Светки, помогая ей сесть.

Елена подошла к Насте, опустила перед ней на корточки и спросила:

— Ну, ты как? Есть ещё порох в проховницах?

— И ягода... в ягодицах, — ответила Настя ей в тон. — Только башка болит.

— Придётся потерпеть, — Елена подняла руки, потёрла лицо. — У меня тоже как с бодуна, пипец просто. — Она повернулась к Олесе, спросила:

— Леськ, что там с Соней?

— Отлично всё, — Олеся встала, подошла. — Девчонки её удачно отдачей зацепили, большого вреда не причинили, но обзор возможностей у неё теперь нулевой. И нас она пока не видит. А я её — да, поэтому надо ноги в руки и менять дислокацию, пока преимущество. Ёзге!

— А? — старшая ведьма поднялась с поддержкой дочерей.

— У нас одна попытка, правильно?

— Да. — Ёзге выглядела хуже всех. Оливковая кожа посерела, губы стали почти фиолетовые. Её не тошнило, но она явно чувствовала огромную слабость. Близнецы одинаковым встревоженным движением поджали губы и подняли брови. Акса сказала что-то тихо на турецком.

— Ой, Аллах великий, — Ёзге сморщилась, качнула головой. — Мне не сто лет, дурочки. Переживу. Как ваша путешественница?

Светка сидела на полу, обняв руками колени, и смотрела в пустоту.

— Ничего, она оклемается, — бодро сказала Олеся. — Тушка цела, мозги на месте, с остальным потом разберёмся. Я её чувствую, всё почти в порядке.

— Хорошо. — Ёзге похлопала дочерей по спинам, и они тут же её отпустили. — выходим.

Никакой эпической битвы не вышло. Соня была очень старой, очень мудрой паучихой, но волна отдачи, которой её накрыло при снятии замка, отняла у неё главное, на что она прежде рассчитывала в любой ситуации. Поле возможностей, сеть вероятностей, пространство, в котором она всегда плавала, как рыба в воде. Она так привыкла видеть все варианты развития событий на десять ходов вперёд, что сейчас почувствовала себя практически слепой. Она могла бы призвать «своих», но не могла даже дать им внятное задание. Она вдруг оказалась посреди своего города не хозяйкой, какой давно привыкла себя ощущать, а обычной женщиной средних лет, одинокой, растерянной и сбитой с толку. Собравшись и сказав себе, что ей в любом случае не смогут причинить никакого вреда, она пошла туда, где был разрушенный канал. В трёх дворах от цели, в арке между домами, они взяли её в клещи и тут же перенесли действие Туда.

Этого она не ожидала. Они мгновенно соединились в кольцо. Она не видела такого кольца уже лет двести, после того как собственноручно уничтожила всех последних умелиц. Она попыталась сбежать, покинуть умозрительное пространство, выключить мысли и

сбежать физически, пока ведьмы в реальном мире стоят, замерев, устремив внимание в пространство представлений.

У неё ничего не вышло. Ей банально подставила подножку та самая путешественница, недобитая деталька закрывающего купола, которая должна была исчезнуть, намотанная на канал. Она шагнула к упавшей женщине и села ей на поясницу, завернув обе руки за спину. Сказала равнодушно:

— Пакуйте её уже.

Что-то такое они сделали с Соней Там. Что-то такое, что, поднятая на ноги в реальном мире, она просто стояла и бессильно смотрела, как они снова собираются в круг и образуют кольцо, утаскивая её за собой как бессловесный багаж.

— В Стамбул, — крикнула рыжая девица напоследок.

Светка стояла, сунув пальцы за шлёвки джинсов. Под расстёгнутый кожаный плащ задувал весенний ветерок. Солнце заглядывало в арку, рисуя золотистый полукруг в шаге от носков её ботинок. Светка стояла и не могла понять, что ей делать, куда идти, зачем. Ей хотелось вернуться на откос, к бесконечному закату, который постоянно менял оттенки и плавился облаками, но никогда не кончался.

«В Стамбул», — крикнула ей, исчезая, рыжая круглощёкая девушка в спортивном костюме. «Я её знаю», — отстранённо подумала Светка. На солнце напоззло облачко. Ветер пробежался прохладными пальцами по затылку, взъерошил волосы. Светка подняла руку, провела по голове. Рука, волосы. Холод воздуха, тепло солнечного света. Прядки волос, щекочущие между пальцами.

Она опустила руку и сделала пару шагов из арки, навстречу свету и ветру.

— В Стамбул, — сказала она тихо. Постояла ещё немного и исчезла.

Глава 61.

— Платить по счетам, закрывать долги, давать сдачи и прочее.

Удивительно, но они опять сидели в «Старбаксе». Шесть и ещё одна, сидели и ждали.

— Платить по счетам, — Ёзге повторила медленно, не отрывая взгляда от той одной, которая сидела, замерев неподвижно, положив ладони на колени, глядя в столешницу перед собой. Крепкая невзрачная женщина лет сорока или чуть старше. Безвкусно и обычно одетая: мешковатые джинсы, свитер с объемными косами какого-то неприятного серовато-зелёного цвета, чёрные кроссовки. Волосы, стриженные шапочкой, чуть выются на висках и у шеи.

Её усадили на подтянутый к столику дополнительный стул, и она сидела — молча, почти неподвижно, иногда медленно моргая.

Шестеро других не могли оторвать от неё взглядов. Младшие раньше её не видели, и им казалось диким и невозможным, что «та самая» опасная женщина, «муравьиный лев» одарённых, паучиха, закрывалка неведомой силы выглядит вот так.

Настя ела Сою взглядом, стараясь не потерять самообладание. Её равно мучила ненависть и стыд.

Олеся просто старалась не впускать в себя то, что Соня излучала. Вокруг этой спокойной на вид фигуры неотвратимо разливалась жажда убийства огромной мощи. Олеся физически корёжило от этого ощущения, как бы она ни отгораживалась. У неё было стойкое чувство, что перед ними сидит крепко связанный хищник. Насколько крепко он связан,

сколько продержатся верёвки? И что делать потом?

«Не убивать же её».

— А почему бы и нет, — сказала Ёзге. — Это была бы отличная уплата по всем счетам.

Олеся быстро посмотрела на неё:

— Я что, вслух это сказала?

— Нет, — Ёзге покачала головой, — Просто мы все сейчас думаем об одном, мне кажется. Смотри сама. Твоя подружка опять струсила и не пришла. Мы её ждём уже почти час, кажется, можно признаться себе в том, что дольше ждать бесполезно. Зато Йилдыз со своими девицами уже близко. Договор... договор я чту. Но что мне толку в договоре? Эта... женщина, — Ёзге сжала кулаки, помолчала, потом продолжила:

— Эта женщина убила мою бабуку. Свела с ума мою мать. Если бы могла — она бы и меня прикончила. У Йилдыз к ней тоже счётёц есть, но она может решить, что живая Соня полезнее дохлой. Зачем ждать?

— А что... — начала Елена.

— Да мало ли, — Ёзге расслабила и снова сжала кулаки. — Неудачно перемещали, стало плохо пожилой женщине... Проверить всё равно никак нельзя. Раз уж первоначальный план...

— Привет.

Они все дёрнулись, близнецы так просто вскочили. Даже Соня медленно повела глазами вбок.

Возле столика стояла Светка, сунув руки в карманы плаща, а возле неё замер с мрачной физиономией никто иной, как Еленин любовник, Али. Он держал в одной руке свой шлем, в другой сжимал пачку сигарет и зажигалку.

— А этот тут зачем? — изумлённо спросила Олеся.

— И правда, — Светка покачалась с пятки на носок, повернулась к Елене. — Лен, ты меня извини. Надо было всё-таки сразу тебе сказать. Это бы избавило нас от многих... неприятностей.

— Али? — встревоженно позвала Елена. Тот не отозвался, стоял всё так же неподвижно, глядя в пол.

— Извини, подруга, он сейчас примерно в той же позиции, что Соня, — призналась Светка. — Я его слегка приморозила.

— К-как?! — изумилась Ёзге.

— Да уж так вышло, — Светка чуть пожала плечами. — Думаю, это временный эффект. Пока я болталась... ну, там. Что-то на меня налипло. Вот, Олеська вам, может, объяснит, она же видит, я думаю.

Они все, синхронно, словно актёры в старой комедии, повернулись к Олесе. Та сидела, приоткрыв рот и вытаращив глаза.

— Лесь? — Елена протянула руку, потрепала девушку за плечо.

— Ёбаный... карась, — сказала Олеся по-русски.

— Да что там? — сердито спросила Ёзге. Олеся сглотнула, потрясла головой и вдруг быстро спросила:

— Светка! Так ты, выходит, сейчас можешь одна всё сделать?

Их взгляды встретились. Светка прикусила нижнюю губу, чуть нахмурилась. Сказала:

— Да могу, конечно. Надо ли?

— Да ты спрашиваешь ещё! — заорала Олеся. На них начали оборачиваться. —

Слушайте! — она чуть приглушила голос, и это теперь звучало так, словно она пытается орать шепотом. — Эта коза драная на себе притащила оттакенный кусок неопределённости с Изнанки! Она вся аж светится, дура такая, её сейчас можно одну на всех ваших противниц выпускать. Она их пальцем раздавит!

— Так, погоди. — Ёзге протянула через стол руки, схватила Олесю за плечи. — Сядь. Спокойно объясни.

Олеся плюхнулась на диванчик. Глубоко вдохнула, медленно выдохнула. Сказала:

— Светка прямо сейчас может открыть город. У неё для этого, грубо говоря, очень большой кусок сырой силы. Мы разве что дорогу покажем, хотя она и без этого справится.

— А Соня? — спросила Елена.

— А Соню можно прямо сейчас скормить ближайшему замку, пока он не освобождён, — сказала Олеся, — До цистерн три шага.

— Там закрыто уже, — с досадой ответила Ёзге.

— Неважно, — сказала вдруг Светка. — От гнезда вы её уже оторвали, она сейчас не сильнее любого обычного человека. Достаточно вытащить её Туда, а там я её лично за ручку отведу.

— Только не здесь, — Ёзге встала, — На нас уже смотрят все. Пошли в парк.

— Погодите, — Елена, в отличие от остальных, помнила ещё кое о чём. — Али тут зачем? Он мужчина, и он ни при чём. — она посмотрела на Светку. — Отпусти его.

— Извини, — снова сказала Светка, — Он «при чём». Это он меня избил. Он за тобой следил, прослушку на телефон поставил и комп читал.

— Это он тебе сам сказал? — изумилась Елена.

— Нет, но это очевидно. — Светка по хозяйски запустила руку в карман куртки Али, вынула его телефон и протянула Елене. — Вот, смотри. Код разблокировки семь-пять-пять-три. Там сразу в эсэмэски заходи и смотри.

Елена схватила телефон, ткнула в разблокировку, набрала код. Нашла на экране иконку с конвертиком, зашла в сообщения и листнула. Переписка с Йилдыз Кайя. Переписка с Йилдыз Кайя. Переписка...

Переписка с С. Измайловой. Ещё одна. Снова с Йилдыз Кайя.

Елена ткнула наудачу в одну цепочку смс-ок. Турецкий текст.

«Успел, всё на месте»

«Завтра забери на утро»

«Получилось, едем на острова до вечера»

«Спасибо, братик. Увидимся»

Елена нажала на отмену, заблокировала экран. Подняла взгляд. Али стоял у их стола очень спокойно, словно только вошёл и не успел поздороваться. Даже чуть-чуть улыбался, глядя прямо перед собой.

— Пошли в парк, — сказала она, — Этого тоже берём. Там решим, что с ним.

Они встали, подхватили под руки Соню (близняшки тут же принялись болтать на турецком весело и громко — что, мол, тётя невесёлая, ой, у тёти мигрень, мама, надо ехать домой). Елена вышла из-за стола, подхватила под руку Али и пошла к выходу — он послушно пошёл рядом с ней, всё так же спокойно улыбаясь.

На улице Олеся пристроилась с другого бока, сказала деловито, но без нервозности:

— Йилдыз со своей группой у Юниверсите, там сейчас людно, и им пришлось к тому же машину бросить на парковке. Но до Гюльхане мы всё равно не успеваем. Давайте подойдём

к цистернам так близко, как можно, там сквер рядом, помните, где скамейка?

— Да, — коротко сказала из-за спины Ёзге.

Елена шла молча, прижимая к боку локоть Али. Она чувствовала запах его сигарет и привкус ментола в его дыхании. Чувствовала, как волоски на его предплечье щекочут её руку. Краем глаза видела завернувшийся край воротничка его белой рубашки, и как уличные фонари отблёскивают на его чёрном шлеме, который он по-прежнему несёт в левой руке. Они шли по людной вечерней улице среди запахов еды, шума и огней, как будто просто гуляли.

Сделать вид, что ничего не было? Он всего лишь мужчина, все эти ведьминские дела его не касаются...

Как же.

Как так вышло, что она не знала?

Пять лет вместе.

А она даже не знала, что Ёилдыз его сестра.

Выходит, с самой первой встречи?..

Они остановились — вот и сквер. Быстро встали в круг, в центр втокнули Соню. Обернулись к ней, к Елене: а ты, мол? Иди к нам!

Она медленно отпустила локоть мужчины и отодвинулась от него на полшага. Спросила, посмотрев на Светку:

— Что ты с ним планируешь сделать?

Та пожала плечами, ответила небрежно:

— Да ничего. За тот случай, когда он меня побил, я с ним уже поквиталась. За то, что он тебя обманывал, сама с ним разберёшься. Я просто хотела, чтобы он, так сказать, на глазах был. Вдали от меня он, скорее всего, в себя придёт и побежит к сестричке.

Елена кивнула, снова взяла Али за локоть и втокнула в круг. Сказала:

— Замки его не тронут, пусть пока тут постоит.

И протянула руки близнецам.

Глава 62.

Я сидела на шезлонге, пристроив на груди чашку тёплого чая. В комнате за моей спиной звучали возбуждённые голоса. Они болтали на нескольких языках, повышаясь и понижаясь, перемежая фразы взрывами хохота.

Чужой праздник.

Я отпила немного остывающего чая и в сотый раз сказала себе, что должна радоваться. Меня выгнали из почти безнадёжного переплёта. Настя снова обрела своего обожаемого супруга.

(Что-то едва заметно кольнуло внутри: «...потому что Сашка тебя случайно зацепил...»). Невероятный и почти невозможный резонанс. *Случайно...*)

Сони больше нет, во всяком случае, в том виде, в котором она представляла для всех опасность.

Стамбул открыт.

Ёилдыз признала, что наши действия были адекватными в нештатной ситуации, и

отказалась от претензий. Её брат цел и невредим, если не считать сломанный мизинец на правой руке. Бывает, упал неудачно.

Олеся вернётся в Россию и соберёт наконец свой местный совет. Из неё такая стражница выросла, ух. Местные её уже уважают, нашим тоже придётся считаться.

Что ж так погано-то.

Стукнули подошвы сабо, прямоугольник падающего из балконной двери света заслонила женская фигура.

— А, ты тут.

Можно было не отвечать. Но я не могу не отвечать. Я в некотором смысле перед Еленой виновата.

— Я тут, — сказала я, села ровно, поставила чашку на столик. — У вас там весело, я слышу.

— Ведьмы и караоке, новое аниме Хайяо Миядзаки, — Елена подошла к перилам, оперлась. Постояла молча. Ночью стало значительно прохладнее, и она почти сразу начала ёжиться и натягивать на себя полы лёгкого кардигана.

— Поговорить хочешь? — спросила я.

— Не то, чтобы очень хочу, — отозвалась она, — Но надо.

— Ну, давай.

Она снова сделала паузу, потом повернулась ко мне, спросила:

— Сигареты есть?

Я вздохнула:

— Откуда?

— А, и точно, — она невесело усмехнулась. — Погоди, сейчас, — и ушла внутрь. Я снова устроилась полулёжа, отпила ещё глоток чуть тёплого чая.

Внутри и правда включили какую-то музыку и начали нестройно подпевать что-то на английском языке.

Елена вернулась через пару минут, поставила на столик две чашки с горячим чаем. На ней выше джинсов уже были не тонкая рубашка и кардиган, а джемпер и ветровка. Она уселась на пол, вынула из кармана ветровки пачку сигарет и зажигалку. Сказала, закуривая:

— Неприятный разговор.

— Удивила, — буркнула я, отставляя чашку с остывшим чаем и берясь за горячую. — Как будто у нас когда-то были прям приятные.

Елена быстро обернулась ко мне. Лицо у неё было такое огорченно-обиженное, что я пожалела о своей привычке острить по любому поводу.

— Извини, — я постаралась придать голосу примирительную интонацию. — Ты же знаешь, я очень тебя уважаю и ценю твою дружбу.

— Заткнись, — сказала Елена, — Мне твоё словоблудие выслушивать неинтересно. Значит так. — она затянулась, подтащила к себе пепельницу, стряхнула пепел, затянулась снова.

— Значит так. Из Стамбула ты уйдёшь. И не будешь тут появляться в ближайшие... долго. И не думай, что можешь свалить к себе домой, в Нижний, и там сидеть. Олеська своего добьётся, и ваша жопа мира тоже будет в общем договоре.

— А я при чём?

— А ты теперь персона нон грата, — сказала Елена. — С одной стороны, ты ничего особенного не сделала. Формально только Стамбул открыла, хотя все более или менее

понимающие в вопросе люди искренне считали, что это невозможно. К тому же, ты не была под действием договора на тот момент. Но фактически ты уничтожила Соню, и теперь тебя, как бы это выразиться... — Елена замолчала, затянулась ещё раз. Посидела, ища формулировку. До меня дошло:

— Они меня боятся?

— Они тебя боятся больше, чем боялись Сони. И в отличие от неё ты действительно непредсказуема.

Я поняла, что вцепилась в кружку с чаем и почти обжигаюсь. Поставила кружку на столик, взяла пачку, выудила сигарету. Закурила. Что-то надо было сказать, но что?

Что я не опасна?

Что я не монстр?

Что я не как Соня?

— Я никого не трогала, — сказала я, — Жила себе, как могла. Путешествовала, рисовала. Писала в блог. Я и не собираюсь ничего менять. Чего тут непредсказуемого?

Елена помолчала, словно раздумывая, стоит ли говорить что-то, или можно промолчать. Но, думаю, она тоже отчасти чувствовала себя виноватой передо мной. Виноватой и очень обиженной одновременно. И не могла промолчать.

— Всё произошедшее случилось по твоей вине, — сказала она просто. — Это ты фактически пробудила по-настоящему Настины способности. Это ты не послушала меня, втянула в дурацкую авантюру, нарушила все возможные договорённости. Вляпалась по самые... уши.

И что тут ответишь? Она была права.

Я молча докурила сигарету, раздавила окурок в пепельнице. Спросила:

— Так что, они теперь все смерти моей хотят?

— Да ну, зачем, — Елена отвернулась. — Просто уходи и живи тихо... Где-нибудь. Не высывайся. Не лезь к нашим. Стоит тебе сейчас начать с кем-то плотно общаться — и к этой кому-то возникнут вопросы. Задержишься в одном месте надолго — тоже возникнут вопросы. Сделать-то тебе что-то мало кто сможет, разве что нервы попортить. Но если будешь вести себя назойливо... Соню мы уgomонили, где гарантия, что и на тебя не найдётся... ведьмин круг?

Она всё так же сидела и смотрела в сторону, туда, где сквозь крону дерева ярко горел уличный фонарь.

Я тоже сидела и смотрела на неё.

Какая всё-таки красивая женщина. Жаль, что она не моя сестра.

Я встала, развернула плечи, разминая спину. Сказала:

— Ладно, тогда пойду, пожалуй.

Елена успела повернуться ко мне и начать что-то говорить, но я просто ушла в прыжок.

Дом на улице Моховой как обычно светил окнами сквозь кусты и берёзы. Только сейчас, в апреле, не шумели листья, а тени на асфальте были паутинно-кружевными от множества тонких веточек. Я постояла, глядя вверх. В бабушкиных окнах горел свет. Я достала из кармана плаща телефон, набрала бабушкин номер. Выслушала положенную порцию возмущения и обиды, и радости по поводу моего долгожданного звонка, и упрёков за молчание, и требований больше не пропадать так надолго. Потом развернулась и пошла

прочь. В проходе между домами, в тени, куда не добивал ни один окрестный фонарь, я снова шагнула Туда.

2015

Тетрадь Норы Витальевны так и осталась у Олеськи. Но у меня осталась другая часть её записей, то, что я когда-то сочла незначительным и бесполезным. Разбираться в беспорядочных заметках и непонятных диаграммах я начала только несколько лет спустя, когда шлейф неопределённости, тянувшийся за мной, окончательно рассеялся.

Не то чтобы мне начали доверять, скорее, привыкли к тому, что я ничего не предпринимаю. Признали за мной некоторое право считаться безопасной. Перестали отслеживать каждый мой шаг... или начали делать это аккуратнее.

После нескольких лет глухого молчания Елена вдруг оставила малозначительный комментарий в моём инстаграме, посвящённом тревелбукам. Мы встретились и смогли найти верный тон, сблизиться до ненапряжного приятельства.

Потом я наконец разобралась, о чём один из блоков записей и диаграмм, и обратилась за помощью к Ёзге.

Та крайне неохотно поделилась своими соображениями.

Тогда я написала Насте.

За прошедшие годы я ни разу с ней не встречалась лично. Когда у них всех появились аккаунты в фейсбуке и инстаграме, я подписалась: и на Елену, и на Олесю, и на близняшек. И на Настю тоже. Близняшки меня проигнорировали, и я, приняв этот ответ, тоже удалила их из подписок. Олеся написала в личку, сообщив, что инстаграмом не пользуется, а для связи предлагает фейсбук. Она, наверное, единственная, кто хотела бы поддерживать со мной более тесную связь, но по иронии именно для неё это было опаснее всего. Мы обменивались лайками, переписывались в мессенджере, чаще по делу, изредка — о сиюминутном, изредка встречались, не забывая время от времени удалять переписку и не увлекаться. Иногда она до ужаса напоминала мне Горгону, хотя выросла совсем в другой среде и выглядела совсем иначе. Что-то в ней было страстное, упёртое и свободное, совсем как в Иришке.

Елена и Настя просто молча добавили меня в ответ. Именно тогда мы начали молча лайкать фотки друг друга как сдержанное свидетельство внимания. «Я здесь, я за тобой слежу». «Я здесь, вижу изменения в твоей жизни».

Но если с Еленой мы в итоге начали иногда встречаться, то Насте мне пришлось писать довольно длинное и подробное письмо, ответ на которое ещё и не сразу пришёл.

В итоге она ответила, конечно. Сколько бы ни прошло лет, она всё равно хотела знать. А я оставалась последней одарённой в обозримом будущем, которая могла и хотела попытаться найти ответ.

Вот так мы обе и оказались в Болгарии, на побережье, в конце лета две тысячи пятнадцатого года, чтобы попытаться прояснить ситуацию многолетней давности.

Я могла взять с собой кого угодно... почти. Настя могла кого угодно кинуть. Я несколько раз проверила диаграмму, местную карту поля, вероятностный расклад и роль триггеров. Снятых у нас обеих, давно мёртвых, но всё ещё имеющих значение триггеров.

Алкоголь и гнев. Суперпозиция толчка и прыжка. След, оставшийся не только Там, но и у Насти в голове. Всё должно было получиться хотя бы потому, что до этого получалось всё, сделанное по записям Норы Витальевны.

Единственное, чего я не сказала Насте — это о точке выхода. Она-то искренне считала, что я не могу ничего сказать заранее, что для меня это тоже будет неожиданность, но я была почти уверена, что это не так.

В тот день, когда Настя толкнула меня впервые — что я помнила?

Вращение, вокруг меня крутился целый мир (я крутилась) — одна половина тёмная, другая светлая. Падение, вращение и холод. Я падала там меньше секунды, но за этот крошечный промежуток времени успела заметить довольно много.

Впоследствии мне пришлось прибегнуть к регрессивному гипнозу, чтобы вспомнить подробности.

Теперь я была готова.

Отдать последний долг и... последний должок. Настя в последние минуты жизни узнает, что стало с её братом, куда именно она толкнула его в гнев, не целясь и не понимая вообще, что делает, а я...

Ну а я, в сущности, могу и не возвращаться.

Мы сидим на остывающем бетоне, на гигантских лапах волнорезных тетраподов, нелепо торчащих во все стороны. Впрочем, сейчас ночь, и тетраподы сливаются в единую мрачную массу, внизу вырастают в море, а наверху едва проглядывают на фоне неба с редкими звёздами.

Тео в последний раз протягивает мне тёплую пузатую бутылку с остатками красного вина. Я беру её аккуратно, не торопясь допиваю содержимое и пристраиваю к себе на колено. Тео молчит, я молчу.

Наконец, она слегка шевелится рядом, словно только для того, чтобы сбросить оцепенение, овладевшее нами обеими.

— Да, — говорю я, — Сейчас пойдём.

— Света, — она вдруг зовёт меня по имени. Это очень странно. С тех пор, как я написала ей полгода назад, она ни разу так не делала. «Эй, ты» было самое большое, на что я могла надеяться. Я её, впрочем, тоже не баловала. Называла её (из желания уязвить) старым форумным именем, которое она давным-давно скинула, как змея старую шкурку. Она ведь уже много лет как была Анастасия Савичева, кандидат физматнаук, автор научно-популярных статей для подростков, ведущая образовательного канала в Ютьюбе, и прочее, и прочее. Писательница буквами, говорительница ртом. Десятки тысяч подписчиков.

— Света, — повторяет она настойчивее, потому что я молчу. Приходится отреагировать:

— Что?

— Зря... извини. Мы зря всё это затеяли.

Не могу поверить ушам. Подо мной с новой силой вскипает волна, вода радостно бурлит между бетонными брусками, точно ждала паузы в разговоре.

— Я ведь тебя немного обманула, — говорит Настя извиняющимся тоном. — Поговорила с Ёзге и... ещё кое с кем заранее.

— Поговорила, ну хорошо, — я прижимаю к себе бутылку. В голове чуть звенит, в глазах плывут огни. Я не боюсь, я смогу прыгнуть пьяная, ушибленная по голове, даже в почти бессознательном состоянии. Но мне совсем не хочется слушать то, что скажет Настя.

— И пришла к выводу, что мне не нужно знать правду такой ценой.

Ха-ха. Кто же из них её просветил? Или сама догадалась?

— Мы тут встречались недавно, — продолжает Тео. Настя. Эта женщина, чтоб её черти взяли. — Я, Елена, Ёзге... Встретились у Олеськи, хотя она орала, как потерпевшая, — Настя чуть усмехается.

— А что так? — я придерживаю бутылку, чтобы не уронить, поворачиваюсь к собеседнице. Она сидит, уперев локти в колени, подперев ладонями щёки. Смотрит на море, на огни.

— Ну, ты будто не в курсе. У неё ПДР на днях, скоро второго родит.

— А, — и правда. Вроде бы даже я об этом знала, но... не придавала значения? Как обычно. Не моё дело же. Не имеет ко мне отношения.

— Одним словом, мы встретились и свели воедино всё, о чём ты разговаривала с каждой из нас.

— Как умно, — говорю я, сама не очень понимая своё настроение.

— Пришлось тряхнуть математикой, — хмыкнула Настя. — Но раз уж ты разобралась, то мы и подавно.

— Молодцы, — я всё ещё силюсь понять, как на это реагировать, но выходит, что — никак. Мне должно быть обидно, что они раскололи мой замысел? Но я не чувствую даже досады.

— Всё-таки, ты так мне и не простила ту попытку, — говорит Настя.

— Не то чтобы не простила... — ну вот как ей объяснить? Можно прощать или не прощать за обман, за измену, за нанесение побоев, наконец. Можно ли простить за то, что тебя выкинули из жизни? Сделали парией, вечным беглецом, человеком без дома, корней и надежды?

— Мы кое-что придумали, — говорит Настя. — Мы провели переговоры. Ты знаешь, британки сейчас готовят проект нового соглашения. Тебе больше не надо будет скрываться. Сможешь осесть где-то, жить нормально, сотрудничать с их научной группой. Это всё пока, конечно, очень закрытая информация, но что я тебе точно могу сказать — они в тебе заинтересованы. Ну и художества свои сможешь продвигать.

«Художества». Вот гадина. Я встаю. Настя тоже поднимается и успевает поймать меня за футболку.

— Да погоди! Ну, извини, неудачно выразилась. Господи, да что ты за человек такой!

— Что я за человек? — я нахожу в окружающей темноте блеск её глаз, с некоторым трудом фокусируюсь на этих влажных отблесках. — А ты сама подумай, что я за человек. Последние десять лет я нигде не жила дольше месяца. Не осмеливалась брать заказы у одних и тех же людей больше двух раз. Не заводила отношения. Я даже кота не могу завести, — я почувствовала, что меня покачивает. — И никто из вас... вы все просто согласились. Удобно же, да? Профит свой с меня поимели... А я просто хотела — со всеми...

— А теперь сможешь, — сказала Настя.

— Что? — она сбила меня с толку.

— Сможешь кота завести, — повторила Настя. — Жить, где захочешь. Работать с кем захочешь. Отношения... и вот это, со всеми...

Я всего на мгновение утратила самоконтроль. Настя успела вцепиться в моё плечо и силой усадить на бетон, но пустая бутылка ускользнула из моих пальцев и смачно хряпнулась где-то внизу.

— Вот чёрт, — сказала я с искренней досадой, — стекло в море — это нехорошо.

— Да хер с ним, — ответила Настя, и я с удивлением поняла, что у неё голос дрожит. Она что, за меня переживает?

— Света, — вцепилась мне в плечо, в руку, трянула немного. — Не надо билетов в один конец. Мы перед тобой виноваты, конечно. У каждой была своя обида, и мы тянули так долго. Ленка всё своего Али ненаглядного не могла простить. Ёзге обиделась, что ты Соню в живых оставила. То есть, не ты, но...

— Я, — киваю, хотя в темноте этого почти не видно, — Без меня замки бы её сожрали полностью.

— В общем, мы все как бы считали, что во всём ты виновата. И... вроде как поделом.

Она наконец осторожно меня отпускает. Садится рядом и говорит осторожно:

— Ещё же не конец жизни, правда? Необязательно вот так...

— У вас не конец, — отвечаю я. — А у меня последнее время всё сильнее чувство, что я чужая... на этом празднике жизни.

Настя молчит, ищет слова, интересно, найдёт ли. Наконец решается:

— Ну какая же ты нам чужая. Ты — наша. Своя. Знаешь... в семье...

— Не без уroda, — охотно подсказываю я. Настя рассерженно выдыхает:

— Уф, да нет же! Я хотела сказать, в семье всякое бывает, но всё равно — свои. Хоть бесит тебя человек до искр из глаз, но ты его всё равно не бросишь. Мы тебя не бросим. Теперь у нас есть возможность тебе помочь. — она хмыкает и неловко добавляет:

— Раз уж мирового монстра из тебя не вышло.

Мы сидим несколько секунд молча, а потом начинаем хихикать. Фыркаем, выпускаем воздух через сжатые губы, быстро вдыхаем и выдыхаем, и наконец, не выдержав, закатываемся самым настоящим хохотом.

Через несколько минут, вытирая с лица слёзы и шмыгая носом, я впервые осторожно думаю, что, возможно, это праздник больше не будет таким уж чужим.

Больше книг на сайте - Knigoed.net